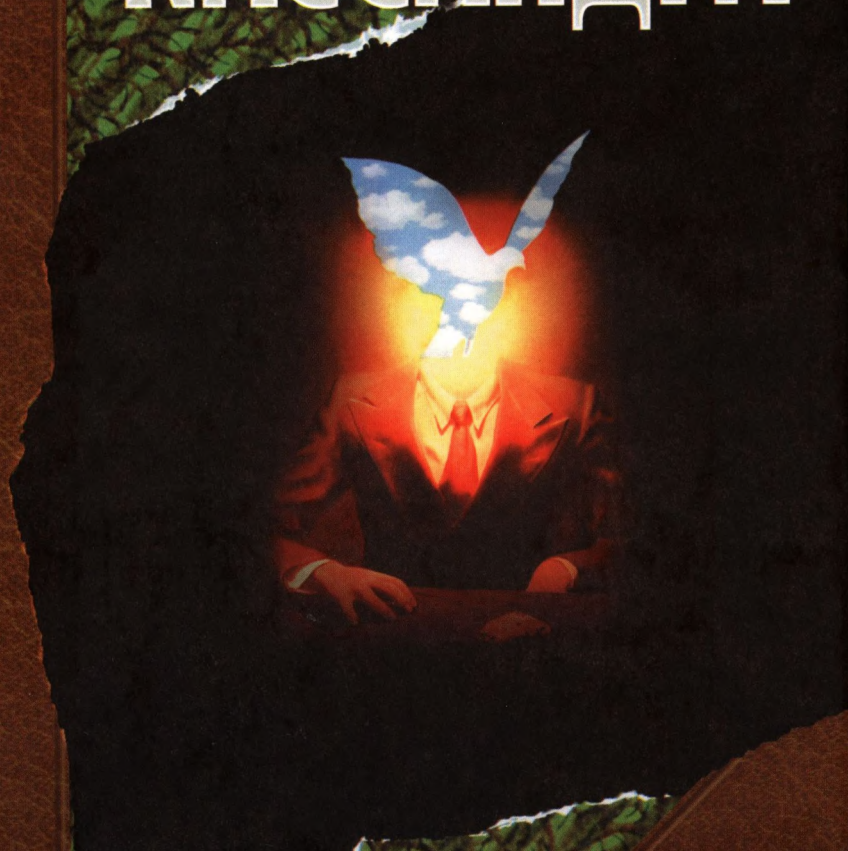

М. ВЕЛЕР

КАССАНДРА

М. ВЕЛМЕР

КАССАНДРА

*Книга о мире,
в котором ты живешь,
и об его конце, —
и о тебе,
в котором живет этот мир,
и о твоём бессмертии.*

Санкт-Петербург
2002

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.07.02.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 21,00. Тираж 20 000 экз.
Заказ 3573.

Веллер М.И.

В27 Кассандра / М.И. Веллер. — Издательство «Фолио»,
2002. — 398, [2] с.

ISBN 5-94966-001-3.

Эта книга подобна очкам: с ней ты начинаешь ясно видеть то, что и раньше было у тебя перед глазами, но не различалось в целостности деталей. Легким и точным языком автор вскрывает острейшие вопросы современности, как скальпелем. Юмор и ирония стиля приближают книгу к бестселлеру. По сути, это продолжение знаменитой «Все о жизни».

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 5-94966-001-3

© М. Веллер, 2002
© Художественное оформление.
В. Медведев, 2002

«— Так создан мир, мой Гамлет!
— Так создан мир...»

Шекспир

I.

Концепция человека

1. Что такое человек?

1. «Двуногое животное без перьев», — усмехнулся Платон.

2. «Общественное животное», — уточнил добросовестный Аристотель.

3. «Высшая ступень живых организмов на Земле», — классифицирует биология.

4. «Особый род сущего, субъект социального процесса, творец культуры, исторического развития; биосоциальное существо», — напрягаются философские энциклопедии.

5. «Мыслящее, но главным образом водящее и чувствующее существо», — решила философия жизни устами Шопенгауэра, Кьеркегора и Ницше.

6. «Homo faber» — «человек деятельный», — определяет позитивизм.

7. А Макс Шелер, развивая философскую антропологию в отдельную науку, развернул типологию: трактовки человека религиозная, рациональная, деятельная, психологическая и вообще как помешанной обезьяны, свихнувшейся на «духе».

8. Итого. Что такое человек, все знают. Но исчерпывающе и всеобъемлюще сформулировать не могут. Смотри на каком уровне формулировать: физики, биологии, социологии, психологии, истории, философии, религии.

9. Нас интересует базовый уровень. А базовых уровней здесь получается два. Первый — уровень энергии: всеобщий, бытийный, всеохватный. Объективный. Человек как неотъемлемая часть Вселенной. И второй уровень — субъек-

ективный — максимально разнесенный от первого, противоположный ему. Уровень психический, сенсорный, в основе которого лежат первичные ощущения, эмоции. Человек как совокупность психических процессов его нервной системы. На этом уровне он познает мир и себя самого, на этом уровне мир в человеке отражен. Напрашивается и третий уровень — разума, отличающего человека от прочих существ: но об этом ниже.

Все прочие уровни существования человека — биологический, социальный, экономический, религиозный, культурный, технический — лежат между названными двумя, базовыми, крайними, предельными (как пластины аккумулятора между крайними обкладками — левее и правее уже ничего нет). И, следовательно, могут быть правильно поняты во взаимосвязях всех явлений лишь в рамках единой общей системы, единой всеохватной шкалы Бытия, где на одном полюсе — Вселенная как совокупность агрегатных состояний единой энергии, а на другом — субъективные ощущения «познавателя» этой Вселенной, в психике которой она отражена, и этой психике только и остается самой себя познавать. Если хотите — полюса сугубо материальный и сугубо идеальный.

2. Что человеку надо?

Скажи мне, что тебе надо, и я скажу тебе, кто ты есть.

Если провести всепланетный опрос — чего тебе нужно, старче? — перечень ответов окажется весьма ограничен. Людям нужно: здоровье, богатство, слава, интересная работа, и чтоб вообще было интересно, любовь, дружба, уважение окружающих, благополучие семьи, повидать мир, а также смысл жизни. В общем — всё. Остальное — детали, вариации и следствия: красота, секс, чемпионство, научные открытия, след в истории...

3. Как он этого добивается?

В лице самых целеустремленных представителей — со страшной силой. Изнуряет себя диетами и трениров-

ками, работает с утра до ночи, бьется за каждую копейку и режет глотки за миллион, получает инфаркты в интригах ради престижной премии и медали. И что? Есть мускулы — нет мозгов, есть деньги — нет здоровья, есть любовь — нет денег, есть слава — нет благополучия семьи. Все сразу не получается. Кому что больше надо?

А вот в лице большинства человек себя как-то осознанно гробит. Пьет, курит, недосыпает и нервничает, хотя знает, что это вредно для здоровья. Проигрывает деньги в карты и спускает в аферах, рискуя необходимым ради излишнего. Проклинает работу, зарабатывая деньги — и плачет о деньгах, не желая толком работать. Лишает себя дружбы и уважения по собственной зависти и злобе. То есть: он знает, как надо жить правильно, и знает, что живет неправильно, и почему-то продолжает жить неправильно. И всегда чем-то недоволен.

4. Чего же он хочет?

Он хочет счастья. Все перечисленные блага и ассоциируются у человека со счастьем. Он полагает, что если будет ими обладать — и будет счастлив.

5. Что же он имеет?

Логично предположить, что чем больше у человека этих благ — тем он счастливее. Кто здоров, богат, прославлен, уважаем, ездит по миру — тот счастлив. А кто беден, болен и безвестен — несчастлив.

Ан фиг. Кинозвезды лечатся от депрессии и глотают наркотики. Разорившиеся финансисты летят из окон, хотя деньги на жизнь еще остались. Здоровяки спиваются, красавицы страдают из-за несчастной любви и измен. Благополучные отцы семейств тихо чахнут по приключениям, а приключенцы — по благополучной жизни.

В благополучнейших цивилизованных странах, где и свободы, и деньги, и пластическая хирургия — высокий уровень самоубийств. А в нищих африканских странах —

накорми, заведи музычку, они скалятся и пляшут, и никто не вешается. А шведы вешаются, хотя для счастья у них в среднем условия максимальные.

Как говорила моя бабушка — «Все есть — счастья нет».

6. Что такое счастье?

Старая шутка. Все знают — счастье у каждого свое. Кому поп, кому попадья, кому свиной хрящик. Не в том дело, что ты имеешь, а в том, что ты от этого чувствуешь.

То есть: *счастье — это категория состояния*. Вот такое состояние твоей высшей вкупе с невысшей нервной системы, когда тебе предельно замечательно, и очень ты этим доволен, и вообще своей жизнью при этом доволен.

И не очень-то стоит гнаться за всякими благами, чтобы обрести в этом счастье. А разумнее и логичнее попробовать идти напрямую к такому внутреннему состоянию, когда будешь счастлив. Буддизм. Или ЛСД. Или аутотренинг. То есть: предпочесть интенсивный метод экстенсивному, интравертный ход экстравертному. И тогда удовлетворишься минимумом, и снизойдет покой и благоволение в человецех, и будешь счастлив в шалаше и пустой бочке. Лучше ведь бедным и счастливым, чем процветающим и несчастным.

И со времен Будды и Диогена люди это отлично знали.

А если знали — то почему не делали? И лишь исключения подтверждали правило.

7. Главное противоречие

Почему люди, зная, как надо поступать правильно, себе во благо — поступают тем не менее неправильно, себе во вред, причем добровольно, свободно, делая самостоятельный выбор? И осознавая при этом, что они делают. О'кей — счастье у каждого свое, так почему же сплошь и рядом поступают вопреки собственному стремлению к представляемому счастью? «Вот в чем вопрос».

Еще Сократ заявил: «Я собираюсь посвятить оставшуюся жизнь выяснению только одного вопроса — почему люди, зная, как должно поступать верно, поступают все же неверно». Итогом выяснения явилась чаша цикуты, а вопрос завис на две с половиной тысячи лет.

Самый типичный индивидуальный случай: девушка любит подонка. И все ей говорят: ты с ума сошла, он загубит твою жизнь, будешь несчастна — а вот Вася хороший, и так тебя любит, и деньги зарабатывает, и собой ничего, пылинки с тебя сдувать будет, иди за него не раздумывая. И она сама знает, что подонок ей устроит бледную жизнь, а Вася хороший, но вот не лежит к нему сердце, и вопреки всем выскакивает за подонка, и рыдает, и пишет письма: «Папа, он бьет меня, пришли нам денег». Мужчины со стервами — зеркальный вариант. Любовь? Тогда зачем она и что в ней толку? А главное — почему к недостойному, а не к хорошему?

Если каждый человек представляет себе свое счастье и хочет его — тогда почему люди так редко счастливы и так часто несчастливы? Мозги-то есть — но почему их заедает?

В общем-то знают, что погоня за благами счастья не приносит — ан гонятся! А обрести счастье внутри себя, довольствуясь малым — не хотят. Надрываются, жалуются, всё знают — и не хотят.

Смотри на птичек, живи на природе, радуйся жизни, думай о хорошем — не хотят! Зарплаты, карьеры, начальники суки, подчиненные паразиты, соперники жулики, любовницы пьявки, друзья предатели, бац — в реанимации. Масса вариантов.

Человек сам кузнец своего несчастья.

Из всех вариантов — ни фига он не выбирает всегда наисчастливейший. Он всегда нарочит приключений на свою голову.

А самый общий случай: угробливание экологии общей и единственной на всех нас планеты. Все отлично знают, что столько все новых товаров и благ человеку, строго говоря, ни за чем не надо. Если сократить — никто не умрет: старые костюмы и многоразовая посуда вполне годятся. Все спрэи и дезодоранты перестать выпускать — никто не сдохнет, а атмосферу они проедают. И принимаются меры, да, мягкие такие, иногда, частич-

но. Каждый утешается своей мелкой выгодой — отлично зная, что правнуки ведь и вымереть все могут на такой планетке. Знают — а к общему самоубийству идут. Психи? Экспертизы говорят: нормальные. Э?

И вообще: почему шкурная выгода и мораль разнесены, и что бы ты ни предпочел — в другом обязательно поступишь себе во вред? А почему нельзя, чтоб они вместе? Более того: почему даже у умных, вроде бы, людей иногда заклинивает мозги, и они поступают вопреки и морали, и шкурной выгоде? А потом сами удивляются — когда уже поздно.

Почему человек всегда стремится к счастью, а получается черт знает что?

Почему воплощение личной воли, властитель мира Наполеон уже на острове Святой Елены простонал: «Господи, да был ли я счастлив хоть два часа в жизни?..»

В чем логический изъян человеческих действий?

8. Воспоминания

«Жизнь — только миг между прошлым и будущим». За миг, значит, и держись.

Словно узкий щелевой луч ползет по пространству: позади темнеет, впереди туманится. Между воспоминаниями и мечтами. Мечты и планы — дело зыбкое, настоящее проходит мгновенно, и вся наша жизнь тут же оказывается в прошлом. Анализируя жизнь, мы всегда анализируем воспоминания, зафиксированные в той или иной форме.

Жизнь — это прошлое. Фиксируется оно в материальной, предметной форме — вещи, детали окружающего бытия, материальные носители информации. О! — информации.

Прошлое — это информация. Фиксируется она в книгах, дисках, кассетах, фотографиях, наскальных надписях. Все это — вспомогательные, прикладные, опосредованные формы памяти.

Информация — это память.

Просто говоря, вся наша жизнь — это воспоминания. Хоп! — и все в прошлом, воспоминание.

И чем главнее событие — тем сильнее, крупнее, ярче, значительнее воспоминание. Это если рассуждать логично. А если по правде — ничего не получается. Сплошь и рядом «судьбоносные» события нашей жизни со временем забываются, иногда — начисто. Этапы карьеры, подробности награждений — ах, склероз. К врачу идти — забыли, налоги платить забыли, адрес друга, таблицу умножения, цены на жратву, что когда-то каждый день покупали — забыли. Какого числа женился? Какие оценки в дипломе? Как получал первый паспорт? Куда засунул пенсию и где мои очки, без которых я ничего не вижу?

А вот первая родительская порка, первый сексуальный опыт, первый бой — не забываются. Или — после инсульта человек может забыть все слова, но если несколько помнит — это мат. Интеллигентнейший человек — мычит и матерится.

О. Мат — это экспрессия. Матом человек выражает самые сильные ощущения, нормативная лексика уступает мату в энергичности; потому и существует эвфемизм «энергические выражения». Шок, опасность, экстремальная ситуация, изумление — из человека прежде всех слов норовит выскочить мат.

Крепкость воспоминаний соответствует силе ощущений, которые памятью зафиксированы.

Лучше мы помним то, что сильнее, острее ощущали.

В молодости нервная система свежее, все нейроны в наличии, впечатления ярче и опытом не приглушены, переживается все острее — воспоминания молодости крепче. А в старости и необходимого можно не помнить. И ощущения не те. А молодость старик помнит — впечатана.

Причем иногда помнится сушая ерунда. Школьный турпоход. Обидчик в детском саду. Закат над речкой, когда пронзило вдруг чувство какого-то единения с природой. На кой черт это помнить? А ощущения были сильные.

Фрейд полагал, что дискомфортные воспоминания вытесняются. Лукавил старик и подтасовывал все в единую стройную теорию. Человек остро помнит некоторые конфузы, оскорбления и грехи. Как вспомнит — аж застонет про себя. Сильные были ощущения.

И получается, что главное в нашей жизни — не то, что обычно принято считать главным. Память — безапелляционный сортировщик: *что помнится главным, сильным, острым — то ведь субъективно для человека и главное.* А что забылось — того и нет для тебя.

Главность событий наше сознание оценивает не по тому, насколько они повлияли на внешнюю судьбу. А по тому, насколько сильные ощущения доставили.

Вся информация сортируется прежде всего по принципу силы ощущений.

9. Ощущения

1. Если лишить человека ощущений — то вследствие психического расстройства он умрет весьма быстро. Специальный скафандр, блокирующие осязание перчатки, помещение в резервуар, где тело оказывается во взвешенном состоянии в жидкости и перестает ощущать свою тяжесть, абсолютная темнота и тишина. Опыты ставились. Через несколько часов исчезает чувство времени, сбивается пульс, скачет и падает давление, расстраивается работа внутренних органов. Организм дезориентирован в пространстве, координирующие связи с внешним миром нарушены. Мыслить-то мозг может, но через считанные часы искажается высшая психическая деятельность, сознание отмечает, что, кажется, сходит с ума: странные видения, реальные воспоминания мешаются с неожиданными образами, нарушаются причинно-следственные связи, вторгаются «сны наяву».

Вне ощущений здоровый мозг не может управлять здоровым организмом. Он перестает понимать, спит он или бодрствует, и вообще — реальность это или что, и вообще — так есть он или нет.

2. А во сне? Дежурные участки мозга продолжают координировать функции организма в соответствии с ощущениями, сигнализирующими о связи с внешним миром: тяжесть (земное притяжение), положение тела, температура, звуковой фон и световой фон. Действует своего рода «дежурная программа»: все в порядке, можно спать.

3. Если хорошо загипнотизированному приложить к руке линейку, скажем, и внушить, что это — раскаленное железо, то он не просто с криком отдернет руку — но на ней появится ожог! Наведенное, внушенное мозгу ощущение — для мозга неотлично от реальности, есть та же реальность. И организм по его команде действует так, как если бы это была реальность.

Мозгу без разницы, соответствует ощущение реальным обстоятельствам, или нет. Он о реальности судит по ощущениям.

4. Приговоренному к смерти сообщали, что из гуманности вскрыют вены. Завязывали глаза, привязывали к стулу, подставляли тазики, проводили поперек вен тупой стороной скальпеля и тихо сливали от «надрезов» теплую воду: имитация. Результат: мраморная бледность, синюшность губ, падение давления, замедление пульса, потеря сознания, смерть от кислородного голодания мозга — все симптомы кровопотери. Мозг руководствовался ощущениями.

5. Категорически приказывающий себе жить человек — может дотянуть до аэродрома подбитый самолет, или выздороветь от смертельной болезни, и т. п. — вопреки, казалось бы, физиологическим возможностям поврежденного организма. Мозг создает «комплекс живущего человека» и дотягивает до его уровня глубинные ресурсы организма — даже по отдельным участкам, по отдельным органам при нарушенных между ними связях.

6. В сильном стрессе человек может развивать усилия, вообще выходящие за пределы возможностей его вида: ворочать огромные тяжести, если завалена его семья землетрясением, переплывать в бурю заливы, прыгать через высоченные заборы и бежать быстрее чемпионов мира. Сильнейшие ощущения приказывают организму действовать и обеспечивают внутренними ресурсами энергетику.

7. Главный в организме — мозг. Мозг руководствуется ощущениями. Для мозга жизнь — это сумма ощущений. То есть?

На базовом субъективном уровне *жизнь человека — это сумма ощущений.*

10. Ощущения доминируют?

1. Вживляем крысе электрод в мозговой центр наслаждения и научаем нажимать педальку, замыкая цепь. Крыса ловит кайф, пока недохнет от нервного истощения.

2. А вот алкоголик, а вот наркоман. Ловит кайф, пока не сдохнет. Человек стремится к положительным ощущениям пуще всего и прежде всего?

3. А вот мазохист — хочет, чтоб ему было больно. А вот в русской парилке хлещутся веником, да лучше можжевельным, и аж стонут — тоже мазохисты? А вот девушка говорит: милый, сделай мне больно, — тоже мазохистка?

4. А вот люди платят свои деньги и идут в кино (ну, или телесериал смотрят, время тратят) — чтобы мелодрама, чтобы плакать. Безопасно — но пострадать. Мазохизм?

5. А вот экстремалы подышают от жажды в пустыне или замерзают в горах: страдают. Зачем им страдать?

6. Получается так. *К чему бы человек ни стремился — он все равно стремится к ощущениям.* Оно понятно: в конце концов все воспринимается на уровне ощущений, приятно или неприятно, нравится или не нравится, желанно или нежеланно, комфортно или дискомфортно. И в идеале к ощущениям можно стремиться «напрямую»: через алкоголь, наркотики, гипноз, вживленные электроды и в какой-то степени искусство.

11. Положительные и отрицательные

Фокус в том, что человек — добровольно и направленно — стремится не только к положительным ощущениям, но и отрицательным.

Базовый инстинкт — инстинкт жизни — велит жить, то есть, субъективно, ощущать! — наощущать как можно больше *всего* в течение жизни. Реализовать все свои возможности к ощущениям, что и есть субъективно жить в отпущенную природой силу.

Кого возлюбят боги, тому они даруют много счастья и много страдания. То есть: чем больше человек наделен

жизненной энергией — тем больше положительных и отрицательных ощущений за жизнь потребно ему.

12. Разум

Казалось бы, разум должен предостерегать человека от отрицательных ощущений — коли они человеку не нравятся. Если разум это делает — почему человек не слушается разума? Если разум этого не делает — почему не делает?

Но. От природы человек наделен не разумом, а лишь способностью к разуму. «Синдром Маугли» свидетельствует: если младенец попал к животным и вернулся к людям после пяти, а тем более десяти лет — он навсегда остается животным, пусть умной дрессированной человекообезьяной.

Зато скакать на четвереньках, спать на земле в холод и жрать коренья и сырое мясо он может сверх пределов организма обычного человека. Вот на это и пошел ресурс его адаптационной энергии, значительно больший, чем у любого другого животного.

Что такое «разум»? Есть две группы определений: как способность понимать, анализировать — и как способность организовывать действия; аналитическая и практическая функции. А — вообще, в принципе?

Ведь если сунуть младенца к волкам — вырастет не умнее волка. Где разум? И как же выделился человек «разумный» в животном мире?

13. Адаптационный ресурс

1. Человек отличается от любого животного тем, что диапазон его приспособительных возможностей шире. Биологически, физиологически шире. Перепады температуры, давления, влажности, разнообразные физические нагрузки, способность обходиться любой пищей и длительные периоды без пищи вообще — здесь человеку нет равных. Любое животное вписано в свой ареал, в нем оно выносливо и приспособлено, за его пределами —

пardon, чужая ниша. Человек способен втекать и обособываться в разных нишах. Экстремалы хорошо знают — человек вынесет то, чего не вынесет ни одна скотина.

2. Ни одно животное, как его ни воспитывай и ни дрессируй, не способно выйти за пределы своего вида. Кошка в доме останется кошкой, и т. д. Только человек — вот где будет младенец воспитан — станет, причем не только психологически, но отчасти даже физиологически (!) — (сырую рыбу переваривать, в снегу спать, на четвереньках скакать с невозможной скоростью) — тем животным, среди которых живет.

3. Ни одно животное не выходит за пределы действий, необходимых для простого выживания. Только человек совершает действия, избыточные с точки зрения простого выживания.

4. То есть: человек обладает избыточным энергетическим ресурсом, превышающим необходимый для гомеостаза, для вписывания в ареал, для сохранения особи и вида.

14. Избыток энергии

1. Если человек долгое время проводит в пещере или вообще в изоляции без возможности определять время суток, часов нет, солнца-луны нет, — его биологические сутки растягиваются. Всегда оказываются длиннее двадцати четырех часов — никогда короче. Организм заведен на земные сутки «с запасом», обладает энергией большей, чем для двадцатичетырехчасового цикла необходимо. В отличие от любого животного — они время выдерживают весьма точно, их «внутренние часы» согласованы с суточным циклом без запаса.

2. Крупный хищник может взять «за своего» человеческого детеныша. А травоядное не станет. Энергетический уровень хищника выше травоядного. Детеныша он в значительной мере воспринимает на уровне «запаха гормонов», биокаркаса, ауры. А вот аура человека очень мощна — почему хищники и предпочитают с ним не связываться вообще. Энергокаркас ребенка подобен

энергокаркасу potentного хищника — хороший зверь для популяции вырастет, надо бы его вырастить — примерно так «рассуждает» инстинкт кормящей волчицы или кого там еще.

3. Избыток энергии человека имеет чисто физический аспект и аспект психический, повышенная активность центральной нервной системы. Вот в зависимости от условий формирования организма — этот избыток и принимает форму уподобления конкретному животному, что физически для человека жутко трудно, — или форму разума, направляясь на активизацию центров абстрактной деятельности центральной нервной системы.

Разум — это психическое оформление избытка (сверх жизненно необходимого) биологической энергии человека.

15. Игра

Сытое, отдохнувшее, в безопасности — животное любит поиграть. Имитирует ситуации жизни — охоты, погони, борьбы. Что это значит?

Оно «запрограммировано» на определенные действия и *хочет* совершать их, даже если сейчас, по реальности, они не являются физиологически необходимыми. Ублаговлечи животное всем необходимым — и оно начнет совершать аналогичные действия «на автопилоте», причем увлекается, его эмоциональный и физический аппараты включены — оно живет доступной ему жизнью на уровне ощущений и действий. Избыточных, никчемных (мы не про обучение щенков, мы про игры взрослых особей). Уровень энергетики, как субъективной, ощущений, так и объективной, действий, расхода физической энергии, — животному определен, задан в определенных параметрах.

В идеально льготных условиях существования животное тоже энергоизбыточно. Но — избыток его энергии не может вывести его за пределы деятельности его вида.

Играет и человек. Но этот может играть во что угодно. Избыток его энергии позволяет пещерному крома-

ньонцу с его физической организацией запускать космические корабли.

Из игры вытекает важнейшее положение. *Определяющим объемом деятельности сложного животного и тем паче человека является не простое удовлетворение жизненно необходимых потребностей — но психическая и физическая деятельность, соответствующая природному уровню энергетики организма.* Сделай ему безопасно, тепло, сухо, сытно — но потребность в ощущениях и действиях все равно останется. Этот субъективно запрограммированный механизм удовлетворения жизненных потребностей существует не вследствие потребностей — а как бы и с опережением, как бы и независимо отчасти.

Играю в охоту не потому, что хочу есть — а потому что хочу ощущений и действий. Брюхо полно? — хочу ощущений и действий ради них самих, ради самого процесса.

Избыток энергии идет в избыточные действия — но доля энергии на действия необходимые и избыточные одна, и пусковой механизм потребности в ощущениях един.

16. Жизнь как действие

1. Объективно (как объекта, со стороны глядя глазами Космоса) жизнь человека — это сумма всех действий, совершенных им в течение жизни. То есть: всех, любых, малейших изменений, совершенных им в системе «я — окружающий мир».

2. Объективно человек — как и любое животное, но на более высоком уровне, еще шире — как любой материальный объект, но на еще более высоком уровне — *существователь*, то есть делатель (уже в силу существования), то есть *изменятель*.

3. Изменения, совершаемые мертвой природой, медленны, совершаемые жизнью — неизмеримо быстрее, совершаемые сложными животными — в космическом масштабе молниеносны, совершаемые человеком — ну просто потрясающе быстры. Рассыпание горы в песок, рост столетнего дерева и сборка автомобиля на конвейере.

17. Связь?

1. Можно создать человеку достоверную иллюзию богатой интересной жизни — и ему действия не понадобятся, ему они и так будут казаться. А можно просто дать кайф, и на фиг действовать. Но в среднем это не проходит.

2. Потому что человеку потребны в общем и среднем все, любые ощущения, а большинство их связано с действиями.

3. Поскольку инстинкт жизни диктует реализовывать всю энергию организма, а психическая, ощущения в частности — это лишь один ее вид.

4. Человек действующий получает больше ощущений, чем человек не действующий.

5. Для наркотика и гипноза не нужны сила, ум и способности, они остаются нереализованы — что в среднем противоречит стремлению к *самореализации* как общей форме проявления базового инстинкта.

6. *Стремясь субъективно к максимальным ощущениям — человек стремится объективно к максимальным действиям.*

18. Роль разума

Вот механические колебания пластинки преобразуются в электромагнитные. Вот через усилитель и антенну они идут вокруг глобуса. Вот антенна на другом континенте их ловит, передает на усилитель, тот — через передающую антенну на другую принимающую, там опять усилитель, декодер, колебания превращаются в акустические, человек складывает звуки в фонемы и переводит их в условные образы — и вопит от счастья! прыгает! Что? Это в Австралии десять бугаев пнули кожаный пузырь между двух шестов. Что ему пузырь, что ему радио? А ощущений в жизни прибавилось.

Разум прибавляет ощущений. И прибавляет действий, которые, в свою очередь, прибавляют ощущений.

Разум переводит ощущения в огромные действия — вплоть до водородной бомбы. А действия — в огромные

ощущения: вплоть до инфаркта и смерти при известии о банкротстве фирмы, где твои деньги.

Собаке, лошади и обезьяне такие чувства неизвестны — столь изошренные, по разным поводам, дифференцированные по оттенкам и интенсивности. Разум делает сферу ощущений богатой необыкновенно — т. е. человек живет очень полной жизнью.

19. Кнут и пряник

1. Чего бы человек ни хотел добиться, свершить, получить — он хочет счастья. Это состояние психологически связано у него не с изменением своей внутренней сущности, а с изменением мира в своих интересах.

2. На уровне ощущений человек хочет кайфа, а разум ему подсказывает, как и что ловчее сделать, да побыстрее, да полегче, да помасштабнее, чтоб быть счастливым. Он и пашет.

3. А вот — непонятно, что хотеть для кайфа. Уровень понимания ситуации и уровень амбиций примерно совпадают. И тогда подлое подсознание, «тайная полиция разума», приказывает: делай так, чтобы страдать. Или страдай здесь и сейчас. Зачем?! Молчать и исполнять! А циничный «пресс-атташат разума» говорит: ах, как ты страдаешь, надо выбираться из этого положения, бедный! И человек опять пашет — чтобы избавиться от страдания. А разум ему подсказывает пути действия по этому избавлению. Врага убить или гениальное открытие сделать, тем миллион срубить и любимую покорить.

4. Счастье и страдание удовлетворяют потребность человека в максимальных ощущениях — и положительных, и отрицательных, что и есть полнота жизни.

5. А одновременно они заставляют его изо всех сил действовать: или достигать одного — или избавляться от другого. Совершать максимальные действия. Что и есть — объективно — полнота жизни, которая инстинкту жизни и требуется.

6. А разум крутится между чувством и действием, как трансмиссия, проводник, мультипликатор, декодер. Осу-

ществляет связь между максимальными ощущениями и максимальными действиями, превращая одно в другое.

20. Глобальный эволюционизм

Вся субъективная и объективная деятельность человека совершенно соответствует и лежит в русле общей эволюции Космоса, которая сводится к усложнению материально-энергетических структур, повышению энергетического уровня материальных систем, и от начала Вселенной развивается с положительным балансом, в увеличивающейся прогрессии.

1. Человек стремится к максимальным ощущениям каким ни попадя, стремясь испытать все — но в среднем, в результате, как вид, стремится к таким ощущениям, которые связаны с производством максимальных действий.

2. Человек стремится к максимальным действиям каким ни попадя, вот какие сейчас лично ему, или стране, или цивилизации, больше подходят по всей совокупности обстоятельств — они и созидательные, и разрушительные, и бессмысленные, и вредные, и полезные, — но в общем и среднем для человечества оно стремится ко все большим действиям созидательного характера, наращивающим мощь и возможности человечества. Социальная история как частный вид эволюции в конце концов всегда отбирает из всех действий те, которые развиваются дальше во все более значительные преобразования мира.

3. Максимальное конструктивное и максимальное деструктивное действия равны по величине и противоположны по знаку. В идеально удаленной временной перспективе Максимальное Действие, которое возможно — это уничтожить Вселенную и создать Вселенную. Схлопывание Пульсара в новый сингуляр и новый Большой Взрыв.

4. Овладев огнем, человек задействовал внебиологическую энергию вещества. Овладев термоядом — уже ядерную, звездного типа, энергию вещества.

5. На шкале принципиальных возможностей путь от палки-копалки и каменного рубила до водородной бом-

бы, телевизора и космического корабля — длиннее пути от последних до Большого Взрыва.

6. Разум — это способность при минимальных расходах собственной энергии организовывать и запускать процесс с вовлечением в него и преобразованием *принципиально не ограниченного* количества энергии окружающего Космоса.

22. Человек

Человек — это двухуровневая система, существующая субъективно на уровне ощущений — и объективно на уровне действий.

Суть человека — как можно больше чувствовать и как можно больше делать, для чего приходится как можно больше думать.

примечание

Некоторые из вышеизложенных моментов подробнее освещены в части первой, главы вторая и третья, книги «Всё о жизни».

Космологическая составляющая

1. За неимением лучшей на сегодняшний день теории происхождения Вселенной принимаем генеральную — теорию Большого Взрыва, сингулярную. Расширение пространства из единой точки концентрации всей энергии.

2. Под энергией понимается способность (возможность) к совершению любых действий (изменений) на любом уровне (микро-, макро-, мега-) во Вселенной.

3. На сегодняшний день физика склоняется к тому положению, что физический вакуум не есть абсолютная, идеальная пустота, но обладает определенными креативными возможностями, т. е. также обладает энергией.

4. Между Бытием в материалистическом значении этого понятия и Энергией может быть поставлен знак тождества. Строго говоря, все, что есть — обладает энергией и само является той или иной формой энергии. Бытие — это Энергия. Все сущее — «агрегатные состояния», «реинкарнации» Энергии.

5. Расширение Вселенной сопровождается ростом энтропии, понижением энергии.

6. По мере этого процесса часть энергии «стремится» избежать энтропии и «консервируется» в материальные структуры, от субэлементарных частиц до простейших атомов, и далее до молекул и молекулярных образований. В принципе этот процесс носит обратимый характер: содержащаяся в материи энергия может быть высво-

бождена из молекулярных и атомных связей и превращена в теплоту, излучение.

7. Превращение энергии в звездное вещество и дальнейшее превращение звездного вещества в излучение — суть энергоэволюция.

8. Вся история Вселенной — это энергоэволюция. Излучение — материя — излучение.

9. В процессе этой эволюции энтропия нарастает, и остаются «косные останки» — материальные объекты, внутренняя энергия которых «законсервирована намертво» и выпадает из цепи дальнейших энергопреобразований. Бывшие звезды, превратившиеся в «черные дыры», и остывшие до температуры окружающего пространства планеты погасших звезд. Из них уже «ничего не сделаешь».

10. Если считать Вселенную закрытой системой, логично принять теорию тепловой смерти Вселенной.

11. Представляется понятным, что в этих рамках галактики и все внутригалактические образования есть открытые системы, системообразование которых происходит за счет отъема энергии из окружающего пространства.

(Пример. Километровый стеклянный куб с воздухом, на дне которого — глиняный кувшин с водой. Температуры воздуха, воды и глиняных стенок одинаковы. Равновесная закрытая система. Делаем стенки кувшина пористыми. Просочившаяся водяная пленка испаряется со стенок в воздух, отнимая энергию, необходимую для перехода в парообразное состояние, прежде всего у воды в кувшине. Вода в кувшине становится холоднее окружающего воздуха. Энтропия системы повышается вследствие равномерного смешения молекул воды и воздуха в одном объеме. Но одновременно и «локально» повышается энергия системы «воздух — вода-в-кувшине»: возникает разница температур и возможность совершить «работу» по переносу теплоты от воздуха к воде. За счет собственной энергии закрытая система превратилась из равновесной в неравновесную.)

12. А можно представить себе Вселенную и как открытую систему. Если допустить ноль как сумму двух равных чисел с противоположными знаками. То есть пусто-

та условно способна делиться на плюс единицу и минус единицу. Тогда возникновение любой частицы в системе «уравновешивается» возникновением античастицы в зеркальной антисистеме. Одна система получает энергию, одновременно и тем самым отдавая равную меру антиэнергии зеркальной антисистеме.

Модель такой Вселенной можно уподобить двум равным телам в одном футляре: под одним освещением видим только одно тело, под другим освещением — только другое. Два пространства-времени с противоположными знаками. В одном «объеме», но в разных измерениях.

Для простоты можно уподобить модель гантели или песочным часам. Энергия и антиэнергия перетекают из одного сосуда в другой навстречу друг другу. Когда это разделение достигает некоего максимума — потоки идут в обратных направлениях: стадия расширения сменяется стадией сжатия и схлопывания.

Модель симметричной Вселенной.

Модель зеркальной Вселенной.

Но прокачка таких вещей — дело физиков.

13. Факт в том, что энергоэволюция нашей Вселенной идет по линии структурирования все более сложных материальных систем. Коротко говоря — от фотонов до клетки, от водорода до человека.

14. Энергия «запасается» в материи, но в принципе может быть высвобождена. (Аннигилируем материю. Излучим. Кинем в звезду.)

15. Энергия косного вещества планеты «законсервирована» прочно и сама собой не выделится. Песок может лежать без движения, без всякого действия миллионы лет.

16. Живое вещество планеты преобразует энергию (вещества планеты и излучения своей звезды) со скоростью на порядки большей, чем вещество косное. Растения растут и размножаются, если мерить космическим масштабом времени, мгновенно. Животные, перемещаясь, мгновенно превращают ту же энергию в механическую; поддерживая температуру своего тела — в тепловую; роая норы — переформируют окружающую материю.

17. Энергоэволюция земной биосферы дает огромные скорости энергопреобразования.

18. Энергоэволюция косного и живого вещества планеты идет с разным балансом: косное остывает и теряет энергию — живое совершенствуется, накапливая в биосфере все больше энергии и преобразуя ее все активнее, быстрее.

19. С точки зрения содержания в веществе энергии — человек живой и человек умерший (в коме, без сознания, спящий) совершенно равнозначны. Все его клетки и атомы при нем.

20. Но с точки зрения энергопреобразования они, понятно, не равны. Безмозглая человеческая биомасса, совокупность клеток и органов, преобразует энергию лишь на уровне поддержания жизненных процессов в собственном организме: воздух, вода, пища — температура тела, сокращение сердца и легких, кишечник, печень, — продукты выделения. Живой человек — действует.

21. До человека биосфера запасала в себе все больше энергии — из Земли и Солнца. Суммарная энергия косного и живого вещества Земли возрастала.

22. С появлением человека процесс принял обратный характер. Человек выделяет энергию топлива (живой и умершей биомассы) — но принялся уже и за ядерную энергию. Процесс энергопреобразования Земли поднялся на новый, качественно новый уровень.

23. В истории Вселенной как энергоэволюции человек является, таким образом, естественным и закономерным «высшим звеном». Может в считанные века, годы, минуты вышибить из вещества планеты столько энергии, сколько без него, природным образом, вселенским, не выделилось бы и за тысячи лет.

24. Консервация энергии в материю принимает, с появлением и участием человека, обратимый характер (там, где без человека он представлялся бы единственно необратимым). Мозговая работа — и ерундовое количество одного из изотопов дает взрыв водородной бомбы. А научно-технический прогресс отнюдь не завершен, и всех его достижений мы сейчас не можем представить.

25. В принципе — в принципе — человек является во Вселенной той системой, которая может придать всему процессу консервации вселенской энергии в материю обратимый характер. Подобная возможность представляется неизмеримо далекой, фантастической, исчезающе маловероятной — но подумаем о радио, телевидении, телефоне, лунных экспедициях, клонировании, водородной бомбе, реактивном лайнере: все это так недавно казалось невозможным, что для истории тыщонка-другая лет. Вектор человеческой деятельности направлен именно в эту сторону. Человек — чемпион по энергопреобразованию.

26. И человек прекрасно вписывается в теорию пульсирующей вселенной и в теорию Большого Взрыва. Эволюция Вселенной — энергопреобразование. Жизнь — высшая, ускоренная форма энергопреобразования. Человек, высшая форма жизни, часть и порождение Вселенной, преобразует энергию с небывалой скоростью и не знает принципиальных пределов своим придумкам и возможностям. В человеке вселенская переструктуризация Бытия достигла высшего (из пока известных) уровня. Вся история человечества — переструктурирование окружающего Бытия во все больших масштабах, энергопреобразование окружающего Бытия на все более высоком уровне.

27. Человек — на генеральной линии развития — единственное животное, никогда не находящееся в гомеостазе, неравновесное с окружающей природой. Ему потребно переделывать все, среди чего он живет. Это определено его энергоизбыточностью по сравнению с остальными животными. Вектор человеческой деятельности направлен в сторону максимальных действий, максимальных переделок, максимального энергопреобразования окружающего Бытия. (Любое действие есть энергопреобразование).

28. Максимальное Действие — это Большой Взрыв. Выделение всей энергии Вселенной из всего вещества (материи) Вселенной, уничтожение Бытия и одновременно — рождение Нового Бытия.

29. Человек как антиэнтропийный механизм Вселенной. Антиэнтропийный противовес-предохранитель. Та-

кой микроскопический «толкатель маятника», который без него может зависнуть в крайней точке. Такое устройство, чтобы вышибить обратно энергию даже из черных дыр. Чтобы взорвать и схлопнуть (вариант «объемного взрыва») даже всю совершенно уравновесившуюся и остывшую пыль по всему пространству материи Вселенной. В точности это предсказать невозможно — все научные теории базируются на условном математическом аппарате и трактовках косвенных наблюдений. Но что-нибудь в таком духе.

30. Сколько человечеств во Вселенной? кто знает это сегодня. Но суть одна — мы переструктурируем бытие и преобразуем энергию, и принципиально мы в этом чемпионы. Человек — как могильщик и повитуха Вселенной.

Бытие-внутри-нас и Бытие-вне-нас

1. Эти понятия близки кантовским «вещи, явленной нам» и «вещи самой по себе», но не адекватны им.

2. С объективной точки зрения: если все человечество вдруг испарится — то весь прочий материальный мир останется. Не только мертвая и живая природы, но и творения рук человеческих: постройки, машины и т. д. Познал это человек или не познал, он это создал или без его участия возникло, что он по этому поводу думал — неважно. Вся энергоматериальная совокупность Бытия вне человека — это и есть Бытие-вне-нас.

3. Познает человек Бытие через органы чувств и мышление, и все познанное размещено в его сознании (и под-сознании, и над-сознании, но эти подробности структуры сознания нас сейчас не интересуют). Человек имеет дело не с «вещью самой по себе» (более традиционен перевод менее точный: «вещь в себе»), а с «вещью, явленной ему». Иначе: человек имеет дело не с миром, каков он на самом деле до своей «первоистины», а со своим представлением об этом мире. Немцы в этом давно и хорошо разобрались.

4. Наше рефлекслирующее сознание не может провести четкую грань между внешним, объективным миром, каков он на самом деле — и своим представлением об этом мире. Хотя сознание понимает, что разница все же существует. Мы понимаем, что наше сознание не исчерпывающее, не адекватно, не на всех уровнях имеет представление о предмете: что там за орбиты электронов, к

примеру, что там за кристаллические решетки, что там за излучения за порогами нашего цветового восприятия — можно только теоретизировать и моделировать.

5. Вот представляемое в нашем сознании Бытие и есть Бытие-внутри-нас. Но не только.

6. Сознание — в некотором смысле отдельный и самостоятельный феномен, высшая психическая составляющая человека, собственно и позволяющая ему быть тем, что обычно называется личностью. И сознание, среди прочего, занимается некоторыми вещами, не имеющими никакого прямого и конкретного отношения к энергоматериальному Бытию-вне-нас. Например, сочинение стихов. Поэзия возникла раньше письменности, и материальные информационные носители для нее не обязательны. Испарилось человечество — испарилась вместе с мозгами и поэзия. А ведь для поэтов и любителей поэзии она была важной частью мира — их внутреннего Бытия: за нее бедность терпели, от счастья млели, инфаркты получали.

Кончилось человечество — нет больше морали. Вся живопись превратилась в наборы прямоугольных кусков ткани с нанесенными цветовыми пятнами, и да Винчи ничем не лучше мазни ослиным хвостом. Музыка стала бессмысленными грудями инструментов и звуконосителей. Науки — черные черточки на белых бумажках. И так далее. Не говоря о бухгалтерских отчетах и биржевых сводках. И все это было Бытием-внутри-нас.

Наш внутренний мир — не только отражение внешнего, он имеет и собственные области, нематериальные, имеющие смысл только для сознания, более того — существующие только неразрывно с сознанием и в сознании.

Сознание создает условные величины и структурирует их в системы. Люди оповещены об этих системах условностей, и они являются общими (общепринятыми) для группы, народа или всего человечества. И люди напрягают мозги и испытывают массы положительных и отрицательных эмоций, пытаясь понять социологическую статью или балдея от романа модного автора. И условный д'Артаньян оказывается для людей куда реальнее, чем живший в его время всамделишный, но давно забытый всеми человек.

А поскольку главное для человека — это получать максимальные ощущения, то ему в общем все равно, получать их от окраски забора нарядной краской или от чтения «Трех мушкетеров». Инженер строит супермост, а поэт пишет суперстих, и оба потеют от счастья созидания. И для обоих их труд равно важен и значим.

Бытие-внутри-нас — не только отражение реального внешнего Бытия-вне-нас, но и плюс совокупность всех идеальных, нематериальных, условных ценностей, представлений и величин. Вся нематериальная часть культуры в самом широком значении термина «культура».

И поскольку мы не можем четко разграничить Бытие-вне-нас от Бытия-внутри-нас, то они для нас равно реальны и значимы. Более того: идеальные ценности могут возобладать над материальными, и человек предпочитает какую-то область Бытия-внутри-нас реальным земным благам из области Бытия-вне-нас. Типа: бедный, зато честный. Инвалидом стал, зато гений искусства. И пр.

7. В Бытие-вне-нас мы не все познали и никогда всего не познаем. Зато в Бытие-внутри-нас мы имеем то, чего в Бытие-вне-нас может и вовсе не быть. Ну, нет, скажем, в природе Поэзии или морали.

8. Ощущения связывают нас с Бытием-вне-нас. Гора высокая, хлеб вкусный, дождь мерзкий, дом теплый — тут тебе и хорошо есть, и плохо. Ощущения связывают и с Бытием-внутри-нас: какая музыка, плакать хочется и радоваться хочется.

9. Разум также направлен на взаимодействие с обоими видами бытия. Придумать и сделать трактор для вспашки поля — придумать семитоновую музыку и масляные краски.

10. Мы подошли к главному.

Что делает человек с окружающим миром? Переделывает. Переструктурирует. Переструктурирует Бытие-вне-нас.

А что он делает с Бытием-внутри-нас? Он его также структурирует. Делает и переделывает.

Но будем точнее.

Имея дело непосредственно только с Бытием-внутри-нас, человек его и структурирует. Во всем его объеме.

Делатель и изменитель — суть и функция человека. А вот уже Бытие-внутри-нас может совпадать с Бытием-вне-нас, а может и не совпадать. Для человека это не так важно. Все дело в профессии.

Конечно, сначала все-таки надо выжить и приподняться. Жилище устроить, пищей обеспечить, семью охранить. Решить потребности первого порядка. (Но это — в историческом плане. А в личностном плане — за научную идею можно и на костер.) А когда цивилизация приподнялась:

И артист (лицедей! ничего в мире не создает!) — оказывается богаче и прославленнее боевого маршала, не говоря о гениальном инженере или вообще трудяге-фермере. Каков конкретный след артиста в мире? Ноль. А в сознании людей? Ого! И это оказывается важнее.

Идеалисты говорят о божественной сущности искусства. Это Майкл Джексон — божественная сущность? Тогда говорят о шоу-бизнесе. Но чтоб был бизнес, люди должны придавать значение шоу. А для этого есть реклама и пиар-технологии. Но все это — технические подробности.

А мы рассматриваем все с точки зрения эволюции Вселенной. И для этой эволюции не только Майкл Джексон, но и сам Шекспир по большому счету не важны. Они никак не переделывают Бытие-вне-нас.

Если отрешиться от Бога — зачем Вселенной Шекспир?

Вселенной — ни за чем. Вселенной надо, чтобы люди перелопачивали материю — сначала Земли, потом — до чего доберутся. Но для этого человеку нужно сознание. А в сознании пребывает Бытие-внутри-нас, которое мы не можем отграничить от Бытия-вне-нас. И мы перелопачиваем Бытие-внутри-нас — все, сколько есть. Цезарь, Шекспир и Ньютон у нас проходят по одной весовой категории: великие люди. Один завоевывал мир и создавал империю, другой писал пьесы, ставшие частью нашего внутреннего мира, третий открывал законы нашего внешнего мира. Без Цезаря нет цивилизации, а без нее ничего не будет; без Ньютона нет науки, а без нее дальнейшего перелопачивания мира не будет; а без Шекспира невозможно обойтись нашему сознанию, у него свои

законы, оно структурирует в своем Бытие-внутри-нас все подряд, и ему потребны сплетни, и поэзия, и размышления о душе людской. С «точки зрения Вселенной» Шекспир — это издержки производства. А с точки зрения поэта движение к Большому Взрыву — это издержки производства, а интересуется поэта прежде всего душа и поэзия.

Ну, сравнение: для уничтожения вражеской армии надо столько-то техники, боеприпасов и солдат. А солдатам нужны палатки, кухни и жратва. Плюс подарки к рождеству и письма из дому, иначе они могут снизить боевой дух и проиграть сражение. И вот для победы над врагом почтальон вроде не нужен — но необходим он по всей логике армии как системы.

Шекспир необходим сознанию как системе. Человек не автомат, по приказу Вселенную не переделает. Искусство — необходимая часть его сознательной деятельности.

Что бы человек ни делал — он структурирует Бытие-внутри-нас.

Надличностные ценности

Может показаться удивительным, но похоже на то, что до сих в аксиологии, «подфилософской» науке о ценностях, не было выделено и не существовало самого понятия ценностей личностных и надличностных. Впрочем, эта подробность может интересовать только профессиональных изучателей философии.

Ценность — это то, чего человеку хочется, чем он стремится обладать, чему придает значение, что ему нужно, от чего он получает любого рода удовлетворение, ради чего согласен добровольно трудиться, преодолевать препятствия и терпеть неудобства. Дорожит этим, неравнодушен, имеет в виду, не отмахивается.

Подразделов здесь куча: ценности моральные, социальные, материальные, физиологические, психологические, можно набрать еще. Деньги, слава, власть, здоровье, любовь, покой, уважение; добро, честность, благородство; приключения, познание, творчество. И т. д.

Личностные ценности — это чтобы личности было хорошо. Отношение к ним потребительское. Это человек хочет и делает во имя себя самого. Можно перечислить:

- материальные блага;
- физические и физиологические;
- чувственные (разнообразно);
- социальные (карьерные);
- престижные;
- профессиональные;
- эстетические;
- творческие;
- интеллектуальные,

— можно выделить больше, можно каждый пункт развернуть, но все и так понятно.

Эти ценности (вещи, занятия, качества, достижения) обогащают жизнь, разнообразят ее, украшают, делают полнее и лучше, интереснее. Но. Но. Жизнь дороже них. Ориентация на них — или эгоистична, направлена на себя и для себя, — или вторична, является средством для достижения большей (субъективно) ценности: сколотить миллион и совершить подвиг — чтобы добиться любви и славы.

Личностная ценность находится в подчиненном отношении к жизни индивидуума. Она для жизни, а не жизнь для нее. Во главу угла поставлены счастье и благополучие индивидуальной личности. Ради личностной ценности можно пожертвовать даже многим, но в результате тебе все равно должно стать лучше и благополучнее.

Но есть ценности, которые жизни конкретного индивидуума могут противоречить. Вопрос: что это за ценности, и второй вопрос, более существенный — на фига такие ценности человеку нужны?

(О морали мы сейчас говорить не будем — см. главу «Мораль» в книге «Всё о жизни».)

Есть надличностные ценности биологического порядка — видовые, групповые, семейные. Кабан-секач выходит навстречу хищнику, чтобы защитить семью со своим потомством, самцы-шимпанзе бросаются на тигра, если это поможет скрыться стаду с детенышами. Короче — вооруженный самец готов пожертвовать собой в борьбе с врагом, чтобы его семья (род, племя, вид, генофонд) продолжилась. Тут все просто и целесообразно. Жертва собственной личностью ради выживания вида. У человека то же самое. Понятнее всего — мать жертвует собой ради детей. Дети как надличностная ценность.

Но есть ценности куда менее вытянутые, целесообразность которых так просто не просматривается.

Любовь. Вот две семейные пары, идиллически ладящие. И вот злой рок (измена, охлаждение, катастрофа, война, преступление) их разлучает. Один муж (берем мужчину как более активную сторону) огорчается сильно, переживает, утешается, женится на другой и живет с ней не хуже. Другой сходит с ума, смириться не может, убивает ее, или вешается сам, или то и другое. Или горюет всю жизнь бобылем, предаваясь воспоминаниям.

Поведение первого целесообразно, второго — отнюдь. А ведь именно его чувство оказалось сильнее, именно он любил. Пока все было благополучно — разнице в силе чувства не в чем было проявиться. Разница высветилась в экстремальной ситуации.

В первом случае — жизнь главнее любви, любовь в нее входит как хорошая, желаемая, комфортная, важная ценность — составляющая. Во втором — любовь получается главнее жизни, дороже, жизнь подчинена ей. В первом человек любит ради себя, себе во благо, во втором уже как бы и не известно, во имя чего: эта некая абстрактная «любовь» оказывается ценнее его жизни, стоит выше интересов собственно его личности.

И вот в этом втором случае человеку склонны многое прощать. И даже складывать о нем легенды, баллады и мифы. И в некоей табели о рангах ставят его безоговорочно выше первого. Ибо у него есть то, чего у первого нет. Высшая ценность, которая выше жизни. По сравнению с ним — первый недочеловек. Обделили его боги высокой душой.

Любящий готов на все на свете. Уподобляющийся любящему — не готов. Чувство не то, стимул не тот — ценность не та. Любящий крупнее, сильнее, значительнее, перевернет горы и пожертвует собой. Может быть слаб, неказист, неумен — но нутром крепок.

Нелюбящий ограничен объемом своей шкуры. Любящий не ограничен ничем, кроме предела всех своих возможностей, и этот предел может отодвигаться любовью удивительно далеко.

Нелюбящий есть не более, чем он сам. Любящий есть более, чем он сам. Он подстегнут и причастен к большему, чем он сам. Да он существо более высокого порядка. Он первосортен по сравнению с второсортным, который не способен так любить.

Его уважают и ему завидуют. Даже если жалеют и посмеиваются. В его жизни больше горя, но и счастья может быть больше. Он являет свое превосходство. Он обладает ценностью большей, чем он сам.

Предательство. Предателей используют, но не уважают — а почему, собственно? Мало того, что он, допустим, принес много пользы — он может быть храбр и

силен; и более того — он мог предать своих по убеждению, а не из шкурных интересов. И все равно — клеймо.

Предатель «отстегивается» от своей системы, с которой был связан — присягой, честью, клятвой, кодексом: доверием. Система имела его за часть себя, и он таковой частью являлся.

Человек системы больше себя самого и имеет ценности дороже себя самого со своей единственной жизнью. Предав, он являет: я не таков, я индивидуал, ваших системных ценностей у меня нет. И тут же и тем самым обнаруживается как человек второго сорта.

Предатель не обладает надличностной ценностью — вот у прочих в обеих армиях она есть, а у него нет. Поэтому врага можно ненавидеть, но и уважать — а его нет, и даже самый зачуханный солдатик может коситься на него с презрением.

Отсутствие надличностной ценности умаляет человека.

Надличностная ценность означает обладание большим, чем собственно твоя жизнь.

Если личностная ценность — составляющая жизни, то жизнь — составляющая надличностной ценности.

Жизнь выступает в подчиненном отношении к надличностной ценности. «Нечто» оказывается выше, дороже, ценнее жизни — хотя вернее сказать, что с жизнью оно, конечно, неразрывно, но и жизнь-то воспринимается как данная для того, чтобы сделать, достичь, обладать этим «нечто».

Вариант: вот два юноши жаждут денег и славы и решают стать писателями. Выражаясь бытовым языком, «решают попробовать свои силы в литературе» — но это пошлое выражение применимо только к тому, кто готов бросить это занятие, если не получается. Не так уж больно и нужно. Можно стать телезвездой, или банкиром, или менеджером. Могут быть удачи, они приносят удовлетворение, они так обогащают жизнь, и вообще это интересное занятие, и «писателя-раз» не покидает чувство удовольствия от того, как он интересно и неплохо живет. Литература для человека, а не наоборот.

Второй упирается рогом. Неудачи ему нестерпимы. Он готов пахать как карла, что и делает. Прочие ценно-

сти отступают на второй план. Он гробит здоровье и проигрывает в деньгах. Он не согласен писать абы что ради успеха, он жаждет довести творчество до уровня некоего представляемого им себе идеала. Он говорит себе: «Сделаю или сдохну». Если он полагает, что написал то, что хотел, никакая критика его самооценки не поколеблет. И оказывается, что не литература для него, а он для литературы, и он не просто занимается делом, оказавшимся любимым, но и, выражаясь высоким штилем, служит этому делу.

Самое забавное, что у первого может получаться иногда даже лучше, чем у второго. Но ценности у них разного порядка: личностная и надличностная. Старое «любить искусство в себе, а не себя в искусстве».

Но искусство относится к тем вещам, которые забирают человека целиком, а дело любит профессионалов, и практически всегда, практически всегда добравшийся до вершин человек обнаруживает, что его дело стало для него надличностной ценностью. Он, может, и сам не собирался ему служить, но вот развил энергию и направил ее дальше и за пределы себя самого: стал больше себя самого, и вне своего дела как-то уже и сам себя не воспринимает.

Наличие надличностной ценности — знак качества на человеке. Марка высокого дома. Она означает: этот больше, чем просто он, он лишь видимая часть ого-го чего.

Если пытаться классифицировать, надличностные ценности могут быть:

- семейные;
- групповые;
- национальные, государственные, этнические;
- профессиональные;
- религиозные;
- общечеловеческие; — к ним очень близки
- моральные;
- творческие; — они же в широком смысле
- созидательные.

То есть — о-па: надличностная ценность — это системообразующий фактор. Обладание ею подключает человека к системе и в систему — будь то группа, народ,

религия, наука или искусство. Не сам по себе, но часть целого. А в системе человек развивает большую энергию и больше делает.

Обладание надличностной ценностью удовлетворяет потребности человека в максимальных ощущениях и максимальных действиях. Система — она тебе нервишки напряжет и крутиться заставит — на пределе твоих возможностей и за пределами тоже.

Идеал надличностной ценности — это Бог. Всемогущий, всеблагий и всеобъемлющий, которого верующий причащается.

Надличностная ценность — это дело, которому ты служишь, если выражаться самым простым образом.

Надличностная ценность — это то единое с тобой, что больше тебя. Можно и так сказать.

Поиск смысла жизни — это, строго говоря, стремление обрести надличностную ценность высшего порядка. Человеку присуще стремление осознавать свою жизнь как часть чего-то большого, общего, безусловно хорошего и нужного.

Самопожертвование — показатель наличия надличностной ценности.

Естественный вопрос: а если человек гробит себя, и осознает это, ради денег, барахла, личной карьеры? Переходит ли от этого личностная ценность в ранг надличностной? Бандюк идет под дулю конкурента ради дохода — это что, стремление к надличностной ценности? Нет — профессиональный риск. Рассчитывает все же и на жизнь с удачей, и на бабки. А вот благородный мститель, идущий под пулю бандюка без всякой корысти, а из чувства и идеи, надличностной ценностью обладает: справедливости жаждет.

Надличностная ценность может приносить житейскую выгоду, но не может быть предметом потребления. Ты для нее, а не она для тебя. Казалось бы так.

Хоп: банкир пашет по пятнадцать часов в сутки, служба своему капиталу, и умирает от инфаркта, если банк лопнул, хотя деньги на жизнь у него остались. Личностная ценность достигает силы и уровня надличностной.

И что это доказывает? Что человеку потребны надличностные ценности, и за их отсутствием он поднимает

до их значения личностные. Потому что в общем твои бабки никому, кроме тебя, хорошего не приносят.

Если тебе нечему служить — ты будешь служить тому, что должно было служить тебе. И смысл это будет иметь только для тебя, и ни для кого больше. Вот и прёт бандюк под пулю.

Основные функции надличностной ценности примерно таковы:

- обеспечение максимальных ощущений;
- стимул к максимальным действиям;
- стимул к полноте самореализации и самоутверждения;
- импульс к системообразованию.

Объединение в народ и государство, оформление общности религии и этики — имеют психологическим основанием потребность человека иметь нечто большее, чем нужно для личного потребления, что позволит ощутить и осознать себя как часть единого общего: это дает человеку ощущение своей силы и значимости большее, чем он может иметь «сам по себе». Тогда он воспринимает собственную жизнь не как конечное индивидуальное, но как неотъемлемую часть мощного и бесконечного общего потока. То, что происходит с другими и то, что будет происходить после него, начинает иметь к нему кровное и прямое отношение.

Следует упомянуть также о всевозможных табу — отрицательных, негативных надличностных ценностях, без которых невозможно структурирование никакого социума.

Размывание, ослабление, уменьшение надличностных ценностей говорит о снижении энергетики этноса и угасании. Подъем их — соответственно о подъеме этноса: патриотизм, фанатизм, самопожертвование, экспансия — объединяют народ и гарантируют завтрашние успехи.

Надличностная ценность представляется главным психологическим показателем социальных процессов.

II

Государство как система

1. Два муравья

Возьмем небольшой плексигласовый ящик с песком. Посадим туда муравья. Муравей побегает и начнет копать. Выроет ямку и насыплет рядом холмик.

Посадим к нему второго муравья. Они начнут копать вдвоем. И насыплют, очевидно, холмик вдвое больше.

Ну так нет — не вдвое. Втрое! Производительность труда резко подпрыгивает. Этот факт энтомологи-«муравьеведы» объяснить не могут — они его лишь констатируют.

Почему муравьи сообща делают больше, чем порознь? Допустим, что они копают одну ямку вместе, а не две по отдельности, потому что в них инстинкт коллективизма. А упираются-то больше почему? Социалистического соревнования у них нет, аккордный наряд на земляные работы не подписан.

Два муравья — это уже система. Даже два муравья — уже не сами по себе, но образуют простейшую систему.

А система — это уже не количественно, а качественно новое образование. Она не равна простой сумме составляющих ее частей. Ее возможности, мощь, эффективность выше, чем суммарные возможности ее монад по отдельности.

Под монадой здесь понимается неделимый системообразующий элемент, способный к самостоятельному существованию и сохраняющий свои свойства и вне системы: обладающий индивидуальной автономией.

Энергия системы выше, чем сумма энергий ее монад. Откуда? Арифметика здесь работает уже иначе. Один плюс один равно трем. Вступая во взаимодействие, монады «вскрывают резервы энергии», которые не проявляются вне взаимодействия.

2. Цвай камараден

Человек роет канаву. Суем к нему в канаву другого человека. Очевидно, вдвоем они выроют вдвое больше.

Тоже нет. Вдвоем они могут вытаскивать камни, которые одному вообще не под силу. Или — один долбит ломом, второй выгребает совковой лопатой, потом меняются: при смене операций устают меньше, вырабатывают больше.

Санитар тащит на горбу раненого: пыхтит и качается. Вдвоем на носилках они с теми же затратами времени и труда вынесут не двоих, а троих, четверых.

Даже два человека — это уже система, которая может больше, чем эти два человека порознь.

Мы пока не говорим о разделении труда и специализации. Мы говорим лишь о простом соединении усилий.

3. Бригада

Берем двадцать человек, снабжаем всем необходимым и суем в тайгу. Продукты скоро кончатся. Инструменты есть. Выживать надо.

Начинают выживать. Воду находят: ручей, речку, озеро. Рыболовные снасти ладят, на охоту ходят. Деревья валят, жильё ставят. Если нормальные мужики — через год встанет в тайге нормальный мини-поселок.

И будет в этом поселке нормальное разделение ролей. У одного глаз зорче и рука тверже — его больше отправляют охотиться. Другой с топором ловчее управляется — «главный плотник». Третий — самый здоровый: лес валить, тяжести ворочать — здесь он первый. И так далее.

И понятно: сунь их в тайгу поодиночке — не факт, что вообще все выживут. И хижина у одиночки будет жалкая, и заболевшему ему помочь некому, и т. д.

Итак, система обеспечивает своим членам лучшую жизнь, чем они могут себе создать по отдельности. И сделать могут они вместе больше, чем по отдельности. И вот для хорошей жизни и взаимопомощи они объединяются.

Просто и мило. Слишком просто и мило, чтобы быть всей правдой.

4. Тургруппа

Туристы идут в поход для отдыха и развлечения. И быстро начинается: кто-то натер ногу и не может быстро идти, кто-то не может толком кашеварить, кто-то простудился, кому-то лень воду тащить в ведре.

Начинается распределение обязанностей, составляется график очередности: носить воду, собирать дрова, варить пищу, ставить палатку. Невелика работа, но любо-го быстро раздражает, если он что-то делает за другого, больше другого, по его мнению. Вначале-то, если туристы неопытные, все пылали приязнью и уверяли друг друга, что не фиг там очереди устанавливать, мол — кто свободен, устал меньше, тот и сделает. Практика быстро отрезвляет: давайте-ка организовываться.

Аморфное скопище превращается в систему. В этой системе всем лучше и спокойнее. Поводы к раздражению минимизируются. Появляется что-то вроде зачаточного Закона, обязательного для всех.

И по этому Закону, кстати, скорость группы определяется по самому медленному и хилому. И ему, если переходы тяжелые, приходится помогать: тяжелые вещи из его рюкзака другим тащить, через реку его переправлять, если он плавать не умеет, кашеварить за него, если он от усталости не дышит.

На черта его тащить с собой, не лучше ли бросить? А может, он самый умный и хорошие советы подает. А может, дурак, но вот внук его рождается гением: есть смысл побережь. А может, уж очень человек душевный, коллективная совесть. А если сволочь? Но главное: сегодня его бросили, а завтра меня, вдруг я заболел. Нет, уж группой — так группой.

Опять же — получаем оптимизацию действий, преимущества коллективного выживания.

Вот какие мы умные, гуманные и, соединяясь в систему, лучше выживаем. Так, что ли? Банально, что ли?

5. Ролевое распределение

И всегда выделяется лидер. Он не всегда самый сильный. Не всегда обладает самым твердым характером. Не всегда самый умелый по жизни. И не всегда самый умный. Но вот по сумме этого многоборья у него больше всех очков.

А самое главное — в критических ситуациях он всегда берет на себя ответственность, принимает решение и добивается от остальных его выполнения. Он может организовать, убедить, настоять, заставить. И ему это нравится и этого хочется.

А если не очень хочется? Тогда сообща выбирают себе старшего. Потому что в некоторых ситуациях кто-то должен руководить, командовать: хотя бы бревно на сруб поднимать или с привала сниматься.

И всегда выделяется аутсайдер. Или самый хилый, или жирный, или робкий, или неумелый. К нему снисходят, посмеиваются, при случае помыкают.

И есть группа повыше, «перворанговая». И есть — пониже, «второранговая». По силе, характеру, умениям.

И энергичные всегда будут наверху. А вялые — внизу.

И все это выглядит разумно и логично. И представляется к пользе дела: люди от природы не равны, каждый делает что может и получает благ и уважения в соответствии со своим вкладом и натурой.

Социум, понимаешь. Человек — животное социальное, заметил еще Аристотель.

6. Крысы в вольере

Ужасная вещь: для того, чтобы живым существам образовать из себя и собою систему, много ума не надо. Без гениального человеческого разума многие обходятся. Э?

Моржи в стаде, волки в стае, львы в прайде и т. д. — все имеют свою иерархию. Могут сказать: естественный отбор — дают потомство самые живучие и приспособленные. Гм.

А вот крысы. Весьма многоступенчатая иерархия в крысином сообществе. Вожаки, перворанговые самцы, перворанговые самки, второранговые, парии.

Вот они живут в вольере. Корма и места всем достаточно. Но иерархия соблюдается! Хотя прямого смысла нет — все выживают. Но они не сами по себе — они в системе. Сегодня легко жить, завтра трудно — а система сохраняет себя.

И вот открывают дверцу в соседний вольер — пустой. И крысы туда не торопятся. Они умны и осмотрительны, осторожность не вредит: что там, в новом свете?

Первыми идут обследовать новую территорию «разведчики» — особи обычно второранговые, которым дома не мед. А вдруг будет неплохо, лучше?

Затем они возвращаются домой — и уже с группой переселяются на новое место — «пионеры».

А потом уже около половины стаи перетекает на новое пространство, обследованное «пионерами» и явно пригодное для житья. И первое, что делают «вожаки» из тех, кто перетек с этой половиной — убивают «разведчиков».

Вам это ничего не напоминает?

Система стремится сохранить себя. Неважно, что корма и места достаточно. Психологический и через него социальный механизм продолжают выполнять свою программу.

Система — не простое сообщество монад, но новая структура. У этой структуры свои возможности и свои задачи. Самосохранение и саморазвитие — весьма важная задача системы. По ситуации выделяются новые роли — а потом роленосители уничтожаются: порядок.

Система существует для того, чтобы в тяжелых и опасных условиях реальной жизни обеспечить выживание и размножение самых сильных и приспособленных. А для этого надо контролировать как можно большую территорию и поголовье на ней.

В Австралии «разведчики» удрали бы подальше и размножились безмерно. А в вольере удрать им некуда...

Как там насчет революций, пожирающих своих детей? Насчет первооткрывателей, которых обирали и вытаскивали государственные чиновники и торгаши? Но не будем забегать вперед.

7. Зеки в камере

А теперь суем двадцатерых не в тайгу и не в поход, а в тюремную камеру. Или — отряд на зоне.

Российский следственный изолятор, где не повернешься и не продохнешь, брать не будем: это уже попытка бытовыми условиями. Возьмем нормальную благоустроенную зону. Для человека, впервые попавшего туда на экскурсию, условия жизни выглядят удивительно гуманными: непонятно даже, в чем уж такое наказание. Жилое помещение напоминает благоустроенную армейскую казарму: нормальные койки в два яруса, тюфяки, одеяла, раз в десять дней сменяют свежее белье и водят в баню. Трехразовое питание — ну ничем не хуже обычного солдатского в обычном линейном мотострелковом полку: воруют меньше прапорщики и интенданты. Восемь часов сна — отдай. Восьмичасовой рабочий день в производственной зоне — нормальная работа: рукавицы там или тапочки шить, или ящики сколачивать, или по металлу чего точить. Не переломишься. И даже с жалких грошей, что выплачивают зеку из заработанного, можно в ларьке купить сигарет, или чаю, или пряников. И даже посылки с воли иногда приходят с едой или теплыми вещами. Ребята — ну ей же Богу ничем не страшнее армии, только муштры и окриков куда меньше.

Адом делают свою жизнь сами зеки.

Жесточайшая иерархия. Наверху — пахан, главвор: в углу у окна подальше от двери, на нижней койке, на лучшем месте. Рядом — воры и блатные. Они не работают, им западло: уголовный закон не велит. Носят тюремную одежду и обувь поновее. Отбирают лучшие куски из посылок и передач остальных. Пол не моют, сортир тем более. Помыкают остальными.

«Мужики» работают за себя и за воров и лучшее отдают им.

«Чушки» делают грязную работу, над ними издеваются для развлечения и чтоб знали свое место.

«Опущенных», «петухов» можно драть и за людей они вообще не считаются, их можно заставить хоть на дереве жить.

Казалось бы: зеки — товарищи по несчастью, вертухаи — их враги. Так логично бы помогать друг другу, облегчать друг другу жизнь — и сообща противостоять угнетателям. Фиг!

Тюремные психологи возимели было мнение, что это происходит из-за гадских уголовных традиций: испорченные рецидивисты портят жизнь остальным. Ставили опыты: осужденные по первой ходке, с нетяжелыми бытовыми статьями, не пихаются вперемежку на общий режим — а отделяются и селятся вместе, без блатных. Нормальные, то есть, люди в приемлемых условиях.

И через короткое время эти мирные люди образуют точно ту же структуру: по своим правам и обязанностям выделяется «вор», «блатные», «мужики», «чушки», «опущенные». И жизнь делается в такой камере или отряде еще ужаснее: рецидивисты как-то соблюдают традиции «закона», а здесь сплошной беспредел, отношение к тем, кто ниже тебя по этой социальной лестнице, еще более жестокое и неограниченное в издевательствах. Опыты прекратили — озадачились...

Итак, мы имеем самоорганизацию системы. Помогает ли такая система что-то делать, работать, производить? Нет. Помогает ли выживать своим членам? Нет, наоборот. Так на кой черт она нужна и почему образуется?

Пытались мешать организации такой системы, объясняя зекам нерациональность их поведения, не говоря уж о негуманности. Меры принимали, запрещали, наказывали. Не получалось. В карцер шли «воры» и «блатные», но на своем стояли. А самое-то ужасное — убирали блатных, так из «мужиков» выделялись другие на их место.

Но. Но. Что дает своим монадам такая система? А сильные ощущения дает — и положительные, и отрицательные. Пахан наслаждается своей властью и чувствует свою значительность — но постоянно готов за свою власть драться, рисковать, лезть на нож или наматывать себе новый срок. Блатной прогибается перед паханом, прези-

рает мужика и сладко глумится над опущенным. Опущенный страдает — но счастлив, если не избили, не опустили почки, разрешили пожрать. Мужик оберегает свой статус, глотает унижения и побои от блатных, радуется, если все сравнительно благополучно в его этой жизни, и чувствует себя человеком по сравнению с презираемой кастой, мастью.

Мы имеем социум. Структурированное общество. Вне себя эта система может ничего не производить. Но внутри себя обеспечивает своим монадам «эмоционально богатую, наполненную жизнь».

Этот чувственный аспект первичен при самообразовании людей в систему. Даже если у системы отсутствует конкретная возможность и цель деятельности, она все равно образуется.

В принципе (в принципе!) отношения в камере не отличаются от отношений в детсадовской группе или школьном классе: есть лидер, хулиганы, середняки, слабаки, стукачи, изгои, «ломом опоясанные» одиночки.

Разум, рациональный подход к устройству своей и общественной жизни, к решению стоящих перед сообществом людей задач — здесь не главное, не доминанта.

Психологическое устройство человека, его повышенная энергетичность, которая проявляется прежде всего на уровне потребности в сильных положительных и отрицательных ощущениях, обеспечивает самоорганизацию людей в систему.

Человеку потребно включать себя в людскую систему прежде всего не для решения конкретных реальных задач — а для получения максимальных положительных и отрицательных ощущений. Понятно, что это его стремление не умственно, а подсознательно — и реализуется более через подсознательные влечения, чем через осознаваемые жизненные потребности.

Для человека как системообразующей монады первично не стремление решить реальную, бытийную задачу, которую проще решить сообща — а стремление получить посредством системообразования больше положительных и отрицательных ощущений: т. е. жить активнее на уровне чувств.

Корень — в этом.

Образовываться в систему, чтобы больше и мучиться, и радоваться. А больше делать — с точки зрения человека как субъекта прежде всего чувствующего — это уже следствие, это вторично.

Вот таков исходный механизм системообразования для человека.

8. Семья

Семья — система более биологическая, нежели социальная. В одиночку человек не размножается. Биологические роли мужчины и женщины взаимодополняющи. Сущность и назначение семьи как двуполой системы понятны на биологическом уровне. Вряд ли здесь требуются разъяснения.

А вот однополая семья для понимания чуть сложнее. Мы имеем подобие биологической системы — без ее реальной природной функции. (Хотя многие гомосексуалисты и лесбиянки мечтают о времени, когда наука позволит им иметь ребенка с любимым человеком без участия противоположного пола. И, что характерно, не исключено, что в будущем они получат свой шанс. Что лишний раз подтвердит нашу теорию: чувство стремится через разум к совершению действия.)

Человек размножается не потому, что говорит себе: мне пора размножиться, такова функция моего организма (мой долг перед народом, перед государством, надо оставить потомство, надо передать кому-то наследство). Он хочет совокупляться с противоположным полом. Вообще — или с конкретным или даже единственным представителем. Хочет наслаждения, ласки, заботы, понимания, любви, уюта, общения, защиты и т. д. Детей хочет, а иногда не хочет и применяет контрацептивы, а иногда не думает об этом, а просто хочет обладать партнером. Но даже при осознанном желании иметь ребенка это чувство невозможно резко отделить от сферы прочих сопутствующих чувств и желаний, которые выше перечислены.

Гомосексуалист тоже всего этого хочет. И образует с другим гомосексуалистом семьеподобную систему. Всё

как в семье. Ну, только вместо комплекта половых органов два полукомплекта. Оба отлично знают, что дети у них не рождаются. А друг друга хотят и даже иногда любят.

Ну, сбой в хромосомах. Или навешенная привычка, перешедшая в рефлекс. Или отсутствие лиц противоположного пола — при осязательной половой потребности.

Для нас сейчас важно не это. А то, что даже такая биологически обусловленная (можно сказать, абсолютно жестко детерминированная) система, как семья, образуется монадами не для того, чтобы выполнять конкретную задачу размножения, а для того, чтобы удовлетворять желания, т. е., давать ощущения.

Один не хотел жениться, тяготеет семьей, гуляет — а живет. Второй хочет создать семью — да что-то ни с одним конкретным партнером у него жить не получается, хотя для выполнения природной задачи почти все годятся. Чувства первичны, чувства!

В основе создания и существования системы лежит стремление человека к ощущениям. Сенсорное, а не рациональное.

Гомосексуальная семья — как отряд на зоне: система существует и удовлетворяет потребность в ощущениях, вот только реальных следствий в окружающем мире нет. Субъективная обусловленность системы есть — а объективная отсутствует.

Непродуктивная система. Можно сказать так.

Гетеросексуальную семью можно в этом плане уподобить бригаде в тайге: не только вступают в ролевые отношения, но и производят вследствие этого большие реальные действия в окружающей среде, как-то изменяют ее.

Продуктивная система. В данном случае — репродуктивная.

9. Система структурирует: Бытие-внутри-себя и Бытие-вне-себя

Что делает продуктивная система? Производит «внешний» продукт. Что-то такое делает, что объективно появляется и существует вне ее. Можно сказать: структурирует

окружающее бытие, складывает какие-то его детали в такие конструкции, которых раньше, до действий системы, не было. Поселок строит, к примеру.

Что делает непродуктивная система? Никакого внешнего продукта она не производит. Окружающий мир, объективно глядя, не изменяет. Существует сама для себя. А составляющие ее монады, люди, вполне заняты: вовлечены в межличностные связи, напрягаются в поддержании внутрисистемных отношений, заботятся о своем статусе, прикладывают силы для поддержания своего положения, радуются и горюют. Отряд зеков.

Различие между ними понятно: это наличие или отсутствие в окружающем Бытие следствий существования этих систем.

А сходство? В аналогичности внутренних структур и внутреннего функционирования. Мир зека сужен до размеров камеры или зоны. В этом мире зек реализует свои желания и возможности: устраивается лучше или хуже, отлынивает от мытья пола, охотится за лучшим куском, достает лучшую одежду, тащит ярмо опущенного или сражается за привилегии блатного. И борется за это ничуть не меньше, чем работяга за повышение зарплаты или сокращение рабочего дня. И самоутверждается в этом ничуть не меньше, чем начальник бухгалтерии над младшим бухгалтером или директор завода над своим шофером.

Первый на деревне — более человек, чем последний в Риме, справедливо рассудил Цезарь.

Любая система всегда и прежде всего структурирует Бытие-внутри-нас. Свой внутренний, субъективный мир. А вот этот внутренний мир — может распространяться на внешний, а может и нет. Система прежде всего имеет дело с миром как со своим представлением о мире. Это представление о мире прежде всего включает ее саму, а уже потом — все остальное.

Системе без разницы, как проецируется ее Бытие-внутри-нас на внешнее Бытие-вне-нас. Главное — чтоб в Бытие-внутри-нас было все в порядке. Для сравнения: двигатель должен работать, а уж едет машина или нет — это дело коробки передач, кардана и колес. А сам двигатель старается как может, и в его представлении чем

лучше он работает — тем больше от него толку машине, а что там с ней на самом деле делается — он знать не может, он судит о езде по собственной работе.

С точки зрения внешнего наблюдателя, объективной, система или структурирует Бытие-вне-нас — или это какая-то бессмыслица, низачем не нужная. С точки зрения внутреннего наблюдателя, субъективной, система всегда структурирует Бытие (-внутри-нас), в этом ее смысл, целесообразность, необходимость — а «провести грань» между Бытием-вне-нас и Бытием-внутри-нас она «не может» — не может выскочить за рамки себя как субъекта, своего представления о мире, своих задач.

10. Фирма

В «Законах Паркинсона» есть дивный пример. Британское Адмиралтейство. Во время I Мировой войны тоннаж и количество выпелов Его Величества флота значительно вырос. В отстающей пропорции рос и аппарат Адмиралтейства.

После войны флот стал сокращаться. А аппарат продолжал расти. В результате флот стал меньше довоенного — а аппарат значительно многочисленнее. Хотя дел у него, казалось бы, стало меньше. Но на внутрисистемном уровне — дел стало больше! Управления, отделы, подотделы и горы бумаг.

Каждый хочет зарплату и должность выше. Функционеры находят все новые способы улучшения общей работы, уточнения всех деталей и подробностей, совершенствования обеспечения боеготовности — и так без конца. И заняты все — выше горла!

На уровне монады, человека, — каждый стремится быть полезнее, значительнее, делать свое дело еще лучше — и лучше при этом жить. На уровне системы — она заботится прежде всего о себе самой: еще бы, ведь она — мозг и нервы флота, она — главная, без нее он превратится в мертвое железо, это она все обеспечивает, и, следовательно, чем ближе ко всеобъемлющей ее работа — тем лучше, это первоочередная задача. И она громоздится над собой, как скала на дрожжах, если скалы

могут расти на дрожжах. И бюрократизация аппарата душист все вокруг.

Флот полагает, что Адмиралтейство для него. И работники Адмиралтейства тоже так полагают! Но у системы своя логика, своя целесообразность и свои законы развития. Система неизбежно отождествляет свое благо с благом флота. Все нужды воспринимает в первую очередь через призму нужд собственных: ведь она — не чужая флоту, не инородное образование, она — его мозг, руководящий орган, главная.

И сотрудники засиживаются после работы и получают благодарности, выговоры, премии, награды, чины и инфаркты.

Вышеизложенное в общем относится к любой фирме, коллективу, учреждению. Стремительный рост фирм в России девяностых годов показывает, как созданное несколькими приятелями предприятие мгновенно бюрократизируется и многоступенчато усложняется по мере существования. И вот уже простое дело требует внутренних виз и согласований, и всем нужны дополнительные сотрудники, и не хватает мест в просторных недавно помещениях.

Субъективный фактор понятен: каждый хочет быть значительнее, главнее, богаче. Но есть и объективный. Руководители с удивлением убеждаются, что многого внутри собственной фирмы они просто не в силах изменить: люди сволочи, хорошо работать не хотят, заменить за ту же зарплату их некем, выгнать нельзя — масса мелких дел провиснет, многочисленные партнерские обязательства вяжут по рукам и ногам, рынок диктует свои законы, отдохнуть толком некогда — свобода превратилась в сплошную необходимость, не то фирма просто рухнет. Система начинает диктовать человеку.

Он делает фирму для себя — и становится ее рабом. А кто его заставлял создавать систему? А собственная энергия, желание делать дела и бабки. Ну — получи. Зато ощущений — море. И пахоты выше крыши. Самореализация.

Система делает себя из людей и начинает выжимать из них соки. Стремится заработать максимум денег. Растет и превращается в монстра. Делается неразворотлива,

хуже ловит мышей, медленнее реагирует на новое. Раньше или позже рушится: вечных систем нет.

И всегда преследует собственные интересы, которые могут совпадать с интересами монад, а могут и нет.

11. Ветвь и дерево

Сюда можно насовать массу цитат, начиная от Платона. Сравнения с ульем и муравейником, метафоры о воле богов и железной руке провидения. Джон Донн, Бен Гилель и еще шеренга. Ограничимся Паскалем: «Ветвь не сознает, что она — часть дерева».

12. Армия

Системы могут быть продуктивными и непродуктивными. Но продукт тоже бывает разный. Вообще под «продуктом» здесь понимается действие, изменение, любое переструктурирование Бытия-вне-нас. Может быть конструирование и де-структурирование, упрощение и разрушение уже имеющихся структур.

Классический образец деструктурирующей системы — армия. Конструктивный аспект армии как системы — с одной стороны, она входит необходимой подсистемой в систему государства, с другой стороны — под нее создаются материальные и социальные структуры, из которых она и состоит. Деструктивный, а вернее — деструктурирующий аспект: армия существует для уничтожения и разрушения.

Армия прекрасно иллюстрирует превосходство системы над бессистемным скоплением, равным ей по численности, массе, по арифметической сумме энергий составляющих бессистемное скопление монад. Для простоты: превосходство фаланги над вооруженной толпой. Регулярного войска над сбродным ополчением.

«Лучше стадо баранов, предводительствуемое львом, чем стадо львов, предводительствуемое бараном», — повторил Наполеон формулировку Эпаминонда. Четко координируемое сложение усилий.

Средний германский воин в единоборстве не уступал среднему римскому, а скорее превосходил его: рослый, сильный, яростный, бесстрашный. Чего германцам не хватало? Организованности и дисциплины.

Берем самых сильных, агрессивных, суших зверей, обученных бою. Составится ли из них наилучшее войско? Не факт. Если они начнут спорить с командиром, показывать в повседневности каждый собственный характер, действовать в бою по своему влечению, пониманию и стремлению к подвигам — система начнет давать сбой. Поэтому буйных в армии репрессируют, даже если это лучшие бойцы. Лучший боец — это хорошо, но гораздо важнее, чтоб ты безупречно функционировал как винтик системы. Фаланге не нужны индивидуальные подвиги, фаланге нужно безупречное выполнение приказа каждым.

Так что не надо удивляться, когда люди с наилучшими бойцовскими качествами и желаниями в армии не преуспевают, а вообще не вылезают из взысканий. Не вписываются в систему. Ломаются, обтесываются или отторгаются.

Какие качества ценятся в воюющей армии, кроме безоговорочной исполнительности? Умелость, выносливость, известная предприимчивость в выполнении приказа любыми средствами и любой ценой.

Хлоп! — победили, выводятся из боев, война кончена, армия начинает жить в мирных условиях. Что произошло?

А произошло принципиальное изменение системы. Из продуктивной она превратилась в непродуктивную. Она больше ничего вне себя не производит. А внутренняя структура осталась та же самая.

Эге. Армия уподобляется тюрьме. Рота — отряду на зоне. Жизнь ее — Бытие-внутри-нас. Объективно она ничего не делает.

Критерии исправного солдата меняются. Бойцовость и предприимчивость больше не нужны. Нужен внешний вид и образцовое содержание гарнизона. Строевая подготовка и знание уставов. Хороший солдат: мгновенно прыгает из койки в строй и из строя в койку, рубит вызубренные ответы на занятиях, начищен, в

самоход не ходит, пьяным не замечен. Хорошая часть — где нет ЧП, не ломается техника, не дезертируют воины, покрашены заборы, трезвы офицеры, ничего не взрывается и не крадется. Тогда начальство довольно и чины идут.

А что солдаты не умеют стрелять и укрываться от огня, механики-водители еле справляются с техникой, техника стоит в парке на консервации без профилактики десять лет по принципу «не тронь — не сломается» и в случае войны хрен заведется, офицеры жиреют и забывают даже то, чему учились в училищах — это, в общем, неважно.

Зато боевая часть привела бы инспекцию в ужас и негодование: одеты кто как, строевая ни в дугу, козырять ленятся, техника ободрана, уставов не знают — сброд, сброд! всех драть, командира гнать.

Энергия монад в боевой армии суммируется и пускается в боевые действия. Та же энергия в мирной армии пускается во «внутренний распорядок». А поскольку «внутренний распорядок» столько же энергии потребить не в состоянии, то, во-первых, отцы-командиры придумывают солдату как можно больше работы — любой, лишь бы был занят и «не разлагался», а во-вторых, солдаты вкладывают свою энергию в построение и поддержание межличностных отношений, которые в боевой армии никому не приснятся: кому где курить можно, а кому нельзя, кому какая вольность в одежде положена, а кто думать о таком не смей. Внутренняя структура усложняется по принципу, сходному с камерным. Только вместо блатных — старики, а вместо чушковых — молодые, новобранцы то есть. Эмоций у тех и других — море. Жизнь — адская. В России сегодня это называется «дедовщина».

Самореализация и самоутверждение мирных солдат происходят через структурирование внутрисистемных отношений. Для солдата эти отношения имеют огромное значение. Есть ли у нас возможность структурировать Бытие-вне-нас, нет ли, но Бытие-внутри-нас мы структурируем всегда.

(Так и напрашивается вопрос: ну так как же прекратить дедовщину в мирной армии? Если конкретно, то —

приблизить формальные отношения к неформальным: сержантами делать только старослужащих, через каждые полгода давать солдату определенные значки отличия и льготы; бессмысленную муштру заменить осмысленной боевой учебой. Если абстрактно — то отсосать из системы часть энергии: больше отпускать солдата из гарнизона, да пусть он хоть ночами на заводе подрабатывает, деньги на дембель копит: меньше будет придавать значения изматывающим закавыкам гарнизонной жизни. Но это все на уровне благих пожеланий...)

13. Государство — всегда

Система живет внутри человека. Кому охота, можно сказать, что стремление и способность человека общаться с себе подобными в систему имманентно.

Роман Голдинга «Повелитель мух» недаром стал одним из хитов XX века. Всего у пацанов для жизни на необитаемом острове хватало, но государство со всеми его прелестями и ужасами они себе сварганили мгновенно и «автоматически».

В суровых условиях сообща легче выживать — о'кей. Но если для выживания вовсе никаких условий прилагать не надо, люди все равно государство или пред-государство образуют. На благословенных островах Океании, где в курортном климате пища только что сама в рот не падает и хищников нет — иерархия, ранги, ролевые различия, закон, подчинение, табу и т. д.

В системе человек получает больше положительных и отрицательных ощущений. В системе живет более полной жизнью. В системе полнее реализует все свои возможности и самоутверждается, измеряя степень своей реализации относительно других себе подобных. В системе совершает бóльшие действия, сообща с себе подобными активнее структурируя окружающий мир — Бытие-внутри-нас и Бытие-вне-нас.

Людей-одиночек история не знает. Сколько мы можем говорить о человеке — столько он существовал в той или иной государственной или пред-государственной системе.

14. Цель государства

Один из самых идиотских лозунгов — это: «Цель государства — благо народа». Эту лапшу вешают на уши своим доверчивым гражданам государства, которые дважды в XX веке устраивали мировые войны и уничтожали десятки миллионов человек, ввергая свои народы в бедствия страшные. И всегда находились красивые лозунги на злобу дня: «Свобода», «Независимость», «Счастье», «Справедливость», «Жизненное пространство» и «Оборона священных рубежей».

Все хотят блага — а получается, мягко говоря, всякое разное. Хотим собрать кровать — а получается пулемет. Масса причин, разнообразие следствий, и для блага народов атомные ракетноносцы прошпиговали мировой океан. Народ, жалуются, не созрел до Царства Добра. Такое горе: нету для нас у Господа другого народа.

Чтоб лежать папуасу под пальмой и кушать банан, государство ему не нужно. В государстве он изладит копье и побежит убивать другого папуаса. Вот и все благо. По команде вождя.

Может ли государство сделать людей счастливыми? О, дайте рай с милой в шалаше, банан с пальмы — и подите все к черту!

Мы счастливее и добродетельнее древних греков? Сейчас! Мы умнее? Ага. Он — Аристотель, а ты — дурак. Мы стали отчаянно гуманнее? Оу, йес! Ковровое бомбометание как орудие гуманизма. Мы можем больше сожрать и выпить? Увы, емкость желудка не позволяет.

А в чем же мы добились явных результатов? Мы больше знаем о всякой всячине и больше производим всякой всячины.

Научно-технический прогресс налицо. Материальный прогресс налицо. Прочие аспекты? Античная скульптура, архитектура, драма — подавитесь своими бетонными коробками и мыльными операми.

Представим себе благо народа в Древнем Египте. Пшеницу сеют, скот пасут, пиво делают: хорошо живут, чего еще. Нет: упираются и строят гигантские пирами-

ды — пот, труд, пыль, камни, стук, жара. Чего в тени-то не лежалось?

А что осталось бы от Древнего Египта, если бы не было пирамид, храмов и золота фараонов? А ни хрена бы не осталось.

Человек делает самое большое, на что он способен в жизни.

И государство — система — делает самое большое, на что способна она, система. В этом ее цель и задача.

Древние египетские царства существовали не для того, чтобы египтяне ели больше пшеницы и пили в тени больше пива. А для того, чтобы ставить пирамиды.

Знания, ремесла, науки, профессии, религии, жрецы, письменности, богатства — это все прекрасно. Но если мы посмотрим со стороны, из дальнего далека, объективным глазом, на все, что там эти людишки на Земле делали — увидим мы только то, что они таки сделали. Вот в Египте — пирамиды поставили. Часть знаний грекам и семитам передали. И сгинули.

Суть системы не в том, чтобы монада была жирная и благополучная. Суть системы в том, чтобы монады больше чувствовали и делали в ней, чем по отдельности. Монада полнее самореализуется и активнее структурирует Бытие.

15. Локк, Гоббс и Спенсер

Эти великие английские философы в общем рассматривали государство как организм в целесообразном взаимодействии его органов. Управляющая голова, работающие руки, превращающий пищу в питание для всех органов пищеварительный тракт, доставляющая до потребителей кислород и питание торговля-кровь и т. д. Подобный анатомический подход часто употреблялся как традиционный и даже канонический. Здесь все понятно и логично.

Системный подход — он более общий, и потому более плодотворный и верный. Организм — это тоже система, частный ее случай.

16. Предварительные обобщения

Человек стремится к максимальным оптимальным ощущениям и максимальным оптимальным действиям.

Сообразование в систему позволяет человеку полнее удовлетворять исконно ему присущее (имманентное) стремление к большим ощущениям и действиям.

Сообразование в систему исконно присуще человеческой натуре.

(Мы здесь рассматриваем человеческие — общественные, социальные — системы.)

Системы бывают продуктивные и непродуктивные.

Непродуктивная система структурирует исключительно Бытие-внутри-нас. Этим смысл ее существования субъективен.

Продуктивная система структурирует Бытие-внутри-нас, проецируемое на объективный материальный окружающий мир, т.е. структурирует тем самым и Бытие-вне-нас.

Продуктивная система может быть структурирующей и деструктурирующей. (Для простоты слова можно сказать — конструктивной и деструктивной.) Главное — в любом случае продуктивная система пере-структурирует Бытие-вне-нас.

Заметим, что ни кон-структурирующая, ни де-структурирующая система в чистом виде не существует. Чтобы структурировать дом, мы деструктурируем дерево — убиваем, рубим, ошкуриваем ствол и т.д. Чтобы деструктурировать дерево — из железной руды и деревянного обломка кон-структурируем топор.

Классифицируется система по преобладанию конструктивного или деструктивного начала.

Если мы рассматриваем Бытие как эволюцию систем от простых к сложным — физических, геологических, биологических, социальных — то как результирующий вектор однозначно прослеживается конструктивная сущность системы. В общем и среднем конструктивное начало преобладает над деструктивным.

Государство есть наиболее сложная, общая система, сегодняшней венец эволюции как системообразования.

С другой стороны, государство входит в общую системы Бытия, как входит в нее вообще все.

Суть и основная бытийная функция государства — дальнейшее и все более сложное структурирование Бытия, точнее — Бытия-вне-нас.

17. Предопределенность

На уровне вообще Бытия появление и наличие государства обусловлено энергоэволюцией Вселенной, разворачивающейся по линии усложнения системообразования и нарастания энергопреобразования. Посредством государства люди совершают все бóльшие действия.

На уровне психологическом, субъективном, индивидуальном уровне монад, появление и наличие государства обусловлено внутренне присущей человеку потребностью переживать больше разнообразных ощущений и совершать больше максимально возможных действий, полнее реализовывать инстинкт жизни.

Экономический, социальный, политический и прочие уровни существования государства обусловлены вышеназванными двумя и проистекают из них. Они не являются базовыми, фундаментными, всеопределяющими, первичными. Они — следствия из первых двух, базовых. Они как бы находятся между ними.

Государство в целом, государство как система, какой оно и является, может быть понято лишь при учете двух своих базовых уровней. Так шкала линейки имеет левую и правую ограничивающие риски, крайние метки отсчета. Так пластины аккумулятора расположены между крайними, укрепляющими и конечными, обкладками.

18. Происхождение государства и семья

В принципе может быть семья без государства — отшельники-хуторяне с натуральным хозяйством, и государство без семьи — Запорожская Сечь.

Нельзя рисовать восходящую линию социальной эволюции как: семья—род—племя—союз—государство. Вре-

менные семьи есть у всех животных, а у многих — постоянные, на всю жизнь. В Спарте роль семьи была сведена к простому упорядоченному деторождению, а государство было сильное и долговечное.

Сказать, что появление семьи предшествует появлению государства — все равно что сказать, что появление человека предшествует появлению государства. Семья — не прообраз и не праоснова государства, семья лишь форма существования индивидуального человека. Человека разумного под другим углом зрения можно назвать «человеком семейным». Неразумного тоже можно.

Были семьи моногамные, полигамные, групповые простые и с разнообразными видами внутренней перекрестности — не суть важно.

И вряд ли правильно объявлять моногамную семью более совершенной, чем прочие. Ислам с его четырехженством достиг немалых вершин цивилизации, а вороны с их моногамией цивилизации так и не создали.

Семья — биологическая система, обусловленная двуполостью вида. В государстве люди друг друга имеют только в переносном смысле.

Семья для государства — все равно что личное хозяйство колхозника для колхоза как системы: хорошо бы эти личные хозяйства отобрать и заставить всех пахать исключительно на колхозном поле. Да не получается. Платон создал дивную модель идеального государства без семьи, но внедрить не сумел, хотя бегал с этой идеей по всей Греции, пока впечатлившийся Дионисий не законопатил его на рудники.

То есть: не человек через семью приходит к государству — а «человек семейный» приходит к государству. Есть разница.

И семья, и государство — системы. И в той, и в другой человек вступает в ролевые отношения. И в той, и в другой больше пашет, разделяя функции. Только семья попроще, а государство посложнее, и государство состоит из семей. Эта аналогичность многих думателей сбивала с толку, и они выводили сложное из простого.

Чем семья всегда раздражала государство? Тем, что отсасывала часть энергии, которую государство хотело бы употреблять целиком на собственные нужды. поэто-

му государство то и дело норовило объявлять государственное выше семейного, т. е. личного. В идеале государство стремилось к казарме. Что никогда толком не получалось, но определенные успехи были.

Почему в результате в мире возобладала моногамная семья? Потому что она самая простая. Меньше невозможно. Отсасывает минимум энергии. Все «конструктивные излишества» ссыпались с нее.

Ставим чистый опыт. Берем одного мужчину и одну женщину и суем их в ландшафт средней суровости и плодородности. И они мгновенно образуют систему. Как биологическую, так и в более широком смысле слова вообще продуктивную. Он убивает мамонта, строит хижину и охраняет семью — она жарит мясо, шьет из шкур одежду и воспитывает детей. Через два поколения семья превращается в род, еще через три — род превращается в племя. Возникает соперничество, споры — все самореализуются и самоутверждаются как могут. Возникает иерархия и ролевое распределение функций. Возникает простейший закон. Появляется вождь, а при нем — советник, он же шаман, он же консьерже, он же премьер-министр. Возникает группа перворанговых охотников-воинов. И домочадцы любого мужчины подчиняются уже не только главе семьи, но также — и во всех главных вопросах в первую очередь — закону и вождю. Роль отношений в семье начинает уменьшаться — роль внесемейных, внешних отношений в разросшейся, усложнившейся системе начинает увеличиваться. Когда и на кого охотиться, с кем воевать или от кого убежать решает уже не семья во главе с мужем, а прагосударство — совет мужчин во главе с вождем и в соответствии с законом, обычаем, прецедентами, опытом. Прагосударство снимает с первобытной семьи часть функций. Семья приобретает сугубо частный характер. Для совместных, системных, действий она уже не обязательна. Для обороны перед лицом врагов или охоты на носорога большая семья уже не обязательна, преимуществ не имеет. И возникает принципиальная тенденция к упрощению семьи как системы — тенденция перехода к моногамии. Возобладать эта тенденция может отнюдь не быстро — но она имеется и постепенно проявляется.

И проделывает путь наша семья от большого, о трех поколениях, скопища народа до семьи не только моногамной, но и малодетной, но и вовсе бездетной, но и матерей-одиночек, и это в глазах всех становится обычным и нормальным. В системе государства ты обретаешь и секс, и защиту, и благосостояние, и самореализацию. Кому увы, кому ах.

Можно сказать, прибегая к традиционным сравнениям, что семья рождает государство и умирает (в тенденции, в принципе, в результирующем векторе, конечно, а не так уж сразу — брык и коньки отбросила). Правда, когда она умирает — недолго и государству жить остается, но об этом — в другом месте... И волосатый патриарх вздыхает: «Эх, когда-то семья была — так это ж была семья!» — а его наглый малолетний отпрыск, побитый за кражу варенья из буфета, подает жалобу судье, и отцу впиливают два месяца принудработ за нарушение прав ребенка и физические истязания. И патриарх от унижения спивается и вешается, а государство дает его способным детям стипендию и общагу в университете, и на хрен им такой папаша не нужен, их кормит социальный фонд и защищает полиция.

Но, повторяем, выводить происхождение государства из семьи — это то же самое, что выводить происхождение государства из сперматозоида или ДНК. Тогда уж прямо из Большого Взрыва. Поступенчатое усложнение систем — бесспорно и очевидно. Конкретно нас интересует, как оно образуется из уже готовых людей, каков механизм и смысл этого образования. То есть: после того — не означает вследствие того.

Государство есть следствие семьи лишь на историческо-биологическом уровне: люди размножились. Системообразующие монады в достатке появились.

Чистый опыт, вариант два. Взяли кучу женщин и поселили в том же ландшафте. И дали им банк спермы. Причем такой, чтобы рождались только девочки. И что? И будет государство.

Вариант три: куча мужчин и инкубатор. Результат? Опять же государство, только не женщин, а мужчин.

Принципиальное происхождение государства — не в расширении семьи. А в той программе вступления в со-

циальные отношения, которая, если можно так выразиться, заложена в человеке.

Эта программа проявляется и в создании семьи как социальной именно системы, и в создании государства, — но не одно вследствие другого.

19. Из чего состоит

Упомянем известное для пушей ясности.

Идеальной (идейной) основой государства является право. Обезличенный Закон. Он обязателен для каждого и не зависит ни от кого конкретно. Рыдайте, но следуйте.

Реальной (материальной, бытовой) основой государства как системы являются три структурных механизма: армия, полиция и дворцовый аппарат. Такой тренажер. Они назывались в разные эпохи и в разных местах по-разному, это неважно.

Обеспечивающей функцией является сбор налогов, производимый прямым или косвенным участием этих трех механизмов на основе Закона.

По отношению к государству все населяющие его люди разделяются на два класса: государственные служащие и производящие работники. Здесь возможны разнообразные вариации: временность выборных госдолжностей, владельцы рабов или сдаваемых в аренду предприятий как «косвенные производители», общий совет свободных граждан как высший исполнительный орган государства, сенаторы как одновременно и владельцы производящих продукт рабов. Т. е. можно выполнять функции представителей двух классов попеременно или даже одновременно. Это деление уже не является столь ясным и традиционным, как предыдущие, и может вызвать возражения. Но если взглянуть «с точки зрения государства» — такое деление понятно и правомерно: те, кто являются частью собственно государственных структур — и те, кто создают материальную основу государства. Они могут совмещаться в одном лице, что реже, и не совмещаться, что чаще. Функционеры собственно системы — и функционеры производства продукта, структурируемого сис-

темой. Чем сложнее государство — тем меньше совмещения, тем больше разделения на эти два класса. По отношению к государству — это подчинители и подчиняемые. Стальная арматура, каркас, — и заполняющий объем конструкции бетон, прибегая к сравнению.

20. Начало

Викинги пришли на Русь, обложили данью, недовольных подчиняли, врагов-конкурентов вырубали, закон утвердили — в свою пользу, но чтоб и народишко не мер, кто кормить-то будет. Образовалось Древнерусское государство. Дружина была и армией, и полицией, и дворцовым аппаратом. Заразы. Пришлось пахать и на себя, и на них. Правда, родной бандит — защита от чужого.

Они же, англы и саксы, в то же почти время, ну чуток пораньше, пришли в Англию и стали обкладывать данью встречных и поперечных, рубясь шайка на шайку. Собственных подопечных защищали — с них кормились. В конце концов объединились в семь главных дóмов. Домы заключили конвенцию о территориальных правах и установили регулирующие законы. Стали выбирать единого короля. Образовалось английское государство.

Латинские бандюки построили себе малину на Палатинском холме над Тибром и стали обирать окрестности. Народ выл и отмахивался как мог. А ребятам хотелось баб, и не только в набегах, а каждую ночь. Нагрянули на соседнее племя сабинян и увезли девок. Сабиняне стали собирать большую бригаду и звать соседей — пора укоротить молодцов, такого уже дальше терпеть нельзя. Бандюки прикинули силы, плюнули и законно женились, тем более что девку каждый умыкал себе по вкусу. И предложили соседям мир и сотрудничество вместо резни — а бойцы они были уже известные. Соседи прикинули возможные потери и выгоды, плюнули и признали зятьков. Породнение перешло естественным образом в объединение, и в этой компании слово бандюков весило, конечно, больше. Так образовалось Древнеримское государство.

Ахейцы свалились на доахейцев и вломили им так, что про доахейцев мы вообще мало чего знаем. Подчинили, поработили и стали жить-поживать, в силу воинственного и склочного характера и неумеренной энергии регулярно воюя друг с другом. Так возникли древнегреческие города-полисы.

Евреи пришли в Палестину, потому что Моисей сказал, что туда их направляет лично Господь, покروшили филистимлян, размножились в благословенном тогда в тех краях климате и еще тысячу лет дрались со всеми, кто с тем или меньшим успехом на этот клочок посягал. Так образовался Древний Израиль.

За пылью многих тысячелетий мы не знаем, как именно образовался Древний Египет, но в его самые древние времена, о которых нам известно хоть что-то, он уже властвовал над кучей соседних племен и народов и имел мощную армию.

Аналогично с царствами Древнего Двуречья: как только они стали делать что-то для нас уже достоверное — так там уже были покоренные народы и вооруженные армии.

Начальная форма государства — рэкет, переходящий в крышевание. Пардон за жаргон... Вот такой вывод следует.

Можно выразиться академичнее. Начальный этап показателен — видно, что с чем соединяется. Шайка — о нет, группа, сравнительно, простая структура! — бойцов-наильников садится на шею — нет: накладывается, соединяется — с мирным в общем населением, с системой продуктивной, структурирующей. Еще иначе:

Система скачкообразно усложняется на порядок путем сложения деструктурирующей и структурирующей систем. В этой новой системе деструктурирующая составляющая доминирует, а структурирующая подчиняется. В результате образуется более мощная, эффективная, более продуктивная структурирующая система. Т.е.: деструктурирующее накладываем на структурирующее и получается еще более структурирующее.

Насильники-нахлебники заставляют кормить себя — и производителям приходится производить и на свои нужды, и на нужды насильников. Упираются больше. Но

получают защиту от набегов-вырезаний-поджогов — и, опять же, имеют возможность производить больше. Нет худа без добра и добра без худа. Это ясно.

А еще видно с большой ясностью, что на начальном этапе такого государствообразования государство как система противостоит «народной массе», является по отношению к ней внешней, принудительной, насильственной и даже инородной.

А еще понятно, что государство заботится о «массе» не для блага массы, а для блага собственного: богатства с массы снимать и вообще ее в своих целях использовать. В парадигме (любят сегодня это слово; кто не любит — может сказать «в понятиях и выражениях») исторического материализма допустимо сказать: образовавшееся государство начинает эксплуатировать свой народ. В российском случае, для примера, славяне — это народ, а варяжские дружины — собственно государство, управляющая и организующая структура.

Мы никогда не узнаем достоверно, действительно ли новгородцы призвали варягов «прийти и володеть», а то «земля обильная, порядка только нет» — или Рюрик из Старой Ладogi сам пожаловал. Если и сам, без призыва — представление позднейшего летописца о необходимости порядка очень характерно.

Государство по сравнению с догосударством — более упорядоченная система. В смысле — более сложно и стройно структурированная, более координированная в действиях, отстоящая дальше от хаоса, тем самым более энергосодержащая и менее, выразимся не вовсе корректно, энтропийная. А стремление к энтропии — тенденция любой системы.

Вот она стремится-стремится, пока — хлоп! — кто-нибудь не приходит. С лозунгом «нового порядка». В твердой руке. Перекрестное опыление.

А если все-таки чужие не придут? Тогда придет сосед, или Вован с другой улицы, или тамбовские, или большевики в запломбированном вагоне, или испанец с мушкетом, или англичанин со стеклом.

Ставим чистый опыт: никто не приходит. И черт с ними. Вспомним зеков в камере и крыс в вольере. Найдутся свои. Все равно народишко раньше или позже орга-

низуется в государственную систему. Самые энергичные и агрессивные приведут остальных к общему знаменателю. Только тогда будет менее очевидно, что государственная система противостоит народной массе.

Опять же — пиар и имиджмейкерство. Рэкетир прямо говорит: бабки гони — или убью. А когда он выбивается в политики, начинает произносить речи о всеобщем благе, подавать в суд иски о защите своей чести и достоинства и раздавать бесплатный суп, пуская на то малую часть награбленных бабок. И народ растопыривает карманы, рты и завешанные лапшой уши.

А эскимосы, пигмеи, австралийские аборигены — как не дошли до государства? Климат плохой, выживать трудно, не размножишься, взять друг с друга нечего — вписались в окружающую среду равновесно, в гомеостазе. Чуть задень их еле устойчивую системку — начинает разрушаться, людишки вымирают, потенциала нет. В результате оказались в других государствах, вобравших в себя их территории, на положении экспонатов Красной книги. Племен много, кому развиваться, кому сгинуть, тут природа сурова, и естественный отбор не во всех смыслах прекратился.

Мы это все о чем? Качественный переход системы на более высокий уровень совершается скачком. Пришельцы-завоеватели — самая простая и наглядная форма скачка. А если к нам никто не идет — выборный вождь узурпирует слишком большую власть, или король рубит головы баронам, или авторитетный стратег становится тираном и, короче, пахан с блатными и шестерками начинает править мужиками и опущенными.

21. Развитие

Свободы в зоопарке нет, но средняя продолжительность жизни обитателей выше, чем на воле. Кормежка и безопасность гарантированы.

Итак, люди размножаются, а государство усложняется. Это прямая зависимость? Нет, лишь в некоторых пределах. То есть понятно, что государство с миллиардным населением волей-неволей должно быть сложнее, чем со

стотысячным. Но тоже не факт. Просто до поры до времени усложнение государства и рост населения происходят более или менее параллельно. Совершенствование и ветвление функций, усложнение иерархии: от князя и дружины — до президента, премьера, министров и зам-министров с их аппаратами, генштаба и советов директоров.

Но не забудем Британского Адмиралтейства из «Законов Паркинсона». Система развивается по собственным законам и преследует собственные цели: растет и крепнет.

Интересы человека: жить дольше, безопаснее, благ иметь больше. Интересы государства: быть мощнее, богаче, больше.

На первом этапе эти интересы противоположны: насильники обируют народ.

На втором этапе (утрачено, обвыклись, приспособились) эти интересы совпадают: определенность, защита, растет население и растет производство.

На третьем этапе интересы вновь расходятся — и для многих просто кардинально: начинается экспансия.

22. Экспансия

В последние годы неоднократно цитировалось высказывание академика Сахарова: «Смысл жизни — в экспансии».

Энергия Вселенной заполняет собою одновременно создаваемое и заполняемое расширяющееся пространство.

Звезды излучают свою энергию в окружающее пространство.

Элементарные частицы, атомы, молекулы стремятся связать друг друга во все более сложные системы.

Водоросль стремится заполнить своими размножившимися организмами весь водоем.

Животное стремится заполнить весь ареал.

Государство как система стремится заполнить собою всю окружающую территорию.

Да: это на уровне монад проявляется через психологию человека — стремление к самореализации и самоут-

верждению. Награбить добра, захватить себе земли (и рабов бы к ней), занять более высокий пост среди себе подобных, совершить подвиги и прославиться, да и вообще неплохо бы кого-нибудь покрепче по башке треснуть. Стимулы материальные, социальные, психологические.

Да: на уровне общеэнергетическом это является выплеском энергии, актом повышенного энергопреобразования: в годы великих войн годовые кольца деревьев (видно на срезах) шире, эти годы часто бывают или необычно морозны, или засушливы, или урожайны, или комета не к добру в небе встает, или просто цикл солнечной активности в пике.

Да: часто находятся поводы или даже внятные причины: они угрожают нашему судоходству или гробят нашу торговлю, не уважают наших богов или надругались над нашими путешественниками.

Да: если враг напал и приходится защищаться, то логично при победах врага стереть и землю его захватить, чтоб на будущее себя обезопасить.

Однако главное — выявить закономерность: государство как система в числе прочих системных свойств имеет тенденцию к экспансии.

На уровне более конкретном это ясно проявляется в «поступенчатой самозащите».

Геродот, историк просвещенный и образованный, отмечал мудрость и незлобивость Кира. И тем не менее именно Кир еще в начале создания Великого Персидского царства, когда послы Спарты угрозой пытались остановить его расширение, отпустил характерную фразу: «Если боги дадут мне дожить, спартанцам будет не до чужих бед — своих хватит». Кир мечтал о мире в великой стране. О процветании и созидании. А для этого было необходимо обезопасить границы от нападений агрессивных соседей. Поскольку ракетных сил стратегического сдерживания тогда не было, приходилось решать вопрос по старинке: мечами. Соседей покорить, замирить, поставить под свою руку и тем самым гарантировать себя от опасности набегов и разорений рубежей. Чем дальше отодвигались рубежи — тем больше оказывалось по соседству потенциально опасных стран. В конце концов

Кир решил разобраться со скифами, беспокоящими северные границы империи. Чтоб мирные граждане наслаждались в покое созидательной пахотой. Скифский поход носил превентивный характер. Но политологически малообразованные скифы восприняли его как агрессию и, защищая свою территорию, победоносного дотопле Кира убили, а голову сунули в кожаный мешок с кровью: «Напейся, наконец, досыта, раз хотел».

Латины покорили неслабых и воинственных этрусков и объединили под собой Апеннинский полуостров. Тогда на них свалился отъявленный боец Пирр. Разбили Пирра и вынесли кордоны за Альпы. Заодно прибрали часть Сицилии: «Воевать малой кровью и на чужой территории». Не успели зажечь спокойно — пополз на континент Карфаген. Долго воевали с Карфагеном, захватили, стерли, встали до Пиринеев и Атласских гор. Нумидийцы на юге зашевелились, иберы на западе забеспокоили, фракийцы на востоке зашалили. Ну, и пришлось захватывать все Средиземноморье от Гибралтара до Кавказа и от Британии до Египта. И со свойственной им четкостью отчеканили в анналах: «Хочешь мира — готовься к войне».

Наполеон, укрепив и возвысив положение Франции, вообще-то хотел мира. И прекрасно понимал, что европейские монархи оставят Францию в покое лишь при одном условии — если сами сидеть будут шатко и угрожаемо, зависеть будут от него и бояться. Потому что, во-первых, по границам лежат спорные от века территории, а во-вторых, французские законы и порядки угрожают самому их существованию — а ну как все народы захотят себе французских свобод и порядков. На континенте разобрался, а до Англии подлой, этого непотопляемого авианосца, достать не мог. Англия сыпала золото и мутила воду. Подрывала экономику и склоняла к союзу Россию. Склонила. Угроза с востока! Вот и московский поход. В конце концов угрожаемый всей Европой Наполеон так всю Европу задоставал, что она сообщая его и укоротила в отчаянных усилиях.

После Первой Мировой войны Антанта на переговорах Германию обманула, обкорнала, унизила и кучу исконных германских земель оттяпала вопреки предвари-

тельными обещаниям. И немцы мечтали о справедливости и реванше, и Гитлера поэтому активно поддержали. Если мы почитаем речи Гитлера, то это был борец за мир, каких не много. Он хотел лишь своего, кровного, родного — и стал это получать обратно. Австрия присоединилась с восторгом — это были те же немцы. С захватом Чехословакии забрали назад то, что потеряли раньше, свое, опять же, воссоединили: Судеты, Саксония, там полторы-две тысячи лет жили германцы. Насчет Данцигского коридора, который союзнички передали Польше, предложили провести плебисцит: под кем хотят жить тамошние немцы — под Польшей, или как всегда — в Германии? В плебисците им мировое общество отказало. Ну, пришлось брать силой. Тогда Франция с Англией объявили войну. Ах, так? Пришлось вломить Франции и вернуть себе Эльзас и Лотарингию. Еще бы Англию замирить... не замирается, тварь заморская. Воткнем-ка ей на Балканах и в Северной Африке, перережем колониальные связи, посадим на голодный паек — авось станет сговорчивей. И тут этот русско-кавказский головорез, дядя Джо, двигает к границам несметную армаду — топор в спину точит, грохнет с размаху — костей не соберешь. Ну, пришлось нападать первыми, чтоб хуже не было.

А ведь в начале всех достославных дел лежала благородная и даже святая как бы идея свободы, независимости, безопасности своего государства в неких «естественных», «исторических» границах на своей исконной, кровной территории. Просто как-то остановиться не получалось...

Самый понятный и простой вид экспансии — «естественное расширение». Народ в государстве размножается и ему потребны для выживания новые территории. И он на них распространяется и осваивает. Древнегреческие колонии.

Можно колонизировать незаселенные территории. Ничьи. Тогда к тебе никаких претензий нет.

Можно колонизировать территории, жидко заселенные «варварами». Тогда к тебе претензий не очень много. Мол, на черта дикарям столько пустующих земель, да пусть себе живут, нас только не трогают — и мы им

дышать дадим. И даже приобщим к своим достижениям. Но это — в теории. На практике всегда находятся хваткие ребята, которые оттяпывают у туземцев лучшие земли, а их самих приспособливают к работе на себя. Ничего, мол, пусть трудятся и просвещаются.

А можно распространяться на территории, где расположены государства твоего, казалось бы, не хуже. По крайней мере они уверены, что тебя не хуже. Тогда мы говорим о захватнических войнах.

А можно захватить государство гораздо более цивилизованное, чем твое собственное. Народ поработить, недвижимость присвоить, движимость разграбить. Об этом варианте речь будет ниже.

А можно воодушевиться идеей великого и благого переустройства мира. Тогда получается Александр Македонский, строящий мировую державу — с гражданскими свободами и просвещением, справедливыми законами и некоррупцированным управлением. Короче, принесем на концах македонских мечей счастье человечеству. Или товарищ Сталин с реальными походами и действиями по одариванию всего мира светом социализма. Принесем на пролетарских штыках счастье человечеству.

И везде всегда работал, ясное дело, пропагандистский аппарат: «Наше дело правое, мы победим! Они убийцы, они варвары, они нам угрожают, они ничего не стоят, они сами не понимают своего блага, и вера у них неправильная и поганая». Священники проводят служения, женщины бросают цветы, мужчины расправляют плечи, интенданты воруют деньги. Все при деле.

К чему мы все это гнем? К тому, что солдат, отправляясь в опасный поход, гарантии жизни не получает. Мать его останется безутешной, отец — без подмоги, жена — без мужа, дети — без кормильца. Его бы оставили в покое — он бы, может, и не пошел никуда. Но в военное время за уклонение от службы его просто прикончат. И покроют позором. И выбор у него не велик: на войну — или в бега. А пропаганда надрывается, и толпы вопят с энтузиазмом.

И человек поступает против собственных интересов. И даже против собственного желания. Он бы лучше дома кое-как прожил. А система не дает. У нее свои интересы.

Рисковое это дело — жить в эпоху экспансии.

Но. Но. На уровне системы. Система стремится расширяться. Система стремится стать мощнее. Система стремится совершить самое большое, на что она способна. Кусок побольше — сцапать, проглотить, переварить, включить в себя и стать еще здоровее.

Под каким лозунгом проходит экспансия — значения не имеет. Лозунг мы всегда придумаем. А факт заключается в том, что не было в истории такого государства, которое не прошло бы стадию экспансии. И не было такой экспансии, в процессе которой многие люди против личных интересов не лишались бы добра, здоровья, родных, жизни. Но систему это не трогало. У нее — свои интересы.

23. Деструктивные государства

Дружина во главе с предводителем — это еще не государство, понятно. Вот когда она сядет на оседлое племя и, при разделении функций, образует с ним единую систему — это государство. Общность территории и экономики.

Был ли Великий Монгольский Каганат государством? Скорее да, чем нет. Правитель, нукеры, армия, законы, своего рода налоговая система, когда в распоряжение начальствующей структуры предоставлялись кони, провиант, оружие и сами люди.

Что создал сей каганат? В свой главный и славный период — ничего. Зато разрушил очень много чего. Целые города сметались под метелку. Великое монгольское нашествие — от Китая до Адриатики и Египта.

А что могли монголы, скотоводы-кочевники с их уровнем науки и техники, создать такого эдакого в своей Великой степи? Да в общем ничего. Теоретически: могли перенять технологии у Китая и Хорезма, распахать степь, наладить ремесла, построить города — но это дело долгое. А вот подчинить и ограбить других могли сразу. И тем самым — изменить лицо мира, совершить максимальное действие, предельно переструктурировать окружающее бытие. Предельно самореализоваться и самоутвердиться. Что было вполне в закономерности системы.

Там, где ты ничего не можешь создать, ты должен разрушить.

Разнообразные древние германцы в конце концов снесли Рим — и это самое большое, что они смогли совершить. Созидать они стали гораздо позднее.

И вообще когда варвары грабят и завоевывают цивилизованных соседей — это в истории как нельзя более обычно. Правда, когда грабят нецивилизованных — это тоже обычно. Повторяем, это может быть весьма и во всех смыслах (кроме военного, бойцового) неразвитое государство — но система наличествует.

Александр Македонский, имея в виду всемирное насаждение эллинских свобод и благ, сокрушил кучу восточных деспотий и южных торговых республик, и не только. Насадить он им, кроме болячек, ничего не сумел. Некоторые считают — не успел. Скорее греки перенимали обычаи и культуру завоеванных — по мере краткого или продленного времени. Разрушил он навсегда — а созданными остались, на известное время, разве что библиотека и маяк в Александрии. Но дел он наворотил и в историю въехал на Буцефале. Кумир юных героев двадцати с лишним веков.

Что кормит захватчика? Вооруженная экспансия. И это дело системе нравится. Созидать она станет не сразу и не всегда, а грабить будет, пока есть кого грабить. Добывается оружие, рабы, одежды и украшения, продовольствие и кони. А зачем остальное-то уничтожать? Чтобы не было потенциальных врагов. Профилактика. Чтобы чужая культура не влияла на собственную. Инстинкт самосохранения системы, доказавшей свое преимущество над чужой. Чтоб свои возможности показать — себе, своим, врагам. Самоутверждение и самореализация личности и через то — системы.

Хищник живет плотью поедаемых животных. Оно щиплет травку пятнадцать часов в день и переваривает круглосуточно — а он наедается за четверть часа на трое суток. Это более эффективный способ потребления энергии: быстро, много, уже преобразованной из растений. Вроде «сникерса»: съел — и порядок. Хищник как усовершенствованная биосистема, опосредованно, через «фильтр-обоганитель», работающая на энергии веществ

земной коры и на солнечной энергии. Сам он травой питаться не может, сдохнет, а жить надо.

Аналогично государственная система стремится получать энергию самым эффективным из доступных ей способов. Если отобрать у другого быстрее и проще, чем делать самому — отбираем.

И это вовсе не всегда имеет форму грабежа. Идеологически и нравственно это может облекаться в самые разные одежды.

В эпоху крестовых походов христианская цивилизация отнюдь не стояла на более высокой ступени развития, чем исламская. Дамасская сталь была лучшей в мире. За азиатские шелка отваливала баснословные деньги европейская знать. Восточная литература была изощренной и изящной. Врачи, математики, астрономы Востока могли дать много очков вперед европейским. Что же сделали гордые рыцари? Двинулись на Иерусалим под лозунгом освобождения гроба Господня и разнесли все восточное, что смогли. Откуда у них брались деньги на кампанию? С крестьян драли, у купцов занимали, короли свою казну задействовали; церковь обосновательную базу подбивала. Государственная система в действии. И государства, «созидательный момент» в которых «застоялся», на время стали деструктивными: захватывали «без толку», убивали-грабили, уровень цивилизации захваченных территорий не повышали, но старались понизить до своего.

Заметьте: кончились, и весьма бесславно, крестовые походы — и начался Ренессанс: энергия системы направилась в другое русло.

Не созидание как таковое — цель государства. Цель его как системы — производить максимальные действия, переструктурировать бытие насколько возможно.

Чем превыше всего бредили мальчишки тысячелетий? Подвигами. Какими? Наотбивать в шахте больше всех угля? Хренушки, пусть рабы уголек колют. Военными подвигами. На своей территории? Нет, это бедствия, от них боги нас избавь. Малой кровью! на чужой территории! Карфаген? — разрушить! Персов? — сжечь! Иерусалим? — захватить! Царьград? — щит на ворота прибить, чтоб знали! И дойти до последнего моря, и спеть там песню о золотом Керулене и голубом Олоне.

Влияние идеологии отбрасывать не надо, но в основе лежит естественная тяга к максимальным ощущениям и максимальным действиям.

Государственная система использует это в своих интересах. Только система дает возможность сообща эти действия совершать. А если ты не очень хочешь подвигов? Не умеешь — научим, не хочешь — заставим! — рявкает сержант.

24. Молодость

На этом этапе все прекрасно. Отбиваем врагов, осваиваем территорию, строим не по дням, а по часам, занимаем должности по способностям, не прокисая на ступенях иерархической лестницы, которая только формируется. Будь кем хочешь и кем можешь. Традиции складываются на глазах, будущие канонизированные патриархи — свои ребята, вчера вместе пили. Все просто и все по уму, а спор решим своим кулаком, или за столом, или под винчестером шерифа. Ложишься помирать: вокруг толпа внуков бегаёт, за одним окном сад, за другим поле. Вообще-то жизнь была трудная и грубая, но прошла с толком. Это, конечно, метафора, жизнь в любые эпохи то и дело дерьмовата, но вот в государственном масштабе — примерно все вот так.

25. Укрепление

И вот тут начинается какая-то лажа. Приходит к тебе один чиновник, приходит другой, и все чего-то предписывают. Или новые налоги, или производи не меньше, чем столько-то, или наоборот — не больше, чем столько-то, или не смей переселяться, или наоборот — выселяйся к черту, владелец земли весь край продал, или собирайся в солдаты, или сдай в солдаты сына, или наоборот — сдай оружие и не смей иметь, или строй дом не больше ста квадратных метров, или не шире двух окон по фасаду, или не смей курить на улицах, или брей бороду, или наоборот — бороду отпусти, а побрей голову,

или не смей обнажать бюст, или не пей пиво в общественных местах, или тебя посадят на кол за гомосексуализм, или наоборот — посадят в тюрьму за неприязнь к гомосексуалисту, или не могли пойти на работу без диплома университета, или копи сто лет деньги на обучение в университете, или не смей участвовать в дуэли, или наоборот — выходи на поединок под угрозой казни.

Система стремится работать эффективнее. Четче функционировать. Изыскивает внутренние резервы. Приделывает к монаде все больше ниточек и рычагов. Дерг сверху — и дело пошло указанным образом. Система старается повысить КПД монады как части себя, системы. В своих нуждах и интересах.

Происходит усложнение структуры. Можно сказать иначе: повышается степень структурированности. А чем выше структура — тем больше в ней энергосодержания, как бы законсервированной энергии, тем дальше она от энтропии — ну, тем ниже уровень энтропии.

Естественным образом система продолжает структурироваться, тем самым повышая свой энергетический уровень. Все по закону.

И сначала все идет отлично. Дело отлаживается в сторону часового механизма. И вот этот механизм давит людей. А что делать.

На ранних стадиях государства люди растут вместе со страной и воедино со страной. Благодаря выдающимся личным качествам — добиваются постов, которые сами же создают. Набивая казну — прежде набивают собственные сундуки. И каждый — от владеющего парой рабов гражданина или распоряжающегося парой подмастерьей ремесленника — и до поставленного наверху короля — стремятся организовать дело так, чтоб «институт» каждого работал под ним четче. В идеале: я сплю, а дело делается. Совершенствование отношений и связей.

Красс, Фуке и Потемкин не просто воруют, но одновременно поднимают и крепят державу. И, наводя порядок «под собой», тем самым роют могилу себе и своим потомкам.

Уже не человек красит место, а место начинает красить человека. Ничтожный чиновник казнит героя-кон-

кистадора: системе не нужны больше сильно здоровые, ей нужно единообразие, управляемость, сложение сил.

Незаурядности нужны, пока идет переделка, организация, наращивание, устаканивание. А когда все организовано — система отвергает незаурядностей, они дестабилизируют. Нужны заурядности.

(Дело здесь не в «снижении пассионарности» — как строил линейно детерминированную механистическую модель Лев Гумилев, объясняя все самым простым способом: вот, сначала происходит толчок космической энергии, запускающий социоэтнический процесс, а потом эта энергия постепенно растрачивается, снижается. Это чересчур упрощенная трактовка, не учитывающая механизмов преобразований. Внутрисистемные отношения меняются в зависимости от того, как меняется со временем продолжающая жить и развиваться система, закономерным образом стремящаяся к своему максимуму.)

Достигшая определенной сложности и мощности система для своего дальнейшего развития и усиления стремится избавиться от самых активных подсистем, влияние которых становится дестабилизирующим.

Ну — бандит-хулиган-здоровый набьет морду любому, а десяток таких терроризирует всю округу. Но если набрать их тысячу для войны — они будут грызть друг друга, норовить поступать своевольно, не подчиняться приказам, которые им не нравятся. И самые буйные казнятся, несмотря на свои высшие бойцовые качества — чтоб усилить общее бойцовое качество войска. И прежде всего войсковое руководство заботится о дисциплине, абсолютной управляемости, безоговорочном выполнении приказов — пусть будут бойцы хуже, зато войско лучше. Принцип командной игры, а не звездной.

И вот крепкая система сажает на все узлы людей, которые будут лучше исполнять то, что им задано. Плевать, что дурак, лишь бы шел в ногу. Исполнительность предпочитается таланту.

И тогда адмирала Нельсона увольняют с флота, потому что он мешает воровать губернатору — но тот ворует «по чину» и вписывается в отношения системы «Империи», а Нельсон дестабилизирует обстановку. Война? — призовут, убьют, прославят: но в мирное время он лишний.

26. На пике

На пике мощи государственная система совершает свои максимальные действия. Строит пирамиды и Акрополь, подгребают полмира как Римская или Британская империя.

Что тут происходит на системном уровне?

Во-первых, структура предельно усложнилась. Масса разных институтов, обеспечивающих делание всего, что только можно придумать.

Во-вторых, это усложнение происходило не только на уровне материальном, но и на уровне «чисто энергетическом» — т. е. не только объектном, но и функциональном. Возникает масса условностей, ритуалов, предписаний, запретов — на все случаи жизни: как себя вести.

Вот все это вместе не только количественно, но и качественно повышает энергетику системы. Структурирование усложнено. Боец-барон жрал мясо руками — его потомок овладевает бесполезным искусством владения десятью вилочками. Бесполезное-то оно бесполезное, но:

На пике могущества системы энергопреобразовательная деятельность монады (в среднем) также достигает максимума. Оно понятно: система действует людскими руками и головами. Но:

Человек делает не то, что необходимо системе, а что ни попадя. Все делает. Из собственных интересов и соображений. Они могут совпадать с интересами системы, а могут и не совпадать.

А огромная ветвистая структура системы достигла максимума. **Устоялась. Система в фазе максимальной устойчивости.** И сейчас практически никакие дерганья ее монад ей не опасны. Тише комариных укусов.

Так. А преобразовательная деятельность окончилась: устаканилась система.

Вот на этом этапе пускаются в рост науки, искусства, моды и всевозможные прибабасы. Системе ничто не грозит, все силы монаде напрягать не надо, и теперь ее действия в большей степени, чем раньше, направляются на собственные интересы.

Противоречие между интересами системы и монады начинает стремительно расти.

27. Цветение и гниение

«Наконец-то гуманизм! Пора подумать и о человеке!» — говорят гуманисты. — «Мы хотим и имеем право больше и лучше пить, кушать, одеваться и вообще наслаждаться физически и духовно».

Радости монад нет предела. Они начинают делать друг другу массаж и кормить друг друга гамбургерами.

Но искусство и культура как-то быстро упираются в потолок. Так было в Египте, Вавилонии, Греции и Риме... и у нас сейчас.

Но. Индивидуально-энергетический уровень монады постыжен, задан Космосом через биологию. А общий, системный уровень ее энергии стал огромен. А — делать чего? Усилия направлять куда?

И выдвигается лозунг типа: «Сильные регионы — сильный центр!» «Цель всего — благо человека!».

Наверх выплывает либеральная идеология: «Права человека выше прав системы». (Это то же самое, что сказать: «Права головы выше прав человека в целом».)

И набирают ход следующие процессы:

Первый. Система стремится превратиться в цветущий сад и оркестром, автокормушкой и автопоилкой, и всем монадам от этого хорошо, и они говорят: давай еще, давай дальше.

Второй. А все узлы-институты-подсистемы государства, которые сами себе тоже системы, продолжают развиваться по собственным законам, продолжая преследовать собственные цели. Уже не хватает комнат, хрустят перекрытия, барахлят перегруженные линии связи. В государстве начинается внутрисистемная дегенерация.

(Внимание. Никакая система не может упрощаться эволюционным путем. Она может только усложняться. А потом рушиться и скачком переструктурироваться.)

Третий. Тебе надо строить эту гигантскую пирамиду? Нет? Мне тоже. Тебе нужен этот супернебоскреб? Нет? Мне тоже. На фига эти труды и расходы, лучше заработаем свои бабки и пустим их на пиво и девочек. Система теряет способность к максимальным действиям — монадам они не нужны, а мощная структура системы уже дегенерирует.

Четвертый процесс. Дегенерация структуры отношений внутри системы. Снимаются табу. Больше свобод — это вроде хорошо. Но меньше запретов — это означает: нарастание энтропии, снижение энергетики. Ближе к хаосу. Сдерживаемая и регулируемая запретами энергия больше не направляется «в мирное русло» — а идет во всевозможное битье баклуш и рассеивается через сексуальные излишества, наркоманию, субкультурные хэппенинги и т. п.

28. Конец

Система начинает болеть склерозом, артритом, ревматизмом, атрофией мышц и старческим слабоумием. Уж здесь просто сил нет удержаться от аналогий с организмом.

Вариантов концовки существует два.

Первый. Тоталитарная система надорвалась. Стопоров внутри себя она не знала, и в фазе экспансии развила слишком большие усилия, превышающие возможности структуры. Так рухнула империя Македонского, Наполеона, Гитлера, СССР, Чингиз-хана, Тимура. Откусили больше, чем могли переварить. Развили такое действие, что «отдача от выстрела» развалила скелет стрелявшего. Совершаемые действия, выделявшаяся вовне энергия системы не компенсировалась ее внутренними возможностями. Столько хапнули, что *центробежные силы огромной массы превысили центростремительные силы собравшей ее системы.*

Второй вариант. Бюрократизация — ничего нельзя сделать быстро и эффективно, кучи согласований и противоречий, институты и инструкции диалектически переходят в противоположную сущность — паразитическую, мешающую, деструктивную. Разветвленный Закон вяжет по рукам и ногам. Жернова этого монстра норовят растереть монаду-человека, проводят либерализацию, она должна облегчить отношения монады с системой, упростить их в сторону здравого смысла, духа Закона, противоречащего его букве. Но в результате либерализации управляемость системы снижается, КПД падает еще

ниже, уже никто не хочет «ходить строем». Снимаются запреты внутри системы, отношения упрощаются, энергетика системы падает вследствие упрощения структурных связей. И вот тогда — вот тогда!!! —

Снижается иммунитет системы к любым внешним воздействиям, резко падает ее способность противостоять любым внешним воздействиям.

Система уходит от устойчивого состояния ко все более неустойчивому. И вот уже любая флуктуация, которая раньше и замечена не была бы, может менять ход ее дальнейшей эволюции.

И вот уже мужик Распутин влияет на судьбы России. Да при Екатерине ему бы рвали ноздри и слали в соляные копи, где и сгинул, всех и делов. И вот уже террористы захватывают лайнер и пытаются влиять на государство, чтоб освободило их товарищей. Да полста лет назад их «товарищи» были бы пристрелены сразу, и никто не знал бы никаких проблем. И вот уже нелегальные иммигранты, совершившие преступление самим фактом незаконного пребывания в стране, и живущие милостыней и преступлением, выходят на демонстрации в защиту своих «прав». Еще недавно их высылка либо помещение на каторгу следовали бы автоматически, и не было проблем.

Но — система все более теряет способность к каким-либо системным действиям. Иногда это называют «недостатком политической воли». Есть солдаты и оружие, чтобы с корнем выжечь терроризм во всем мире — но вся система отношений и миропониманий не позволяет это сделать. А это есть системная слабость.

Понятно ли?

Вот есть люди. Живут на полянке. Жрут консервы. Оружие в шалаше. Людей, консервов, оружия — много. И есть пяток ухарей. Которые каждый день берут одного и режут. Кто сильнее? Пятеро сильнее. Чем? Умением добиться результата, навязать свою волю, потому что они организованы для своего дела. И вот является зверь-сержант, бьет едоков ногами, заставляет разобрать оружие и, не страшась того, что несколько из них могут быть убиты, пятерку ухарей поймать и расстрелять без всяких разговоров. Кто теперь сильнее? Люди.

Гибель системы выражается в том, что она не может распорядиться своим добром для своего укрепления и уничтожения своих врагов. От тысячи танков нет толку, если не работает связь, нет разумного приказа и пьян командир — рота диверсантов ночью вырежет личный состав корпуса. Потом товарищ Сталин будет сильно недоумевать, почему немцы слабее, а нас бьют.

И вот система в результате накапливает кучи добра, свидетельств мощи и просвещения. А переделывать мир дальше уже не может — не придумать, чего там еще, все возможное пока сделано. И в своих системных, надчеловеческих, объективных усилиях все же переделывать дальше — ее подсистемы, узлы, институты, разрослись сверх меры, и уже связи между ними нарушены, и целям своим изначальным они при всем желании отвечать не могут. Супербронтозавр. А люди-монады начинают тащить все каждый в свою сторону.

Не в том дело, что люди теряют мужество, добродетель и ясность взгляда. А потому они это теряют, что состоят уже в гибельных, упаднических отношениях. Система отношений, а она постоянно меняется, как меняется в развитии все, исчерпала свои возможности — и, миновав пик, пошла вниз.

29. Заключение

1. Государство есть система, не адекватная простой сумме составляющих ее людей, но обладающая новыми качествами как новая и более сложная структура.

2. Сущность государства как системы — в том, что ее энергетический уровень выше простой суммы энергетических уровней составляющих ее людей.

3. Государство есть следующая и более высокая структурная ступень энергоэволюции Космоса, чем человек.

4. Самообразование государства определяется единым для Космоса синергетическим процессом — из простых и низкоэнергетических систем самообразуются более сложные и высокоэнергетические системы.

5. Субъективная причина образования государства — имманентное стремление человека к положению, в ко-

тором он может испытывать максимальные ощущения и совершать максимальные действия. Государство повышает эти его возможности.

6. Объективная причина образования государства — эволюционная склонность биомассы к образованию систем с более высоким энергетическим уровнем.

7. Основная цель государства — совершение максимальных действий.

8. Сопутствующая, обеспечивающая функция государства — создание человеческому сообществу условий для совершения максимальных действий.

9. Государство зарождается, развивается и гибнет в соответствии с закономерностями саморазвивающихся систем.

10. Неучитывание системных факторов и антропоцентрический подход не могут дать понимания эволюции и сущности государства.

Иллюзия экономической доминанты

Сегодня бытует мнение, что экономика все решает и все определяет. Сегодняшний политик, менеджер, бизнесмен — стихийный марксист или как минимум «смитовец». Под мощью государства подразумевается экономическая мощь — то есть выход валового продукта и соответствующий ему финансовый ресурс. Богатое государство — развитое, мощное, цивилизованное, передовое, хорошее. Бедное — наоборот.

Под целью государства понимается создание и преумножение богатства — и максимально высокое обеспечение своих граждан всевозможными благами. Под целью человека — жить богато самому и давать жить богато другим. А всевозможные свободы личности и обеспечения ее прав — также определяются уровнем богатства государства.

Самое богатое сегодня государство — США: оно же, естественно, и самое мощное. И все должны стремиться жить так же хорошо. А самое бедное — допустим, какое-нибудь Буркина-Фасо — оно самое слабое, плохое, ничего не может, просит милостыню у больших белых дядей.

Поскольку еды, одежды, самолетов, домов и прочего добра США имеют достаточно и больше не надо — основной вес экономики переносится с создания товаров на создание услуг. Три четверти американской экономики работает на услуги, и большинство трудящихся занято в этой сфере: химчистят друг другу штаны, заправляют автомобили, возят пиццу и промакивают друг другу но-

сы. И это расценивается как показатель высокоразвитой, очень здоровой и правильной экономики.

Но мы никуда не денемся от законного вопроса: почему всегда в истории высокоцивилизованные государства с развитой экономикой, богатые и культурные, благополучно погибали под натиском варваров — бедных, экономически неразвитых и некультурных? Персы уступали в цивилизованности и богатстве египтянам, македоняне — грекам, германцы — римлянам, турки — византийцам, монголы — китайцам, русским и вообще всем, кого покорили и смелі. Сегодня, когда XXI век начался с того, что террористы из «третьего мира» ввергли в шок взрывом небоскребов богатейшую страну мира, — эта проблема из чисто теоретической превратилась во вполне и животрепещуще практическую.

Ответы всегда давались при видимом разнообразии одних и тех же. 1. Народы богатых стран развратились, расслабились, утратили бойцовские качества. 2. Забыли Бога за распутством и корыстолюбием, вот он и покарал. 3. Богатые и мощные впали в экономический кризис, похужали экономически, вот и кончились. 4. Старые народы сходили со сцены под натиском молодых, чья история была еще впереди. 5. А также растеряли свой начальный заряд пассионарности — что иными словами то же ослабление от старости нации. 6. А также бывает наоборот, и это экономически объясняется с чудной ясностью — испанцы, скажем, покорили инков и прочих, потому что были более передовой и мощной экономической формацией. Но мы говорим сейчас не о колониальных захватах мощными слабыми, а как раз об экономически бессмысленном разрушении отсталыми передовых, развитых. Рим покоряет варваров — понятно. А варвары сносят Рим — не вовсе понятно.

Но одно уже следует констатировать: мощная экономика и высокий уровень цивилизации отнюдь не гарантируют в конечном итоге от гибели под бедными варварами.

Какова конечная, итоговая, объективная цель существования государства, этой системной целостности людей, и какова итоговая цель человека? Одна и та же: максимальное переделывание окружающей среды, совершение максимальных действий, максимальное потребление и выделение — преобразование — энергии достигае-

мого Бытия. И этой задаче цивилизованное, экономически мощное государство отвечает куда полнее, чем слабое и малоразвитое.

Но. Но. Человек, эта подсистема государства, самоуправляется на уровне чувств. Субъективно его жизнь — это сумма максимальных ощущений, а действует он уже опосредованно, через чувства и посредством разума в действия. Он ведь не «выполняет долг перед природой», а руководствуется своими чувствами прежде всего, своими интересами на психологическом уровне.

Что же имеет человек в государстве по сравнению с сугубо «единоличным» житьем? Он имеет больше ощущений — и положительных, и отрицательных. Сыт, здоров, в тепле — и все равно не может расслабиться, переживает из-за массы условных вещей, пашет как карла, лезет наверх, пашет за излишние модные тряпки и т. д. Ночами не спит, научные теории создает. В солдатах мучится, на войне гибнет, зато победе своей футбольной команды радуется, как щенок конфете.

Государство (и вообще общество) дает человеку не просто максимальные ощущения в количестве большем, чем «условно-одинокому хуторянину» — оно дает ему *надличностные ценности*. То, ради чего он, сытый-здоровый, все равно может надрываться в максимальных усилиях и даже жертвовать ради них жизнью. Не только когда враг напал на твой очаг и все равно от смертельной схватки никуда не денешься — но смерть в первых кругосветных экспедициях и «необязательных» колониальных войнах, на костре за веру, от перенапряжения в творчестве и спорте, из чести и из верности сюзеру и т. д. Рискует жизнью ради богатства (излишнего) и карьеры (условной) — лишь бы выложиться за предел всех возможностей и подняться на ступеньку в иерархии. Ну, а тем временем государство богатеет и крепчает, все больше дел воротит в результате его стремления к максимальным ощущениям и через них — к максимальным действиям.

Максимальные ощущения и максимальные действия соответствуют друг другу. В государстве. Но только до поры до времени.

И вот — все, в общем, сделано. Создано. Эффективная из актуально возможных структура управления. Мощ-

ная экономика. Груды добра. Чудеса техники (свои для эпохи). Благополучие, благосостояние, права и свободы в актуально возможных пределах. Устаканилось все. Более или менее стабильный мир и благосостояние на актуально высоком уровне.

Одновременно государство бюрократизируется. Одновременно появляются официальные нахлебники, дармоеды. Одновременно права личности блюдутся законом. Одновременно множатся инструкции и предписания, часто бессмысленные и противоречащие друг другу. По мере развития любая система входит в стадию дегенерации, и государство не составляет исключения.

И вдруг оказывается, что в этом государстве исчезают надличностные ценности. Если жизнь личности, ее права и свободы (это для нашей цивилизации) превыше всего — то чего ради идти на костер? Чего ради изнемогать в работе за кусок хлеба, если и бездельником с голоду не подохнешь? Чего ради рисковать жизнью в экспедиции за сокровищами, если лучше стать биржевым брокером?

Идеалы снижаются. Культ героя-воителя исчезает. Место великих владык занимает временная шелупонь. Почитается набитый карман, способ набивания не имеет значения. Личная доблесть заменяется законопослушанием.

По достижении государством определенной высокой стадии общественного благополучия — оно начинает уже в меньшей степени удовлетворять потребности человека в максимальных ощущениях, как положительных, так и отрицательных. И в этом — его ослабление. Ослабление основной системообразующей функции. Ибо люди самоорганизуются в государство не для того, чтобы производить больше — а, на базовом уровне, уровне ощущений личности — для того, чтобы получать больше упомянутых ощущений: и через то и тем самым полнее реализовать свои возможности (возможности своей личности как психической совокупности).

Государство-то еще продолжает пахать во всю силу. Производить горы добра и дребедени. Количественно все в порядке, энергопреобразуем среду. Но качественный, принципиальный характер производства меняется. Поясняю. Вот пришел пионер-первопроходец с фургоном. Истребил индейцев и бизонов. Распахал землю, поставил

дом, нарожал семью. Образовалось то, чего раньше не было — а из Англии он свои кости унес, там стало им меньше. А вот его правнук. Пашет на тракторе, вносит удобрения, пшеницы собирает с прадедовского участка в семь раз больше, положим. Производство выросло. Но принципиальных действий больше не произведено, качественно мир больше не изменяется.

А вот его уже внук открыл сеть закусочных. Рабочие места, все пашут, деньги зарабатывают, хозяин богатеет. Но жрать-то люди больше не стали! Пшеницы для этого больше не надо! Производятся услуги. Но мир перелопачиваться перестал. (Конечно, образуется и производство «обслуживания услуг», но основная часть человеческой энергии идет уже не на переделывание мира, а на «перекрестные обслуживающие действия», мир как таковой не меняющие.)

«Обслуживающая экономика» есть снижение основной объективной сущности государства — энергопреобразование окружающее бытие. С точки зрения Вселенной экономика начинает работать вхолостую. Разделение труда, резко повышавшее продуктивную производительность, за определенным пределом начинает снижать КПД человеческой деятельности: вроде и трудится, а вроде ни фига Вселенной нет с этого толку.

То есть. Человек как «система ощущений» начинает менее эффективно функционировать — меньше получает максимальных положительных и отрицательных ощущений. А как «система действий» — тоже: все меньшую часть энергии пускает собственно в действия, т. е. в энергопреобразование окружающего мира. Суета вместо работы.

А государство при этом уже выполнило свою историческую функцию — принципиально переделать в этом мире все, что могло. Машина сконструирована, создана, опробована, на ходу, едет — а дальше ей уже осталось только ехать и ехать: чуть быстрее или чуть иногда медленнее, чуть ближе доехать или дальше — это уже не принципиально.

И разбухает индустрия развлечений — будь то цирки с гладиаторами или хоккейные игры. И люди ищут острых ощущений — будь то в поединках или в наркотиках. И в поисках «чего-то» падают нравы — будь то бордели

Калигулы или розовые кварталы Амстердама. И корыстолюбцы и жулики всего мира устремляются в очаги цивилизации — будь то США или Рим.

И цивилизации буквально «кончают жизнь самоубийством», принимая самоубийственные законы. Логичные по логике отдельных людей и политических систем — но явственно самоубийственные для народа и государства. Это может быть эдикт Каракаллы, по которому все обитатели империи получили права римских граждан, растворили в себе римлян и стали уже другим народом с потребительской психологией. Или современные соглашения Стокгольма, Хельсинки, Гааги, по которым узаконено дармоедство и открыты двери для всего мира, который стремительно растворяет в себе «атлантическую цивилизацию».

Сверхмощная экономика работает, но счастья ведь от этого больше не становится. И смысла жизни становится не больше, а меньше. И собой, самостоятельно и добровольно, жертвовать больше никто не хочет (а чего ради?).

Исчезает историческая перспектива конкретного цивилизованного постиндустриального государства.

И человеку оно тоже ничего больше не может дать сверх того, что уже дало — в чисто материальном смысле. Автомобиль или пиджак моднее, спутниковый телефон вместо обычного и т. д. — это все ерунда, за это никто на смерть не пойдет.

А если: государство перестало выполнять свои основные объективные функции по отношению ко Вселенной и к личности; а человек в нем также перестал выполнять на прежнем уровне свою основную объективную функцию переделывателя и перестал удовлетворять на прежнем уровне свою основную потребность в максимальных ощущениях; — то на кой черт природе этот динозавр?

По природе, по истории — уже требуется другое. Чтобы человек максимально напрягал чувства и вламывал, и жертвовал собой. Чтобы государство это ему обеспечило — и чтобы максимально переделывало мир.

И вот в этих условиях сытости и стабильности, бессмысленности производства и сенсорного недоедания — человек перестает на деле отождествлять себя с государством. «Дай мне» — это понимает, а «жертвуй для него»

ему уже не в кайф. Он может даже думать, что еще готов — но уже обстроил себя системой запретов и поправок, направленных на личное благополучие. Слабеет вкус к жизни, воля к борьбе, размываются критерии и цели — а попросту говоря зажрался, ожирел, обдряб. Сыт, не жесток, не решителен до посинения, и говорение предпочитает делу и борьбе. И полагает, что цель государства — чтобы ему было сытно и хорошо. Сытно есть, почему не так уж хорошо — не понимает.

А здорово и перспективно государство до тех пор, пока люди его в напряге и собою жертвовать готовы — и пока оно прямой продукт производит, мир изменяет принципиально.

Поэтому мощная экономика постиндустриального государства — это признак мощи, да, но не здоровья и не перспективы. Постиндустриальная экономика означает: перегрелись, делать больше нечего, мощности прокручиваются вхолостую, ибо здорова машина, а ехать больше незачем, вот и жжем бензин и подпрыгиваем, воображая себе важность процесса.

Постиндустриальная экономика вкупе с «гуманитарными» перегибами означает — ребята, кажется, мы приехали. Дошедший близко к ограничителю маятник еще движется по инерции, но готовится качнуться в другую сторону. Логика развития бывает и печальна.

Есть противоядие? От развития до старости и смерти нет противоядия. Что делаем — от того в результате и кончаемся. Получше-то жить всем хочется. Ну и — вот в конце концов.

Для долгожительства цивилизации полезнее подтягивать ремни и бухать все силы в создание кораблей для экспедиции на Марс — чем в производство услуг друг другу. Большая цель и свершения нужны. Хоть египетские пирамиды! Не то сгнием в сладкой сытости и падем жертвой очередных варваров.

Так каким же все-таки образом более мощное может являться менее мощным?! В чем тут причина противоречия?..

Развитое государство мощнее как материальная система.

Ставим «чистый опыт». Вынимаем всю государственную структуру из производственной сферы. Рассматриваем формально — систему как таковую. Осталась система как совокупность людей в их отношениях. Структурирована система сложно — то есть уровень энергетики должен быть высок.

Но. Но. Индивидуальные энергетические векторы направлены кто в лес, кто по дрова. Все больше каждый для себя, а свобод много, «монадный люфт» большой. И на каждый активный порыв уже придуман и создан противовес. Разветвленнейший закон и разросшийся аппарат юристов. Нити для Гулливеров.

Растет энтропия системы, если рассматривать ее как систему межчеловеческих связей. Все равны, всем все можно, у всех равные права, делай что хочешь. Способность системы обеспечивать людям сильнейшие ощущения и порывы снижается.

А человек создан не для благоденствия, а для максимальных ощущений и максимальных действий.

И оказывается, что бедное и агрессивное варварское государство эффективнее — в том плане, что человек в нем больше напрягает свои чувства, оно дает больше места подвигам и великим делам.

Построим прямоугольную систему координат и отложим на ней все размахи и пики ощущений — суммарный график для всего населения государства. И вот в этой системе координат график получится мощнее, даст большие значения, не для постиндустриального государства, а для варварского (сравнительно варварского, варварство вообще относительно).

А делается все в государстве человеческой энергией. А она прежде всего являет себя в силе ощущений. И получается, что потенция варварского государства выше.

А эти ощущения, эта потенция, в конечном счете стремятся реализоваться в максимальные действия.

А построить город и разрушить город — это равновеликие действия с противоположным знаком. И, стремясь к максимальным действиям, построить варвар не может, но может снести. И уничтожение развитой цивилизации для него — дает максимальные ощущения, в этой борьбе он максимально самореализуется, это слава и честь, под-

виг и миф, вклад его в мировую историю и нанесение максимального изменения на лик мира, каким он его застал.

В постиндустриальном государстве профессионализация переходит в распыление человеческой энергии: пластиковая одноразовая посуда и бесчисленные ансамбли. Упор на комфорт. А варвар суммирует усилия на направлении главного удара. Повышение энтропии — и повышение энергии.

Одни создают сложнейшую и дорогую военную технику и содержат ее высокооплачиваемую службу, одновременно тратясь на самоограничительные институты комитетов и комиссий по праву и гуманизму. Другие подбираются с ножами воткнуть их под лопатку. Эффективность затрат на результаты несоизмерима. Сила и агрессивность духа приобретают материальный эквивалент.

То есть. Имея дело не с автоматами, а с людьми, ошибочно будет абсолютизировать уровень материального производства как доминанту, относительно которой и оценивается все прочее. Нельзя забывать о той старой системе измерений, где «мера всех вещей — человек». Не барахла единого ради. Когда материальное производство превосходит диалектическую меру — система начинает слабеть. Это элементарно, и странно, если кому не понятно.

Война

1. Я вижу эту книгу — черный пупырчатый коленкор с серебряным готическим тиснением: «Война». Здесь начинается с пещерных племенных схваток и кончается финансированием современного терроризма. Здесь излагаются варианты мотивов и зачинов; здесь рассчитываются риски и соотносятся неизбежные потери с вероятностными выигрышами. Здесь учитывается география, климатология, этнография и масштаб. Классифицируется оружие и перечисляются цели. И — примеры, примеры, примеры: от Граника до Суэца и от Кесады до Чаки. Интенданты и пленные, фронтиреры и дипломаты, проценты, километры, месяцы и кривая рождаемости.

Нет такой книги. Не то материала много, не то мозгов мало.

О главном приходится самим.

2. Существующая теория войны сколь разветвленна, столь и несложна. И носит, в основном, характер назывной и перечислительный.

Во-первых, значит, война — это острый конфликт между социальными группами, странами и т. п., в разрешении которого широко участвуют вооруженные силы. Это — ноль-информация.

Во-вторых. Аспекты войны выделяются: философские, политические, экономические, религиозно-идеологические, юридические, социологические и психологические. Логично и понятно. Рассматривай на разных уровнях: вот причины, вот цели, вот следствия.

В-третьих. В вышеперечисленных аспектах войны могут быть справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные (?!), священные и агрессивные. А также гражданские, национально-освободительные, интервенции. А также война может быть локальной, ограниченной, тотальной, региональной. А также воздушной, партизанской, холодной, ядерной, психологической, химической. Вау.

В-четвертых. В общем плане, в философическом. Продолжают сосуществовать две основные точки зрения. Весьма традиционные. Гоббс утверждал, что человек вообще агрессивен, оттого и войны неизбежны. Монтескье, напротив, полагал человеческую природу миролюбивой, а вот социум, общество, устроены скверно и толкают людей к войне, с чем прогресс и должен бороться.

Заметим, что оба были отчасти правы. Гоббс говорил об индивидуальной, прямой агрессивности. Монтескье — если немного вдуматься и переформулировать его тезис — противопоставлял индивидуальное миролюбие доминирующей косвенной агрессивности, агрессивности системной.

3. Но к этому, пожалуй, следует добавить вот что. *Война может быть рациональной и нерациональной.*

Если есть ясные цели и задачи, и выигрыш войны решает эти задачи — все просто. Освободиться от ига чужаков. Или напротив — захватить добро чужаков. То есть: улучшить, по своему разумению, свою жизнь. Без жертв, конечно, не бывает, но — мы победили, мы молодцы и герои. Здесь возникает впечатление, что на все — разум и воля людей, вот и надо думать, аргументировать, поступать во благо, учиться урокам истории и двигаться в сравнительно светлое будущее.

Но столь близкий и масштабный XX век дал нам ужасающе наглядные примеры внерациональности войн. И прежде всего — Первой Мировой.

Поистине удивительная война. Моря крови, десятки миллионов жертв, четыре года окопных страданий в грязи и огне. И чего ради? И кто выиграл? И кому стало лучше? И кто чего добился? Мира на Балканах как не было сто лет назад, так и нет, и не предвидится. Австро-

Венгрия развалилась навсегда. Россия вверглась в столетие великих бедствий. Германия обескровела, обнищала, съежилась. А Великобритания навсегда перестала быть величайшей империей и с двадцатилетней затяжкой утратила статус мировой сверхдержавы. Измельчала и Франция, слава которой осталась в прошлом.

В равной борьбе противоборствующие стороны уничтожали друг друга год за годом. А что удивительно: никто не ставил целью уничтожить страну-врага, лишить политического статуса, вырезать народ, отменить веру. Нет! Все хотели примерно статус-кво, ну, может быть, себе чуть получше, а врагу чуть похуже, а вообще оставить все как было.

Историки называют экономические, политические и идеологические причины Первой Мировой, но назвать основную причину затрудняются. Не могут. Ну не идиоты же сидели на тронах Европы в 1914 году. Ну понимали же все. Ну не из-за чего было молотить так.

Так в чем же суть-то?

4. Первый фактор — природно-энергетический. Всплеск солнечной активности. Обильный урожай. Мальчиков рождается больше, чем девочек. Морозная зима, жаркое лето, катаклизмы. Приближение кометы. На срезках пней годовые кольца тех моментов шире обычного.

Подпрыгнувшая энергетика народа, этноса, региона вызывает к действию. Суетятся. Руки чешутся. Агрессивность лезет вверх (ибо что есть агрессивность? резко выделить энергию, явив свою значимость в силовом контакте с окружающей средой). Возбудимость выше, адреналина больше, меж людьми и группами проскакивают искры. И вот революциям и войнам у людей часто соответствуют эпидемии «у микробов» и землетрясения «у геопластов».

Война как энергетический выплеск. Как высокоэнергетичное действие. Как биосоциальный аспект общеприродного «энергоподпрыга».

Огромные действия производятся, огромные изменения в мире происходят. Сотни тысяч и миллионы людей перемещают массу своих тел плюс орудия, припасы, животные, техника, на огромные расстояния. Города сжи-

гаются и сносятся — перестают быть. Люди толпами перестают быть. В тылу работают на износ. И т. д. Короче, затраты энергии и количество-качество изменений в окружающей среде на один человеко-день резко подпрыгивают.

5. Большую часть жизни Эйнштейн посвятил созданию математического аппарата для единой теории поля, но не получилось. Хотя отсутствие (на данном этапе) системы математических уравнений отнюдь еще не означает, что не существует единого поля.

И поле, и материя могут рассматриваться как, условно выражаясь, агрегатные состояния энергии. Единой для Вселенной энергии.

С этой точки зрения все пространство может рассматриваться, если угодно, как единое поле, а все происходящее — как локальные возмущения полевых участков. Все ведь во Вселенной связано, э?

Война — это локальное возмущение поля, захватывающее социальную структуру.

И ежели уж это возмущение оную структурухватило — так не логикой это улавливается, а железы внутренней секреции начинают активнее работать, эндокринная система подстегивается, среди склонных к инфарктам-инсультам вдруг мор наблюдается, а у прочих иммунитет повышается, повышается электропотенциал клеток не только центральной, но и периферической нервной системы. И что? И ум у такого человека работает уже не так, как до того. Повышенная возбудимость и энергетика диктует и определяет иную уже структуру взаимоотношений с окружающей средой — эти взаимоотношения функционально меняются.

Меняются реакции — в том числе на социальном уровне. И — корректируются представления о нужном и ненужном, правильном и неправильном. Потому что имеется уже несколько иное существо, нежели до начала локального полевого возмущения.

Человек — он тоже «сгусток» единого поля. Так куда ж ему деться — орет и машет дубиной (саблей, бомбой) и крушит постройки и головы. Маленький такой биосоциально оформленный протуберанец. Удачная композиция силовых линий и элементарных частиц.

6. Возмущенный в качестве сгустка поля человек агрессивен.

А что такое, строго говоря, агрессия? Ну да, все знают: дать по морде первому встречному, сломать забор, зарубить старушку, напасть на Польшу. Смесь пит-буля с Бармалеем. А — яснее?

Акт неправомерного применения насилия. Это не объяснение. Это развертывание слова в синонимический оборот. Так можно вообще сказать: агрессия — это проявление агрессивности. А она что?

Избыточная энергия. Деструктивного характера. Направлена вовне. Ломать, разрушать, подчинять себе, убивать. И что? И тогда агрессору лучше. Добился своего, чего хотел. Успокоился. Ликвидировал внешний раздражитель. Сбросил излишек своей энергии. Так. Теперь пробуем сформулировать:

Агрессивность — это избыток энергии субъекта, реализующийся в деструктивной форме и направленный на понижение энергии и повышение энтропии (тем самым упрощение структуры) окружающей среды. Тем самым уровень энергии системы «субъект—объект» понижается в обеих частях.

А тем самым агрессивность есть саморегулирующий фактор системы, снижающий ее энергию до приемлемого (устойчивого, оптимального) уровня.

Так что делает война? Снижает энергетику воюющих социумов до стабильного уровня.

Агрессивность как регулятор.

7. Можно ли агрессивность направить в мирное русло? Можно.

Способ первый. Спецвойска. Но это не мирное русло. Это просто управляемая агрессивность вместо неуправляемой. Пусть рвет чужих. Маленькая войнушка.

Способ второй. Пусть пашет по двадцать часов. Но это не русло. Это колымский концлагерь. Высосать всю энергию вообще.

Всю активную часть населения во главе с правительством в спецвойска не направишь. Они тогда возьмут власть и начнут войну.

Но нельзя ли как-то устроить, чтобы все с той же интенсивностью и расходом энергии строили, делали,

мастерили, уставая до седьмого пота, изнемогая, рискуя в высоковольтных проводах и вершинах небоскребов и т. д.? Ну — занять всех чем-то приличным, созидательным?

Нельзя.

8. Срабатывает психологический фактор. Стремление к максимальным ощущениям.

Максимальное ощущение — вообще, в среднем, в соотнесении с вызывающим ощущение поступком — это зверски убивать при равном риске быть самому так же зверски убитым.

Для «адреналинового наркомана» нет кайфа круче, чем смертельный риск. «Адреноман» — это крайность, но крайность, по которой улавливается общее направление. Ходить по лезвию мало кто хочет, но нервы себе щекогут кто чем может. Общий подпрыг возбудимости — повышение средне-общей потребности в сильных ощущениях — повышение тяги к ситуациям и действиям, дающим такие ощущения.

Война — это реализация повышенной потребности масс в сильных ощущениях.

Человек ведь и так балансирует всегда близ грани. Гвоздь в ботинке, оскорбительное слово, несправедливость — и эмоции его жаждут разрядки, психика требует ощущений сильных и острых, и встречных прохожих он начинает прикидывать со стороны хука в глаз.

Откинувшись с российской зоны, зэк еще долго смотрит сквозь толпу на эскалаторе с воображаемым пулеметом в руках. А злоба накалила.

А мясом покормить? А пропагандой возбудить? А добычей поманить? А вместо всего этого — прямиком на организм подействовать возбуждающе общекосмическими силами? И — ощущений хочет!!!

9. Ну — так пусть созидает что-либо с чудовищным напряжением, буквально умирая от усталости, а надсмотрщик его бичом хлещет, а вечером худшего работника конвой расстреливает, — вот тебе и сильные ощущения, и польза какая-то хоть, без разрухи.

Ну. Вы построите небоскреб хоть молниеносно — тысячей человек за месяц, но это кропотливая и равномерная пахота. А взорву его я один за три секунды. Если

посчитать — развивается мощь процесса в миллиард раз большая. Хо?

Стремясь к максимальным ощущениям — человек совершает максимальные действия.

Создать человека, с его телом, физиологией, сознанием — потрясающе трудоемкая работа Вселенной, Земли, биосферы, материнского организма, социума. А разложить ему башку и превратить в кусок мяса, который сгниет через неделю — это один миг. Какое же действие может сравниться по колоссальности проведенной работы, да в миг времени, с убийством? Нечем его заменить, просто нечем.

Война — совершение максимальных действий из всех доступных людям.

Построить город и уничтожить город — энергетически равные действия с обратным знаком. Строить долго — ломать быстро. Уничтожитель производит большее действие, чем созидатель. Мощно, быстро, эффективно.

Война удовлетворяет повышенной потребности масс в максимальных действиях.

И ума не надо, и образования, и труда многолетнего: рванул — и кайф.

10. Так что, человек — разрушитель по природе своей? Нет. Изменитель. Переделыватель. Реорганизатор.

Представим себе семью среди хаоса: болото, обломки скал, пустоши. Охота ломать? Да нечего ломать. А представишь себе тут: ручей, домик, поле всковыряно, мебель кустарная излажена, дымок из трубы — господи, благодать какая. Как чудесно созидать там, где и ломать нечего!

Тебе изначально навязывают окружающую среду как какую-то данность — а ты ее переделываешь. (Примерно это и называл Тойнби, несколько поверхностно и не вдаваясь в философию, «Вызов-и-ответ».)

То есть. Есть пустыня — озеленю и застрою. Есть лес — сведу и распашу. Есть пустошь — поставлю постройки и заселю. Есть город — взорву и вырублю всех.

Ясно?

Человек подсознательно полагает свое личное предназначение в том, чтобы оставить этот мир не в таком виде, в каком он его принял. Оставить след. Изменить. Да по сильнее!

И вот мы помним имена великих воителей, но не помним великих строителей.

Не в том дело, что война — разрушение. А в том, что она — максимальное изменение мира в минимальное время.

11. Почему ученые делают свои открытия и изобретения, как правило, с самыми благими, благородными и гуманными намерениями, — а используются они обычно прежде всего в войнах? Вот еще один из вечных вопросов.

Просто до чрезвычайности. Раньше или позже любое открытие и изобретение начинает прямо или косвенно иметь прикладное значение. Расширяет возможности человека. Увеличивает диапазон его действий. Повышает его роль в этом мире. — — Поднимает планку возможных действий человека. Повышает совокупную энергетику его действий. Максимальные действия человека могут быть значительнее, крупнее.

А где же совершаются самые крупные действия, как не на войне? Где же выделяется и преобразуется большее количество энергии? Какое же еще действие может быть в сумме более максимальным, чем война? Такова сама ее суть.

Суть любого открытия и изобретения — оно увеличивает энергопреобразовательные возможности человека и поднимает для него планку максимальных действий (преобразований окружающей среды).

Суть войны — максимальные действия и максимальные преобразования среды в кратчайшие сроки.

Война дает максимальные ощущения, максимальные концентрации сил и средств. Вопрос жизни и смерти.

Ну так где же еще открытия и изобретения могут быть использованы эффективнее, реализовать все свои возможности полнее, чем в войне? Где они поспособствуют большему преобразованию энергии? Где их КПД по части переделки мира может быть выше и задействован быстрее?

Суть открытий-изобретений и суть войны едина — стремление к максимальным действиям.

У войны они всегда деструктивны, у открытий могут работать и на конструкцию, и на деструкцию. Но на де-

струкцию — всегда в большей степени. Поскольку деструкция плюсуется к естественной энтропии — и при прочих равных деструктивное действие эффективнее конструктивного, равного ему по затратам энергии. Деструкция — естественную энтропию к ней плюсуем, конструкция — естественную энтропию из нее вычитаем: для достижения равного результата им нужны разные расходы энергии.

Любая работа на деструкцию при прочих равных всегда эффективнее работы на конструкцию.

А все в природе устроено так, что стремится действовать с максимальной эффективностью. Добиваться максимального результата при минимальной собственной работе. Преобразовывать собою и выделять посредством себя так много энергии, как только возможно.

Таким образом, по законам общеприродным, стихийным, объективным, по всему энергоструктурному устройству Вселенной, все новые и эффективные открытия-изобретения имеют общую тенденцию использоваться прежде всего в войне.

Н-да-с! Война как двигатель прогресса. Научно-технического, то есть.

12. А также на войне человек самореализуется и самоутверждается. Он испытывает максимальные ощущения, переносит максимальные нагрузки, совершает максимальные действия, и в этом плане — в общем и среднем — делает максимум того, на что вообще способен.

Бывает случайная смерть. Но это вне закона больших чисел.

Простым солдатом может погибнуть гений. Вне закона больших чисел.

Но даже самый слабак — когда он в строю среди вооруженных товарищей, когда с пулеметом в окопе, когда за водкой после боя, если уцелел, — чувствует себя настолько человеком, как никогда ни до, ни после войны. Все фронтовики хорошо это знают.

В мирной жизни ты вечно можешь тужиться, а тут застрелил кого-то, уцелел в бою — и ты равный среди сильных и храбрых, и мужчины тебя уважают, а девушки дышат неровно.

Как ни верти, война — самое мужское из всех дел.

13. Необходимо отметить *системный фактор* в возникновении и сути войны.

Вот есть система. И по логике ее системного развития ей необходимо что-то делать: растет она, структура усложняется, энергия повышается. И — ну? Моря нет, плыть некуда, открывать нечего. Наука и техника, производительные силы не развиты — созидательный труд не широко прет, здесь никакие изменения сейчас невозможны. Религия примитивна, созданием теократической иерархии тоже не пахнет.

И вот вожди племен, не вдаваясь в философию, начинают резать друг друга и добиваться верховной власти. Ибо быть мощным и страшным — это хорошо, и все тут. И создается могучее централизованное объединение. И что оно может? Н и ч е г о! А силы куда девать, рост системе на что направить? Алла! И конница гуннов прет через весь мир до Рима.

На несравненно более высоком уровне аналогичный толчок произошел в 1914 году. Мощнейшие системные структуры достигли предельного уровня развития — а что было делать дальше? А нечего. Парламенты, демократии, телефоны и автомобили, минеральные удобрения и пирамидон, самолеты и небоскребы... А силушки системные прут, как тесто из квашни. Система ведь не рассуждает, ее стремление — сродни половому: подай действие и все тут! Все у нас внутри хорошо и мощно — даешь же экспансию!!! Ученые-гуманисты пытаются объяснять: Марь Иванна, ну нету места для экспансии, переделена вся Европа, тесно уже, хрен кого сдвинешь, все в землю врылись на всякий случай, война невозможна и бессмысленна. На что система отвечает: «Не рассуждать! Или я сейчас суюсь в войну — или, я не знаю, солнце всходит на западе и отменяется закон всемирного тяготения».

Война — одна из естественных фаз существования государства как системы.

Не надо, нельзя, неправильно искать в этом прямую целесообразность. Нету ее. Как нет целесообразности во многих конкретных проявлениях существования различных систем — целесообразность эта глубже, не на первом уровне, а заглублена на второй, третий, на базовый.

Вопрос надо ставить не «зачем?», а «почему?».

Зачем скорпионы в банке жалят друг друга? Толку им с этого никакого. А почему? Потому что инстинкт работает: каждому нужна охотничья территория на одного, соперника прогони или убей, а рассуждать скорпион не умеет.

Человеку трудно представить, что государство может быть столь же безмозгло, как скорпион. Сравнение банальное, но человек воспринимает его как метафору, не обязывающую к пониманию сути. Ведь государство — это он и его народ, все такие умные!

Но если на данной фазе системе требуется экспансия — она будет воевать, невзирая на. Вот будет — и хоть тресни.

14. И под конец упомянем важнейший фактор — *регулятивный*.

Война — это великий регулятор народов и цивилизаций.

Проносится ветер над садом: незрелые яблоки держатся крепко, — а переспелые опадают градом. Незрелые могут выглядеть хило, а переспелые — быть огромны и держаться на толстых черенках: неважно, это все видимость, главное — степень готовности к падению.

Хочите еще красивого? Война — это буря, валяющая старые деревья. Деревья те думали, что они — самые толстые и здоровые, с самой разветвленной корневой системой, и прочность их незыблемая проверена веками — а именно те века запас прочности дерева исчерпали, и качество древесины на излом стало уже не то.

Это к вопросу о поражении и крушении мощного государства. А когда мощное крушит маленькое и слабое — это и так понятно.

Война как демографический регулятор. Если бы люди никогда не воевали — давно было бы не протолкнуться на материках и островах. (Правда, тогда эпидемии и катаклизмы натуживались бы дополнительно, подстригая человеческий газон.)

Война как эволюционный фактор. На рожон лезут самые сильные и агрессивные — и погибают в первую очередь. А выживают менее сильные и агрессивные и чуть более хитроумные. Те, у кого соотношение «победить — выжить» в желаниях и уме больше смещено в сторону

«выжить». Выживает хитроумный Одиссей, а не непобедимый и непреклонный Ахилл! Одиссей тоже здоровый, но среди героев не перворанговый боец — есть круче. Зато берет головой.

А кому достается все самое лучшее? Самому здоровому — из тех, кто жив, конечно. Война — селекционер: снимая век за веком слой самых здоровых агрессоров, способствует размножению и власти тех, кто тоже здоров, но поменьше — зато умнее и сдержаннее.

Война как социальный санитар. Рушит обветшавшее, пожирает сгнившее, отсекает дегенерировавшее. Государственная система с мощной, созданной за века материальной базой может гнить и смердеть очень долго. Мешая, так сказать, ходу истории и заслоняя путь иному и новому. Война стремительно ускоряет падение такой системы — вроде как старик-ветеран в орденах вступил в рукопашную по старой памяти да и помер от кондратия.

Под сурдинку войны власть, приобретающая характер военной диктатуры, может отсечь любые институты и головы и хирургическим способом модернизировать систему, что в мирных условиях куда труднее.

Война рубит гордые узлы, наросшие в связях системы.

Война как аварийный клапан выброса энергии. Ибо совокупная энергия-материя человеческой популяции (системы, цивилизации, этноса) может превысить природную меру.

Чем и как определяется эта мера? — сегодня наука еще не в курсе дела. Но когда людей много, и рожают они много, и работают много, и материальных ценностей наделали много — в окружающей среде растет сопротивление. *Среда естественным ответным образом оказывает сопротивление слишком уж активному ее переделыванию и переименованию.* Тогда тонут «Титаники», извергаются вулканы, происходят землетрясения, и небывало смертоносный грипп-«испанка» вкупе с эпидемией тифа выкашивает десятки миллионов жизней в Европе (больше, чем оружие!). Тогда возникает Первая Мировая война.

А там? Людишек побили, добро порушили, деньги растратили — откатились назад. Дух перевести, силы собрать, численность восстановить — и можно восстанавливать довоенный уровень и двигаться дальше.

15. А уже пограбить, завоевать, или свободу себе добыть, и подвигов совершить, и главенство своей религии утвердить — это само собой. Это и так ясно, это на поверхности лежит, об этом всегда говорили историки и официальные пропагандисты.

16. Итак:

Война может быть рациональной и нерациональной.

Основные факторы войны:

природно-энергетический всплеск;

психология: стремление к максимальным ощущениям повышается;

физическая активность: стремление к максимальным действиям повышается;

объективно максимальная реализация открытий и изобретений, движение науч-техпрогресса;

системный фактор — структурная потребность в экспансии.

Факторы и функции войны:

демографический регулятор;

фактор человеческой эволюции;

социальный санитар;

аварийный сброс социобиологической энергии;

понижение энергии системы до устойчивого уровня;

понижение социобиологической энергии системы до уровня большего соответствия и устойчивости с окружающей средой.

17. Последний пункт только по принуждению времени и для активных моралистов, утверждающих очевидное за единственное: ну и, конечно, горе, горе, горе.

Закон

С незапамятных времен — а с римского времени уже и с памятных — проблема изначального происхождения Закона весьма возбуждала умы к поиску и размышлению. С одной стороны, это люди сами измысливают, вырабатывают и устанавливают законы. Как захотят, значит, так и сделают. Человеческий фактор.

С другой стороны, человеку изначально, от природы, свойственны некоторые потребности — питаться, размножаться, поступать к своей пользе — и удовлетворение их есть закон природы. Так что законы о частной собственности, семье и свободе распоряжаться собой необходимо вытекают из природной сущности человека. Возникает «естественное право».

И происходит чудесный процесс законотворчества. Люди выбирают по возможности самых умных и порядочных промеж себя — и доверяют им составлять законы. Законотворцы оправдывают доверие. Руководствуются справедливостью, равенством и всеобщим благом. И чтоб Закон был един и обязателен для всех, невзирая на. Поэтому дадим Фемиде аптечные весы, а глаза завяжем — чтобы взвешивала деяния на весах Закона, не подглядывая и не различая кто там именно совершил то, за что судят.

Дух Закона ясен, буква прописана — за работу, товарищи.

И тут начинаются противоречия, неискоренимые в принципе. Противоречия буквы и духа. Не всегда. Не в

большинстве случаев — поначалу, по крайней мере. Но часто. Регулярно.

Вот Франческа да Римини устроила смерть отца — изверга, насильника, кровосмесителя — чтобы спасти род от несмываемого позора, отца же от позорной казни, или, как вариант, себя и прочих возможных невинных жертв от незаслуженных мук и смерти. И — дело тамошней уголовкой было раскрыто. Народ рыдал от жалости, палач сморкался, но голову несчастной отрубили. Хорошили — весь город в цветах. А что делать? Закон должен быть соблюден. Отцеубийца.

Закон — это такое прокрустово ложе, где со стороны головы пристроена гильотина.

Должен д'Артаньян по законам чести вызвать оскорбителя на дуэль? А как же. А должны ему по законам Франции отрубить за это голову? Увы. Он-то, конечно, с помощью Дюма выкручивается, но головы реальных дуэлянтов при Ришелье летели горохом. И все были против бы — но Закон, понимаешь...

То есть. Фемида заведомо не видит конкретного человека. Закон служит справедливости и благу как бы по «закону больших чисел». Служит народу и стране в целом. И в целом выходит все более или менее правильно. А частности — ну что ж делать, издержки производства. Лучше ничего придумать невозможно. Судить по уму и совести — так ум и совесть возможны в вариантах, а уж взятка раздвигает диапазон этих вариантов до бесконечности.

Так: пока все ясно, пока все понятно, все само собой, к чему это ведется? Еще полминуты!

Люди не хотят мириться с несовершенством и после каждого казуса думают, не внести ли в Закон поправки. И начинают вносить. Умные. Четкие. Помогающие и уточняющие. И поправок делается все больше. И они начинают частично кое-где перекрывать друг друга. А там и кое в чем противоречить одна другой. Их вырастает лес. Ежемесячно выходят юридические бюллетени. Профессиональные юристы их ворошат и трактуют. Оп! — Закон превращается в дышло, вращающееся на шарнире. Группа изошренных юристов за хорошие деньги способна при помощи груд поправок и лазеек доказать все что угодно.

Сильные и богатые опять прорвали сеть Закона. Но это бы ладно. Это всегда бывает. Сама вот сеть запуталась.

И вот сегодня в цивилизованных странах мы имеем прекрасный, гуманный, либеральный, детализированный, отточенный веками, справедливый Закон. Прекрасен его дух и каллиграфически выписана его буква. И что? Караул, вот что.

Все знают (ну, все, кому надо) руководителей наркокартелей. Они зарабатывают на смерти миллионов. Но убить их нельзя. Они могут десятилетиями смеяться над Законом и обходить его — а их по Закону не прихватить: свидетели исчезнут и т. д., а адвокаты всегда найдут лазейки.

За кражу ящика консервов, если ты при этом сломал фанерную дверь в ларьке, в России можно огрести восемь лет. За зверское убийство, доказанное, тоже можно обойтись восемью годами.

За дать по морде можно получить два года. За грамотно украсть миллион не получают ничего. Создатели пирамид обокрали миллионы людей безнаказанно. Но если ты с дробовиком пришел вышибить из гадов свои кровные деньги — ты в тюрьму и сядешь, да лет на десять спокойно.

Все это знают, нового тут ничего, кроме ответа на вопрос: как же это так получается, что народ выбирает себе правительство — и народ же получает законы, с которыми никто, никто не согласен?! То есть все согласны в том, что: да, так быть не должно. А дальше — расхождение: народ говорит: «Карать по справедливости!» — а власть сочувственно разводит руками: «Мы вас понимаем, но Закон не позволяет...»

А заменить законы нельзя? А почему-то не получается. Законодатели объясняют: измени — только хуже будет, другие злоупотребления ползут. А народ плюет злобно и мечтает о судах Линча, и к киллерам за справедливостью обращается.

А теперь переходим к выводам. О.О.О.О.О. Леонид Ильич, это олимпийские кольца...

Мы имеем неискоренимое, имманентное отчуждение Закона от человека. Вроде мы создаем его и сами, а вроде невозможно создать именно то, что мы хотим. Неизбежно получается немножко не то.

Вот это «немножко» — зазор, люфт между человеком и системой. Личностью и Государством.

Через человека и посредством человека государство создает законы для себя.

Надличностная структура порождает надличностный Закон. В свою очередь, надличностным Законом (традицией, обычаем, психологической установкой) порождается надличностная структура.

Пчела будет строить соты, муравей — муравейник, человек — государство. И плевать государству на любого конкретного человека, лишь бы их побольше и делали то, что надо.

Неизбежно надличностная сущность Закона — один из лучших показателей надличностной сущности Государства.

Поэтому наивен и неправомерен вопрос: «Государство для человека или человек для государства?». И чьи, значит, права первее. Почему «поэтому»?

Потому что «Пусть рухнет мир — но свершится закон». А иначе все равно — рухнет сначала закон, а потом и мир. Так ли?

Государство состоит из человекoв, но человекoи не могут без государства: любая шайка рэкетиров, грабящая крутого одиночку — уже прообраз государства. Банально?

Государство — это форма существования людей. Они существуют так не для того, чтобы им было лучше. Они существуют так, потому что иначе не могут.

Люди могут жить только в форме сообщества, по законам сообщества и в целях сообщества, решая задачи сообщества.

Закон — это закон не для отдельной личности. Закон — это закон для сообщества. Кряхтят личности. А общество чегой-то делает.

По мере изменения государства меняется, понятно, и закон. Основы права могут оставаться те же. Но форма и механизм исполнения, степень наказаний, границы свобод личности — меняются, понятно. Заметьте — всегда с отставанием: реальный процесс делания дел стихийно опережает свое законодательное оформление. За-

коны всегда оказываются чуть устаревшими и несовершенными. (Приказное право при тоталитаризме мы сейчас, понятно, не учитываем, там любой бред законодательно предписать могут.)

И вот сегодня наша цивилизация имеет законы, способствующие ее исчезновению, самоуничтожению. Бесильные против убийц, мафий, наркоторговцев и высокопоставленных воров. Поощряющие бездельников и извращенцев. И т. д.

Во власти ли людей изменить эти законы? Каким образом выходит: каждый по отдельности против — а все вместе в сумме «за»?

Нам скажут про коррупцию политиков и технологии пиарщиков, но эти подструктуры — тоже объективные порождения человеческого сообщества.

Увы. Система прошла пик и вступила в фазу дегенерации. Ее институты размножились и стали с хрустом давить этажи. Ветвистый Закон превратился в лесной лабиринт — дом хищника. Дегенерация Закона — процесс объективный, соответствующий упадку базиса.

Не потому гибнем, что закон плох. А потому плох, что прошло наше время. В губительной дряблости закона — бессилие политической и социальной воли нашей цивилизации.

И то поразительное, что сегодня ни масса, ни лидеры не желают видеть элементарную и очевидную истину и спасти, пока еще не поздно, своих детей и внуков, народ, страну и цивилизацию — это даже не приговор. Это диагноз.

Все цивилизации рано или поздно гибли и спустя время уступали сцену другим. Этот упадок имел разные аспекты: экономический, военный, демографический, культурный, моральный. Имел и законодательный аспект. Без него никак. Безделье, шкурничество, бесплодный разврат и воровство неизбежно должны сопровождаться какими-то законодательными введениями, исключениями, послаблениями. Суровость и прагматизм закона периода подъема сменяется множеством крючкотворных параграфов и размыванием категорических запретов.

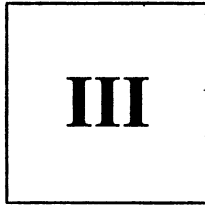
Упадок являет себя, что самое безнадежное, даже на базовом уровне — физическом: увеличение роста, умень-

шение костной и мышечной массы, снижение кальция в скелете, рост бесплодия и импотенции. А что делать? Сбрасывать хилых детей со скалы? Нельзя ведь. Значит, надо уходить.

В законе объективным образом отражается сущность общества и его членов.

Интеллигенция, как самый интеллектуально чуткий, восприимчивый и реагирующий передовой отряд общества, яснее и лучше прочих слоев выражает суть происходящего: она ничего не хочет понимать, но ее устами произносится то, что объективно споспешествует объективному процессу. Именно она сегодня за все хорошее, что в реальном исполнении ведет ко всему плохому: идеология попустительства преступности и тунеядству, рост террора и исчезновение наций.

...Еще раз. Государство стоит на законе. Если закон кажется личностям абсурдным, вредным и даже непонятно откуда взявшимся — это лишнее свидетельство и аспект надличностной объективности государства, которое *не мы создаем по нашей воле — но оно складывается из нас по своим законам.*

Гибель Запада

Физическая деградация и вымирание

1. **Депопуляция.** Рождаемость европейских народов в последние двадцать лет прочно установилась на уровне ниже простого воспроизводства. Численность европейцев продолжает сокращаться. По всем прогнозам, на обозримое будущее эта тенденция сохранится. Такие богатые и преуспевающие — а размножаться не хотят. Психологические и экономические объяснения и попытки исправить положение дел успеха не имеют.

Аналогии: простые и неутешительные. Закат цивилизаций всегда сопровождался сокращением рождаемости. Словно биологический завод к концу подходил. На эту беду жаловались еще римские историки периода упадка. Объяснение: простое и неутешительное. Фокус в том, что «природное предназначение» человека — в том, чтобы максимально преобразовывать окружающий мир. Биологический путь — размножение до полной насыщенности ареала особями своего вида: их простая жизнедеятельность изменяет окружающую среду насколько можно. К чему и стремятся все биологические виды, останавливаемые в своей экспансии лишь природными ограничениями, борьбой за выживание против врагов вида, «прокормочным ресурсом» пространства. Водоросль в пруду, волк среди оленей, кролик в Австралии. До поры до времени преобразовательные возможности человека прямо зависели от численности его группы и вида. Но по мере научно-технического прогресса многочисленность стала не нужна: малочисленная группа пе-

релопачивает окружающую среду посредством трактора, конвейера и водородной бомбы куда активнее огромных диких орд. Высокая энергетичность человека в природе трансформировалась из биологической формы в техногенную. С «природной точки зрения» это рациональнее, экономичнее, перспективнее — это эволюция формы энергопреобразования Вселенной на очередной, более высокий уровень. Роль гениталий уменьшается, мозга — увеличивается.

И дело здесь не в расе. Японцы, быстро достигнув высокого научно-технического уровня, впали в ту же проблему: перестали размножаться.

На объективном, природном, общем уровне мы столкнулись с эдаким «природным переключателем» с одной формы экспансии на другую: переход на более низкий биологический уровень и более высокий «трудовой». Не числом, значит, а уменьем. Один пулемет вместо ста копий.

Природе больше не требуется нас так много, как раньше.

Мы достигли высочайших умений и добились черт-те каких свершений. И это, казалось бы, хорошо.

Но одновременно мы выработали свой биологический ресурс. И это плохо. Для нас.

2. Бесплодие. Можно какими угодно уговорами и деньгами стимулировать рождаемость, но вот против возможностей организма переть трудно. Врачи знают это лучше прочих.

В странах «первого мира» продолжает повышаться, расти бесплодие женщин и импотенция мужчин. Более того: по данным медицинской статистики — уменьшился в среднем объем эякулята и концентрация сперматозоидов в нем. Вот тебе питание, вот тебе витамины, вот тебе право на гарантированный отдых.

3. Однополый секс. Можно сколько угодно оправдывать и уравнивать в правах гомосексуалистов и лесбиянок с сексуально нормальными гражданами, но дети от этого не рождаются.

Умрем — но свободными? Свобода туманна — смерть конкретна. Тех, кто не родился, не утетишь даже свободой. Больше гомосексуалистов — меньше людей. Побоку идеологию, сейчас речь только о вымирании.

4. Прекращение естественного отбора. Медицина — гуманнейшая из наук, и жизнь каждого человека драгоценна и даже, кто хочет, священна. Но в результате ее достижений, кроме всего хорошего, есть и то плохое, что все больше цивилизованных граждан страдают наследственными болезнями. Здоровье из нормы понемногу становится исключением, а болезни превращаются в норму: кто ж чем-нибудь не страдает. Спасаем нежизнеспособных, и они передают свои гены.

Что же, сбрасывать хилых младенцев со скалы и отправлять больных в газовые камеры?! Упаси Бог. Но вынуждены констатировать — уровень здоровья понижается, со всеми вытекающими из этого последствиями. Несколько поколений скрещиваний больных одним с больными другим — и что? И то. Сериал «Госпиталь».

Надежда на генную инженерию, но это не очень большая надежда. Довольно трудно долго обманывать и уговаривать природу. Увы — но в конце концов выживают здоровые, а больные как-то нет.

5. Болезни цивилизации. Сердечно-сосудистые, рак, диабет. Гиподинамия, переедание, стрессы. Тренажеры, диеты, психоаналитики — как попытка компенсации. Нездоровый образ жизни (а здоровый в цивилизованном обществе невозможен, труд не того рода и быт тоже) ничем не компенсируешь. Замкнутый круг. Жирные, хилые, очкастые, нервные. Пьют снотворные и транквилизаторы. Выживут в поколениях?

6. Дегенерация. Народишко цивилизованный стал в среднем повыше и узкокостней. Плечики поуже, грудка поуже. И косточки его, длинные и тонкие, стали порыхлее и кальция в них поменьше.

Любой селекционер знает, что это — признаки дегенерации, вырождения породы: если такое происходит с животным, это означает, что у него уже и здоровье не то, и сила-скорость не те, и нюх не тот, и потомство его менее жизнеспособно. Потому что у каждого вида — свои оптимальные размеры и пропорции.

Классический пионер-первопроходец — невысок, коренаст, жилист, не слишком даже силен, но выносливее любой скотины, и не уморишь его ничем. Мы не пер-

вопроходцы, нас не морят, но — но — запас жизненных сил у высокого-тонкого не тот.

От «хорошей жизни» человек укрупняется — но та же «хорошая жизнь» уменьшает запас жизненной силы в нем: как бы этот запас на радостях от хорошей жизни тут же употребился в увеличение тела, раз есть чем кормить это тело и не грозят ему никакие особые перегрузки. А вот переносить разные трудности такому укрупненно-утонченному будет уже труднее, и детям его тоже. Энергия в нем уже не та.

7. Перспектива. В недалеком будущем следует ожидать снижения средней продолжительности жизни в развитых странах. Сегодня она дошла до видимого предела. Благодаря медицине и обеспеченной жизни.

Генофонд продолжает ухудшаться. А чудеса трансплантологии и генной инженерии дороги и всем больным, которых все больше, не могут быть по карману. Чем ошеломительнее достижение, тем оно дороже стоит. С середины жизни люди начинают работать себе на лечение. Страховая медицина подъедает бюджет.

Тем временем побежденные болезнетворные микроорганизмы вырабатывают новые штаммы, уже не поддающиеся эффективным вчера средствам лечения. Болезни начинают возвращаться, а естественный иммунитет стал гораздо слабее. Соревнование фармацевта с микробом выходит на новый круг.

Нас становится все меньше, наше здоровье все ухудшается, наше физическое состояние и длительность жизни невозможно поддерживать без искусственных средств.

Великое переселение народов и замещение этносов

8. Великое переселение народов. Следует назвать вещи своими именами и ясно сформулировать: мы живем в эпоху Нового Великого Переселения Народов. Оно, как уже бывало, происходит с Востока и Юга на Запад и Север. Из Азии и Африки люди десятками миллионов перетекают в Европу и Северную Америку.

В странах «первого мира» неуклонно растет и абсолютная, и относительная численность юго-восточных

переселенцев. Эта устойчивая, усиливающаяся тенденция ведет к тому, что «лица европейского происхождения» будут этническим меньшинством у себя дома к концу XXI века.

Уже сегодня лондонский Гайд-парк и прилегающие к нему северо-западные кварталы — один из районов обитаний мусульман, открывших сотни мечетей только в Лондоне; «красный пояс» Парижа превратился скорее в «зеленую чалму»; «евро-американцев» в Нью-Йорке осталось 46%.

9. Замещение на рабочих местах. Бедный иммигрант согласен (хотя бы для начала) на любую работу. Непрестижные, низкооплачиваемые, не требующие квалификации профессии забиваются в первую очередь. Сезонные рабочие, мусорщики, шофера и т. д. Уборка и прислуга.

Мечтают выбиться в люди, открыть мелкую торговлю и дать детям образование. Что и удается самым энергичным. Появляются торговцы, студенты, квалифицированные специалисты.

Но едут и готовые квалифицированные специалисты: зарплата, научная самореализация, цивилизованный быт. Едут сливки мозгов мира.

Китайцы и индусы в медицине и компьютерном программировании США — это уже серьезные профессиональные группы.

Может ли «сборная белых» противостоять «сборной остального мира»? Да такая задача и не ставится: работодателя интересуют профессиональные качества работника, а не национальность — цивилизованный мир прагматичен и демократичен.

«Открытое общество» предоставляет равные права и возможности всем — и со временем лучшие места достаются самым энергичным, целеустремленным, цепким и готовым на все. А бедный иммигрант не предаётся рефлексии по поводу бессмысленности переизобилия — он его просто добивается.

Самый простой пример — спорт, он на виду: профессионального бокса, баскетбола, легкой атлетики — без негров больше нет. И уж это — абсолютно честная конкуренция.

10. Рождаемость. У иммигрантов гораздо выше, чем у европейцев. Одни сокращаются, другие размножаются, этническое соотношение продолжает меняться стремительно.

11. Ментальность. Понятно, что любой народ имеет какие-то свои, собственные, отличные от других, привычки, обычаи, традиции, особенности, представления. Какие-то отличия в ценностной ориентации. Этические, поведенческие нюансы.

При совместном проживании народов, даже длительном, отнюдь не все эти нюансы нивелируются общежитием. Потому что определяются они не только воспитанием в обществе, но и психофизиологией. Личность, как известно, есть наложение фенотипа на генотип.

Ментальность — это форма социопсихологической реакции на раздражитель. Оформление реакции весьма зависит от ее степени, силы. Один вздохнет, другой выругается, третий даст пощечину — это разница более в форме. А вот если у одного просто испортится настроение, а другой впадет в аффект — это уже разница в силе. Англичанин презрительно усмехнется, русский выругается, чеченец зарежет. Сила реакции определяется не только воспитанным, условленным отношением к конкретному раздражителю — но психофизиологией центральной нервной системы. Соотношением процессов возбуждения и торможения, их силой, длительностью, скоростью возникновения и затухания. И если исландцы, скажем, флегматичны, а итальянцы горячи, то их нервная система останется при них.

Культура народа неразрывна с его ментальностью, это частично взаимонакладывающиеся понятия. Одни хватаются за ножи, другие покоряются, третьи строят стену, четвертые откочевывают в безопасное место. Одни молчат и пашут, другие кричат и авралят. Конечно — ландшафт, климат, экономика, законы, но складывающийся тысячелетиями и имеющий основания на генетическом уровне характер народа, этноса, расы нельзя сбрасывать со счетов.

С замещением этноса меняется генотип. Тем самым — несколько меняется и тип «среднестатистической» центральной нервной системы. Это задает некоторые изменения в реакциях на некоторые конкретные раздражители.

Любые изменения ментальности не могут не иметь последствиями некоторых изменений в культуре.

Народ создает культуру «под себя». Мощная культура ассимилирует пришельцев. Они, даже ориентируясь на ее сохранение и отождествляя себя с ней, неизбежно корректируют ее под себя.

В эволюцию культуры «первого мира» в XXI веке входит и этнический фактор. От себя не убежишь, и то, от чего бегут переселенцы, они приносят с собой.

12. Протест и контркультура. Можно приехать в другую страну с намерением во всем уподобиться аборигенам. Но если расовые отличия, национальные особенности или какая-то «инакость» иммигранта вызывают реальную или мнимую отчужденность — возникает комплекс неполноценности. Недовольство, ущемленность! Желание преодолеть, самоутвердиться! Если отличия нескрываемы и мешают стать «своим», а своим ты себя чувствуешь только в своей субэтнической группе — отличия надо подать как достоинства, моменты самоутверждения! Да, мы не такие, как вы, но это вы думаете, что вы лучше, а мы хуже — а на самом деле это мы лучше вас! Вы ставите нас в подчиненное положение, в глубине души держите за второй сорт, избегаете общаться как с равными, гордитесь своими преимуществами и достижениями? Фигу: это мы вас презираем, и у нас есть достоинства и достижения не хуже ваших.

Противопоставление субэтнических групп.

Свои районы проживания, где опасно появляться белым. Свои этнические сообщества торговцев (овощами, или вообще продуктами на рынках, или цветами, и т. д.), или уборщиков мусора, или ремесленников, куда не берут чужих, стремятся к монополии и тщательно оберегают ее. Своя мода, внутренние обычаи, «неформальная культурная автономия».

Возникают и ширятся своего рода резервации: «Мы можем ходить к вам и делать все то, что вы — но вам не советуем ходить к нам и пытаться у нас делать все то, что делаем мы».

Игра идет в одни ворота: я могу носить твою (европейскую) одежду, а могу свою (национальную) — ты ограничен своей. Я говорю на твоём и своём языке — ты только на своём.

Евро-американская культура захватила мир? Одновременно субэтнические культуры ширят свое пространство в «первом мире».

Гуманисты представляли слияние культур так: европейская втягивает в себя прочие и взаимообогащение происходит на ее базе.

Противопоставление означает: подавитесь своей культурой, мы хотим свои культуры, ваша «главность» нам обрыдла. Не приемлем.

Самый характерный пример: все более массовый переход негров западных стран из христианства в ислам. Магомета возлюбили? Да нет, элементарный акт протеста: и бог-то у вас свой, приватизированный, беленький — ну так есть другой, не хуже, не слабее, мощный и славный, и не будем мы в вере подделываться под вас, мусульмане немало в мире сделали (и вас, кстати; резали), так мы лучше отождествим себя с ними, будем ими, а вы много о себе не мните. Не столько ислам, сколько контрхристианство.

А вот такое замещение религий — это уже самое серьезное проявление культурных изменений. Со всеми настоящими и грядущими следствиями.

Культурный протест против гегемонии белой расы в странах самой этой расы.

13. Преступность. Львиную ее долю в «первом мире» дают выходцы из «третьего мира». Угоны, сумочки, кражи из автомобилей, грабежи, поножовщина. Наркотики. Можно справиться с преступностью у себя, труднее — если она едет к тебе со всего мира. За добычей. Это продолжает отсасывать силы и средства. Это накладывает ограничения по месту и времени передвижения. Это становится привычным, обычным. Эдакая борьба с мировой преступностью методом приема на дому, «амбулаторно».

14. Тенденция. Прогрессирует во всех вышеупомянутых аспектах.

Вседозволенность: распад этики

15. Цензура и табу. Цензура у нас ассоциируется с тоталитаризмом, демократия — со свободой, а свобода — с дозволенностью всего, что не несет явный вред

безопасности, здоровью и благополучию индивидуума. Это отсутствие вреда отграничивает дозволенность от вседозволенности и приветствуется.

Но. Но. Что такое табу, ограничение, запрет? Дополнительные заборы и перегородки в жизни. А иначе: усложнение структуры социокультурного пространства. Что значит снять табу? Упростить структуру жизни общества. А тем самым: снизить энергетическую напряженность структуры и повысить ее энтропию. Шаг к хаосу. А хаос — это конец, распад, смещение всего, разрушение структурного порядка, гибель.

Сплошные запреты — гибель через окаменение. Снятие всех запретов — гибель через рассыпание песком. Но: запретить вообще все в принципе невозможно — разрешить вообще все в принципе возможно. (Типа: никого нельзя сделать бессмертным — но любого можно убить.)

Средневековые рамки христианской цензуры зажимали мысль и чувство и тормозили развитие. Рамки расширяли и ломали, и сравнительно либеральный XIX век явил определенное равновесие между желанием и запретом: Большой Рывок научно-технического, социального и культурного прогресса. И маятник естественным порядком пошел дальше в сторону вседозволенности.

За определенной точкой дальнейшее увеличение свобод и прав личности — деструктивно и ведет к распаду общества. Ряд нынешних свобод привел бы человека XIX века, создателя нашей цивилизации, в недоумение, шок, ужас.

Снятие табу, безвредное на первый взгляд и расширяющее права личности никому не в ущерб — может быть вредно самим своим фактом: повышением социальной энтропии, понижением социальной энергии, содержащейся в самой структуризации социума.

Любое снятие табу снижает упорядоченность системы. Высвободившаяся при этом энергия, ранее «консервированная» в структуре, может сублимироваться в созидание (наука, культура, т. д.) — а может рассеиваться в незначимых индивидуальных актах анархизированного пространства. Ну — можно пустить сжатый гелий из баллона в дирижабль, а можно выпустить в воздух.

Цензура — это стены не только тюрьмы, но и дома, но и убежища. Превращая тюрьму в нормальное жилище, надо сносить стены осмотрительно.

16. Язык. Большинство языков содержит табуированные выражения. Их применение — акт экспрессии. Нарушить табу — это сильное действие, соответствующее сильным ощущениям.

Именно запрещенностью, неформальностью мата определяется его высокая энергетичность и многозначность, многофункциональность: выражение крайней степени и порицания, и одобрения, выражение неформальности отношений (хотя бы в конкретном случае) между говорящим и слушающим, возможность замены им любого слова в контексте (эдакий «лингвистический джокер»), самоутверждение через взлом табу, юмористический эффект от включения запретного стилистического пласта и т. д.

Снятие запрета с определенной лексики — да означает просто уничтожение запретной лексики. Слова остались — а запретных слов не осталось. Ну — такие же сочетания фонем, как в любых других словах, вот и вся свобода языка...

Мы убрали перегородку. И упростили структуру языка. И в ней нет больше сверхсильных и сверхэнергичных слов. А к сотням тысяч слов нормативного лексикона прибавилось всего-то несколько синонимов.

Мы думали, что обогатим нормативный язык. А на самом деле обеднили язык в общем. И не осталось нам больше таких слов, от которых собеседник выпучит глаза и потянется за канделябром.

Это повышение языковой энтропии. Понижение энергетики языка. Обеднение лингвистических возможностей. Даровав табуированной зоне права гражданства, мы выпустили из нее пар.

Мы лишили себя условности, которую предки специально создали для возможности пущих эффектов. В результате наш либерализованный язык стал менее выразителен и энергичен.

Изящная студентка и пьяный хулиган заговорили одинаково и стали меньше отличаться друг от друга.

Это шаг вперед? Это шаг вниз, к хаосу, всеобщей нивелированности, усредненности, распаду.

Заметим, что мы живем отчасти в аспекте языка и посредством языка, и в языковых процессах находят выражение процессы нашей жизни.

17. Половая мораль. Аналогичным образом раскрепостили, убрали уйму запретов и тем самым упростили структуру социума, повысив энтропию и, соответственно, понизив энергетику.

А). Однополая любовь и однополые браки. Обрели гражданские права. Покушение на них сегодня предосудительно. В некоторых кругах искусства и шоу-бизнеса быть геем даже модно, это стильно. «Кому от этого плохо?..» Улюю, в котором живут пчелы, от этого плохо. Дети не рождаются (уже упоминали) — это явное следствие. Снижение энергетики общества — это неявное, объективное следствие. Человечество двуполо. Сдвиг в сторону стирания разницы между полами — это сдвиг к гибели, бесплодию, исчезновению. Это как уменьшение разности потенциалов двух полюсов — означает снижение энергоемкости батареи.

Врожденный гомосексуализм «трех процентов» — это брак природы, без него не обходится: посочувствовать. Гомосексуализм тюрьмы — отчасти понятно вынужденный: карать насилие, но понять можно. Но уравнивать патологию в правах с нормой — означает разрушать норму. Означает отрицать само понятие «гетеросексуализма» как половой нормы. Отрицание природной нормы — это сдвиг к вырождению и исчезновению вида (в конкретном случае — этноса).

Половой инстинкт, проявляющийся в вождении мужчиной женщины — в то же время проявляется «негативно» в рефлекторном отвращении мужчины к половому акту с женщиной. Биологические и психологические основы поведения «самца» определяют это. (Речь сейчас о норме, а не нескольких процентах исключений, обусловленных хромосомным сдвигом.)

Что же говорит сегодняшняя «цивилизованная мораль»? Что как бы то ни было выказывать отрицательное, неправомерное отношение к гомосексуализму — это «гетеросексуальный шовинизм», отсталость, хамство, геноцид: осудить и наказать хамов.

Нормальному мужчине предписано давить в себе естественную биологическую реакцию: тебя тошнит от

гея, а ты стыдись своих чувств, дави, изгоняй. (Кстати о неврозах.)

И нет бы оставить геев в покое: ну, пусть устраиваются как могут. Нет: их права «сексуального меньшинства» надо уважать и оберегать — и при прочих равных предоставлять им преимущество при занятии выгодных рабочих мест и т. п.

Древние эллины тоже любили мальчиков? А вы сверьтесь с хронологией: это был как раз «золотой век», предвестник и начало упадка и саморазрушения.

На что может рассчитывать цивилизация, отдающая предпочтение патологии перед нормой?

Б). Свобода связей. Да хоть ты ею объешься. Живи с кем хочешь, как хочешь и сколько хочешь. Двуполо, однополо, индивидуально и коллективно. Никто не осудит. Это нормально. Понятие «прелюбодеяния» утратило смысл. (За исключением юридического при измене одного из супругов в ряде стран — это может служить основанием для развода с материальными потерями для уличенной стороны. А может и не служить: что дозволено американскому президенту — дозволено и быку. При супружеском согласии — живи муж (жена) хоть со всем Голливудом.)

В). Секс-шоу-бизнес. Порноиндустрия. Видеокассеты. Секс-телефоны. Секс-шоу Дании, Швеции, Германии, Франции — акты на сцене, участвуйте, щупайте. Стриптиз. Топлес-бары. Глянцевые журналы. Секс-шопы с кабинками для онанизма (пardon, самоудовлетворения). Для любителей покажут как какают, писают и, э-э, имеют козочек и собачек. «А кому от этого плохо? Это так хорошо!..»

Фрейд бы даже удивился, сколько либидо можно и без сублимации и без прямого назначения выпустить паром даже не в свисток, а в окружающее пространство.

Секс-бизнес как снижение энергетики общества.

А на корягу-жену после этого можно польститься только спьяну и от голодного отчаянья. Кстати о детях и импотенции.

Г). Цензура обнажения. На цивилизованном пляже прикрыты только собственно гениталии. На нудистском пляже, которых все больше, ходят а'натурель.. Прозрач-

ные наряды, отсутствие видимого белья. Обязательно потрахаться голыми в кинофильме: для кассы и реализма.

О нет, все это красиво, приятно, привлекательно и замечательно. Да здравствует свобода, мы ее ждали. Но. Но:

Когда интимное становится публичным, оно исчезает.

Мы обрели много голого тела, но лишились этого как интима.

Чего нет? Трепета, волнения, дрожи, заикания и прочей лирической чуши? Э нет. Энергетика снизилась. Где все можно — там этого всего меньше хочется.

Где меньше энергии надо приложить, чтоб чего-то добиться — там, во-первых, появляется менее энергичный стереотип поведения и одновременно менее энергичный «-тип», носитель этого «стерео-»; а во-вторых, неизрасходованная на чисто сексуальные проблемы энергия ищет других точек приложения — и в благополучном обществе их не находит! Ломится на рок-концерт, играет в компьютерные игры и садится на наркотики.

Распишитесь в квитанции о получении свободы и наклейте ее себе на причинное место.

Д). Называем все своими именами. Дети, следите за рекламой. Перед половым актом угостите партнера презервативом. Он надевается на половой член, который вводится во влагалище. Безопасный секс — ваш выбор. Это культурно, сознательно и заботливо, стесняться тут нечего. Все так должны делать. Чтоб не залететь и не заболеть.

Скажите, пожалуйста, — а менее тупо, не с такой дебильной бестактностью, никак нельзя? А наряду со стопой учебников поголовно обеспечить школьников седьмого, скажем, класса четырехстраничной брошюрой, которую они прочтут сразу, будьте спокойны — это нельзя?

А — зачем? Что естественно — то не безобразно. Обо всем следует говорить публично.

Что плохого в официальной отмене стыдливости? А то, что с отменой понятия — отменяется и его противоположность: где нет стыдливости — там нет и цинизма, ибо цинизм есть норма поведения, не более чем.

Все то же обеднение, упрощение структуры — оно же снижение энергетики.

Публичная «бюрократизация интима» — это деидеализация, деромантизация, уничтожение табу: замена лексики интимной, стилистически окрашенной — на медицинскую, научную, стилистически отчужденную, казенную, обобщенно-нейтральную, бесчувственную.

Вместо заикания, потливости и неуклюжих маневров в сторону дивана — дружеское предложение: «Давай по-занимаемся сексом» — непринужденно и легко. От рыцарского романа, где он гремит латами, а она путается в шнурках — сдвиг в сторону искусственного осеменения коровы.

Скажи мне, как они любят, и я скажу, чего от них ждать.

Скажи мне, что они говорят, и я скажу, о чем они молчат.

Снижение идеального аспекта любви — это свидетельство и часть общего снижения идеалов общества: что вполне говорит об его упадке.

Е). Революция и проституция. Сделать проституцию такой же нормальной профессией, как любая другая, довольно просто.

Во-первых, надо открыто утвердить, что любой секс — это не более чем нормально, это все делают, и стыдиться тут абсолютно нечего. Во-вторых, надо открыто признать, что если от этого кому-то хорошо и никому не плохо — то в этом ничего плохого. В-третьих, надо вспомнить, что спрос рождает предложение. В-четвертых, никакие половые связи ни в каком количестве никого не позорят и позорить не могут. В-пятых, каждый зарабатывает деньги как может, а честный высокий заработок хорош и даже почетен. В-шестых, назовем проститутку «секс-работниками», это придаст легальное и даже положительное звучание стилистически скомпрометированному понятию «проститутка», а то оно звучит как-то презрительно-ругательно, а это нехорошо. В крайнем случае «девушка по вызову», «платная девушка». В-седьмых, пригласим проститутку на телешоу, возьмем у них интервью для газет, пусть все увидят, что это нормальные женщины, отнесем-ся к ним с уважением.

Таким образом. Если все говорится вслух. Если в сексе нет никаких табу. Если у проститутки присутствует нормальная тяга к хорошей жизни, а проституцией она заработает гораздо больше, чем любым другим способом. Если любой человек заслуживает уважения. Если мужчины сами хотят делать с ними секс и добровольно платят за это деньги. И если интимное официально отменяется и делается публичным. То что же должно мешать девушке зарабатывать на жизнь проституцией? Работа — деньги, и иногда даже удовольствие.

Проституция была всегда. Но не всегда проститутки «позиционировали» себя как «секс-работников», нормальных и полноправных членов общества. И не всегда общество имело их за таковых.

Когда нормальные студентки, нормальные работницы, нормальные матери подрабатывают, а на самом деле только и зарабатывают, на жизнь проституцией — это что, это нет разницы между «порядочной женщиной» и проституткой? Ну, как бы есть, замуж они хотят за тех, кто об их делах мало осведомлен, а то и ей неприятно его знание, и он не жениться может. Но общество относится к этому с пониманием. Не осуждает, в общем.

И вы удивляетесь, что приличный мусульманин считает большинство белых женщин шлюхами? А кем ему их считать? А различить как?

И вы искренне полагаете, что общество, где сплошь и рядом исчезает грань между «нормальной женщиной» и проституткой — не больное общество?

От бедности? А в прошлые века богаче жили? Ах, тогда была темнота. А сейчас свет. В этом свете все хотят денег сильнее, чем в той темноте. Уже мало не умирать от голода — цивилизованному человеку необходимы нормальные блага цивилизации: модные шмотки, тачка, нормальное питание, приличная квартира, отдохнуть съездить в нормальное место. И мы не можем осуждать тех, кто зарабатывает на это проституцией.

Осуждать не будем. А вывод сделать стоит.

Хана такому обществу, где исчезли архаичные и навивные ныне понятия вроде чести, стыдливости, верности, идеала и прочих романтик.

Что стоит на рубле — под рублем и развалится.

Цивилизация, где женщина легко становится шлюхой, как бы продолжая при этом оставаться нормальной женщиной — это обреченная, больная, меченая знаком близкой гибели цивилизация.

Переставая вообще оперировать понятием «порок» — мы тем самым перемешиваем порок с нормой воедино и теряем нравственные ориентиры. Это значит что? Это значит: стремление к деньгам остается, а стремление к чему-то большему, что главнее денег — как-то исчезает.

Упрощение структуры, энтропия, спад энергетики, путь в хаос; и не пакуйте чемоданы, Харон берет только одну монету.

Содом и Гоморра.

18. Честь и честность? Когда-то не понимавшие воровства и обмана персы презирали греков: «Что можно сказать о народе, который определил специальные места, где люди обманывают друг друга?» Имелась в виду торговля на рынках.

И вот мы живем в рыночном мире.

«Сегодня один законник с портфелем прикарманит денег больше, чем сотня ребят с пистолетами», — поучает гангстер-ветеран своих детей.

Не пойман — не вор: вот принцип цивилизованного правового общества. Все могут знать, кто обокрал человека (предприятие, город, отрасль, страну) — но если это невозможно доказать юридически, со скрупулезным соблюдением всех параграфов процессуальных норм — вор пребывает в статусе честного человека и полноправного гражданина, и ходит с гордо поднятой головой. Все могут знать, что он запугал потерпевших и убил свидетелей — но коли исчезли доказательства, то не моги замарать кристального человека публичным подозрением. Не то влиятельный адвокат, при связях и взятках, выиграет вчиненный тебе иск о защите чести и достоинства, одерет на кучу денег и выставит на посмешище.

Не кодекс чести, не поединок, не общественное мнение — но наемные бойцы и платные крючкотворы обеспечивают «честь» циничному хищнику.

Можно обокрасть пенсионеров и сирот, изнасиловать девушку и зарезать спящего — и, обеспечив себе деньга-

ми, угрозой и хитростью оправдательное решение беспомощного суда, продолжать оставаться влиятельной личностью, определяющей судьбы общества.

А неформальное неуважение никого не волнует. Достаточно формального. Плюс уважение к силе.

19. Совесть? Можно обмануть, можно предать — это нормально, это тактика поведения. Схваченного за руку афериста совесть не беспокоит — лишь бы сохранить больше денег и не сесть в тюрьму.

Разницы между честным и бесчестным человеком практически не существует. Вроде бы все ее и знают — причем знают тоже все меньше, — а вроде бы ее и нет. «После рукопожатия бизнесмена пересчитай пальцы на руке», — советует добродушная шутка.

Этика пауков в банке. Если ближний хочет тебя кинуть — будь настороже, не доверяй и проверяй, и не обижайся — не на что, тут ничего личного, это просто бизнес, нормально, такова жизнь: держи дистанцию и продолжай поддерживать отношения, если это тебе за чем-то нужно.

20. Не убий? Ну — всегда и воровали, и обманывали, и убивали. Но всегда знали, кто есть кто, и в душе относились соответственно.

Сегодня меняется само отношение. В сторону безграничного расширения нормы.

«Киллер» — это совсем не то, что «душегуб» или «убивец». Это такая профессия. Такой бизнес. Непростой, опасный и даже романтичный. Убитый — неважен, отнятая жизнь — неважна, это просто условия игры. Киллер может быть честным, чувствительным, не лишенным благородства — в общем, привлекательным человеком. Таким нередко изображают его киношники, беллетристы и журналисты — те, кто формирует мнение общества.

И не врага ведь заклятого убить — а незнакомого человека, за деньги, хладнокровно и деловито.

«Наемный убийца» — это был пария, подонок, неприкасаемый. Недочеловек. А киллер — это почти рыцарь плаща и кинжала, «Подвиг разведчика». Крутой парень, профессионал, спецназовец-неформал.

Все можно. Все можно.

21. Не давай денег в рост? Ну что вы, деньги — это товар, их прокат имеет свою стоимость, банковская система — основа современной экономики. Это правильно, это хорошо, куда ж мы без экономики. Честь и слава банкирам?

Знаете. Мы в основном не вегетарианцы. Мясоеды. И любим это дело. И, кстати, работа мясника — не только необходимая, но и тяжелая работа. Но никто, кажется, не заявлял, что перерезать горло теленку — это хорошо. И даже отрубить голову менее осмысленному и трогательному гусю. Жизнь такая. Что делать. Есть надо.

Ростовщики нужны. От них польза экономике. Спрос на них рождает предложение. Перед ними заискивают.

Но как-то до последних времен ростовщик и рыцарь не уравнивались в престиже и общественном к ним отношении. И более того — никогда ростовщик не объявлялся более почетным гражданином, чем прочие, на том основании, что у него больше денег. Деньги-то у него брали, а самого-то скорее презирали: нашей нуждой пользуется, кровосос, и нашим трудом богатеет.

И вот капитализм, демократия, экономика и процветание. И всякий труд почетен, и всякое богатство почетно, а собственность священна. И заискиватели, подконтрольная пресса и морально недоразвитые ученые-экономисты (некоторые) стали объявлять ростовщика венцом творения. Солью земли и осью государства.

Меркантилизация морали. Сближение морали к материи. Поглавление земного и золотого. Ослабление морали как оппозиции земному набитому брюху. Кто платит, тот заказывает музыку. И не блаженны нищие. И если ты такой умный, то отчего не богатый: сугубо материальный успех наделяется умственными и моральными достоинствами. И богатые сквозь золотое игольное ушко шире Триумфальной арки первыми въезжают в Царствие Небесное на лимузинах.

Золотой телец.

Сближение морального с сугубо материальным означает все то же — снижение разности потенциалов, ослабление импульса к развитию общества, снижение энергетики — упрощение структуры.

22. Паразитизм. Развитые социальные гарантии позволяют все большему числу людей жить не работая: пьют-едят, живут в домах и одеваются. И они не стыдятся этого — этого хотят, добиваются, ловчат, хвастаются друг перед другом обманом государства — то есть налогоплательщиков, работников, которые их содержат. «Социальщики» борются за свои права, выходят на демонстрации.

Мораль дармоедства охватывает все более широкое пространство в цивилизованных странах. Специальные организации вышибают из бюджетов деньги на содержание физически полноценных людей, которые согласны отнюдь не на любую работу, а все чаще и вообще не хотят работать — и так хорошо.

С одной стороны — это признак мощи государства. А с другой — падение мотивации к труду. А любое поощрение безделья — есть что? — шаг к саморазрушению.

Саморазрушение

23. Социальные гарантии и этническое замещение. Пенсионерам надо обеспечить высокий жизненный уровень. «Социальщикам», которые по тем или иным причинам не хотят занимать имеющиеся рабочие места, тоже надо обеспечить «цивилизованный» жизненный уровень. А рождаемость низкая, молодежи все меньше, и людей рабочего возраста на решение всех трудовых проблем государства не хватает. Некому кормить пенсионеров и социальщиков! Что делать?

Ввозить рабочую силу.

Откуда? Из более бедных и населенных стран. Из третьего мира.

И приезжают иммигранты. И хватаются за любые работы. И всеми правдами, а также неправдами, получают права гражданства. И рожают детей — стопроцентных граждан этих стран. Много детей. И дети выбиваются в люди и рожают своих детей. И что дальше?

А дальше иммигранты первого поколения выйдут на пенсию. А частично они, частично их дети-внуки сядут

на социал радостно, потому что жить на социале в Дании куда сытнее и слаще, чем ломать горб в Турции или Пакистане. А другие дети-внуки будут их содержать. Европейцев к тому времени станет все поменьше, а иммигрантов и их потомков побольше. Далее по кругу.

И понадобятся новые иммигранты на грязные и маловыгодные работы, потому что свои граждане, невзирая на происхождение и расу, на дешевку и грязь не падают. Лучше на социале посидят.

Мы обеспечиваем сами замену своего этноса другим завтра, чтобы обеспечить части своего этноса дармоедство сегодня.

24. Дармоеды и сюрреализм. Свое саморазрушение цивилизованное государство обеспечивает законодательно. Не работать выгоднее, чем работать!

Минимальная заработная плата соотносится с установленным прожиточным минимумом. Это цивилизованный минимум: надо предусмотреть не только еду, но и бутылку винца иногда, и покурить, и в скромный ресторанчик раз в месяц зайти семьей, и в кино, и в театр хоть изредка, и какую-никакую обновку купить. А социальные пособия по безработице со сложной системой учитываемых надбавок — соотносятся с тем же минимумом.

И вот муж (или жена) устраиваются на работу. И — хоп! — им срезается куча семейных надбавок. И в результате денег в семье — меньше, а не больше! Устраиваются оба! Пашут. Заняты, устают. А денег в сумме прибавилось — самый чуток. Так на кой черт работать?! Завязывай. Лучше меньше, да лучше.

Энергичный человек, желающий что-то делать, податься — будет целиться на перспективу. Но обычный, средненький, не говоря о малоэнергичном, хлебнув годик-другой социала, захочет сидеть на нем всю жизнь. Что и сделает. Свой круг общения, квартира в дешевом доме, которую оплачивает муниципалитет, привычные дешевые развлечения, расслабуха, возможность дешевых туров по миру — а, чего еще надо?..

Можно найти много причин этого бреда — политических, экономических, психологических, конъюнктурных — но факт указывает на тенденцию, на объектив-

ный, результирующий ход дел: государство само, без принуждения, добровольно, демократическим порядком, пилит сук, на котором сидит. И вовсе не собирается менять этот порядок, ужесточать законы, урезать гарантии: ах, права личности, гуманизм, забота о человеке.

Забота о человеке переросла в разращение человека, в подталкивание человека к паразитизму, в социальную и экономическую деградацию.

25. Гнилой плод глобализации. На рынке перепроизводство и конкуренция, прибыль — душа капитализма, и себестоимость надо снижать, не то лопнешь, сожрут. И все больше производств переносится в дешевые страны. За что своему отстегни две штуки баксов — пакистанец делает за двести. Выход — кайф!

О-па! — своих, ставших безработными, сажай на социал. Государство должно их обеспечить (см. выше).

Зато за счет полученных сверхприбылей можно совать продукцию на новые рынки с более низкой покупательной способностью, но и по ценам пониже.

Ты начинаешь задешево заставляешь пахать на себя бедные страны. Когда они оклемаются и осмотрятся, приподнимутся немного — они расценочки-то повысят. Так что это все — временное решение проблем, отодвигание глобального экономического кризиса.

Вчерашние голодранцы Юго-Восточной Азии на глазах превращаются в «экономических тигров». И «День тигра» близится.

Подняв экономику на этом неравном сотрудничестве, «новый мир» может придушить «первого». Их рынки потенциально больше. Трудовые ресурсы больше и дешевле. Жизненный уровень ниже, и излишним гуманизмом они не отягощены — свои безработные пусть хоть сдохнут, пусть их богатый Запад пока покормит. Поднакопив денег и раскрутив собственные торговые марки, они вполне способны выиграть в конкуренции с «первым миром» через несколько десятилетий.

Размах этого краха сегодня трудно себе вообразить.

А пока ребята из третьих стран продолжают перебираться в «первые» и на социальные пособия вскоре приобретают дешевые товары, сделанные соплеменниками на оставленной родине.

А сегодняшняя прибыль корпораций съедает саму послеавтрашнюю их жизнь. Но потоп — после нас.

26. Колонизируемые съедают колонизаторов. Однажды французы прорыли Суэцкий канал. А англичане очень ловко его у них отобрали. А через сто лет египтяне его национализировали.

Однажды американцы прорыли Панамский канал. А через сто лет панамцы его национализировали.

Однажды португальцы нарыли в Анголе алмазные копи. А через сто лет ангольцы их национализировали.

Однажды англичане колонизировали Индию. А потом индусы поехали жить в Англию. Правда, их к тому времени оказалось миллиард с лишним, и все не помещались.

Однажды Голландия колонизировала Суринам. А потом суринамцы постепенно стали переселяться в Амстердам. Правда, их кварталы мгновенно начинают походить на помойки, но не это главное.

Не будем размениваться на мелочи:

Однажды Великий Рим захватил весь достигаемый мир вокруг Средиземного моря. А потом даровал всем обитателям гигантской империи, мировой империи, права римского гражданства. А потом самые ушлые со всего мира стали переселяться в Рим на правах граждан. И стали зарабатывать деньги всеми способами. И занимать должности. И размножаться и выписывать родственников. А римлянки бросили рожать. А плебс ходил на демонстрации требовать социал — хлеба и зрелищ. А проникшее в развратный Рим христианство ширилось и захватывало новые позиции. А римские историки и политики жаловались на безнравственность населения и всеобщую коррупцию. А потом пришли немытые варвары, которых за четыреста лет до этого Рим растер бы в прах, — и все как-то, знаете, кончилось.

Протирайте по утрам глаза и читайте историю, граждане.

И вот мы, сильно развитые, захватили колонию, где живут несильно развитые. И стали посылать эксплуатировать и перестраивать в своих интересах и по своему образцу. Заодно и тем самым развивая неразвитых и давая им представление о нашем уровне цивилизации.

И они стали осознавать себя людьми второго сорта, а нас — первого. А любой второсортный хочет быть первосортным.

А потом мы сказали: ой, какие мы безнравственные и несправедливые — все люди равны, дадим всем равные права, в том числе право выбора любого места жительства. И открыли двери и окна нашего цивилизованного и благоустроенного дома для всех.

Ага, сказали бывшие второсортные ребята и поехали в тот дом, который получше. А их, заметьте, гораздо больше, чем нас. Ох, закричали мы, что же делать, ксенофобия и расизм — это ужасно и неприемлемо. Ага, отозвались бывшие второсортные ребята, вы нас эксплуатировали, вы нам должны, позор расизму, дайте теперь и нам все то, что у вас есть. А как же, согласились мы.

Теперь у нас комплекс вины, а у них — комплекс недополученности общих для нас всех благ. Мы стесняемся, уступаем и помогаем — они жаждут, требуют, добиваются и получают.

Долгое благополучие нас расслабило и гуманизировало — долгие лишения их закалили и ожесточили.

Победа расслабляет — поражение готовит реванш. А маятник качается.

В конце концов колонизируемые всегда перенимают умения, навыки и ценности колонизаторов — которые накладываются на аппетит и жадность бедняков, прорвавшихся к столу. И уподобляются вчерашним колонизаторам. И процесс колонизации приобретает обратный характер. Вчерашние рабы переезжают в метрополию с намерением влиться в ряды хозяев, при этом храня память о вчерашних унижениях.

Эксплуатация все отчетливее являет признаки обратной тенденции. Это уже они начинают заставлять нас пахать на себя. Сторож думает, что это он заставляет обезьяну звонить в колокольчик, чтоб получить в награду за труд банан. А обезьяна считает, что это она звонком в колокольчик заставляет сторожа подавать ей банан.

27. Гуманитарная помощь. Умиравшие в Африке дети — это ужасно и недопустимо. И наш человеческий долг — гнать туда самолетами и кораблями еду и лекарства, кормить, лечить и спасать.

Добрые и простодушные дети природы, голодающие африканцы как-то не видят свой долг в том, чтобы прекратить междоусобные резни, возделывать сельхозпродукты на каждом свободном клочке земли и ограничить деторождаемость. Но насчет нашего долга они уже в курсе.

А мы, демократичные и цивилизованные, как-то не видим свой долг в том, чтобы размножаться. Фи. Мы — свободные люди. Не хотим размножаться.

Знаете, они тоже — свободные люди. Хотят — и размножаются. В конце концов, не так много у них удовольствий. А дети — это вообще святое.

Многосложная совокупность моральных, биологических, климатических, политических и экономических причин имеет результатом простую и показательную объективность: мы не хотим иметь своих детей, но обязаны кормить чужих.

Чужие замещают своих? Не только так, не совсем так. Мы сами — чужими замещаем своих.

И переполненный третий мир переползает в «первый», и т. д. — см. выше.

28. Разрушение семьи. Как-никак «ячейка общества». И все больше каких-то дефективных ячеек. Искаженных, неполных. Неустойчивых.

Неустойчивость — ключевое понятие здесь. Не бывает прочного здания из непрочных кирпичей. Не бывает устойчивой системы из неустойчивых подсистем.

Когда люди страдали, грызли друг друга, ненавидели и даже иногда убивали из-за невозможности развестись — это, конечно, было плохо. Изменяли, враждовали, но были заставляемы законом и моралью блюсти фальшивую видимость семейного очага.

Увы, мы живем в мире, не идеальном по определению.

Итак — свобода. Права личности. Закон и мораль — современные, просвещенные, гуманные и демократичные.

Живи как хочешь. В браке и вне брака, до брака и вместо брака. Никто не смеет помешать и осудить. Твое право.

Холостяка бить палками и обкладывать дополнительным налогом? Мы, к счастью, не дикари-спартанцы.

Клеймить позором бедную мать-одиночку? Мы не звери, не ханжи, не тупые пуритане.

Напротив: мы поддержим тех, кому труднее жить. Мать-одиночку мы примем на работу скорее, чем мать-семейную. И дадим ей еще разные пособия на воспитание ребенка.

О-па! — как только мать-одиночка выйдет замуж, она потеряет преимущественное право на желаемую работу. И все пособия матерям-одиночкам тоже потеряет.

Экономически выгоднее сегодня в цивилизованном государстве жить и растить детей, сожительствуя с партнером (любовник — устаревшее понятие, стилистически скомпрометированное) вне брака. К этому поощряет государство.

Вот те на.

И взаимных обязательств меньше, экономических ловушек при разводе меньше, и мужчина чувствует себя свободнее. Любовь-любовь дитя свободы. Да здравствует Кармен. Любовь по-цыгански.

Свободное сожительство. Анархия — мать порядка. Привет от коммунистов-утопистов.

Брак и развод перестали быть малейшей проблемой. Хоть десять раз. Берем пример с «высшего света» — Голливуд в скандальных хрониках.

А без детей легче выйти замуж еще раз. А без детей ты решаешь ряд проблем с алиментами. А для души и избавления от одиночества хватит, в общем, и одного.

И матери-одиночке с четырьмя детьми кормилец больше не нужен. На получаемые пособия она живет и еще выпивает. А если они растут на улице бандитами — это их проблемы. Это проклятые капиталисты угнетают бедных людей. Правда, это только для низших классов — нац-расовых, в основном. Урожденные социальщики.

Весь многовековой период развития нашей цивилизации, при многочисленных издержках моногамии, большинство семей были однако нормальными — ладили, ругались, прирастали друг к другу, сообща преодолевали тяготы и переживали радость. В последние десятилетия «нормально» меньшинство семей: у сегодняшних школьников наличие в доме обоих родителей, да в пер-

вом браке, да без других детей вне этой семьи — да это уже почти редкость, таких случаев меньше половины. В США — 14%.

Речь сейчас не о разврате, не о попрыгунстве и не о вседозволенности. Речь о другом. Моногамный пожизненный брак — это упорядоченность государственной структуры на уровне индивидуальной биологической подсистемы. При таком порядке определенный (очень низкий) процент и задохнется в своей клеточке — ну тесно ему, ну не получилось, не вписался, не может. Личная трагедия. Но большинство живет; и принимает свою долю счастья и страдания в этой системе.

Неустойчивость, необязательность, вариабельная краткосрочность жизни семьи — это сдвиг в сторону хаоса, неупорядоченности, это все то же, все то же, все то же повышение энтропии и снижение энергетики общества. Сдвиг в сторону беспорядочного человеческого стада. «Рассасываемость» высокоэнергетичной государственной структуры, обеспечившей достижение высокого уровня цивилизации.

Покажи мне кирпич — и я скажу, долго ли простоит стена.

В моральном аспекте — имеем спад. В религиозном — спад. В законодательном — спад. В экономической необходимости — спад. В необходимости для деторождения — спад.

Энгельса сюда! И — наградить! Потому что — да: отмирание семьи как государственного института. Ну так ждите отмирания и самого этого государства. Только не ждите, что потом вам будут делать всякое хорошее. Потому что вас не будет.

Нерушимость освященного брака — один из устоев, с которым поднялась христианская цивилизация. Придавливал порядок людишек — но позволил устоять против врагов, выжить, подняться, разбогатеть и просветиться.

Не пили сук, на котором сидишь — не воображай себя птицей, если сидишь высоко.

Египетские фараоны женились исключительно внутри своей семьи — ну так это, несмотря на издержки инбридинга, была самая долговечная цивилизация в миро-

вой истории. У самого долгосуществующего из сегодняшних народов — у евреев — брак всегда был категорически нерушим и свят. (Правда, тоже до последнего времени.)

Разрушение семьи — один из аспектов и показателей общего сползания цивилизации к хаосу и распаду.

Самоубийство

29. Апартеид. Продолжает развиваться положение, при котором выгодные и престижные места занимаются с учетом этнической принадлежности. Нац-расовые меньшинства должны быть представлены во всех сферах. Правительство, университет, правление крупной фирмы — в США, этой модели мира, уже невозможны без африканца и азиата. Иначе — расизм, нельзя. Неважно, если представитель меньшинства менее подготовлен и способен, чем соискатель места «от белого большинства».

Демократия по мере своего развития перерастает в апартеид «с обратным знаком». Вчерашняя угнетенность превращается в сегодняшнее преимущество.

Этнический апартеид — это «белый» этнос сам себя замещает, сам себе предписывая нарушение равенства прав и возможностей не в свою пользу. Но есть и другие формы.

Сексуальный, биологический-«физический», социальный апартеид — преимущественное право на лучшие места, блага, возможности самореализации для гомосексуалистов, лесбиянок, инвалидов, матерей-одиночек, представителей нехристианских религиозных конфессий. Обязаны везде наличествовать.

Наименее предпочтительной социальной группой оказывается: белый, христианин, мужчина, здоровый, гетеросексуал. Это уже перестает быть шуткой. И так везде наличествуют — тормози.

Идеал справедливого равенства реализуется с «обратным перегибом» в саморазрушение цивилизации, снижение профессионального уровня, самовыврождение, самоторможение, самозамену.

Половой апартейд. Женщины равны с мужчинами во всем. Равны-то равны, но не одинаковы ведь. Да — угнетенное и подчиненное веками положение женщины нехорошо, несправедливо и безнравственно. Да — равноправны и полноправны. Да — старая арабская пословица «Женщина — это верблюдица, созданная Аллахом для того, чтобы перенести на себе мужчину через пустыню жизни» нас никак не устраивает. Но. Но. Известная анатомическая и физиологическая разница должна же учитываться, коли уж она есть.

Женщины полицейские, солдаты, штангистки и боксерки — это уже некоторое глумление над физической и психической сущностью женщины. Женщина перестает быть таковой.

Современная продвинутая женщина хочет и считает справедливым во всем сравняться с мужчиной, только волей-неволей сохраняя если не материнскую, то во всяком случае детородную функцию. И современный уровень развития цивилизации это ей, казалось бы, позволяет.

Да — имеет право и морду на ринге бить, и кораблем командовать. Хотя органически и слабее, и менее агрессивна, и меньше стремится к лидерству. Да — Маргарет Тэтчер или Екатерина Великая блестяще справлялись с управлением государством. Но половая принадлежность не давала им никаких преимуществ — все решали личные качества; и это были те исключения, которые подтверждают общее правило.

Демократия вопрошает: «А где же в вашей структуре женщины? И почему их мало? Да это половая дискриминация! Набрать немедленно!»

А равенство норовит превратиться в одинаковость.

Если бы Господь Бог хотел, чтобы мужчины и женщины были одинаковы, он создал бы человечество однополым. Ну так мы его подправим. До возможного предела сотрем разницу между полами.

Конкретной «индивидууме» это может быть и хорошо. Этносу плохо. Доминанта переползает с деторождения на «внебиологические» формы функционирования — детей меньше: это конкретное и явное следствие. Сближение и уменьшение разности потенциалов двуполого, двухпо-

люсного этноса — энтропия, спад энергии, сдвиг к смешению в однородную массу, к хаосу и смерти: это объективное следствие, одно из проявлений процесса угасания. Внешне-то она суетится и пашет, как гибрид муравья с терминатором: да как скомандует, да как даст в морду! Жизнь кипит! А по сути — не кипит, а выкипает.

Расовый апартеид. Тезис о равенстве рас превратился в утверждение одинаковости рас. Сегодня расизмом пахнет уже одно упоминание о том, что белые и черные — разного цвета. Вы на что намекаете?! Что черные хуже?! Позор расисту! Да нет, я не говорю, что хуже, они равны, просто цвет разный. Не надо так говорить, это нехорошо, это неважно, это оскорбительно.

А можно, я скажу, что черные гораздо изящнее бегают и вообще движутся, чем белые? Гм. Ну... лучше не надо, но наверное можно, им это не обидно, надемся.

А можно сказать, что лучшие джазисты и баскетболисты черные, а лучшие шахматисты и скрипачи белые? Пожалуй, нельзя. Это расистский подход — по цвету кожи. Ну, просто не стоит это упоминать.

А можно сказать, что евроатлантическая цивилизация, достигшая главных вершин в сегодняшнем мире, определившая лицо этого мира и направление его развития, создана белыми? Можно, но это нехорошо, бестактно, это расовый шовинизм, это не учитывает всех трудностей истории африканской расы.

Но поскольку вообще отрицать понятие «раса» мы еще не беремся — мы должны доказать, что их культурный уровень в общем одинаков. Культура — вещь такая: все определяется традицией и вкусом. Что нравится — то и хорошо: где критерий? Африканские росписи не хуже европейской живописи.

А поскольку черному с его горькой историей и тяжелой судьбой труднее написать роман, чем белому, а оценка этого романа — вопрос вкусовой, относительный — то при прочих равных мы предпочтем роман черного и дадим ему Нобелевскую премию.

Равенство понимается так: если мы не можем поднять других до себя — то опустим себя до других. Будем

льстить и заискивать. Объявим: все расы равны и одинаковы во всех способностях и свершениях. Никаких отличий не существует, кроме чисто внешних. Тип сложения, форма черепа, генетически заданные качество мышц и скорость реакций — не играют абсолютно никакой роли ни в чем.

И во всех сферах деятельности добьемся паритетного представительства всех рас. А под гребенку. Английский газон.

А то, что одинаковость — это хана, думать запретим.

30. Самоограничение в борьбе. «Они», террористы нехорошие, могут брать нас в заложники, резать и взрывать. Но мы — гуманисты. Бомбить можно. Но при этом убивать не только бомбами, но и пришибить кого-нибудь контейнером с гуманитарной помощью. Но заложников не возьмем и не казним, пленных не уничтожим, подрывников не повесим. А иначе чем мы будем отличаться от «них»?! (Интересно, кто первый придумал этот идиотский риторический вопрос?)

Вы будете отличаться от них тем, что не запретите кино, театр, телевидение и все книги кроме Корана. Разрешите любые религии и не наденете на женщин паранджу. Сохраните свободу слова, печати, организаций. Продолжите светское образование и научные исследования. Будете молиться по позыву, а не под автоматом. Будете есть, пить и надевать что вам заблагорассудится. Не будете рубить руки за кражу курицы и головы за непочтение к Аллаху. Останетесь тем, что вы есть. И останетесь живыми.

Как только террорист осознает, что любой акт террора мгновенно влечет за собой аналогичный ответ в десятикратном размере — и ничего иного, — он мгновенно перестает быть террористом. Убить одного чужого будет значить убить десять своих, только и всего. Оно ему надо?

«Их» больше. «Они» решительнее. Готовы идти до конца и не ограничивают себя ничем.

Богатство и военно-техническая мощь против многочисленности и фанатичной решимости.

Вот когда они, выучившись в ваших университетах и работая в ваших фирмах, создадут свою ранцевую атомную бомбу — тогда вы попляшете.

Терроризм — не в странах третьего мира. Терроризм — в ваших головах. Вы позволяете применять против себя террор и создаете для этого возможности. Еще сорок лет назад эти шутки с самолетами и самоподрывниками никому в голову не приходили.

Гуманистически отпуская гайки, вы ожидаете мира и благодарности? Неграмотность. Вчерашние угнетенные прежде всего попробуют вырезать вас. Так было везде и всегда.

Гуманизм по отношению к варвару ослабляет тебя и усиливает его. Потому что сила — это не то, что обладает всей атрибутикой силы, а то, что любой ценой способно добиться своего.

Неприменение силы равно ее отсутствию.

Поэтому Палестина сильнее Израиля. Со всеми его самолетами, танками и атомными бомбами. Цель Палестины ясна и откровенна: нет Израилю, нет миру, нет переговорам — уничтожить и скинуть в море, все это наша земля, и мы будем убивать. А чего хочет Израиль? А сохранить существующее положение, только бы было тихо и мирно. Хай живе Палестинщина. Мы гуманисты, вместе с гуманистами мира.

Израиль может выиграть сто войн — и все останется по-прежнему. Но проигрыш одной — конец ему. А сто войн подряд никто в истории не выигрывает.

И если за каждых десятиерых взорванных евреев будут убивать десять арабов — «адекватные ответные меры самозащиты» — то евреи скоро кончатся, а арабы останутся, их больше, и на такой обмен они заранее согласны.

И хрен бы с ним, с Израилем, скажет кто-нибудь, и окажется неправ. Потому что следующий черед твой, приятель. Израиль не сам по себе — это вынесенный форпост нашей цивилизации. Равно как Кавказ и Балканы.

31. Торговля оружием. Продаем тем, кто убивает нас из него уже сегодня, не говоря о завтра. Причины приводим разные:

иначе продадут наши конкуренты;

вооружаем союзников или нейтралов;

поддерживаем свою экономику, обеспечиваем рабочие места;

а нехорошим режимам запрещаем продавать, и стратегические технологии не продаем, и оружие массового поражения;

а еще нехорошие режимы надо натравливать друг на друга, пусть убивают, ослабляют и сдерживают, чтоб не обратились против нас, надо сохранять мировое равновесие.

А равнодействующая всех этих кампаний проста и однозначна: Первый мир вооружает третий мир. С этого цивилизованная экономика имеет перепроизводство своего излишнего барахла — сникерсов, пищевых добавок и штанов по моде последнего сезона: того, что не дает силы и мощи, не является необходимым для выживания. Автомат ему — это рубашка тебе. Что он завтра сделает со своим автоматом? Снимет рубашку с твоего трупa.

Первый мир работает на усиление третьего мира и, соответственно, нарушает соотношение сил во вред себе.

32. Премирование убийц. Веками великая Англия гордилась своей демократией, которая впереди планеты всей. Была самая великая империя, потом это стало несовременно, и появился оплот самого великого гуманизма.

Вы сделали такое, что в своей стране вас приговорили к смертной казни? Бегите в Англию — она примет и не выдаст никого, кому дома грозит смертная казнь. Ибо она гуманна. И содержит убийц со всего мира лучше, чем некоторые из них жили у себя дома, будь то в подполье или на свободе.

Но мир велик, а гордый остров мал — и стремительно превращается в комфортабельнейший и огромнейший из притонов. Рай для террористов и уголовников. А больше всего их откуда? Оттуда, где людей больше всего — из того же третьего мира.

Старушка-Европа, заботится обеспечить себя своими же палачами.

Террорист Ильич Рамирес Санчес в борьбе против проклятого капитализма перестрелял кучу народу? Теперь он на заслуженном отдыхе: во французской тюрьме смотрит телевизор, занимается физкультурой, читает книги и даже женится. За счет французских налогоплательщиков, буржуа проклятых, которых он недострелил.

Ничего, товарищи по борьбе продолжат его святое дело. И продолжат, будьте спокойны.

Часть своих сил и средств Запад тратит на то, чтобы обеспечивать жизнь и безопасность своих убийц. Он слабеет — они крепчают. Маразм крепчал.

33. Абсурд правосудия. Убил одного — получи пятнадцать лет тюрьмы, которая иному бедолаге из третьего мира кажется санаторием. Убил двоих — двадцать пять. Трех? — пожизненное. Двадцатерых? — о негодяй, вот тебе три пожизненных. И это всерьез! — судьи в мантиях и приговор с печатью.

То есть законодатели понимают, что чегой-то с Законом не то происходит, и надо бы наказания дифференцировать. Ну, вот и дифференцируют. Подобного идиотизма не знала еще мировая история: жизнь одна, а пожизненных заключений несколько, и никто не смеется, и все это всерьез.

Дегенерация Закона. Виртуальность Закона. Разница условных формулировок для одного и того же наказания. Слово серийные убийцы лоббировали эти законы.

А дегенерация Закона — это дегенерация системы, распад ее здравого смысла и ослабление самосохранения.

Вот едет в «роллс-ройсе» знатный гангстер — наркоторговец и убийца. Все его знают. А казнить или даже посадить его нельзя: свидетелей отстреляют, дорогих адвокатов наймут, лазейки в законе отыщут, доказательств де-юре не хватит.

Параллельно с официальным государством существует по своим законам параллельное бандитское государство: обирает и убивает людей и цветет. И демократия против него бессильна. А демократия — это наше все: мир рухнет, но закон соблюден. Так сказали римляне — и рухнули.

Государство, где бандиты открыто глумятся над законом — обречено. Наши предки вздергивали бандитов там, где их находили. О темные негодяи, кровожадные беззаконники! Вы исправились, вы стали гуманнее? Вот и молодцы, скоро свои и приезжие со всего мира бандиты будут резать вас на улицах перочинными ножиками.

В гуманнейшей Голландии ты не имеешь права пальцем тронуть вора, если он не трогает тебя. Вызови по-

лицию, она его гуманно арестует — если успеет и сумеет. А пока — пусть ворует, бедный. Ударишь?! — ответишь перед судом. Аплодисменты Голландии, пока она еще жива!

Рабская Россия по-прежнему запрещает своим полурабам иметь оружие. Оружие — привилегия свободного человека, а ты смерд и место свое помни. Власть убивает — а ты не моги. Что, и власть не убивает? Ну, тогда бандиты. Он тебя убил — ну, не повезло тебе. Ты его убил? — снова не повезло тебе. Откуда оружие? Кто позволил? Получи за одно то, что посмел купить, носить и стрелять — вот тебе десятка каторги. А там тебя опустит бандит с такой же десяткой за убийство невинного.

Современное цивилизованное государство несравненно лояльнее к преступникам, чем во все прошлые времена. А налогоплательщики содержат преступников лучше и щедрее, чем во все прошлые времена. А законопослушный труженик по гуманному Закону бесправен и унижен перед преступником больше, чем во все прошлые времена.

Общество, в котором рядовой уголовный преступник может прямо в суде, используя беспомощность закона, глумиться над честным человеком, потерпевшим от него — это больное и порочное общество. Принятие и поддержание таких законов — это самоуничтожение государства: оно само уступает бразды правления преступникам.

Эти вещи кончаются или фашизмом, или развалом своего. Кажется, фашизм мы уже проходили.

Вот предприниматель дал кредит другому. А другой его кинул, и деньги грамотно сплыли. Государство говорит: извини, это твой риск, закон бессилён. А в частном порядке чиновник сочувствует и объясняет, что ты прав, но вот несовершенен закон. И ты идешь к бандитам и говоришь: берите себе половину долга, как у вас принято, а другую отбейте для меня, а то ведь хана мне. И бандиты выбивают деньги у жулика. И жулик жалуется государству, и бандитов сажают. Не бред ли?! Бандиты страдают за справедливость — а государство защищает жулика?! Кто бандит, кто жулик, кто честный и кто государство?!

Вот это смещение и смещение социальных ролей и называется нарастанием энтропии и сползанием системы к развалу.

Организованная преступность сегодня — это класс.

Средства производства — оружие. Способ производства — насилие. Производимый общественно полезный продукт — ноль: паразитический класс. Место в государственной структуре — реальная оппозиция и замещение функций насилия и перераспределения благ.

Чем сильнее и влиятельнее преступник — тем, соответственно, слабее и менее влиятельно государство: пространство у них на двоих одно.

Вот и растет коррупция на всех уровнях.

За некоей гранью «гуманизм» перерастает в свою противоположность: преступник получает преимущества перед честным. За этой гранью и начинается гибель государства, основы которого постепенно теряют свою жизнеспособность.

34. Абсурд искусства: распад и коммерциализация. В принципе об этом говорили всегда. Конкретнее — последние сто лет. И то сказать — с тех пор сделаны значительные шаги.

Здесь не место вдаваться в детали, а книги об этом написаны и так.

Массовое искусство было всегда, и коммерческое тоже было всегда. Прimitив для толпы, лезть для богатых. А вот абсурд был не всегда. Чем эпоха и характерна.

В живописи: условность примитивных форм.

В скульптуре: условность примитивных форм.

В архитектуре: упрощенная технологичность.

В «хэппенинге»: условность примитива.

В литературе: разрушение табу, снижение интеллектуального и поэтического уровня.

А искусство, как-никак, это социокультурное пространство общества, создаваемое обществом «под себя»; форма общественного сознания.

Упрощение и абсурдизация общественного сознания — они отражают и в свою очередь влияют на общественное бытие. Банально, так ведь верно, банальные истины вообще выверены временем, которое самый приличный из критиков-оценщиков.

«Кризис искусства» означает: где идеал? к чему стремиться? старое надо рушить, но где новые вершины? Все тот же развал устоев. Упрощение. Деморализация. Путь в хаос.

Элитное искусство сегодня в основном деструктивно — являя по форме упрощение и распад формы, а по содержанию — распад морали и ценностной системы базовой, предшествующей культуры, без выдвижения иных и новых созидательных, позитивных ценностей.

Массовое искусство, где лидером и образцом остается голливудское кино — агрессивно стандартизирует общественный вкус, вытесняя прочие образцы и средствами шоу-бизнеса позиционируя себя как единственное и настоящее искусство: грандиозный лубок опускает и присваивает себе черты и функции «высокого искусства» в сознании все большей части «элиты», формирующей эстетику общества. (Вот вам «Оскар».)

Старение наций

35. Не десять внуков хоронят бабушку, а один печально суетится — хороня всех бабушек и дедушек. И следствия этого не только экономические и социальные.

Старые нации коснеют, костенеют. Повышение среднего возраста — это уменьшение энергии народа, не тот напор и задор, не та отвага и величие целей.

Повышение возраста — это меньшая восприимчивость к новым идеям. Идеинная инертность и инерционность, пассивность.

Возрастной консерватизм предпочел бы сохранить все так, как есть. Склонность к охранительной, оборонительной политике. Инициатива в противостоянии цивилизаций отдается другому: кто моложе, энергичнее и жаднее. Речь уже не о том, чтобы захватить новое и изменить мир — а сохранить старое и законсервировать мир.

Карьеры в устоявшемся обществе затруднены — все держится на достигнутых ступенях до пенсии, и напор энергичного молодого возраста расходуется больше на

то, чтобы занять высокую должность, и меньше на то, чтобы делать дело на этой должности, по сравнению с нациями молодыми.

Старший возраст чаще задается вопросом: «А на фига вообще это делать?» Сильнее хочет покоя. Сил меньше имеет. В результате все общество делает суммарно меньше, чем при прочих равных — молодое.

И повышается средний возраст родителей, и они рожают менее здоровых детей.

И все бóльшую часть энергии общества берет забота о больных и старых.

Постиндустриализация как угасание

36. Сегодня в США 80% экономики работает на производство услуг населению, и лишь 20% — на производство продукта. И все говорят, что это очень хорошо и к этому и надо стремиться всем. Чтоб люди хорошо жили. И это — признак мощной и здоровой экономики. Гуманизм и забота о людях.

Сейчас.

Эта смешная и наивная ошибка, ставшая сегодня господствующим мнением, проистекает из непонимания сущности государства. Из вульгарного антропоцентризма. И не менее вульгарного рационализма.

Восходит она к «теории общественного договора» Руссо. Собрались люди вместе и решили: давайте договоримся, как нам жить вместе, чтобы всем было лучше. Мы ведь умные! Все понимаем. И как решим — так и будем действовать в собственных же интересах. (Ученики и последователи Руссо устроили Великую Французскую Революцию — и неожиданно стали стричь друг другу головы с таким рвением, что до сих пор оторопь берет.)

Для человека естественно и комфортно думать, что это он создает государство для себя, и оно служит его интересам. А как же?! Солнце вращается вокруг Земли, это всем ясно.

Но. Но. История Вселенной и Земли — это эволюция систем от простых к сложным, и в усложнении посту-

пенчатых структур — что происходит? Повышение энергии, энергетичности, энергосодержания все более сложных систем. Системы самообразуются таким образом, чтобы содержать в себе как можно больше энергии — или, что то же самое, способности к максимальным действиям.

Государство как совокупность людей способно сделать больше, чем все те же люди по отдельности, неорганизованно. А каждый отдельный человек, таким образом, в составе государства может сделать больше, чем в одиночку. (См. «Государство как структура».)

А система живет по своим законам и имеет свои задачи. Задача человека — не быть счастливым, как он обычно полагает, а как можно больше перечувствовать и сделать. Государство удовлетворяет целям этой задачи — вот он чувствует и делает. Человек как система полнее реализует себя в составе структуры государства как системы. А государство как система имеет задачей на своем уровне, в своем масштабе, также сделать максимум, на что оно способно.

Древний египтянин мог полагать сколько взлезет, что царство существует для его безопасности, удобств и сытости. А государство «полагало» целью своего существования ставить гигантские пирамиды и храмы, окружающую действительность максимально перелопачивать. И заставляло человека пуп рвать сверх необходимого для спокойной сытой жизни. Что осталось бы от Египта без пирамид и храмов? А пшик. Ничего.

В государстве человек получает кнут и пряник: лезет вверх по социальной лестнице за благами, стремясь жить не хуже, а лучше других — и боится свалиться вниз, боится нарушить закон. И идет на войну — чтоб быть героем и не быть расстрелянным за дезертирство, хотя лично ему эта война на хрен не нужна, но государственная пропаганда мозги ему прокомпостирует.

Не понимая энергетической сущности мировой эволюции и системной сущности государства — невозможно понять суть человеческой истории и суть конкретной цивилизации со всеми ее закидонами и издержками.

Совсем просто: государство — система более высокого, следующего уровня относительно человека. И отно-

шения человека с государством — это отношения подсистемы с системой. А иначе их и понять невозможно, иначе надо спускать на сцену бога в машине и придумывать ему в противовес дьявола.

Интересы человека и государства совпадают в том, что делая в государстве больше — человек живет лучше, богаче, интереснее, многостороннее, полнее реализуя все свои возможности. А не совпадают в том, что для решения собственных грандиозных задач система сплошь и рядом человека давит, гоняет, жертвует конкретными индивидами.

Но провозглашать права подсистемы выше прав системы — это благоглупость. Это попытка пчел приватизировать каждая свою долю улья. Право заклепки не быть битой кувалдой по голове, а иначе хрен с ним с кораблем. А зачем ты, заклепка, без корабля нужна? Тогда расклепывайте меня нежно и под наркозом, чем мне лучше — тем корабль совершеннее.

В истории каждого государства и цивилизации был пик максимальных свершений — будь то военная мощь империи или грандиозное градостроительство. Характерно, что людям в этот период жилось не слаще всего. Перевалив пик — мягчели, больше заботились о людях, меньше хотели совершать черт-те что неизвестно ради чего — и понемногу цивилизация как-то слабела и рассасывалась. После пика дел люди еще долго радовались, как они хорошо живут, а потом великие дела сияли из прошлого золотой легендой, и нарастал упадок.

Как только государство минует пик великих дел — оно клонится к упадку. Оно вначале незаметно клонится, почти даже и не клонится — вершина большой полукруглой горы долго кажется ровным местом, а дальше — круче. Проход системой вершины развития.

Пока люди надрываются на стройке грандиозного храма — система мощна. Когда, устав, они говорят: «Кому надо? Да лучше жить получше», — система, стало быть, слабеет. Они поживут получше, а потом падут жертвой соседей-варваров и исчезнут.

Завершив эпоху наполеоновских войн, Великая Франция кончилась.

Завершив викторианскую эпоху, Великая Британия кончилась.

Вершиной российской истории остаются железно-золотые шестидесятые годы XX века: космический прорыв, беспрецедентная милитаризация, имперское мировое влияние.

И зловещим выглядит сегодня решение США не восстанавливать разрушенные 11 сентября 2001 г. самые высокие небоскребы страны. Экономически невыгодно? Невыгодно — для чего? А вы что, мало кушаете или плохо одеваетесь? Эта поворотная точка — 11.9.2001 — в истории останется.

Вот есть в проекте великий продукт — здание, или самолет, корабль, ракета. И общество решает: сделать-то мы это можем — а на фига? Расходов уйма — а кто оплатит? Тоталитаризм — он может любые средства грохнуть, лишь бы возможности позволяли. А демократия говорит: это экономически невыгодно, лучше сделаем поменьше и попроще, без супер-изделий мы обойдемся.

Потребительский рынок развернут лицом к потребителю. К человеку. Который что? Который хочет. Чего он хочет? С голоду не умереть? Нет, цивилизованный человек лечится сегодня от ожирения. Он хочет вещей — необязательных, условных, излишних, избыточных — машину последней модели, хотя и прошлой модели отлична; жилье в более престижном районе, хотя и этот неплох; модную одежду, хотя и эта не сношена; он отнюдь не бедствует — он просто хочет заменять одно барахло другим и готов платить деньги, то есть готов работать ради этого.

Он готов работать, чтоб сменить штаны и автомобиль — но не готов работать, чтобы сделать что-то грандиозное одно на всех. Менее готов.

И экономика — через рекламу и рыночные структуры — заявляет: мы будем делать ненужные мелочи — но не будем делать ненужные крупности. Пусть индивидуального барахла у каждого будет побольше — но общественного, государственного, грандиозного барахла мы будем делать меньше.

И человек заявляет: платить буду за телефон доверия, за пищу на дом, за прачечную и химчистку, за игровой автомат и билет на футбол. А за супернебоскреб и исследовательскую станцию на Луне не буду.

И заявляет: а я вообще завален барахлом, теперь давайте сделаем так, чтобы мне было с уже имеющимся барахлом предельно легко и удобно — все для меня: рестораны, спортзалы, шоу всех родов, такси и проститутки по вызову и юристы для решения всех моих вопросов.

И конкуренты борются за право его обслужить: это их бизнес.

Потребительский рынок перегрет до крайности. Большой части экономики, в сущности, нечего делать. Реклама, значительный сектор этого рынка, искусственно вздувает спрос на ненужности. Перелопачивание окружающей среды зашло в тупик. Мощности огромные, а делать нечего.

Рынок потребления как форма наркоторговли. Чем бы дитя ни тешилось, абы радовалось. Апеллируем все прямее к сознанию: вот тебе за деньги условный раздражитель, получи эмоции и заплати: за вытирание тебе носа или сенсационное рождение ежа в зоопарке.

Это своего рода заукливание экономики на себя саму. Но что хуже — заукливание человека как подсистемы государства на себя самого: я отстраняюсь от максимальных действий системы, я дроблю ее усилия на индивидуальные сегменты.

Постиндустриальная цивилизация не имеет системных задач, соответствующих наращенной мощи. Мощь системы превысила уровень целей и потребностей системы. Это означает что?

Это означает неустойчивость системы.

Что делает неумеха-новобранец в мирной армии? Напрягает все силы для выживания, чтоб стать приличным солдатом. Что делает супербоец-фронтовик в мирной армии? Скучает, разлагается и пьет. Салаг лупит от скуки. Они мужают — он деградирует.

Вам привет от Лао Цзы: так слабое и мягкое побеждает сильное и твердое. Перспектива потому что.

Постиндустриализация цивилизации обозначает исчерпанность этой цивилизации. Она не потому людей кормит хорошо, что добрая. А потому, что мощь свою ей направлять больше некуда. Большую войну — нельзя: уничтожение планеты. Суперпроекты — а зачем? и так

зажрались, быт налажен неплохо. Остались вот мелкие услуги населению — и на это идет основная мощь.

Если система — по любым причинам! — не делает максимум того, на что она способна — значит, на это она уже неспособна.

Все причины, по которым максимальные действия не совершаются системой — вторичные и кажущиеся, их можно обосновывать и варьировать как угодно и на любых уровнях (психологическом, экономическом, политическом и т. п.). Как ни верти, единственная, главная, базовая причина — одна: система исчерпала свои ж возможности в главном. А уже сказывается это через настроения и хотения людей, экономические отношения и много еще чего.

А если система исчерпала себя в главном — динамическое равновесие, в котором она находится, начинает принимать регрессивный характер. Где слабеет главная возможность — исподволь, а потом и не исподволь — слабеют и остальные. Сегодня перестаем ставить пирамиды, завтра досаждают гиксосы, послезавтра нарушается ирригация, и вот вам великие пески.

Сброс системной мощности на перегрев подсистемных узлов это скверный признак. Это раскачка, это саморазрушительный шаг. Подсистемы-то радуются, как им хорошо живется — ехать в санках куда приятнее, чем переть их в гору.

Права обреченной личности

37. Государство «в идеале» предпочло бы все права оставить за собой, а на личность навесить одни обязанности: укреплять себя, исполнять приказы, защищать и вообще делать все в интересах системы. Аналогично личность «в идеале» предпочла бы иметь все права на всё, что можно, а на государство навесить обязанности личность защищать, кормить, обеспечивать, холить и лелеять. Личность и государство всегда препирались и, миром и насилием, одной без другого никуда не деться, приходили к какому-то соглашению.

Когда перед государством грандиозные задачи — самозащита, вооруженная экспансия, сколачивание себя из

клочков, напряжение всех сил для выхода из нищеты — оно подчиняет личность без долгих разговоров. Или перестает быть.

Когда государство построило большой и прочный дом, набило его добром и загнуло рога соседям — важность, необходимость его задач уменьшается, зажим ослабевает, и личность говорит: хоре меня угнетать, гони права, хочу хорошей жизни. И иногда получает.

Равновесие смещается в пользу и сторону личности.

Надличностные интересы все явственнее замещаются личностными.

Исчезают надличностные ценности. Ибо надличностные ценности — это системные. И все больше преобладают ценности личностные.

Подсистема говорит системе: это ты работаешь на меня, а не наоборот. Система отвечает: да, моя сладкая, лишь бы тебе было хорошо. Твоя жизнь, собственность и удовольствия — превыше всего.

И внутри людей ломается государственный стержень.

Почему не брать взятки, если мне от этого хорошо, и дающему хорошо, и никому конкретно не плохо, кроме государства, которое есть что-то неконкретное, безличностное, обязанное делать мне хорошо? Зачем соблюдать Закон, если мне лично лучше его нарушить? Умело обойти его — это прекрасно, и совесть на моей стороне: я — личность.

Коррупция, продажность, падение морали, разрушение табу — это все аспекты и следствия прав личности, провозглашенных превыше всего. А чего ради личность должна поступать иначе?

Культ героя заменен культом преуспевшего дельца. Честность жалка, патриотизм неприличен, богатство похвально и вожделенно. Карман толст, дух тощ.

Государственный кумир заменен индивидуальным.

Заклученный лупит охранника. Квартиросъемщик отказывается и платить, и съезжать. Суд защищает право нелегального иммигранта не быть депортированным. Гангстер баллотируется в премьеры, а проститутка в сенаторы. Жулик строит замки. Убийца требует улучшения пищи. А интеллигент защищает их права, и журналист зорко следит, чтоб государство этих прав не нарушало.

Ну, в той или иной мере это бывало всегда — но никогда еще не было возведено в принцип: права личности превыше всего.

Принцип — это тенденция. Эта тенденция — развал цивилизации.

Примат надличностных ценностей означает: есть общее для нас, вне каждого и над каждым, что дороже благ и жизни каждого в отдельности. Примат личностных ценностей означает: а ни хрена такого нет.

Вот вам безверие, духовный кризис и идеологический тупик. Если все для меня — то для чего я?

Нравственный релятивизм как итог борьбы за права личности. Когда-то вешали грязных бродяг — сегодня, чистые и умные, вешаемся сами. Вместо иконы повесили зеркало и задумались: «Если нет Бога — то какой же я капитан?» Если Александру угодно быть богом — пусть будет.

Поставив права личности выше всех институтов, мы объявили человека богом на земле. Священный он, понял? А поскольку на самом деле он не бог — он вам наворотит.

Расширяя комнату, раздолбили несущие стены здания. Зато воздуху сколько! Рухнет? А чего, не рухнет, стоит же пока.

11 сентября кое-что уже рухнуло.

Если культ личности вождя попытаться заменить культом личности каждого — получим стадо львов под предводительством барана, и недолго тому барану быть живу.

Угасающим взглядом

38. Биологический аспект. Физически деградируем, перестаем размножаться, численно сокращаемся.

39. Этнический аспект. Стремительно замещаемся иммигрирующими этносами третьего мира.

40. Социальный аспект. Поощряем ширящийся паразитизм и иждивенчество; предоставляем преимущества маргиналам; уравниваем в правах патологию с нормой; обеспечиваем жизненный уровень преступников за

счет трудящихся; позволяем криминалу обирать общество и коррумпировать власть.

41. Экономический аспект. Искусственно вздуваем потребности; не имеем великих созидательных задач; работаем в основном на ширпотреб и обслуживание; все больше зависим от противостоящего нам третьего мира, который сами поднимаем, эксплуатируем, замыкаем на себя, при том что он гораздо многочисленнее и голоднее.

42. Идеологический аспект. Тулик; потребительство как лозунг; отсутствие великих созидательных задач; исчезновение надличностных ценностей; гуманистическая разоруженность перед фанатичным и жестоким врагом.

43. Этический аспект. Разрушение запретов; вседозволенность поведения; упрощение и стандартизация отношений; моральный релятивизм; коммерциализация всех сфер общественной жизни; дегероизация; исчезновение понятия моральной ответственности.

44. Эстетический аспект. Разрушение форм искусства; деструктивная направленность элитарного искусства; дегероизация и деидеализация; утверждение в едином социокультурном макрокосме массовой субкультуры как подлинной.

45. Психологический аспект. И все это делается добровольно.

Мы и они

С началом XXI века то, что несколько условно называется «миром исламского радикализма», сознательно и категорически противопоставляет себя «христианской цивилизации», она же «атлантическая», или «евроамериканская», или «страны первого мира», или «золотой миллиард». Арабские террористы и европейские гуманисты.

«Несколько условно» — потому что дело здесь не в исламе. Умеренные исламисты отрекаются от своих радикальных единоверцев, заявляя, что те искажают сущность учения, не являются истинными мусульманами, Коран запрещает убийство и насилие и т. д. Радикалисты же убеждены, что именно они — истинные мусульмане, а умеренные не правы.

Грубо: вот есть определенная цивилизация — а вот есть ее внешние враги. Они ее не любят, не хотят, считают плохой, порочной, вредной и предпочли бы ее уничтожить. Они объединены. Чем? Языком, региональной территорией, уровнем развития и производства, ментальностью — а также религией. Ислам как опознавательная система «свой — чужой». Ислам как знак общности интересов и убеждений. Ислам как символ системы ценностных ориентации. Ислам как лозунг, тезис, слоган, знамя.

То есть: дело не в исламе, не в сути религии. Ее могло бы в данном противостоянии вообще не быть. Мог быть «Союз рыжих», или «арийская раса», или «федерация сиренево-красных народов», или «Красно-синяя армия»: главное — символ объединения людей, сходных этнически-

ки и ментально, в единую систему. В конкретном историческом случае — «исламский радикализм». (А уж в Коране, как и в любой толстой книге, содержащей канон любой религии, любой желающий может найти все, что ему хочется, истолковать и раскодировать любые предписания на все случаи жизни. Вон христиане за две тысячи лет вычитали из Библии предписания и неслыханных зверств, и безбрежного гуманизма: один режет — другой ему горло подставляет и прощает, и оба при этом ревностные христиане.)

В любой «войне за веру» эта самая вера — не глубинная причина распри, а предлог, даже если ее адепты искренне полагают иначе. «Бей неверных!» означает лишь «Бей чужих!». А чужие — это хоть другая страна, а хоть другой двор. Общность на общность, система на систему.

А чего хочет любая система? Расшириться, утвердить себя, подчинить себе все что удастся. Мы имеем наиболее агрессивную, решительно настроенную часть «третьего мира» как «террористическую систему», реально пытающуюся уничтожить «белую цивилизацию» и открыто декларирующую свои цели.

Соотношение сил представляется чудовищно неравным. У «нас» — финансы и промышленность, наука и техника, сокрушительная военная мощь. У «них» — бедность, темнота, деньги от торговли ископаемыми ресурсами и наркотиками, и несравненно меньше оружия, купленного у нас же. Оружия современного в смысле уровня электроники, массового поражения, слежения и самонаведения — ничего этого нет.

Чего, казалось бы, можно ожидать? Что произошло бы — и неизменно происходило — сто, двести, четыреста лет назад, если агрессивные малоразвитые напали на вооруженных до зубов высокоразвитых? Происходило превращение бедных дикарей в прах и пепел. Геноцид, выжженная земля, колонизация, рабство.

Что происходит сегодня? Международные нормы и уставы, правозащитные организации и гуманитарные миссии. «Террорист не имеет национальности», «мы воюем с преступниками, а не с народом», «необходимо сесть за стол переговоров», и вообще «пределы необходимой самообороны» и «адекватные или неадекватные ответные

меры». Кто навязал эти нормы большим дядям с оружием? Сами на себя навесили. Результат?

Уже много лет фронт «мы — они» проходит по трем основным точкам: Израиль, Чечня, Балканы. И «мы» никак не можем победить «их». Потому что они готовы на любые действия и прибегают по возможности к любым действиям — а мы сами ограничиваем себя, потому что мы демократы и гуманисты. Они могут взрывать дома, убивать мирных людей, брать заложников, торговать людьми. Наши осатаневшие солдаты доходят до того же самого, но за это их, вообще-то, положено судить, это противоречит нашей официальной политике.

С первого дня создания ООН государства Израиль арабские соседи (которые в десятки раз многочисленнее и обширнее) открыто провозгласили курс на уничтожение Израиля. Не признавать, уничтожить, сбросить в море. Смогли бы — и сбросили. Пока не смогли.

Израиль же, выиграв все войны, оставил соседей на месте, хотя реально имел возможность снести столицы, уничтожить военную структуру, диктовать мир с жесткой позиции силы. Но — международное общественное мнение и гуманизм.

Россия могла повторить опыт товарища Сталина и загнать всех этнических чеченцев в степную резервацию, силы есть; и не было бы давно никакого чеченского терроризма. Но...

Америка могла бы интернировать всех своих выходцев из «террористических стран», взять в заложники всю многочисленную родню Бен Ладена и диктовать ультиматумы. Но... вы с ума сошли! Вместо этого Америка пробомбила сербов, пытавшихся вышибить со своей земли исламистов, которые явочным порядком оттяпали часть их территории. Потому что гуманизм и справедливость.

Кто сильнее: группа отчаюг с автоматами, готовых на смерть и на убийство сотен заложников — или страна с военной машиной и спецподразделениями, которая захваченных террористов даже не расстреливает, а проверяет, хорошо ли их содержат в тюрьме? Пока мы. Но так ли?

Кто сильнее: камикадзе, готовый взорвать себя и способный убить спецназовца и тысячу его соплеменни-

ков — или спецназовец, также способный убить камикадзе, но не могущий тронуть его соплеменников и желающий выжить сам? Ага. Спецназовцев больше, и вооружены они лучше. И тягаются кучей с парой фанатиков. На равных.

Упростим. Кто сильнее: супербоец с кодексом правил — или блатной, ткнувший его сзади заточкой в почку?

Упростим. Кто сильнее: страна-террорист, дай ей равный уровень вооружений и экономики — или численно равная ей страна первого мира? Кто более готов слохнуть и победить?

Сила — это не то, что обладает всей атрибутикой силы.

Сила — это то, что добивается поставленной цели.

Какой ценой? У жизни и истории одна цена — любая.

В конце концов всегда побеждает тот, кто готов платить за победу большую, любую цену. Если останется жив. А он останется жив. Потому что мы ему это гарантируем.

«Они» сильнее духом. На большее готовы. Каждый день жертвуют собой, уничтожая тех, кого считают врагами.

Они готовы уничтожить нас всех. Мы их — нет. Они готовы уничтожить нашу культуру. Мы их — нет. Побеждая — мы щадим их и оставляем возможность реванша в бесчисленный раз. Победив, они не пощадят нас, и реванша не будет.

Вот таков расклад духовных сил.

Их общество — более молодое, здорово и потентно. Это ничего, если малограмотно, это не главное. А если нетерпимы — то это аспект решительности, агрессивности, порыва к экспансии.

Структура их общества более энергетична. Более энергосодержаща на системном уровне.

Колоссальное разграничение мужской и женской ролей в обществе. Это плохо для женщины — но это высокий уровень биполярности системы, высокая энергетика структуры.

Жесткое соблюдение религиозных предписаний и запретов. Это ограничивает личность — но, опять же, повышает структурный уровень системы, ее энергосодержимость.

Запрет на все формы сексуального разврата. Быстрое и жестокое наказание преступников. То есть: норма и патология резко разграничены, никакого уравнивания и смешения в хаос — низкий уровень энтропии общества, высокая энергопотентность.

Права личности весьма ограничены и подчинены предписаниям религии и государства. То есть: объединение усилий, энергий, отдельных людей в единых порывах и направлениях — суммирование человеческой энергии общества. Все действуют менее сами по себе, а более единообразно и соподчиненно, чем у нас.

И — у них есть серьезнейшие надличностные ценности. Твое дело, долг, священная обязанность (пусть это называется «дело ислама») — несравненно выше и главнее твоей жизни. И жертвуют собой добровольно и ежедневно.

Их система дает им большее напряжение чувств, чем наша — нам, коли они так жертвуют собой. Самопожертвование — верх субъективного действия.

И цель их — максимальное действие. Уничтожить нашу цивилизацию и заменить своей. Преобразить сегодняшний мир. Любым путем.

А наша цель — всего лишь сохранить статус-кво. Чтоб нам было по-прежнему сытно, приятно, свободно, сексуально, разнообразно и интересно. И в средствах мы самоограничены, что условно называем «гуманизм».

Условно — потому что не можем перерезать горло врагу-убийце, но можем накрыть бомбовым ковром площадь, зная, что погибнут женщины, дети и старики. Ни генерал, ни летчик не видят лиц — отдают приказы и нажимают кнопки. Получается, что мы не столько лучше их, сколько подлее. Они убивают откровенно — а мы суетимся, пытаюсь и на елку влезть, и пирожок съесть.

Если сравнивать системы на уровне духовных напряженностей, силы психических связей, максимальной целенаправленности — их система сильнее нашей. Поливайте как хотите: дикарская, темная, фанатичная, отсталая — но сильнее.

Образование — дело наживное. Ментальность — относительное, фанатизм — стилистически отрицательное обозначение самопожертвенной убежденности. А на уровне

духовной системности они сильнее. И у них больше оснований гордиться своими нищими самоподрывниками, чем у нас — своими оснащенными солдатами.

И рожают они больше, и становится их все больше, а нас все меньше.

Так за кем будет конечная победа?

Или мы будем столь же решительны и жестоки — или, ну, думайте сами, господа. Или мы вспомним, кем были, когда создавали нашу цивилизацию — или кроме воспоминаний может ничего и не остаться.

И что характерно: если раньше по миру распространялось христианство — то сегодня оно сдает позиции исламу (и индуизму). И не только афроамериканцы меняют Христа на Магомета, но уже и европейские аристократы начинают делать обрезание и опускаться на молитвенный коврик! Христианство ослабло и теряет напор, Папа Римский попросил прощения уже у всех, кажется, кого христианство обидело — а где ж ты найдешь за две тысячи лет необиженных. А комплекс вины — это уже аспект комплекса неполноценности. В христианстве сегодня можно все — а ислам дает жесткие точки опоры. Аллах принимает ответственность на себя, мусульманин имеет более четкие ориентиры в жизни, чем современный «всепогодный» христианин в своей цивилизации вседозволенности.

Рядовому человеку нужны жесткие внутренние предписания, потому что быть свободным рядовой человек не может, не способен, не для толпы это дело. Ислам сегодня полнее удовлетворяет этой потребности в опорах, в уверенности того, «как надо». Он чище, яснее, решительнее. И менее погряз в грехе, потребительстве и распутстве. Жертвенности в нем больше, целеосмысленности.

Проигрываем духовное соревнование?

(А кому надо больше тонкой духовности — разновидности индуизма тоньше и изощреннее христианства.)

Как бы и религия наша как-то состарилась и надоела нам, — «перемен! мы ждем перемен!» «А чтоб тебе выпало жить в интересное время!» Выпало.

Ум обреченных

Вот перед тобой умный и образованный человек — ты его хорошо знаешь. Вам нечего делить, и в его доброжелательности ты не сомневаешься. Разговор с глазу на глаз: с неблизким приятелем на отвлеченную тему.

Вы касаетесь темы — и он превращается в идиота. Его ум оказывается заблокированным. Он глух к аргументам. Он теряет способность к рассуждению. Он раздражается! Он уперт, как противотанковый надолб.

Почему здравомыслящий человек в некоторых вопросах может превратиться в полного кретина?! Причем не в стрессовой ситуации, не в цейтноте, а так — в нехитром разговоре на понятную общую тему?

Тут у субъекта добросовестного должно возникнуть сомнение: может, он сам не прав? Но, положим, его точка зрения выверена и испытана годами сомнений, он прокачал данный вопрос насквозь и видит всю его механику: короче, он прав, заявляет в данном случае Третейский Судья. Причем на его стороне и факты, и логика. А второй спорщик вертится, как уж на сковороде, и брызжет праведным негодованием, и ногами сучит, и прямо на глазах превращается из приятеля во врага. Белесой ненавистью наполняется.

Мы имеем дело с феноменом не рациональным, а психологическим. Мы наблюдаем горячее желание, чтобы истина была именно такова, а разум посылно обслуживает это желание. Если обслуживает недостаточно, если аргументы соперника остаются непровергнуты — происходит

у человека классическая «психологическая сшибка»: не совпадают страстные желания и быть правым — и стоять на своем. Сильный психологический дискомфорт, стресс, перевозбуждение, адреналин скачет, кулаки сжимаются. Сигарету ему, коньяку, валерьянку, смирительную рубашку.

Еще раз см. о структуре личности. Хотеть — это одно, делать — это другое, а думать — это третье, это проводник, мультипликатор и декодер между первым и вторым. Разум — это не доминанта, доминанта — это чувства и действия, а разум только обслуживает их и потребность в них. То есть:

Если человек глух к ясной истине и порет явную чушь — значит, ему так хочется, ему так нужно, ему так для чего-то нужно.

О! Для чего же ему это нужно?

Ну, из самолюбия, утвердить победу своей точки зрения, правоту и превосходство своего ума — это понятно. Но это ведь — внешне, неискренне. А если искренне, без наигрыша, без стремления к выгоде, с дрожью и слезой праведной?

Значицца, так. Берем человека среднего, нормально-го, разумного. Гениальные провидцы и вовсе тупое быдло нас сейчас не интересует. «Класс среднеумных» — от выпускника школы до профессора.

Что есть для этого человека все представления о жизни? Что есть для него вся сфера отношений и действий межчеловеческих, вся история и культура в широком смысле этого слова? — Оно есть для него мифологизированное социопсихологическое пространство.

А структура этого пространства определяется скорее волюнтаристским подходом или объективным? Если волюнтаристским — у каждого будет свой мир и своя культура. А мы всегда имеем в культуре некие общие для всех точки и ценности.

О. Структура этого мифологизированного пространства носит архетипический характер. Система знаков, имманентных для сознания цивилизованного «человека социального».

Имея дело с культурными ценностями, человек имеет дело со знаками социокультурного пространства своей цивилизации.

И вот по этому пространству регулярно шествуют голые короли. Но замечать их — святотатство! Ибо сознанию потребен король, а короля играет свита. Ведь не все короли голые, в конце концов, и не всегда. И констатировать голость короля — акт не зоркости и не ума, а чужеродности двору и хамства. Такого правдолюбца понимать нельзя. Потому что тогда обрушится все представление о мире, в центре которого — столица, дворец, свита, ты в свите, король в центре как символ могущества и богопомазанности, и вся страна кругом, Божьим соизволением королю врученная. Объявить короля голым — это плюнуть в Бога и мироздание, плюнуть во все наши представления о мире.

Вот что означает восстание против мифологического знака. И истина тут ни при чем, господа.

Пророк — это человек, видящий вместо мифа истину. Тем самым пророк разрушает миф. Но поскольку для толпы этот миф и есть вся жизнь, то пророка необходимо убить или хотя бы изгнать как смертельного врага этой жизни, желающего ее разрушить, т. е. уничтожить общественное сознание, в некотором аспекте убить всех людей, всех членов этого общества.

Но поскольку толпа быстро превращает в миф любую истину — ибо единственно миф является доступным ее восприятию уровнем постижения истины — то: пророк лишь заменяет старый миф на новый. А истина живет в сознании людском ровно столько, сколько живет сам пророк. А он живет недолго. Профессия повышенного риска. И понимают его лишь ближайшие ученики, и то не совсем так и не совсем то.

А теперь — внимание: Дон Кихот скачет на ветряные мельницы!

Когда ты споришь с человеком, ты имеешь дело не с истиной, искаженно и поправимо отраженной в его сознании, а с мифом, воображаемой величиной, миражом, а их нельзя тронуть, сдвинуть, поправить руками — твои удары проходят сквозь них, не задевая, но факт покушения раздражает оппонента.

После этой абстрактной преамбулы время перейти к конкретной амбуле от слова «амба».

Вот есть сегодня европейская цивилизация, и вот есть у нее либеральная идеология. Это хорошая идеология, до-

брая, достойная, христианская. Всем должно быть хорошо, а плохо поступать нельзя. Эдакая смесь буддизма, римской распушенности и лозунгов Французской революции.

И вот есть проблема депопуляции европейского этноса и замены белой расы очень быстро, в два-три поколения, иммигрантами других рас с юга и востока. Статистика, социология и биология свидетельствуют это однозначно. Но! Но! Говорить об этом нельзя. Это нехорошо. Это расизм. Это ксенофобия. Это порочно и недостойно. И уж подавно нельзя говорить о том, чтобы ограничить иммиграцию. Это фашизм. Это дурно и позорно. И действительно — многие африканцы и азиаты предпочтут жить не в нищете дома, а во Франции, им там лучше. Хорошо. Ну, а как быть с тем, что через сто лет французов не останется, вырожденцев и иждивенцев? Не смейте так говорить, грязный расист!!!

То есть: человек хочет придерживаться достойных, уважаемых либеральных ценностей. Покушение на них посредством логики и неоспоримой истины вызывает у него невроз: опровергнуть невозможно, согласиться немислимо.

А почему же он хочет придерживаться таких взглядов?! Ведь его предки две тысячи лет мечами рубились, воров вешали, Гроб Господен воевали, революции устраивали, и в результате подняли цивилизацию, обустроили, книг понаписали, науки создали — и вот близится новое средневековье... в честь чего?..

А в честь того же, отчего лемминги топятя толпами в год перепроизводства, чтоб сократить популяцию. Саморегуляция у них.

Европейская цивилизация как система находится в стадии дегенерации. Но люди не тундровые мыши, и просто так толпами не утопятя. Им надо под самоуничтожение подбить идеологическую базу. Им надо самоуничтожительным действиям придать рационально и морально обоснованную видимость.

Сегодняшняя европейская либеральная идеология — это отраженное в коллективном сознании стремление системы (нации, этноса, цивилизации) к самоуничтожению. Главная задача выполнена, наука и техника развиты, жратвы и барахла полно, быт комфортен и сладок,

делать больше нечего. Разрешаем браки между педерастами и лесбиянками, уравниваем права вчерашних дикарей и вчерашних светочей мира, массово употребляем наркотики, разврат и безделье как норма жизни, и права любого паразита выше прав государства. Аллес капут.

Человеческий разум контролирует «индивидуальное сознательное»: вот мои ценности, вот мои лозунги и аргументы. А за кулисами направляет мириады этих индивидуумов «коллективное бессознательное», которое не может быть осознано отдельным человеком, но проявляется как часть суммы общих действий народа и этноса.

Защищая свои взгляды и ценности — индивидуум тем самым и одновременно действует как часть системы (народа, этноса, цивилизации, государства), движущейся по своему объективному, системному, пути, цели которого часто не имеют ничего общего с интересами конкретного индивидуума.

Сегодня ты гордишься либеральностью взглядов, которые отстоял в споре и столкновении — а завтра твой внук не родился, потому что дочь стала наркоманкой, а сын педерастом, и род твой исчез с лица Земли, и народ исчез, и пришельцы припишут себе заслуги твоего народа, и будут жить на твоей земле и зваться твоим именем.

И н-и-ч-е-г-о н-е-л-ь-з-я с-д-е-л-а-т-ь!!! Потому что время пришло, возраст системы вышел, этнос постарел, энергия цивилизации растрочена. Но что ужасает: ну есть ведь, есть нормальные, сильные, здоровые, умные, работающие люди! Которые хотят жить и работать! И воевать могут, и смерти не боятся! И можно, казалось бы, жить-то нормально! — — — Нет. НЕТ. НЕЛЬЗЯ. Потому что руки этих людей повязаны, мозги загажены, и всаживается в те мозги либеральная идеология, которая делает человека бессильным в близкой перспективе.

Россия, милая Россия, аршином индивидуальным давай тебя мерить. Каким образом две тысячи чеченских бандитов могут подчинить себе десятиллионную столицу? А таким, что они храбры, наглы и люди чести. Или подкупят, или убьют, но не покорятся. А может, дешевле будет перестрелять без суда их всех? Вы что, вообще?! Фашисты. Мы лучше убьем сто тысяч детей и женщин в Чечне. Но так, нечаяно. Никто не виноват.

А может, лучше депортировать беспощадно всех чеченцев из России в Чечню и отделить ее, дать независимость и опутать границу колючей проволокой? Позор фашистам! Мы будем брать от чечен взятки дома, а их родину подчиним себе, там нефть, и вообще мы их давно завоевали и теперь это «российская земля». Да: мы заберем их землю и будем их убивать без разбора, но в этом никто не виноват, это война, ее подлые террористы развязали. Но на убийства бандитов и депортацию чечен на родину мы никогда не пойдем! потому что мы цивилизованные.

Скажите, эти либералы что-нибудь соображают? Скажите — они лицемерные негодяи или честные и жестокие идиоты? Скажите — они что, все в детстве с печки на голову упали? Они понимают, что, избегая меньшего зла, творят большее? Они не хотят этого понимать. Для них безнравственна сама постановка вопроса. Ибо на этот вопрос есть только один ответ: вы кровавые трусы, которые не могут убить открыто и честно своих врагов — поэтому убивают анонимно неповинных людей из народа своих врагов.

А понимает ли современный либерализм, что это он порождает фашизм, потому что люди все больше звереют от прекраснодушного краснобайства либералов среди всеобщего наглого воровства и насилия? Понимает. Но не хочет понимать. Ибо мир для него — это либеральный миф о прекрасной сущности всех людей-братьев. А иначе он, либерал, не будет себя уважать.

Гибель цивилизации преломляется через слова и взгляды людей.

А разум? А разум облакает объективный процесс в слова, аргументы и интересы отдельных конкретных людей.

Цивилизация может восходить и цивилизация может гибнуть, но человек, ее монада и создатель, всегда видит только миф.

Заметьте. Ни один либерал не смеет сегодня сказать ни одного слова о достойной России через пятьдесят и сто лет. Не могут их либеральные взгляды обеспечить будущее гибнущей страны. А все равно они за них держатся! Почему? Субъективно: потому что с такими взглядами уважают себя за современность и гуманизм. Объективно: потому что в этих взглядах отражается гибель страны.

И вот Курилы. И повторяешь: отдай Японии, пока можешь за них много чего взять. И строй японский щит против Китая. Иначе через полвека все Приморье китайским будет, а острова сами отпадут, не до них, тут весь лес вывозят, уголь, пушнину, производства конкуренцией давят, хана ведь уже близко. Что же отвечают? Не смей разбрасываться территорией Родины! Да не разбрасываться, а максимальную выгоду получить и максимальных потерь избежать! Не слышат. Что, идиоты? Нет, имеют в сознании миф: наша земля священна, а думать иначе — предательство.

За некоторой гранью расхождения мифа с действительностью придерживаться мифа равносильно самоуничтожению.

Когда гибнет цивилизация, вот такая штука происходит. Мифология-то остается старой, мифология победителей. Цивилизация достигает пика — и создает пик мифа как общественного сознания. Так глава семьи влезает на табуретку, тянется на цыпочках и вешает картину на гвоздь. Все здорово, прекрасно, отлично, достойно, высоко, классно. Потом он слезает с табуретки, потом сгибается с годами, потом стены обсыпаются и потолок валится, но картина — это самое ценное в глазах семьи. Любят они ее и уважают. Она — показатель их преуспевания.

Им говоришь: ребята, вы что, не понимаете, что через сто лет будет Великий Китай до Урала или до Енисея, и пора срочно не за острова ненужные держаться, а от Китая перекрываться? А они отвечают: не отдадим! ишь раскидался!

Таких людей перестаешь жалеть. Думаешь: ну и подышайте, идиоты. А потом все равно жалко. Они ведь хорошие, нормальные: люди. Они не виноваты, что обречены. И что обреченность вчekanена в их мозги наивными мифами. И что толпой леммингов они бегут топиться в семи морях державы.

Не пытайся достучаться до идиота. Он не идиот. Он просто запрограммирован внести свой вклад в гибель цивилизации, коли уж сейчас такой этап.

Через ум идиота решается системная задача. Даже если это, как сейчас, задача уничтожения и смерти системы.

Всегда знали: устами дурака говорит Бог...

Отношение к смерти

Отношение общества к смерти — первейший аспект его идеологии и показатель духовного здоровья. Что есть смерть человека для нашей цивилизации?

Прежде всего — наша цивилизация не хочет смерти, а хотела бы, чтоб смерти вовсе не было — поэтому предпочитает не касаться этой темы и делать вид, что как бы этого почти и нет. Отношение к смерти можно сформулировать так: «Она плохая, ее не надо, надо избегать и ее, и разговоров о ней, и не надо обсуждать, и прилично подобает вести себя так, будто ее и вовсе нет».

Главным благом провозглашена жизнь. Все, что делается ради жизни — хорошо. А поскольку смерть противоречит жизни — это главное зло, и надо постараться избавиться от него, насколько возможно. Если в реальности есть медицина и средства продлить жизнь — то в сознании смерть надо насколько можно потеснить, стереть, утопить, скрыть.

Таково сегодня торжество гуманистической либеральной идеологии — нашего цивилизованного достижения.

Но поскольку в конце концов от смерти никуда не деться каждому — то «каждый умирает в одиночку», разбираясь со своими сомнениями, ожиданиями и страхами.

Сегодня мы находимся в фазе, когда благой гуманный порыв достиг степени абсурда и обратился в свою противоположность — тупую, бездушную и жестокую.

Сегодня, когда я пишу эти строки, пришло сообщение о смерти несчастной англичанки, которой Лондон-

ский и Страсбургский суды приказали продолжать мучения, пока она не умрет естественным порядком. Собственное желание мученицы никого не интересовало, право распорядиться своей жизнью у нее было отнято. У нее был дом, муж, дети: очаг. Страдающая и обреченная, она молила об одном: инъекции, которая позволит ей без мук и с миром умереть в родном доме, в кругу семьи. Два месяца спустя, безгласный паралитик, она умерла в приюте, на казенной койке, среди чужих, мучась до последнего мига.

Если бы муж, готовый и согласный, сделал ей вожделенный укол — он сел бы на четырнадцать лет. Если бы он перерезал горло другому, здоровому человеку, молящему о жизни — его наказали бы таким же образом.

Речь сейчас не о лоббировании закона об эфтаназии. Вопрос надо ставить шире.

Любой солдат, если в бою товарищ с разорванным животом и оторванными ногами просит прекратить его мучения, за выполнение этой просьбы должен быть расстрелян. По закону — так. Хотя на деле не соблюдается. На всех войнах случается такое.

Гуманизм развивался до тех пор, пока не перекошил извечные представления людей о добре и зле. Мяч сплюснулся об стенку — пора бы лететь ему обратно.

Смерть — дело ответственное. Умереть надо уметь. Это последнее дело в твоей жизни, и оно важное. Чего ты стоил, каким явил себя для памяти всех остающихся — весьма определяется этим шагом. И люди всегда это знали, чего ж тут не знать.

Был ритуал, была церемония, была культура умирающего, подготовка психологическая и мировоззренческая. Человек прощался, подбивал бабки, и это была важная часть общей бытовой и духовной культуры.

Ну так мы, гуманисты и либералы, выкинули акт смерти из духовной культуры. Нет-нет, все будет хорошо, доктор велел принять вот это — мы пытаем умирающего, втыкая ему в мозг лучи-иглы надежды и сомнения. Мы не помогаем ему уйти с миром.

Заметьте: *запрет по-человечески умереть неразрывно связан с запретом по-человечески убить*. Наша цивилизация норовит отринуть все надличностные ценности —

чтобы превратить человека в «разумное», наслаждающееся комфортом, эгоистичное животное, для которого ничего не должно быть дороже физического существования. Хотя тем и характерен человек, что имеет (должен в норме иметь) надличностные ценности, которые ему дороже физического существования. Честь, долг, идеал.

Если три юнца с канцелярскими ножичками могут захватить авиалайнер — значит, пассажиры лайнера выродились в дерьмовый народ, каждый отдельный человек которого трясется за жизнь и неспособен постоять за себя. Что сделали бы их предки? Теряя людей из своих, схватили террористов и казнили на месте. Поэтому предки создали могущественную цивилизацию — а мы сейчас ее спускаем в унитаз.

Нужно уметь убить, и нужно уметь умереть самому, не то рискуешь умереть животным.

Правительственно-пропагандистский аппарат всегда штамповал мораль для стада. Но то, что люди, считающие себя интеллектом и совестью нации, искренне исповедуют и насаждают прагматическую стадную мораль — вот это наводит на грустные размышления. Это говорит о том, что идеология не штампуются искусственно — а отражает объективные социальные процессы. А комар почти не дышит, еле лапками колышет... сдох?..

Восемнадцатилетний пацан, взятый в армию, должен по приказу убивать того, кто ему ничего плохого, может, не сделал. Но если он убил без приказа последнего изверга — мы его закатаем в каторгу. Увы — таковы законы системы, государства, без которого люди жить не могут. Но хоть скажите, что по справедливости парень, убивший изверга, прав, и поступил хорошо, нравственно. Хрен!

Тот, кто ставит мораль в услужение закону — не только мерзавец, но и дурак. Место барана — в хлеву, и не надо жалеть баранов, когда их ведут на бойню — они одобряют эту жизнь.

Хороший политтехнолог заслуживает уважения. Тот, кто клюет на его удочку — не заслуживает звания «разумного».

Сегодня «либерал-гуманисты» требуют от нас отречения от морали всех тех, кто в предшествующие тысяче-

летия убивал негодяев и убийц не по санкции и приказу, а велению сердца, души, морали, долга, Бога. Как вам понравится, если Робин Гуда и д'Артаньяна объявят фашистами — они могли (без приказа! без санкции! без суда!) убивать негодяев, насильников и убийц. Граф Монте-Кристо — фашист! Онегин и Печорин — фашисты! И Дантес, убивший Пушкина — фашист, но еще ужаснее то, что Пушкин чуть не убил Дантеса, и только благородные, но отсталые представления о дворянской чести оправдывают его, а у нас таких представлений нет, и нас от клейма фашиста, если говоришь, что негодяя надо убить, тебя уже не спасет ничто. Пушкин был отсталый, а мы передовые, мы либералы и гуманисты.

Культура жизни, не включающая в себя культуру смерти — ущербна и искажена. Ты должен знать, что тебя ждет, и должен уметь принять это и сделать это. Насколько ты сумел реализовать себя — настолько ты остаешься в этом мире, так блюди себя до конца. А мы, вместо того чтобы крепить мужеством дух человека, продляем мучениями его жизнь.

Отсутствие культуры смерти — это показатель бездуховности цивилизации. Такие-то дела.

Давным-давно известно: о человеке надо знать три вещи — как он родился, как он женился и как он умер. Наша ханжеская эпоха отработала формулировки: «скоропостижно», «после тяжелой болезни», «после тяжелой продолжительной болезни», «трагически». Но подробности смерти — не нездоровое любопытство. Смерть — акт настолько значительный, что подробности увеличиваются, как под микроскопом. Ибо это — подробности «момента истины», главной из экстремальных ситуаций, когда в человеке обнажается суть и, после отбрасывания физической оболочки, становится виднее и понятнее главное, что было в нем. Недаром ведь только после смерти можно полностью и верно оценить человека и его дела.

Смерть — такая же часть жизни, как и все остальное, просто это последний этап, а концевочка всегда особенно важна и многое может решить. Фигово жил, но хорошо умер — и люди такому много прощают и оценивают после смерти иначе.

Врачи затурканы, священники затурканы, у всех конвейер и диспетчеризация процесса: родня в горе, а остальным наплевать. Что делать?

Да с самого начала жизни показывать человеку, что смерть — дело житейское, и дело важное, и смотреть на нее надо открытыми глазами. И заслуживает она серьезнейшего отношения, а избегать этой темы глупо и вредно. В одиночестве, незнании и неопределенности предоставленный сам себе и своим страхам человек так и проживает всю жизнь с легким (или нелегким) неврозом, боясь прикоснуться к черной двери и растравляя тот «беспричинный страх и трепет», на котором возвели свою постройку экзистенциалисты и который был в принципе чужд самураям, а также римлянам, гуннам, викингам, монголам, и всем прочим, кто умел заставить дрожать этот мир.

40 тезисов в осуждение убийцы

О ком речь

Под убийцей здесь понимается тот, кто признан судом виновным в убийстве без смягчающих обстоятельств. Убивший из садистских склонностей, или из корысти, сознательно, с обдуманном намерением. Не из ревности, не в состоянии тяжкого душевного волнения, не по неосторожности, а также не из мести за близкого убитого человека. Он должен быть судим только судом присяжных, и все сомнения в доказательствах трактуются в пользу обвиняемого.

Обозначение проблемы

1. Современный Закон цинично подменяет понятия «человек» и «убийца». Декларируя: «Право человека на жизнь священо» применительно к убийце, он имеет в виду в конкретном случае не жизнь жертвы или любого человека, но именно убийцы. Имеется в виду, что Государство — а через него народ, общество — не имеет права посягать на жизнь убийцы. Тогда следует сформулировать прямо: «Право убийцы на жизнь священо».

2. Тем самым юридически право на жизнь невинной жертвы и ее убийцы приравниваются. Разница в том, что жертва своим правом воспользоваться не сумела, но защитить право убийцы заботится Закон. Государство не сумело сохранить жизнь жертве, но уж жизнь убийце

сохранит всеми средствами, имеющимися в его распоряжении.

3. Тем самым фактически Закон отказывается приравнивать жизнь жертвы к жизни убийцы. Одна отнята — вторая охраняется. Из пары «жертва—убийца» в конкретном случае Государство охраняет жизнь убийцы. Равновесие нарушается в его пользу, как и равенство.

4. Жертва не гарантирована от убийства. Убийца гарантирован.

5. Преимущество убийцы перед жертвой очевидно: я тебя убиваю, а они меня — не могли.

6. То есть: каждый человек имеет право на убийство без риска быть за это убитым самому. Он режет ребенка или калеку, а Государство при этом охраняет его жизнь от посягательств.

Религия и духовность

7. Только в период глубочайшего нравственного кризиса, в период господствующей бездуховности можно списывать жертву со счета по принципу «Умер Охрим — и хрен с ним»: мол, погибшего не воротить, его уже нет с нами. Во все времена люди верили, чувствовали, знали: тот, кого ты любил — навсегда живет в тебе и с тобой, куда жив ты сам. Если душа ушедшего, ее любовь, боль и чаяния не продолжают жить в тебе, не продленнее жизни физического тела — то все слова о религиозности и вере фальшивы и пусты. Боль жертвы, ее предсмертное отчаянье и последний крик о жалости и справедливости — живут в тебе, или ты не человек, а лишенная души скотина. Страдания жертвы продолжаются в каждом, кто любил ее.

8. Если умирающая жертва, зная, что отмерены минуты, убивает убийцу — никто не посмеет отрицать ее право. И обещание, данное умирающему, всегда и у всех народов почиталось священным. Через него умерший продолжает жить на этой земле. Умирая, мы чаем, что наши самые праведные и сильные желания переживут нас — они продленнее жизни. Покарать своего убийцу — священное и последнее право жертвы.

9. И когда казнят убийцу — не суд карает его, не мститель и не палач. Это жертва — уже не имеющая рук, чтобы защититься, ног, чтобы настичь, глаз, чтобы увидеть — карает своего убийцу через земную ипостась того, в ком продолжает жить ее душа.

10. Если бы Господь Бог не хотел казни убийц, он бы не вложил в нас ничем не утишаемые жжение и боль живущих в нас душ, взывающих о каре убийцам.

11. Если бы Господь Бог не хотел казни убийц, он миловал бы их в течение всей человеческой истории. Сегодня у нас нет никаких оснований говорить о воцарении порядка Божия в наши дни.

История и христианство

12. Христиане любят помянуть всепрощение Христа. Но римские легионеры были лишь исполнителями приказа и закона. Христа казнили Закон и Государство Рима и Израиля. И кара была страшной: гибель Израиля и гибель Рима, изгнание одного народа и исчезновение другого, и смерть многих и многих тысяч. Нет — не был милосерд Господь к убийцам.

13. Выросшее из секты непротивленцев христианство насаждалось огнем и мечом. И все убийцы во славу веры отнюдь не преданы христианством анафеме и не прокляты во веки веков.

14. В истории цивилизаций убийце могли оставить жизнь, если он убил раба, холопа, или убил в честном поединке. Объявлять священной жизнь любого садиста, убившего кого угодно — достижение новой и новейшей истории. В Российской Империи это завершилось приходом к власти убийц под красным знаменем.

15. Наша цивилизация создана суровыми людьми, по нынешним меркам — подчас чересчур суровыми. Однако мы живем в мире, построенном предками. Их Законы позволили поднять цивилизацию до сегодняшних вершин. В борьбе за гуманизм мы перегнули палку в другую сторону. Сегодня мы не те, кто создавал наш мир. С сегодняшними законами и нравами общество давно стало бы легкой добычей любых бандитов и грабителей. Что мы и имеем нынче.

О тяжести наказания

16. Разница между Бытием и Небытием, Жизнью и Смертью — принципиально несравнима с разницей между хорошей жизнью и плохой. Пожизненно заключенный — дышит, видит, слышит, он думает, чувствует, он ест и пьет, у него есть воспоминания и фантазии. Он жив ет! И полагать это наказание сравнимым с казнью убийцы — величайшая глупость или величайшее лицемерие.

17. Международные требования к содержанию заключенных, если говорить об убийцах — это или издевательство, или цинизм, или умопомрачение. Когда миллионы честных людей нищенствуют на грани голода — нам предписывают заботиться о сытости и тепле для убийц.

О демократии

18. Опросы показывают: подавляющее большинство считает, что убийца заслуживает казни. А законодатели — избранные народом депутаты, которым народ доверил свои интересы — вопреки этим самым интересам считают, что наоборот. Этот обман избирателей называется демократией? Выставьте вопрос на всенародное голосование — и вы получите демократический результат!

19. Логично провести опрос: в случае своей смерти милуешь ты своего убийцу или казнишь. И делать пометку. Таким образом сохраняет жизнь убийце или нет — сама жертва. Никто не посмеет счесть, что казнь жертвой своего убийцы — негуманна.

20. Кому выгоден запрет на смертную казнь? Прежде всего убийцам.

21. Кто может лоббировать запрет на смертную казнь? Финансово состоятельные структуры, которые решают критические вопросы криминальными методами. Таковы сегодня они едва ли не все.

22. Через кого может лоббироваться этот запрет? Через адвокатов, судей, депутатов.

23. Демократический Запад хлопочет о жизни для российских убийц. Не то даст меньше любви и денег. Но это — вариант продажи крови жертв. И согласие на не-самостоятельную политику.

Высшие ценности

24. Объявление жизни любого человека Высшей Ценностью — свидетельство кризиса и гибели цивилизации. Ибо тем самым отрицаются все **надличностные ценности** — то, что всегда почиталось выше и дороже жизни и придавало ей смысл: героизм, патриотизм, самопожертвование в труде и творчестве, верность любви, дружбе, идеалам — все, что от-века составляло смысл и гордость человеческого существования. Человек отличается от животного тем, что ему есть за что отдавать жизнь. Идеал справедливости выше жизни убийцы. Гуманисты могут считать, что убийца отдает жизнь во имя идеала справедливости.

О справедливости

25. Воздаяние мерой за меру — первый закон справедливости.

26. Когда я страдаю по невинной жертве и не могу смириться с тем, что убийца жив — это душа жертвы страдает и не может смириться во мне. Смерть убийцы смиряет не меня — она успокаивает душу жертвы. Во все времена и у всех народов это почиталось за справедливость. Без справедливости — нет веры в народе и мира в государстве.

27. Когда платный адвокат, наемный защитник, за деньги спасает жизнь изувера и публично объявляет извечные представления людей о справедливости атавизмом — этому Закону и этому Государству недолго осталось жить.

Самосуд

28. С трудом можно представить человека, который смиряется с тем, что жизнь убийцы его детей или роди-

телей объявляется священной. Бессилие покарать увеличивает его муки. Он хочет — и по возможности совершает — высший суд справедливости сам. Беря на себя функции, вверенные государству. Что говорит о неспособности государства служить своим гражданам.

29. Люди, общественное мнение, коллективная совесть всегда оправдывали праведную месть. Это расшатывает государство: справедливым признается не оно, а тот, кто вступает с ним в конфликт, беря на себя его функции. Несправедливый закон, объявляющий преступниками честных и во всем остальном законопослушных граждан, отворачивает их от государства и заставляет жить по **параллельным законам**.

30. Карая за самосуд, государство являет свою тоталитарную, тираническую сущность: может, ты и прав, но будешь сурово наказан — как бы я ни поступало, но карать могу только я, снисходить к убийце — мое право, и любое покушение на мое право преступно. Все ставится с ног на голову: государство защищает убийцу от праведной кары жертвой.

Экономический эффект

31. Содержание пожизненно заключенных стоит денег. Честные люди, голодающие сегодня сами, не хотят кормить убийц. Их деньги тратятся на это против их желания.

32. От отсутствия в стране денег постоянно умирает множество людей — больные могли быть спасены, имей медицина средства на дорогие лекарства и аппаратуру. Содержать убийцу — или спасти несколько больных, которые виновны лишь в нищете государства. Вопрос решается так: убийцы живут — больные умирают.

Профилактика и растление

33. Сторонники священности жизни убийц любят говорить, что казни лишь способствуют жестокости нравов, но не останавливают потенциальных убийц. Обычно

ссылаются на Средневековье. Но никто не в состоянии привести доказательства того, что при запрете на смертную казнь разгул преступности, вызванный отсутствием страха казни, не был бы куда больше. Это спекулятивный и бессмысленный псевдодовод.

34. Любой военачальник всегда знал: лишь казнь нескольких убийц и мародеров может быстро остановить убийства и грабежи в округе.

35. Знание того, что за убийство ты ответишь собственной смертью, неминуемой и страшной, многих способно остановить — это знает любой психолог, хотя тут не нужно и быть психологом.

36. Мягкость наказания растляет. Ну, сяду. «В тюрьме тоже люди сидят». А может, еще и выйду.

Судебная ошибка и гуманизм

37. Гораздо больше жертв пало от рук убийц, выпущенных из тюрем, чем вследствие судебной ошибки.

38. Повышение качества суда не должно зависеть от степени наказания.

39. Судебная ошибка должна караться настолько сурово, чтобы следственные и судебные органы были кровно заинтересованы избежать ее.

40. Гуманизм — это милосердие к жертве, а не убийце.

Общественное мнение

1. — Залезь-ка на дерево, — сказал внутренний голос.
— Да ты что? Улица, люди ходят, неудобно, зачем?!
— Давай, лезь, так надо, точно говорю. Ну!
— А теперь?.. — Влез мужик на дерево, ободрался,

сопит.

— Теперь давай на самую верхушку!

— Да тонко ведь...

— Лезь, сказал! Ты меня слушай, понял?

Внизу люди тычут, пожарных вызывают.

— Теперь давай на ту ветку, на край! — Мужик еле лезет:

— Упаду ведь!

— Не бойся, я с тобой, ты слушай. А теперь — от-пускаемся!

— Ты чо?! Разобьюсь ведь!

— Давай-давай, я лучше знаю, как надо. Ну!

Мужик отпустил руки.

«Эх и гепнется сейчас!..» — сказал внутренний голос.

Этот внутренний голос известен также под именем «Общественное Мнение».

2. «Обычно государство глупее многих своих граждан», — заметил Норберт Винер.

3. «Vox populi — vox Dei». Кого бог хочет покарать — лишает разума. Карает и народы.

4. Из всех позиций общественное мнение избирает исключительно позу праведности. Точку зрения, отличную от своей, оно рассматривает не на уровне научной

дискуссии, но как аморальную. Оно оскорбляется в благородных чувствах. Оппонент не просто глупый — он нехороший! безнравственный! Общественное мнение настаивает на совмещении функций носителя истины и носителя морали.

Доминанта: «Я умен — и поэтому прав». Ты не согласен с нами? Значит, ты умнее всех нас, вместе взятых? То есть: ты считаешь нас дураками? Так ты не просто неправ, ты еще и оскорбляешь нас отрицанием наших умственных способностей.

Доминанта-2: «Мы — достойные люди, и наши взгляды нравственны». Сомневаясь в наших взглядах, ты сомневаешься в нашей нравственности. А она нам, между прочим, и так стоит усилий. Мы, между прочим, и сами не на сто процентов в ней уверены. А так, процентов на семьдесят. И взгляды наши мы должны сами перед собой регулярно подкреплять. Чтоб нехорошее, недостойное, животное, низкоморальное не брало в нас верх. Быть моральным — это стоит постоянного внутреннего труда. Понял? И тут ты — пальцем в больное место, в наши скрытые сомнения и подспудные переживания. Это — раздражает! нервит! Вот мы тебя, подлеца! Бей диссидента, господи!..

5. Общественное мнение порицало христианство, а потом порицало не-христианство и одобряло сожжение ведьм. Порицало аболиционизм, а теперь порицает расизм. Осуждало пацифизм — и милитаризм.

Общественное мнение можно назвать конформизмом. Можно — заемным. Можно — модой.

Все это к тому, что степень «общественности» мнения отнюдь не критерий его истинности.

Весьма часто общественное мнение есть благоглупость.

6. В XX веке общественное мнение явило эффектные примеры общественного бреда.

Общественное мнение предреволюционной России осуждало царизм, презирало полицию, кривилось на православие и одобряло благородные лозунги французской революции, а потом сильно огорчалось в восемнадцатом и последующих годах.

Общественное мнение стран — участниц I Мировой войны в одночасье отреклось от гуманизма-интернацио-

нализма и загорелось патриотизмом, способствуя тем самым разрушению собственных держав и уничтожению миллионов собственных граждан.

Потом это общественное мнение приветствовало раздирание на части Германии и, тем самым, закладывание всех основ II Мировой войны.

Общественное мнение всегда заслуживает внимания, как серьезный фактор, с которым нельзя не считаться. Но если говорить об уважении к нему — то чаще оно заслуживает насмешки. И уж всегда — критического и самостоятельного анализа. Это банально? А как можно упускать из вида банальность, если большинство людей идиоты и живут чужими непрожеванными мыслями?

7. Психология толпы и массы — давно уже отдельная наука, и здесь нет надобности повторять Ницше, Ортегу-и-Гассета, Геббельса, мастеров советской журналистики и асов современного пиара.

Другое интересует нас. Не мнение массы, формируемое и направляемое сверху конкретными людьми и структурами с конкретными целями. Но. Но. Мнение элиты, противопоставляющей себя толпе. Мнение, которое она вырабатывает себе самостоятельно, добровольно и бескорыстно.

Идиотизм этого мнения — о: примечателен!

8. Элита сегодня — это кто? Политики, крупный бизнес, звезды искусства, верх чиновничества и менеджмента, а также норовящие включать себя в элиту интеллектуально-нравственную журналисты, врачи, учителя, инженеры, компьютерщики, а также норовящие примыкать к этим категориям предприниматели, образованцы и культуртрегеры всех мастей.

То есть: люди с влиянием, известностью, интеллектом, образованием и доходом заметно выше среднего.

Сколько их? Смотря как считать, четких критериев здесь нет. Понятно, что меньше половины, поскольку элита — она относительна, противопоставляется неэлите. Понятно, что больше одного-двух процентов: конкретного ценза здесь нет, зато есть слой спорного электората, который можно считать, и можно не считать — не глупы, но не умницы, не голодранцы, но не богаты и т. д.

Если обработать все социологические выкладки и статистики — кто есть почему и на что влияет — получится семь—десять процентов активного населения, чьи высказывания и действия способны определять политику народа, страны, государства.

9. Общественное мнение сегодня — это чье? Это их. Суть в том, что оно может совпадать с мнением политиков, а может не совпадать. Оно — «неформально».

А политики? А они прагматики, их мнение — прагматичное, рабочее, функциональное, нужное для чего-то конкретного им, политикам. Абстрактные ценности политиков не колышут, они на работе.

А толпа? А толпе масс-медиа в две недели сформируют такое мнение, какое закажут. Кто? Тот, кто платит.

10. Кто есть активные носители-выразители общественного мнения, его рупора, совесть и честь эпохи?

Лидеры неформальных общественных организаций. Оппозиционеры всех мастей. Все активные с громким голосом из упомянутых выше категорий. Интеллигенты по призванию.

11. В силу своей повышенной интеллектуально-нравственной возбудимости они всегда немного реформаторы. Им всегда надо не так, как сейчас, лучше, чем сейчас.

Им потребно считать себя самостоятельно мыслящими. Поэтому общественное мнение обычно стремится дистанцироваться как от политики с одной стороны, так и от толпы с другой стороны. Потому что политика грязна, а толпа глупа. Совпадать с ними нельзя.

Они хотят быть моральными, поэтому во главу общественного мнения ставят мораль — как они на этот момент ее понимают. Они хотят считать себя умными, поэтому во главу общественного мнения ставят умность, истину — как они сейчас ее представляют. Ну, а если мораль и истина не совпадают? О:

Характерная черта общественного мнения та, что оно утверждает примат морали над истиной. Мораль главнее, первее, истиннее истины. Морально — следовательно, истинно. Истина прицепляется к морали, как прицепной вагон трамвая к моторному. Если истина противоречит морали — она не истина, она плохая, ошибочная,

безнравственная, неподходящая, порочная, неприменимая, чуждая.

Общественное мнение — это прикладная мораль элиты в применении к общественным вопросам.

12. По какому же принципу формируется такая мораль?

По принципу утверждения идеала. Или, что то же самое, по принципу маятника. Или, что то же самое, от обратного. А именно:

Вот в жизни есть что-то. Это «что-то» несовершенно. Плохо. Можно лучше. Хочется лучше. Не так, как раньше; прогрессивнее. И общественное мнение говорит: правильно и нравственно будет наоборот, и к этому «наоборот» должны стремиться все честные и порядочные люди. Например:

Воровать нехорошо. Надо наказывать, да так, чтоб неповадно было. И общественное мнение требует: рубить руки! Рубят. Это больно, жестоко, негуманно. Общественное мнение проникается нехорошостью такого наказания и формирует новую точку зрения: не смей наказывать телесно, обращаться с ворами гуманно, давать адвокатов, а в тюрьмах создать хорошие бытовые условия. Воры наглеют быстро, в темпе индивидуальной психологии — но общественное мнение инерционно и, за исключением экстремальных общественных ситуаций, меняется медленно, традиции держат. И вот все уже стонут от наглости воров в их безнаказанности и кар жаждут, а общественное мнение все еще пребывает в неповоротливом гуманизме. Когда об. мнению продолжают, наконец, темечко, оно сменит точку зрения и потребует опять рубить ворах руки.

13. Иногда кажется, что общественное мнение формируется в сумасшедшем доме и набирает силу в интернате для умственно дефективных. Просто материал для суицидологии.

14. Сегодня, в начале XXI века, главная проблема, стоящая перед «европейской», «христианской», «белой», «традиционной» цивилизацией — это проблема стремительной гибели, самоубийства, самозамещения, рассыпания, исчезновения, мутации. (Об этом — см. главу «Гибель Запада».)

Что же «общественное мнение»? Успешно способствует.

Под «ксенофобией» понимается уже любое проявление инстинкта этнического самосохранения. Под «равными правами для меньшинств» — преимущественные социальные права неравнозначных социальных, сексуальных и этнических групп. Под «неприкосновенностью границ» и «недопустимостью сепаратизма» — отрицание права зависимых и несuverенных наций на самоопределение и независимость. Под «гуманизмом» и «миролюбием» — практическая ненаказуемость терроризма и запрет на уничтожение откровенных и непримиримых агрессоров.

Если подняться над индивидуальной психологией до уровня социальной систематики — то общественное мнение есть аспект и проявление существования цивилизационной системы в ее конкретной фазе. Сегодня — это аспект и проявление системной дегенерации европейской цивилизации. Человек может думать, что он искренне за все хорошее. А объективно через его мироотношение проявляют себя объективные, системные закономерности — в данном случае системное самоуничтожение.

15. Если сегодня физически ликвидировать терроризм и наркоторговлю, юридически ликвидировать все формы тунеядства и разврата, категорически ужесточить борьбу со всеми видами жульничества и коррупции, разъедающих цивилизацию, и радикально реформировать Закон в сторону соблюдения его духа и стряхивания букв, сложившихся в противоестественные ребусы — ну любому же понятно, что цивилизация оздоровится и деградация ее как минимум резко замедлится.

А общественное мнение — против. Боится тирании, жестокости, потери свобод и демократий. Не поступимся принципами! Исчезнем вместе со своей цивилизацией, уступим место прямым и жестким варварам, но останемся при своем мнении.

Будем гомиками и наркоманами, не будем рожать и выполнять черные работы, будем импортировать гастарбайтеров и делать их гражданами своих стран, будем содержать бездельников и жить богато за счет дешевой рабсилы третьего мира. Сдохнем?! Ай-яй-яй, не надо так

говорить, не надо об этом думать, надо быть оптимистами и уповать на свой великий человеческий разум. Какой у вас разум, господа бараны?

16. Как зарождается в людях общественное мнение? Малыши во дворе или в детском саду избирают изгой — жирного, или хилого, или бедного, или богатого — отличающегося, короче, в непопулярную сторону, — и начинают обществом его травить. Взрослые им говорят, что это нехорошо. Так засаживается комплекс вины.

Лидер группы может набить морду, противостоять сильному врагу, отобрать хорошую вещь. А взрослые учат, что кто лучше учится и послушнее себя ведет — тот лучше. Так засаживается комплекс стремления к превосходству в том, в чем ты можешь превосходить вернее и легче.

И вот у некоторых душевно особо чутких комплекс превосходства возбуждает проявление комплекса вины. Он бедный, он слабый, а ведь он в этом не виноват, мне дано больше, а за что, в сущности? — надо его пожалеть, как-то мне перед ним неловко.

Пока нравы суровы и жизнь трудна — не до мелихлюндий, землю пахать надо и врагов отражать, требуется сила безо всяких комплексов. А когда жизнь налажена, цивилизация обустроена, и жратвы и тряпок на всех хватает, и мы здоровее всех — этот вот комплекс вылезает наружу и начинает играть роль бóльшую, нежели раньше.

И доброе общественное мнение говорит: не смейтесь над дикарями, надо их пожалеть и дать им всяких хороших вещей. А дикари говорят: жирные суки, вы нас эксплуатировали, вы еще полагаете, что должны оказывать нам милости — ну погодите, мы вам еще покажем.

17. Если лягушку бросить в кипяток — она, обжегшись, мгновенно выпрыгнет и ускачет подальше. А если посадить в кастрюлю с холодной водой и подогревать на маленьком огоньке — она будет сидеть, терпеть, вначале будет комфортно, потом не так плохо, потом терпимо — а потом уже сил не будет выпрыгнуть, сварится к черту.

Если бы воры, убийцы, наркоманы, развратники, террористы, исламские радикалисты и гастарбайтеры сразу

показали белой цивилизации, на что они способны и что выйдет в результате — народ бы ужаснулся и оборонил себя драконовскими законами. Но поскольку перечисленные группы поднимаются до критического рубежа медленно и постепенно из своего первоначально мелкого, незначительного, неопасного для всей цивилизации, малозаметного состояния — то общество, по мере постепенного нагревания воды в кастрюле, предпочитает терпеть и находить положительные стороны в этой ситуации — пока вдруг не окажется, что уже поздно, уже не выскочить, уже погибли, хотя еще живы.

Общественное мнение сегодня — это голос лягушки, которой все еще неплохо в теплой воде, делающейся все горячее, и она гонит прочь черную мысль, что уже варится.

18. Сегодня, 17 апреля 2002 года, когда и пишу эти строки, израильские войска продолжают операцию «Защитная стена» на территориях палестинской автономии. И мировое общественное мнение требует вывода войск и возобновления мирных переговоров, признавая израильские действия агрессией. Потому что гибнут люди и разрушаются дома.

То, что мировое общественное мнение пятьдесят лет наблюдало арабский терроризм и не пресекало его — не считается. То, что арабские государства в первый же день по провозглашении ООН государства Израиль напали на него — не считается. То, что они продолжают не признавать его и тем остаются в международном статусе агрессоров — не считается. То, что Израиль имеет целью сохранение себя при сосуществовании с арабскими странами, а те декларируют целью его уничтожение — не считается. То, что арабы Палестины, Сирии, Иордании, Египта, Ливана и др. — единый народ, искусственно разделенный границами в 1948 г. — не считается. То, что арабы в сто раз многочисленнее и владеют в пятьсот раз большей территорией — не считается. Считается только одно: кто сейчас выстрелил — тот сейчас и неправ.

Господа: а кому, наконец, выгодно мировое общественное мнение?

19. Предоставляя всем право голоса — не забудь, что в первую очередь им воспользуются самые крикливые, в

равной степени — самые глупые, и больше других — самые незанятые.

20. Первое. Цивилизации нужна нефть, поэтому с арабами надо дружить.

Второе. Мир с арабами сегодня — это низкие цены на нефть, что и выгодно сегодня.

Третье. Война в регионе — это повышение цен на нефть, что выгодно экспортерам.

Четвертое. Мусульман в странах первого мира все больше, и голоса их как избирателей нужны политикам, поэтому их надо задабривать.

Пятое. Любая спецслужба и любое пиар-агентство знает, как формируется общественное мнение. Прикажи и заплати.

21. Идиотские проявления общественного мнения есть издержки демократии, каковыми отчасти компенсируются ее преимущества.

22. Почему вечно про евреев? А пример показательный. Народ удобный. Словно создан для опытов над собой. Вроде бы и как ты, а вроде бы одновременно и чужой. Вроде бы полноправный сосед, а вроде бы и гость неукорененный. Вроде бы преимуществ им не прописано, даже наоборот — а наверх так и пролезают. Невольно вызывают к себе неравнодушие, причем не в любовном смысле. И отношение к ним — издревле один из индикаторов состояния общества.

После II Мировой войны в моду пошла в Европе юдофилия — комплекс вины заработал: их уничтожили в печах шесть миллионов, они так пострадали, надо любить, каяться, возместить. Такова была «официально-общественная» точка зрения. А эдакая любовь, замешанная на комплексе вины, всегда переходит меру, начиная внутренне раздражать самого любящего: он тяготится императивным характером своей любви, утомляется. Такая любовь вообще не кончается добром.

А еще такая заботливая, виноватая любовь развращает и портит любимого — хоть ребенка, хоть народ. Провоцируется халявно-потребительское отношение к дающему: мне причитается, дай сюда, так и должно быть. Что постепенно увеличивает накопление раздражения в любящем и виноватом давателе. Тем более что нефор-

мально, вне окоема общественного мнения, никто особой любовью ни к евреям, ни к Израилю и так не пылал. Нет, соглашались, что они такие же люди, и зверства по отношению к ним недопустимы, как и по отношению ко всем другим, но сколько же можно с ними носиться.

А еще европейцы в конце XX века стали звереть от иммигрантов-мусульман. Ходит в твоём доме все больше чужих, постепенно наглеет от хорошего отношения, уже требуют криливо то, что им по твоей доброте и гуманизму выделено, и пахать по-черному согласны, и все пособия проглатывают, и все больше их, и воруют, к чему ты не привык, и к девушкам твоим пристают, и вообще начинают держаться по-хозяйски и уж минимум на равных с тобой в твоём доме, и кричат о равных правах. Нет — раздражают!

Но ругать, бить и гнать их не моги. Это фашизм, расизм, ксенофобия, это постыдно и недопустимо, это позор тебе же. Гм. А что с раздражением-то делать?! Физиологию организма и структуру психики ведь не изменишь! Поорать-то на кого, кому врезать?!

И тут Израиль вводит войска на территории. И арабы по всей Европе выходят на демонстрации, а также левые и пацифисты. Э, ребята, кажется, сегодня евреи канают за сволочей! Даешь общественное мнение!

Истина здесь никого не интересует.

Здесь срабатывает канализация общественных эмоций. Обворовывают, обманывают, телевидение лжет, политики продажны, чужаки заплонили, кругом наркомания, как жить дальше — неясно, но делать-то что-то надо, необходимо, хочется! Может, хоть еврейский погром устроить?

23. Фантастика. Боевики автоматными очередями сбивают замки с дверей Храма Рождества Христова. Отгесняют служителей, пытающихся их сдержать. Захватывают в заложники около полусотни христианских священников и монахов. И заявляют, что будут отстреливаться в случае штурма и перебьют заложников, если израильские солдаты попробуют напасть. Оные солдаты передают воду и пищу для заложников. Боевики делят это промеж собой. Что же говорит общественное мнение? «Израильские войска продолжают осаждать христианскую

святыню, в которой укрылись боевики, и это надо прекратить».

То есть. Израильтяне не штурмуют храм, чтобы не повредить христианскую святыню. А исламские террористы в той же святыне отправляют свои физиологические потребности — а где им еще их отправлять, коли забаррикадировались. Но виноват Израиль. Почему? А надоел.

Тебя взрывают — терпи. Мы тебе посочувствуем. Вообще всех перебьют? Примем резолюции, осудим, наложим санкции. И даже пробомбим, если захотим. Но отвечать войной на войну не смей. А вот мы так решили. Мы ж не террористы.

24. Мы сожгли с воздуха полмиллиона детей, женщин и стариков в Дрездене, Кельне, Киле, Гамбурге и это не было вызвано никакой военной необходимостью.

Мы сожгли атомными бомбами четверть миллиона мирных жителей в Хиросиме и Нагасаки, и это не имело ничего общего с адекватными ответными мерами — японцы бомбили базу военного флота в Пирл-Харборе, уничтожали боевые корабли и живую военную силу, а мирное население США они не трогали.

Мы шакалы, которые понимают только свою нужду и боль и прощают себе любые зверства.

25. Мировое общественное мнение было в 1936—39 гг. полностью на стороне испанских республиканцев и против «кровавого генералиссимуса» Франко. И слава Богу, что Франко победил. В противном случае пролились бы моря крови, а страна была отброшена в средневековые типа севернокорейского.

Вы думаете, общественное мнение признало, что было неправо? Что прекрасной души и честные люди в интербригадах не ведали, за что они сражались? За идеалы... А что единственно могло выйти в реальности из этих идеалов?

Молчит общественное мнение. Эдакая совесть-многостаночница.

26. . . . .

(в этом разделе много общеизвестных горьких фактов и еще более общеизвестных нехороших слов)

27. Прогнило все в датском королевстве, вывихнуло время коленный сустав, и несется речь с шумом и яростью, в которой мало смысла.

28. Во времена черные и глухие общественное мнение может играть роль благой и честной оппозиции. Во времена трудные общественное мнение может играть роль поддержки духа, вдохновлять.

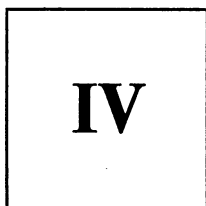
Неподконтрольные властям совесть и ум — вот, казалось бы, суть общественного мнения.

Но ведь и общество бывает — и нередко! — глупым и бессовестным. Жадным, несправедливым и тупым.

Меняются времена, и меняется общество, и меняется вместе с ними общественное мнение.

Каково мнение — таково, значит, и общество. Э?

Сегодня общество больное на голову.

Фашизм: психологические и социальные корни

1. Представьте себе военный гарнизон, затерянный в бескрайних просторах Советского Союза, один из множества — через десять лет после Великой Отечественной войны. Все офицеры, кроме лейтенантов, — бывшие фронтовики. Их дети, кто трех—шести лет, ходят в гарнизонный детский сад. И вот в этом детском саду некоторые мальчики, поодиночке или вдвоем-втроем, иногда рисуют углем свастику на песочнице или заборе.

Они что, тайные малолетние фашисты? Да нет, они воспитаны в абсолютной убежденности, что русские (они же советские) — самые лучшие: храбрые, самоотверженные, сильные, справедливые и победоносные. А фашисты (они же немцы) — самые плохие: жестокие, трусливые, кровожадные, несправедливые и глуповатые. Кино, книжки, обрывки взрослых речей — все свидетельствует об этом. Они гордятся наградами и подвигами отцов и победой своей Родины над гнусным и подлым врагом.

И более того: рисуя свастику, они знают, что делают дело нехорошее, запретное, осуждаемое, заслуживающее наказания. Если их ловят и уличают, они потупливают глаза и молчат, каменеют, никак не в силах объяснить, зачем они это сделали. И выслушивают в осуждение то, что и так отлично знают. И если наказывают — принимают наказание как должное. И совершенно не упорствуют — назавтра назло учителям рисовать свастики даже не думают.

Если ловят — им стыдно и неловко, их поймали за нехорошим.

Может, они дебилы, дефективные? Нет, нормальные и вполне развитые дети.

1-А. Кстати о птичках. Трудно встретить ребенка, который не прошел бы через опыты детской жестокости. Будь то кошка, цыпленок или паук. С болезненным, азартно-тошнотворно-сладолюбивым любопытством мучают, увечат, убивают. Удовольствия не получают. В повторяемую привычку не превращают. Вспоминают с содроганием — и однако это внутреннее содрогание, память о кислой слюне под языком и легкой холодно-подрагивающей тошноте под ложечкой, вспоминают с известным удовлетворением. При этом отлично знают, что поступают нехорошо. Свой поступок не одобряют. От взрослых скрывают. Обычно проводят такие опыты в одиночку. Редко делятся даже со сверстниками. Если перед ними и бахвалятся подобным — ощущают, что в этом больше защитного цинизма, напускной бравады, скрывающей под собой самоосуждение и на словах оправдывающей собственную нехорошесть. То есть потребность самооправдаться как аспект бравады.

Запомним этот опыт и будем иметь его в виду.

2. И вот эти дети, несколько повзрослев — уже не 4—6, а 5—11 лет — играют в войну. Делятся на «наших» и «ихних». Самый обычный в течение десятилетий вариант в СССР — на «наших» и «немцев», то бишь «фашистов». Заранее известно, что наши победят, иначе и невозможно, да и на самом деле так ведь было. В фашисты идти никто не стремится, но — надо: делятся, причем наши конечно поздоровее будут, получше и многочисленней, и главный лидер всегда среди наших. Наше дело правое, победа будет за нами. Наши способны совершать подвиги, фашисты — нет. Наши готовы на самопожертвование, фашисты обязаны отвечать на допросах и стараться сберечь свою жизнь.

И «немцы» мигом входят в роль. Засучивают рукава, выставляют «шмайссеры», придают зверский вид лицам и позам. И с садистским удовлетворением «расстреливают госпиталь» или «мирное население». Им приятно быть страшными, жестокими, беспощадными. Приятно побыть

в шкуре жутких и наступающих немецких солдат, как их показывали в советском кино про сорок первый год.

Это что — гениальная система Станиславского? Или игровое проявление скрытой немотивированной агрессии? И первое есть, и второе есть, но полностью объяснить явление они не могут.

Однако запомним: восьмилетние мальчики ставят себя на место своих страшных (и побежденных в данном случае) врагов, идентифицируют себя с ними — и испытывают от этого острые положительные ощущения. Вот только «положительность» здесь надо оговорить. В общем ощущения желаемые, приятные, но присутствует и оттенок, нотка, прослойка, мазохизма. Вообще они не хотят быть фашистами, навсегда, постоянно — не хотят: да им это и не грозит. Но временно побыть в шкуре страшного врага, причем в тех ситуациях, когда этот враг тебя побеждает, — это довольно отраднo. Манко. На критический момент поменяться с ним шкурами и вкусить своей победоносности и страшности — вместо того чтобы попасть под чужую победоносность и страшность в качестве жертвы. Запомним.

3. Август 1968 года. Нет, не Прага. Норильск, советское Заполярье. Ленинградский сводный студенческий строительный отряд. Две тысячи рыл, зеленая форма, большинство при добытых офицерских ремнях. Работы кончены, наряды закрыты, деньги получены, завтра и послезавтра — на самолеты и домой. В качестве прощальной церемонии районный штаб ССО (студстройотрядов, кто не знает аббревиатуру) придумал факельное шествие. Отметим фамилии факельных криэйторов: Раскин и Элькин. Арийская кровь отсутствует. Связи с НСДАП невозможны.

К вечеру холодает. Порхают отдельные снежинки. Замерзший народишко звереет. Радость окончания работ мешается с отвращением к показухе. Образуется молотовский коктейль: веселье и злость.

Темнеет уже рано. Подровняли колонну по четыре. Команда: «Поджигай!». Факелы — плотная пакля, смоченная скорее всего мазутом, в жестяной защитной розочке на палке. Поджигается тяжело, но горит долго. «Шагом — марш!»

Попытки заставить нас петь советские песни провалились. А вот ножку по центральной улице двухтысячная колонна дала как могла, а смогла неслабо. По-моему, эта магистраль носила традиционное наименование проспекта Ленина.

И вот вдоль да по этому проспекту злобно-оживленная колонна из двух тысяч сплошь комсомольцев и студентов выдала факельное шествие в стиле III Рейха. Молчание носило угрожающий характер. Мы всем видом показывали, что готовы разгромить все встречное и поперечное. Аборигены-норильчане наблюдали с тротуаров в некоторой задумчивости: нас было до фига, и попытки пошутить покрывались злобным хоровым рывканьем: «Ахтунг!!!». Некоторые предполагали, что это, может быть, кино-съемка.

До скандирования лозунгов дело не дошло, да их никто и не знал. Но время от времени то там, то сям, гремело рубленое: «Айн, цвай, линкс! Линкс! Линкс!» Короче, зрелище выглядело однозначно.

До оргвыводов дело не дошло. Спустили на тормозах, как бы все и нормально. Заострять на этом внимание нашему районному штабу было ни к чему.

Эпатаж? Шутка? Глупость? Игра? Это не объяснения. Слушайте, мы были взрослые люди, девятнадцать-двадцать лет на круг, мы были студенты Ленинграда, и наш коэффициент интеллекта был достаточно выше среднего. И клянусь, что никто из нас не симпатизировал фашизму. Но нам хотелось и нравилось так делать.

Если попытаться сформулировать мотив, то будет примерно так: «Это мы! Мы самые крутые — мы организованы и нас много, и вместе мы круче всех! Можем вломить кому угодно, если что, и мы собою представляем самое сильное, значительное и потенциально опасное, что здесь есть. Мы сильны, молоды и мы всё можем — и сокрушим всё, что попытается встать поперек! И все, кто не мы — ниже, незначительнее, неинтереснее, немужественнее, слабее нас!» Комплекс ощущений вроде вот такого.

Вот что такое настоящий парад, ребята. Чтоб все ощущали грозную стройную мощь и радовались, что эта мощь за тебя, потому что если против — горе врагам ужасное.

А если ты парируешь в качестве победителя среди придавленных врагов — психологическая мощь такого парада на порядок усиливается. Запомнили?

4. Прилетев в Ленинград и засев в застолье, мы уже никем не сдерживались. «На столах было все, что надо: бутылки, бутылки, бутылки и закуска».

Теплый последний день августа. Открытые окна квартиры на пятом этаже. В комнате — полтора десятка бухих, но твердо держащихся студентов. Со стуком сталкиваются водочные стаканы — и — стоя — оглушительный рев: «Зиг! — хайль!!!» Трижды. Остолбенение внизу во дворе.

Студенты-комсомольцы скалятся, глотают, закусывают. Очень довольны собой. Интеллектуальная элита России. Будущее страны. Надежда и опора. Усратья и не жить.

Фома удивлен, Фома возмущен: неправда, товарищи, это не сон.

Думаю, что громче, чем мы, орала только в мюнхенских пивных в 23-м году. Если кто предположит, что все дело в пьянке, так ему быстро ответят, что что у пьяного на языке, то у трезвого на уме. Или наоборот.

Слушайте, нам было страшно весело. Энергия из нас перла. Нам требовалось максимальных ощущений. Предельного выражения переполнявших нас положительных эмоций. И вот таким пограничным образом мы их выражали.

Орать «Слава КПСС!!!» было не смешно. Глупо. Неинтересно. Бред. Это никому в голову не приходило. Тьфу...

А вот вразрез волны. А вот то, чего как бы нельзя. Нонконформизм, нарушение запрета, совершение максимального действия: чтоб все там внизу, снаружи, присели и рты открыли, возмутились и даже хорошо бы взорвались. А вообще — плевать на всех, главное — что внутри себя вот такое было отношение.

5. Если бы мы жили в государстве с узаконенной фашистской атрибутикой, фиг бы мы так развлекались. Мы бы орала «Рот фронт!» и пели «Интернационал». Молодости особенно остро надо не то, что есть. Учтите, что коммунистическая символика всем уже обрыдла, следо-

вать фальшивым предписаниям было скучно, все в жизни было predetermined, начинался застой, для личных инициатив места оставалось все меньше. Мы этого не понимали еще на уровне формулировок — но в силу той же, еще мало способной к объемному анализу, молодости чувствовали ясно и остро.

Острые сильные ощущения через нонконформизм.

6. Есть такое мнение, что высшее образование в столичном городе, в элитном вузе, морально подпорчивает человека. Эдакая в нем появляется интеллигентская гнильца. Нетвердость в нравственных устоях. Моральный релятивизм как следствие и аспект избыточной информации, усвояемой некритически, как мог бы выразиться какой-нибудь остепененный социопсихолог. Как мог бы, если бы мог. Короче, испортили нормальных ребят вседозволенностью вредных и ошибочных мнений и учений, вот они и заколбасились. Любую гадость умно обоснуют, а надо просто не смей ее делать, и все. Пожелание, переходящее в заклинание.

Хоросё! Вот вам обычная средняя школа в обычном областном центре. Июнь, выпуск, рассвет, нарядные и даже трезвые десятиклассники с диапазоном оценок в аттестатах. Романтика и вперед проживаемая ностальгия — авансная грусть расставания, так сказать.

Пустынная центральная площадь — имени Ленина, естественно. В середине — памятник. Кому? Да, не Троцкому. По низу памятника — трибуна. В пролетарские праздники областное руководство приветствует с нее демонстрации трудящихся.

Главный спортсмен класса, уже в семнадцать кандидат в мастера по баскетболу (не по шахматам), добрый и незатейливый троечник, влезает на трибуну, простирает правую руку и с не слишком умной усмешкой провозглашает: «Хайль Гитлер!» В ответ на что стоящие внизу мальчики класса также выбрасывают руки и весело подтверждают хором: «Хайль Гитлер!»

Это что — местная ячейка нацистов? Или группа дебилов в увольнении? Да вы что — добропорядочные дети добропорядочных родителей. Ну — развлекаются. Ну — смеются. Вот если бы возглас прозвучал: «Да здравствует Брежнев!» — это были бы дебилы. Или выпускники

спецшколы для лишенных чувства юмора. Потому что абсолютно ничего интересного в таком лозунге не было бы.

7. Может, кто уже решил, что я оправдываю и защищаю фашизм. Отнюдь. Я не настолько демократ — я полагаю, что фашизм можно, нужно и необходимо запрещать категорически и во всех формах. Но я решительно против того, что запрет подразумевает ненужность понимания. Более того: запрет без понимания того, что, собственно, запрещается, способен загнать процесс в подполье, создать благоприятные условия для его скрытого бесконтрольного развития и способствовать появлению мучеников идеи, что идею всегда поддерживает и популяризирует.

Осудить не означает отбросить без анализа. Без анализа не то отбросишь и не то оставишь.

Заклинание «Фашизм — это недопустимо» стало общим местом. Без понимания — это такой же конформизм, такая же стадность, как рев толпы «Огня! Еще огня!», или «Собачья смерть троцкистско-бухаринским выродкам!», или «Царизм — тюрьма народов!», или «Распни его!», или «Смерть неверным собакам!», или «Долой капитализм!», или «Долой коммунистов!», или «Аристократов на фонарь!» или — и так далее.

Без понимания — Россия, заплатившая беспрецедентным в истории количеством жизней за победу над фашизмом, сегодня выращивает фашистов собственных — вроде все и против, а они есть.

8. Определимся наконец, о чем мы говорим.

Фашизм (итальянский *fascismo* от *fascio* — пучок, связка, объединение) оформился в 1919 году в Италии. Все, что знает обычный человек сегодня об этом фашизме — это Муссолини, он же дуче, и чернорубашечники. Более просвещенный знает об агрессии в Абиссинии и на Балканах; возможно, добавит с вынужденным одобрением, что Муссолини придавил и почти уничтожил мафию. Знают, что была жесткая однопартийная система, диктатура, — уже реже знают, что в программе не было геноцида. Насилие, жестокость, единомыслие, нетерпимость: знаем. Единство народа, счастье и процветание для него же, верность историческим традициям

славного прошлого: как бы не знаем. И вообще нам меньше есть дела до фашистской Италии, у нас перед глазами встает гитлеровская Германия.

Национал-социалистическая рабочая партия Германии фашистской себя не считала и не называла. Основной программы было создание достойной жизни для всех трудящихся немцев. Что объявлялось невозможным без борьбы против повсеместного засилья еврейского капитала. Однопартийность, диктатура, репрессирование инакомыслящих. Декларировались чистота нравов, здоровая мораль, укрепление семьи, благо отечества превыше всего — т. е. патриотизм. Превосходство арийской расы: расизм и национализм. Объединение германского народа, возврат заселенных немцами территорий, отторгнутых в результате Первой Мировой войны. Геноцид, захватнические войны. Излагать историю III Рейха здесь подробнее нет смысла — о том написаны библиотеки.

Для обычного человека фашизм выглядит так: черепа на черной форме эсэсовцев, сожжение книг, факельные шествия штурмовиков, погромы, пикирующие бомбардировщики, танковые колонны, фанатизм, беспощадность, истребление евреев, концлагеря, комплекс национального превосходства, дисциплина, организованность, нетерпимость, мракобесие, идеологизация всех сторон жизни, тотальная милитаризация, претензия на мировое владычество. Борьба с безработицей и коррупцией, равенство перед эффективно действующим законом, разрыв унижительных и грабительских международных договоров и прочие возможные плюсы в расхожее понимание фашизма не включаются.

То есть: оперируя термином «фашизм», мы имеем дело не с реальным явлением во всем его объеме, а с символом. Сугубо отрицательным. Если вы не фашист. Вроде бы получается так. А если фашист? Тогда он имеет дело с положительным символом.

9. Как только явление сводится к символу, этот символ начинает получать расширенное толкование. Жестокость, диктатура, нетерпимость к инакомыслию, силовое решение проблем в самых разных масштабах, от мельчайших до мировых — все это иногда называется фашиз-

мом. От повешения малолетними хулиганами кошки — до военного переворота в Латинской Америке.

Фашизм стал символом мирового злодейства вообще. Для советских детей, скажем, и Бармалей был фашистом. Проповедь расовой нетерпимости — фашизм. Уничтожение демократических свобод — фашизм. И т. д.

Но обычного убийцу-уголовника фашистом не назовут. Может, он маньяк, садист, пьяный дурак. Для фашизма желательнее подбивать идеологическую базу и стремиться к масштабу: т. е. жестокость (с гуманной точки зрения неоправданная) должна рационально обосновываться и стремиться к приятию обществом, к узакониванию. Требовать введения смертной казни за мелкое воровство, скажем, — это уже вполне может быть названо фашизмом.

10. Ныне очень многие полагают, что немецкий фашизм и советский коммунизм — один черт, тоталитарной жестокости не меньше. И в родоначальники фашизма возводят Ленина — это лысый и картавый первым обосновал и ввел массовые кровопролития и прочие прелести.

Мы наблюдаем стремление посадить символ на реальную и исторически близкую базу. Нам так понятнее.

Почему не Хаммурапи? Он жил раньше — 18 век до нашей эры. Жестокий. Завоеватель. Проливатель крови. Организация. Жесткие законы. Единство. Насилие. Уж всяко круче какого-нибудь парагвайского генерала.

Символ превращается в табличку-знак, типа «Осторожно! Мины!» или «Не влезай — убьет!» — и череп с костями. Правда, монтер и сапер лезут. У них работа такая.

Табличка — удобная вещь. Навесил — и все ясно. Простейший способ понимания и оценки явлений: сводим то, что нужно понять, к уже понятому и известному, уже оцененному: по принципу подобия, по аналогии. Но:

Захваты заложников практиковались «всю дорогу» — от фараонов до Наполеона.

Древние китайцы устраивали такие массовые казни пленных, что куда там новому времени.

Святая инквизиция пытала и жгла людишек, как могла, а могла немелко.

Гильотина французской революции стригла головы «подозрительным» — только корзины оттаскивай.

Славный город Тир не сдался просвещенному ученику Аристотеля Александру — и был вырезан.

Разве не христианский священник запустил перед штурмом чудную фразу: «Убивайте всех подряд — Господь на том свете отсортирует своих»?

Тактику «выжженной земли» придумали фашисты?

Цезарь Борджиа был членом НСДАП?

Варфоломеевскую ночь организовало гестапо?

Чингиз-хан носил черный мундир?

Настольная книга Бен Ладена — «Майн кампф»?

Еврейские погромы в древних Александрии и Киеве устроили штурмовики Рема?

Про них тоже, про всех деятелей эпох прошедших, могут вдумчиво сказать: «Да это были те же фашисты!». И все понятно. Фашизм — явление однозначно скомпрометированное, отрицательное, недопустимое, осужденное всеми достойными людьми. Все такие гадости и зверства ходят у нас после Второй Мировой войны под символом «фашизм».

11. Беда здесь только в одном. Все, что ни делалось фашистами, может быть объявлено недопустимым на основании одного того, что оно делалось фашистами. Значит — фашизм. Это неважно, что ничего принципиально нового в сфере поступков фашисты не изобрели. Есть символ? Значит, общественное мнение за столбило за фашистами приоритет. И тем самым вывело поступок из сферы обращения приличных людей.

Пример. Лет пять назад несколько чеченских «активистов» захватили в турецких территориальных водах теплоходик с российскими, в основном, гражданами. Объявили их заложниками и выставили требования. Турки почувствовали себя задетыми и отреагировали быстро. В сорок восемь часов вычислили и арестовали всех родственников этих террористов: или, господа террористы, сдайтесь без всяких условий — или взятые нами заложники ответят за все ваши действия. Результат — на удивление: курс к берегу и по трапу с руками за головой. Ай-яй-яй-яй-яй, так действовали фашисты! Но население сильно одобряло. Однако?..

Пример. 82 год, ливанская война, арабская боевая организация захватила четверых советских специалистов. А попробуем: а чем, собственно, русские хуже других? И требование: давить авторитетом и силой на Израиль и Запад, выводить из Бейрута их войска, или — ваши ребята отвечают головой. СССР еще не вовсе сдох, и те наши ребята, которые в Москве, огорчились. И послали парнишек из «Альфы». И те быстро умыкнули четверых приближенных конкретного лидера боевиков. И голову одного из них лидер через сутки получил в ящичке. С сообщением: двенадцать часов на возвращение наших целыми и невредимыми — или еще три головы в подарок плюс личная ликвидация и уничтожение баз и лагерей. Вернули как милые. Страна узнала об этом много спустя, когда командир тех альфовцев рассказал историю по телевидению. И страна просто аплодировала. Какой ужас, какое зверство... ну, потеряли бы четверых честных граждан, так ведь чисты были бы перед всем светлым и хорошим, и позор пал бы на бритые мусульманские головы.

В данном случае я ни к чему не призываю. Да вы с ума сошли, мы все — отъявленные гуманисты. Я просто констатирую. Что экстремальные средства бывают самыми эффективными в экстремальной обстановке. И приносят наилучший результат. И даже я не это констатирую. А то, что население такие средства сильно одобряет. А их запрет — не сильно одобряет.

И не надо обвинять народ в фашизме. Надо, как бы это выразиться помягче, лояльнее относиться к некоторым способам добиваться справедливости в экстремальных условиях. И не отдавать «эксклюзивно» фашизму права на все подобные способы. Не то мы будем видеть фашизм и там, где им не пахнет. И любого голливудского благородного мстителя фашистом объявим.

Не надо безмерно раздвигать понятие символа «фашизм».

12. Об атрибутике и сути. Мы их, ясен день, различаем. Торговлю на блошином рынке символикой III Рейха к пропаганде фашизма не приравниваем. Рокера в каске и с Железным крестом на шее в фашизме еще не обвиняем.

Но что такое атрибут? Знак сути. Перенос значения с явления на условный предмет (условный жест, условный возглас).

Неформальное тяготение к атрибутике сильного и опасного врага — вещь довольно обычная. Ничем нельзя мне так польститься, как моей черкесской посадкой и умением носить горский костюм, отмечал Печорин. Щеголяли трофейным оружием и перенимали манеры — и близко не имея в виду предательства или смены взглядов. Когда курсанты Ленинградского артиллерийского училища перешивали пилотки на немецкий манер — их «правильное понимание политики партии» изменений не претерпевало. Можно отметить определенное озорство, эпатаж, черный юмор, желание выделиться — но не растление фашистской идеологией: уж воспитывали в старые времена советских офицеров крепко.

Так в чем же все-таки причина этой тяги?

13. Не было в СССР семидесятых годов более популярного сериала, чем «Семнадцать мгновений весны». И не было более популярных персонажей, чем Штирлиц и Мюллер. Ну, Штирлиц — советский герой-разведчик, красавец-рыцарь без страха и упрека. А папа Мюллер, Мюллер-гестапо — к нему откуда симпатии? Что, дело только в обаянии сыгравшего его Броневого? Почему фразы главы гестапо разошлись в народе на цитаты? Ум, ирония, выдержка привлекали? А жестокость и преданность злодейству почему не отталкивали: почему образ не был воспринят как именно отрицательный?

14. Почему фашисты в кино так хорошо, элегантно, одеты и производят впечатление частиц мощной, опасной, стройной силы? Эта черная форма, стройнящая фигуру, эти высокие туфли фуражек с черепами, эти блестящие облегающие сапоги? Солдаты: эта соразмерная крепость фигур в мундирах, глубокие каски, низкие подкованные (явно подкованные, по походке видно!) сапоги, засученные по локоть (помесь мясника и курортника) рукава, безотказные кургузые «шмайссеры» и готовность страшновато, равнодушно, неотвратимо убивать. А может быть, воин так и должен выглядеть: беспощадная смерть врагам в эстетизированном обличье?

15. Фашизм для нас восходит к III Рейху, который давно нами повержен и исчез. Соприкасаясь с ним сейчас, мы имеем дело не с реальным явлением, а с мифом. Миф создан уже не столько «ими», сколько нами. Подправили в соответствии со своими: социальным заказом; идеологией; психологией; законами искусства, каковые законы проявляются не только в литературе и кино, но и в историографии: писаная история весьма зависит от того, кто ее пишет, его не только сознания, но и подсознания — в историю неизбежно привносится личное отношение, и в этом ее родство искусству, и увы тут науке, с чистотой ее дело всегда обстояло не совсем...

16. Одна из сильных и опасных сторон мифа — коррекция идеи побежденного и канувшего явления. В реальном мире идея являет себя через реалии и тем всегда снижается, замусоривается, прибегает к осуждаемым средствам, она деформируется и подвержена дегенерации. Вполне прекрасен в идеале социализм и весьма скверен в реальности.

А вот ежели чего в реальности нет — можно сколько угодно говорить о высоте и прекрасности идеи. Ну, вроде того, что обожествить можно только мертвого, живой всегда сильно несовершенен.

Сегодня фашизм официально как идея — символ не просто зла, но зла отвратительного и кровавого.

А вот если кто-то, по каким-то причинам, вопреки официальной точке зрения и имеющейся негативной информации, склоняется к фашизму — он имеет дело с идеей, которая представляется положительной. Реалии прошлого он или отбрасывает, или подтасовывает, или отбирает только те, которые в его глазах работают на положительность идеи, или трактует в свою пользу.

Какие же привлекательные стороны фашизма как идеи мифа могут увидеться сегодня тому, кто пусть даже «на секундочку» и «не всерьез» решил в него поиграть?

Сила.

Мужественность.

Наведение страха на врагов.

Ощущение себя выше «чужих», которые не с тобой.

Объединенность в грозную для «чужих» систему.

Сокрушение любых препятствий любыми средствами.

Высокая степень энергетичности и экспансии, можно сказать.

Гм. Здесь просматривается идеал мужчины-бойца всех прошедших тысячелетий: сильный, жестокий, грозный, страшный, победоносный. С точки зрения гуманизма — кранты, мракобесие. С точки зрения сержанта-инструктора морской пехоты — это же его подопечный, каким он желает его видеть.

Здесь нет принципиального отличия фашиста от спецназовца, или ветерана Иностранного Легиона, или зеленого берета. Просто фашист яснее как идея: он — символ, очищенный от реальной мелочевки.

17. А еще, еще, еще? Каков смысл идентификации себя с врагом — когда октябренок рисует свастику или комсомолец орет: «Хайль!»?

Измещение страха. Человек сознает, что в случае чего он был бы жертвой этого самого фашиста. И он находит наилучшее убежище — внутри его шкуры. Чтобы фашист не был страшен мне — я сам стану им и стану страшен другим. Стремление избежать угрозы через собственное причащение угрожающей силы.

Это сродни «синдрому жертвы», когда убиваемый вдруг испытывает укол любви к своему убийце. Психологи сильно удивляются. Сродни «стокгольмскому синдрому», когда заложники при освобождении спецназовцами от террористов вдруг проявляли сочувствие к своим захватчикам и потенциальным убийцам и пытались оправдывать и даже защищать их. Как бы сознание «пытается спасти себя», удрав из обреченного человека в победительного и живого.

18. Психологическая самоидентификация с врагом имеет и обратную сторону: перетащить врага на себя, сделать его своим. Я становлюсь фашистом, но поскольку я остаюсь собой, то враг тем самым исчезает, и даже напротив — усиливает и обезопасивает меня.

Есть фильмы, где фашист (немец, эсэсовец), в разведке или для спасения своей жизни, внедряется к «нашим» и там по конкретным причинам зверски бьет вчерашних сотоварищей и вообще нехороших людей. Зрительские симпатии он вызывает огромные, даже больше, чем настоящие «наши».

19. А еще? Стремление к сильным ощущениям (острым ощущениям) через дикие, запретные поступки.

Искушение запретным.

Позыв к взлому табу.

Сходным образом тянет шагнуть вниз с балкона, или помочиться с театральной галерки в партер, или обнажить табуированные места за столом в приличном обществе, или с издевательской улыбкой послать на три буквы ничего не подозревающее высокое начальство.

Рисование мальчиком на заборе свастики или слова из трех букв — явления одного порядка.

20. А еще? Нонконформизм. Внутренняя ущемленность от необходимости следовать всем предписаниям общества — и желание продемонстрировать свое несогласие, свою отдельность. Выражение психологического протеста против господствующей так или иначе идеологии, заставляющей тебя держаться внутри предписанной системы взглядов и поступков. Если хотите — акт протеста как проявление стремления к свободе. Подсознательное: знаю, что нельзя, но уж очень много власти вы надо мной имеете, ну так получите и знайте, что не так уж вы всемогущи, я ведь могу и против вашей воли поступать: а, вас это задевает? вы дергаетесь? знайте, что я могу и против вас поступать.

Если бы в 45 году победила Германия, сегодняшние рокеры нацепляли бы на себя ордена Красного знамени, а хулиганы в детсаде рисовали на песочницах пятиконечные звезды. Тот, кто носит сегодня в России майку с американским флагом — родившись и живя в США носил бы вероятнее всего майку со щитом-мечом и буквами «КГБ».

Посмотрев «Семнадцать мгновений весны», советский партфункционер мог в шутку обратиться к коллеге «парт-айгеноссе» — точно так же, как телевизионный Мюллер мог обратиться к Шелленбергу: «Товарищ!».

21. Вот юмор и упомянули. Серьезный образованный человек, никак не замеченный в симпатиях к фашизму (а вдобавок он может быть еще и евреем, что лишит его возможности примазаться к расово чистым рядам), может в порядке дружеских шуток вскидывать правую руку

или обращаться к собеседнику «экселенц», если не «бригаденфюрер». Он что, дурак? Да вроде нет, ни из чего другого это не следует.

Исследований эстетической природы смешного — библиотеки, и углубляться в эти библиотеки у нас здесь особой возможности нет. Упомянем лишь такой момент происхождения смешного, как неуместное, неожиданное, нехарактерное, стилистически инородное. Когда солдат отдает честь и обращается уставным образом — это ноль-поступок, юмор ни при чем. Когда те же слова и жесты воспроизводит, скажем, ну, профессор, при выходе из туалетной кабинки встретив своего доцента — это уже род юмора, пусть туалетного.

22. «Дети в подвале играли в гестапо — зверски замучен сантехник Потапов». Было такое двустигийе в фольклорной поэзии черного юмора. Заметим, что появились во множестве подобные вирши в СССР второй половины шестидесятых и расцвели оранжереей в семидесятые, когда официальные предписания советской власти народишку изрядно обрыдли, и вера в устои тихо иссякала.

Хулиганы-садисты убили сверстника, да еще и изображая при этом что-то фашистское. В чем дело, откуда фашисты?

Ниоткуда. Не всякий зверь — фашист. «Отбраковывавший» падших женщин Джек-Потрошитель о фашизме не подозревал. Агрессивность и жестокость были всегда, кровь лили всегда.

Вот три хулигана дают в себе верх жестокой тяге к убийству. Чувствуют себя при этом сильными и страшными, и находят в том приятность. Подверстать себя к символу фашизма — означает быть еще более сильными и страшными. «Игра по-всамделишному».

Почему игра? Потому что садистское убийство как акт — вне социальных отношений и идеологических установок, вне политических доктрин. Такие убийцы ведь — не охранники-палачи в концлагере уничтожения, получившие приличное гимназическое образование, любящие музыку и жалующиеся в письмах к родным на тяжелую и неприятную работу. Наши убийцы — в охотку, по призванию, никаких идей за ними не стоит.

Они убийцы не из фашистских побуждений. Они «на минуточку» фашисты из побуждений убийства. Не знали бы о фашизме — все равно убили.

Прибегают к символу фашизма для усиления роли, которую на себя взяли. Символ в данной связи наиболее сильный и стилистически яркий. Римский легионер или чекист в расстрельном подвале — это менее выразительно. «Я — супермен-суперзверь, всем ужасаться!» Фашизм как символ жестокого убийства.

И одновременно — психология подсознательного самооправдания. Самоподкрепления. «Я творю зло, и знаю, что это зло, и как-то где-то в глубине души что-то не совсем в порядке. Ну так я не из зоны добра, я из зоны зла, я весь — носитель зла, часть вот такой злой и страшной силы, которая всем известна и понятна, и как с носителем этой силы со мной все правильно и ясно: я в своем праве творителя зла». Примерно вот такое использование символа.

Заметьте, что к такому «фашизму» прибегают не матери убийцы-уголовники, не серийные маньяки, не профессиональные киллеры. Те убивают без игр и самооправданий — «по жизни», «работа такая». Если прибегают — то жестокие подростки, недоросли, которых потянуло «просто» преступить кровавую грань.

23. Фашизму как символу нельзя отказать в эстетической привлекательности. Имеется в виду сейчас эстетическое оформление атрибутики.

Стройные колонны и чеканный шаг — это прежде всего из знаменитого и разобранного на цитаты фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли». А также мужественно красивые арийские лица — из немецких фронтовых хроник, отрывками повторяемых по телевидению в связи с фашизмом и Второй Мировой войной бесконечно.

«Сумрачный германский гений» всегда понимал в эстетике войны и смерти. Символика III Рейха разрабатывалась лучшими художниками и отбиралась на конкурсах из множества образцов. Силуэт, крой и цвет формы, орлы, значки, жгуты, молнии.

Мало кто знает, что кожаные пальто мотоциклистов и эсэсовцев были из дешевого кожзаменителя, черные

глянцевые плащи воняли синтетической резиной, а солдатские мундиры были в основном из крапивного волокна: Германия была нища сырьем. Но в кино! Но на картинках! Ангелы смерти, рыцари черной идеи.

О картинках того времени говорить не будем: разница между рекламным буклетом и товаром ясна каждому. Реальный немецкий фронтовик был нормально грязен, расхристан и незелегантен.

Но если — по картинкам — сравнить немецкого и русского (а также американского, английского, французского) солдата — то на этом конкурсе реклам немец займет первое место. Лицо и фигура — у всех одна: утрированная мужественность с положительным выражением.словно с одного манекена рисованы: фигура атлета, квадратная челюсть, толстая шея и т. д. А вот форма немецкая эстетически выразительнее оформлена. Сочетания черного, серого, бутылочно-зеленоватого, серебра, прямые плечи, ломаные линии силуэта — первое место. Выразительная форма.

Сравниваем такого «идеального фашиста» (реальных не видим) с «реальным антифашистом» (это мы с вами): сравнение не в нашу пользу. Ага...

Но что гораздо интереснее — сравнить реальные кинохроники с эсэсовцами из наших кинофильмов. В сталинские времена нас могли бы обвинить в политической близорукости и вредительстве. Потому что созданные нами киношные эсэсовцы куда красивше реальных.

На хрониках мы видим, если говорить о бонзах, дурно сложенных, обмятых, неавантажных мужчин. И все чем-то больны, озабочены, устали.

В нашем кино: отугюженная форма, подогнанная студийным модельером, выправка и движения профессионального актера, выпирающий из всех швов нордический характер, беспощадность и экспрессия. Вот это символ! Вот это фашизм!

Среди эсэсовцев часто бегает наш разведчик. Этот одет лучше всех и выправка у него идеальная. И зрительские симпатии к нему от этого еще больше: наш-то выглядит настоящее настоящих! Оно и понятно, чтоб не заподозрили. Ну, и прочие ему соответствуют: не должен же он выделяться.

Фашисты в русско-советском кино одеты просто-таки любовно. Экипировка и выправка радуют глаз. Даже если идиот — но упакован классно.

С портных спрос мал: специалист гордится своей квалификацией и работает в полную силу, чтоб языком прищелкнули. А что ответит вам режиссер: почему фашисты так здорово выглядят? Помычит режиссер, сошлется на реальные костюмы, на актерское телосложение и школу, и сообщит, что и хотел показать сильного и страшного врага, которого мы обманули, разбили, победили, тем больше наша слава, борьба была трудна. Режиссер — он ведь тоже имеет дело с символом. Он человек искусства.

В нашем кино наши военные одеты хуже немецких и выглядят менее воинственно. Такие дела. И в подсознании эти вещи откладываются, будьте спокойны. Недаром все серьезные лидеры придавали большое значение внешнему виду солдата, и лучшие модельеры разных эпох дрались за «госзаказ» — разработать военную форму. И конкурсы проводили, и лучшее отбирали, и короли лично монаршею рукой изволили поправлять эскизы и вносить ценные указания.

Вот такой аспект привлекательности фашизма.

24. Киномассовка: немцы гонят пленных по городу. Из толпы на тротуаре (звук пишут потом) — обязательно шутка: «Наконец-то наши пришли!». И беззлобный гоготок, мелкое развлечение.

Юмор — это не только реакция на несоответствие. Юмор — это еще защитная реакция на опасность. Здесь — обшучивается ситуация, опасность которой не-всамделишная: воображаемая опасность, от которой гарантирована реальная безопасность. Данная шутка — продолжение киносъемки как игры, вовлеченность в акт искусства, маленький подогрев ощущений и сопереживаний. Стремление чуть-чуть обострить ощущения собственные.

Перерыв в съемке. Эсэсовец с моноклем в глазу, арийское лицо, ледяной взгляд, прямая выправка, деревянная походка, стук каблуков — входит в гастроном. Легкое замешательство. Подходит к кассе, взглядом расчищая пространство перед собой. Очередь как-то без движения, но подается от окошечка. Офицер пригибается не по-офи-

церски и житейски просит: «Двести грамм докторской, пожалуйста». Секунда паузы (чтоб дошло и набрать воздуха) — и гомерический хохот в гастрономе. Актер сыграл этюд. Нормально сыграл. Но подыгрывали ему не профессионалы, случайная публика! А хохотали от души: адреналин пошел.

В нашем социокультурном, социопсихологическом пространстве фашизм присутствует как символ страха, символ зла. И индивидуальная реакция на этот символ может быть, и часто бывает, непроизвольна, подсознательна, рефлексивна.

Мы шутим не над фашизмом. Предметом юмора, предметом обыгрыша работает символ, живущий в нашем сознании и подсознании. Реакции на него могут быть разнообразны, в зависимости от обстановки и нашего мимолетного психологического состояния.

Юмор как столкновение символа с неуместным окружением. Юмор как фиксация гарантированной безопасности от сути символа. Юмор как измещение, избытие страха, несомого символом.

25. Юмором тут не отделаешься. Есть поистине дьявольская привлекательность в фашизме. Но «дьявольский» — слово не из лексикона этой книги.

Кто есть Дьявол? Наместник Бога по ведомству зла. Первый зам генерального по части всего плохого.

В чем привлекательность Зла? (Если кто скажет, что ни в чем, пусть объяснит себе, почему и чем многих оно привлекает.)

В абсолютной свободе от любых моральных норм. В наслаждении и облегчении избавиться от пут, которыми ты повязан по рукам и ногам внутри себя самого. В счастье следовать без всяких внутренних помех любому своему желанию.

В преступлении запрета. В разламывании табу. В остром сильном ощущении от максимального внутреннего действия — и от мощного, невозможного, из ряда вон выходящего реального действия.

В ощущении всемогущества. Хочу — делаю — и плюю на всех и вся.

В ощущении своего всемогущества через причинение другому того, чего он не хочет, боится, всеми силами

стремится избежать: через причинение другому максимального зла.

Можно сказать: стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям в негативном аспекте, негативной части сферы всего возможного. Тем самым: часть и аспект стремления к полноте жизни.

Можно сказать: стремление к самореализации и самоутверждению в негативной, несозидательной, деструктурирующей части сферы всех возможных действий.

Вынуждены признать, что такое стремление (кроме позитивного, также) в природе человека, в его сущности, и не может быть ликвидировано, ампутировано, выстрижено на уровне уничтожения и исчезновения части психологической сферы, психологической сущности человека. Ибо вообще человеку свойственно стремиться ко всему, что можно почувствовать и что можно переделать. Жизнь всегда заставляет делать выбор, но отвергнутое не исторгается из психики прочь, вон и навсегда, а остается лежать неиспользованным в своем ящичке. И подсознание об этом ящичке знает и помнит. И иногда прикидывает: а что будет, если им воспользоваться? Нельзя? Ладно. А ведь могло бы кое-что получиться...

Привлекательность фашизма — частный случай привлекательности зла.

26. Пожалуй, только в христианской парадигме могла возникнуть идиома «дьявольская красота».

Как изображается, воплощается зло в голливудской фантастике? Инопланетный монстр, игольчатые зубы пресмыкающегося (биологически враждебный вид), голая кожа в слизи, мерзкий писк и рев, короче — тошнит от такого чудовища, и хочет оно только мерзко и кровожадно убивать и завоевывать, и вызывает желание только убить его и больше чтоб его не было.

Как изображается зло в кино про фашизм? Читай выше. Смертоносная белокурая бестия в зловещей и изящной черной форме. Не противный крокодил — но скорее элегантная черная пантера. Тебе не все равно, кто тебя сожрет? Вроде и да, а вроде и нет. Пантерой быть хочу, крокодил — нет. Кто любимый зверь на эмблемах разных спецназов? Пантера, тигр, волк, в крайнем случае

изящно изогнутая черная кобра. А жирного желтого паука с ядом на жвалах никто на рукаве носить не хочет.

Кто первым поместил изображение черепа с костями на черный флаг? Стивенсон в детской книжке про пиратов. А как прижилось! А кто у Стивенсона главный негодяй? Обаяха Джон Сильвер.

Как изображается Дьявол Обольщающий? Высокий худощавый мужчина в черном. Морщины познавшего страсти мудреца. Ироничен, находчив, всемогущ почти как сам Бог. Дает любые блага и исполняет любые желания, прося взамен такую малость, как душу. Осыплет золотом и покарает твоих врагов. И что это означает? Греховность земных страстей, норовящих отвлечь тебя от Высшего Добра.

Но Высшее Добро проблематично и будет неизвестно когда, тот свет — дело туманное, а вот Он организует тебе кайф здесь и сейчас, и будешь ты под сенью руки его силен, богат и могуществен здесь и сейчас.

Привлекательная сила греховного земного соблазна, отвлекающая тебя от Добра Небесного, к которому придешь через лишения и страдания праведности.

Противостоять внешне мерзкому греху — не так сложно. Поэтому для пушного соблазна грех облекается в красивую форму и манит сильными ощущениями. Шварк! — и возникают секты сатанистов.

Кто придумал Дьявола? Христиане. Кто сделал его красивым — поклонники? Да нет: враги Дьявола его изобрели, они и сделали его красавцем. Богословы и художники. Почему? По указанным выше причинам. И таким его сделали, чтобы Он им самим в чем-то нравился. Чтоб действительно было, что преодолевать и с чем бороться.

Так что же странного, что он людям нравится? Противоестественно было бы, если наоборот.

В красоту фашизма (символа и мифа) вымещена психологическая тяга людей к максимальным ощущениям и максимальным действиям в морально осуждаемой, негативной части сферы всего возможного.

27. Если создать гиперреалистически точный групповой портрет Гитлера, Гиммлера, Геринга и Геббельса, мы увидим четверых почти уродливых, с физическими изъ-

янами, мужчин. У очастого выпученные глазки, узкие покатые плечи и отсутствие подбородка, у карлика обтянутый череп мумии и черно-маслянистые глаза наркомана, у жиртреста лесенка подбородков и огромный зад, у кого яичка не хватает, у кого эндокринная система плохо работает, и никто не имеет ничего общего с плакатным арийцем — скорее пародия на него.

Если взять лидеров современных русских неофашистов разных оттенков и мастей — ситуация аналогичная. Огромное пивное брюхо, лысина шире головы, сальные черные волосы, жуковатые глазки лохотронщиков, или невроз, бьющий в интонациях и жестах, или шуплое сложение отставного жокея, толстые очки и гнилые зубы. Где цвет нации? Где славянско-арийский тип? Где подтянутость, красота, мощь?

Миф — он и есть миф. Каждого тянет к тому, чего ему не хватает. Цирковой борец — кумир туберкулезного задохлика.

Комплекс физической неполноценности — одна из причин тяги уродов к культу сверхчеловека. Если бы Фридрих Ницше был здоров физически, как Дольф Лундгрэн — фиг бы мы дождались философии про сверхчеловека. Лундгрэн и так амбал и красавец, ему незачем выстрадывать в болезнях миф о белокурой бестии, он скорее подбросит денег детям-инвалидам.

Физический цвет нации — в ротах почетного караула, встречающих парадами глав других стран. А сами главы страдают болячками, падают в обмороки, сгоняют жирок, лысеют и принимают лекарства.

Вот в мифе выставлены исключительно роты почетного караула. По ним и составляют мнение, они — вывеска мифа. Трехбуквенная надпись на заборе, за которым на самом деле лежат дрова.

28. Но есть ведь у фашизма основания и более серьезные — на уровне общественном, политическом, социальном. О них и подавно стараются не говорить, отделяясь осуждающими заклинаниями. То есть обычная история: явление есть, а оснований для него нет, разве что глупость и порочность отдельных индивидуумов.

Что понимается под фашизмом? Расизм, тоталитаризм, жестокость, нетерпимость, при этом — равенство

для своих, эдакий «внутренний социализм», с программным стремлением установить его для «всех расово чистых», всего народа, страны или даже за ее пределы.

А что мы имеем сегодня в «цивилизованных странах первого мира»? Интернационализм, открытость общества, демократия, терпимость, гуманизм. Хорошо, хорошо, это очень хорошо. А бывает ли что-то хорошее, и чтоб в этом не было ничего плохого? Да нет, любое явление имеет свою отрицательную сторону, где есть верх — там и низ найдется. Что мы имеем насчет недостатков, протекающих из продолжения наших достоинств? Великое переселение народов из Азии и Африки в Европу и США. При всеобщем снижении уровня рождаемости европейских народов несколько ниже уровня простого воспроизводства — при рождаемости иммигрантов выше уровня воспроизводства — при продолжении иммиграции — мы имеем замещение европейского этноса азиатскими и африканскими. Тенденция ясна и однозначна, европейцы скоро будут в меньшинстве в родных странах. Количество смешанных браков продолжает расти, это естественно, а поскольку растворяется меньшее в большем, а не наоборот — «белые люди» сегодня стоят на верном пути к «самоисчезновению». Мы сейчас не говорим, хорошо это, плохо, или никак, нейтрально, мы лишь констатируем. Это — первое.

Второе. Общество свободного предпринимательства во главу угла своей повседневной деятельности ставит прибыль. А для этого надо снижать себестоимость. А для этого нужны дешевые рабочие руки. А для этого нужны иммигранты. А еще для этого нужно переносить производство в дешевые страны. Что мы и имеем. Оставляя без работы своих.

А социальные программы плодят при этом бездельников, нахлебников, паразитов, которые не согласны на любую черную работу, но бузят и негодуют, если государство забудет их покормить, дать жилье, полечить.

А поскольку мы долго угнетали расово меньших, а теперь мы за равенство, то при прочих равных все лучшее, ту же работу, надо предоставить представителю меньшинства (сегодня еще меньшинства) — и он свое право на это знает и оберегает, не дай — заклеит тебя

«расистом» так, что не отмоешься, общественное мнение и суд будут на его стороне.

Гомосексуалисты и лесбиянки ничем не хуже гетеросексуалов. Более того, они — сексуальное меньшинство, а права меньшинства мы, демократы, должны оберегать в первую очередь: их мало, они и так страдают. Детей не рожают? Это их право. Других вовлекают? Если те взрослые — имеют право. Скажешь слово против — ты сексошовинист, плохой человек, позор тебе. Тебе, мужчине, физически неприятен педераст? Ах ты мразь, тебе руки не подадут, ты не должен так думать. То есть: норма и патология не просто уравниваются в правах, но у патологии еще и моральное преимущество.

Садиста-убийцу казнить нельзя. Надо содержать его в тюрьме, хорошо кормить, водить гулять, предоставлять ему возможности заниматься спортом и смотреть телевизор. А вы, честные люди, в том числе родственники жертв, должны его содержать на свои деньги: платить налоги — это святое.

Торговца героином (того же убийцу) казнить тоже нельзя: мы гуманисты. Кормить! Поить! Гулять!

Дети вне брака — нормально, брак без детей — нормально, сожителство вне брака — нормально, семь браков — нормально, однополые браки — тоже нормально.

Все знают бандита и убийцу, но свидетелей его дружки пристрелили, адвокат получил кучу бабок и суд не сумел доказать вину — нормально, убийца торжествует, он объявлен честным. А если ты пристрелил его сам — будешь сидеть, если только его подельники тебя в тюрьме не прирежут, а их все равно не казнят.

И если капиталист сумел пролоббировать закон и сунуть взятки чиновникам, и после этого заставляет за гроши ишачить на себя тех, кто не умеет сам быть капиталистом, — все нормально, это уважаемый член общества. Россия за последние десять лет полной грудью нюхнула прелестей капитализма и перестала видеть его в белых одеждах и с раздаваемым хлебом под мышкой.

Есть это все и еще многое другое? А куда денешься.

Ну так фашизм — форма реакции на это все.

Экстремистская форма реакции на негативные процессы в современных цивилизованных обществах.

Капиталисты богатеют, а народ голодает? Гадов повесить, добро раздать! (Потому и «красно-коричневые», что коммунисты и фашисты здесь исключительно слиты, в одном лице.)

Азеры захватили рынки? Отметелить и выгнать в Азербайджан, пусть наших не прижимают! (Увы, не встает вопрос, почему азеры захватили российские рынки, а русские не сделали этого в собственном доме.)

Убийц — расстреливать! Наркоторговцев — вешать! За воровство — рубить руку! (Не думайте обо мне ничего плохого, но в странах шариата это очень помогает... о ужас...)

Иностранцы все больше лучших мест захватывают? Долой, вон отсюда иностранцев.

Святость семейного очага! Прижучить гомосексов! Больше детей!

Все больше больных, задохликов, очкариков, астматиков? Культ здоровья, силы, спорта, кулака!

Через демократию имеем те гадости, что имеем? Долой такую демократию! А, они телевидение захватили, к власти присосались, народ оболванили? Так силой их сметем, раз иначе не понимают!

Вот примерно такие мотивы протеста.

Фашизм как крайняя агрессивная форма социального протеста на негативные явления в демократическом обществе, где гуманизм там и сям перерастает во вседозволенность и попустительство.

(Не забудем, что германский национал-социализм возник как реакция на обнищание, угнетение и унижение народа в свободном, цивилизованном, демократическом государстве.)

Грустно, граждане.

29. А общество находится в духовном кризисе. В идеологическом кризисе. Годами тщетно пытается родить национальную идею. Чтоб, значит, единой идеей сплотить народ и вести в светлое завтра. Где народ, а где завтра? Не получается.

А фашизм — вполне готовая идея. Объединяться, бороться, искоренять недостатки прямым и кратчайшим способом.

Когда все в порядке с национальной идеей? Когда есть общие для всех трудности и общие для всех дела,

которые не решить поодиночке. Создание своего государства. Борьба за его независимость. Отражение агрессии. Собственная экспансия. Борьба с силами природы в период становления и подъема страны.

То есть: когда есть с кем-чем бороться и за что бороться, и это невозможно поодиночке, а можно только сообща. Есть враг: будь то природа, захватчики или национальная раздробленность.

Что ныне? Все люди — братья, границы — незыблемы, природу — беречь, научно-техническая оснащенность — выше уровня несовершенной морали тех, кто этой научно-технической мощью владеет, безработного — подкормим, больного — подлечим, хочешь богатеть — имеешь свободу богатеть. В налаженном процветающем обществе осталось тебе, братец, добиваться только личного благосостояния и собственной карьеры. Твои права личности превыше всего. В таких условиях национальная идея растворяется, как утренний туман. Других твой счет в банке и твоя карьера не волнуют: позавидовать могут, кусок у тебя перехватить могут, а вот никакого одухотворенного подъема ощутить ну никак не могут.

И возникают наркомания, сексуальная раскрепощенность и пофигизм: не трогайте меня — и подите к черту.

Фашизм как идея наведения порядка, установления справедливости и вообще борьбы за все хорошее привлекателен для своих приверженцев за неимением лучшей внятной и мощной идеи.

30. Но поскольку фашизм скомпрометировал себя до крайности, и многие реальные идейные искатели и борцы его чураются, как дурной болезни и обвинения в людоедстве — существует масса разновидностей реального фашизма, отмежевывающихся от его символики и терминологии. Таковы практически все формы сегодняшних экстремистских движений. Они называются движениями левокоммунистическими, радикально-социалистическими, радикально-исламистскими или просто национально-освободительными. Расширяя понятия фашизма как символа — все это один черт.

31. Образ врага. Человеку нужен враг. Так оно устроено.

Группа идентифицирует себя через противопоставление себя другой группе — будь то биологической, этни-

ческой, территориальной, социальной или половой. Я гомосексуал означает — я не гетеросексуал. Я русский означает — не немец, не татарин, не еврей, не грузин. Я рабочий — не предприниматель, не инженер, не бухгалтер, не артист.

Для возникновения в группе сильного корпоративного духа и корпоративной идеи противопоставление должно быть сильным — должно наличествовать давление с противопоставленной стороны. Должна быть угроза группе. Угроза объединяет. Угроза указывает и проясняет цель — собраться плотнее, объединить усилия, противостоять, выжить, победить. Если угрозы нет — она может быть выдумана.

Поскольку человек — существо системное, системообразующее, образ врага в его сознании запрограммирован. Должны быть «мы» и «они». «Мы» осознаем свою общность через противопоставление «им». И мы хоть в чем-то, но лучше, правее, достойнее, имеем основание гордиться «собой» по сравнению с «ними». Негры, евреи, неверные, туземцы, гомики, коммунисты, капиталисты, пацаны из другого двора, соседи по квартире.

А если тебе с младенчества вбивают, что все равны, ты немного теряешься. Ты бедный, или дурак, или неудачник, или безвестен, и никто тебе не виноват. Да? Зато вместе мы — сила, понял? Сила? А против кого? Против кого дружить? Сейчас найдем.

Фашизм решает проблему с гениальной простотой. Во всем виноваты евреи. Все неарийцы — ниже нас. Евреев истребить, неарийцев подчинить и поставить ниже себя. Все лучшее — нам. И тогда все будет хорошо. Для нас. Потому что мы того достойны. А для них — плохо. Потому что недостойны. Аргументы? Ерунда, сейчас найдем.

Фашизм удовлетворяет потребности человека иметь врага. Заведомо менее достойного, чем ты. Виноватого в твоих бедах. А главное — объединяющего твою группу в силу, придающего смысл ее агрессивным действиям. (Памятник врагу! Без него тебя нет!)

32. Фашизм дает простой и категорический идеал. И избавляет от поисков, порой мучительных, другого идеала. Борьба за торжество фашизма! Отдать за него жизнь — высшее счастье! Слава! А души — в первую очередь юные,

активные, порывистые — жаждут обрести идеал. Набивать в благополучии карман — не может быть идеалом.

33. Надличностная цель. Смежно с предыдущим. Можно сформулировать чуть иначе: надличностная ценность. Человек не чувствует себя полностью живущим, если его интересы не выходят за пределы личного потребления в той либо иной форме. Человеку свойственно иметь что-то дороже собственной жизни. Тогда его чувства могут напрягаться до предела — не «разово», как у сорвавшегося скалолаза, а «постоянно», «по жизни»; только тогда он может совершать максимум, на что способен — не «разово», как скалолаз, который все же уцепился и взобрался, а «постоянно» — скорее как революционер, предпочевший всем благам служение революции.

Фашизм с сакраментальной простотой дает человеку надличностную цель. Служи великому делу!

34. Экспансия. Пока система здорова, пока она растет, пока она на подъеме — она стремится расширить пространство собственного наличествования. Фашизм всегда экспансивен. Психологии индивидуума это льстит.

35. Высокий энергетизм. В системе фашизма индивидуумы могут натворить такого, что в иной системе им и не приснится. Сажал цветочки, преподавал в школе музыку — форма! марш! оружие! война! груды руин и трупов! изнеможение, кровь, военные подвиги! — отбой. Что, всего пять лет прошло?! Мир содрогнулся и перевернулся! И снова до восьмидесяти лет цветочки сажать и Баха слушать.

А человек, повторяем как всегда, стремится к максимальным ощущениям и максимальным действиям.

36. Символ фашизма преходящ, но вбит крепко. Суть фашизма извечна, и сводить ее к символу и мифу означает уклоняться от рассмотрения.

к о р о т к о:

В свое время советские люди, изучающие в общем порядке труды товарища Сталина, любили их за то, что заключающие их выводы перед зачетом могли записываться в качестве шпаргалок на гранях карандаша.

1. Говоря о фашизме, мы оперируем символом и мифом.

2. Эпизодически употребляющие атрибутику фашизма люди с фашизмом обычно общего не имеют.

3. Акт употребления атрибутики может носить характер острого юмористического обыгрывания — «черного», «антиутопического юмора»

4. Он же — акт негативизма, нарушения запрета.

5. «Игра в фашизм» — обычно опыт острых отрицательных ощущений и отрицательных действий, в основе которого психологическая потребность в любых вообще сильных ощущениях и действиях.

6. Она же — акт «безопасного» садомазохизма, слабую степень которого правильнее расценивать как психологическую норму.

7. Она же — акт измещения страха перед фашизмом через игровое отождествление с ним.

8. Она же — акт циничной бравады как защитная реакция.

9. Акт жестокости может оснащаться фашистской атрибутикой для усиления психологического эффекта, имея абсолютно внеидеологический мотив.

10. Ничего по существу нового и принадлежащего исключительно ему фашизм не имеет.

11. Характерные для мифа фашизма явления мы склонны, упрощая анализ, обозначать его символом по причине мощного и расхожего символа фашизма.

12. Обозначение явлений по принципу схожести фашизмом часто подменяет понимание называнием и мешает пониманию.

13. Все, что применял фашизм (как миф), он скомпрометировал своим применением и сделал для нас скорее неприемлемым.

14. Под этим понимается диктатура, однопартийность, тоталитаризм, насилие, жестокость, нетерпимость, единомыслие и т. п.

15. Таким образом, экстремальные действия, часто самые эффективные в экстремальных обстоятельствах, мы осуждаем и отвергаем часто под тем предлогом, что фашизм также их применял (несмотря на то, что их и раньше применяли повсеместно).

16. С этим не согласны многие, не имеющие общего с фашизмом.

17. Мы истолковываем символ фашизма в самом расширительном смысле.

18. Часто пытаются отрицать вообще привлекательность символа и мифа фашизма.

19. Внешняя привлекательность фашизма — в высоком эстетическом уровне оформления атрибутики.

20. Психологическая привлекательность фашизма — в культе силы, мужественности, красоты, здоровья, твердости.

21. Комплекс неполноценности и физическая ущербность могут стимулировать увлечение фашизмом.

22. Обращение к фашизму может быть протестом против вседозволенности, анархии, преступности, безнаказанности, лжи современного цивилизованного государства.

23. Такой протест может не прибегать к символу фашизма.

24. Зато мы стремимся подверстать его к этому символу.

25. Фашизм сегодня есть род патологической реакции части общества, прежде всего остро чувствующей и меньше соображающей молодежи, на такие явления, как фактическое переселение народов из Азии и Африки в Европу и США и замещение европейского этноса южными и восточными.

26. Фашизм сегодня есть род патологической реакции части общества на неспособность демократического, гуманистического, плюралистического государства решить — разом, для всех, в полном объеме — проблемы преступности и воздаяния за нее, безработицы, коррупции, политической продажности, нищеты.

27. Фашизм предоставляет адепту готовую национальную идею — что особенно ценно в эпоху всеобщего кризиса национальных идей в развитых государствах.

28. Фашизм удовлетворяет потребности «кое-кого» иметь врага, заведомо недостойного, и через то ощутить свое единство.

29. Фашизм — легко! — дает адепту идеал и надличностную цель: человеку свойственно стремиться иметь их.

30. Фашизм способен удовлетворить потребность человека в сильных ощущениях и значительных действиях.

31. Фашизм дает адепту индульгенцию на любые поступки по отношению к «чужим» и внушает ему комплекс «сверхчеловека».

Р. С. Американец, воевавший против Америки на стороне исламских экстремистов; американский мальчик, направивший самолетик в небоскреб в подражание исламским террористам 11 сентября; погромы кавказских торговцев в Москве и демонстрации национал-большевиков; разномастные «левые», объединенные прессой под невразумительным названием «антиглобалистов»; и т. д., и т. п. — вкуче с вышесказанным дают все основания полагать, что преуменьшать опасность современного фашизма и отмахиваться от понимания корней этого явления по меньшей мере неосмотрительно.

Разгром национал-социалистической Германии еще не означает окончательной победы над идеей фашизма. Военно-политическое уничтожение не равнозначно идейному. Более того: поражение дает ореол мученика идеи. Подполье — теплица идеи. Оппозиция — стимул идеи. А дом идеи — наша голова. Будьте внимательны к себе. Заботьтесь о голове, а не о кармане.

Национализм

«Откуда у нас национализм?!» От верблюда.

1. Национализм — это когда одна национальность недолюбливает другую национальность. Или вообще ненавидит. Или даже просто презирает. Или терпит, но себя считает лучше. Достойнее. Умнее, или нравственнее, или талантливее, или трудолюбивее; честнее, или цивилизованнее, или придерживающейся более правильных взглядов по каким-то вопросам. А если в общем и короче?

Национализм — это непризнание одной нацией во всем равной себе другой.

А можно ли считать другую не хуже себя, по определенным параметрам даже и круче себя, пожалуй, — но все равно не любить? А почему, собственно, нет? Может, от ее достоинств тебе только хуже живется? Тогда:

Национализм — это конфликтное отношение одной нации к другой.

О. Конфликт может быть острый и сглаженный, явный и скрытый, реальный и надуманный, ментальный и экономический.

2. А возможно ли вообще бесконфликтное отношение одной нации к другой?

Современная цивилизованная мораль говорит нам, что не только возможно, но и должно, но и единственно прилично и правильно. Все люди — братья. Друг, товарищ и брат. Коллега, помощник и сосед. Любимый кореш.

Берем братьев и сестер, делаем соседями и сеем в коммунальную квартиру. Потеснее. С одним сортиром. С общей лампочкой в коридоре и одной газовой плитой на три семьи. И мгновенно получаем коммунальные склоки. Плюют в кастрюли и пишут доносы.

Расселяем. В одинаковые квартиры. С надежной звукоизоляцией. Поднимаем зарплаты. Жизнь стала лучше, жизнь стала веселей! Конфликты сглаживаются.

Одному ни за что ни про что дарим «мерседес». Другие завидуют. Корябаем ему мерс гвоздиком. Он подозревает соседей и тихо ненавидит. Конфликт.

Плохая жизнь и равенство — есть конфликты.

Хорошая жизнь и равенство — нет конфликтов.

Хорошая жизнь и неравенство — есть конфликты.

Плохая жизнь и неравенство? Вообще убьют за булавку.

А возможна ли всенародная хорошая жизнь в равенстве? Вам привет от Карла Маркса. Бисмарк был прав: от этого бухгалтера Европа наплакалась. А Россия вообще еле выжила.

Неравенство заключено в нас самих. Красивые и уродливые, умные и глупые и т. д. И даже — удачливые и неудачливые.

Хорошая жизнь тоже заключена в нас самих. Она настолько хороша или плоха, насколько мы это считаем. Доволен хижинкой и других не знаешь — хороша, недоволен дворцом хуже, чем у другого миллиардера — плоха.

Конфликты заключены в нас самих. Если создать человеку все те условия, которых он сам себе хотел, — он быстро найдет повод для недовольства. Человек — это переделыватель, и жизнь его — это постоянное стремление изменить хоть что-то в этом мире.

Конфликт — это свидетельство того, что есть идеал, и он отличается от реального сиюминутного положения вещей, и это положение надо изменить в сторону приближения к идеалу.

Больше, лучше, дальше, богаче, иначе.

Бесконфликтной жизни не бывает. Какая банальность? Так почему мы вечно забываем банальности и изобретаем деревянные велосипеды?

В любой семье — и то не без конфликтов. При всей любви.

Конфликт — источник развития и залог прогресса. Это противоречие, требующее разрешения. Это разность потенциалов как источник энергии. На общем-то уровне оно вот так.

Какие же у нас основания полагать, что две нации могут сосуществовать без конфликтов? Благие пожелания. Ну-ну.

3. Ежели, конечно, всем дать отдельные благоустроенные квартиры со звукоизоляцией и одинаковые приличные зарплаты, то оно конечно. И пусть каждый живет в собственном доме и не лезет к другим. А в гости ходит вежливо и не надолго, по приглашению. А помогает другому, если тот попросит. Как гласит старинная немецкая поговорка, чем выше забор — тем лучше отношения.

Это называется ксенофобия. Это нехорошее слово. Оно и означает желание отгородиться от других.

Черт. Мы против ксенофобии. И против национализма. И наш мир далек от совершенства. Национализм мы считаем вроде порока. А с пороком мы не очень стремимся разбираться, мы предпочитаем его осуждать и как-нибудь гуманно... э-э... уничтожать? Нет, это негуманно — уничтожать... ну, делать так, чтобы его не было. Как? Ну, опять же осуждать. Ну, чтоб не проявлялся.

4. Если явление никак не будет проявляться, то его вроде бы почти и не будет. Лучший способ ликвидации порока — загнать его внутрь. И пусть сидит, не высовывая носа.

Примерно так мы боремся сегодня с национализмом. С одной стороны — свобода мысли. Думай что хочешь, это твое право. С другой стороны, национализм — это плохо. Можешь думать о нем что угодно, но говорить должен только должное — что это плохо, ошибочно, порочно.

В результате болезнь вдруг там или сям вылезает наружу, и железные прутья лупят по ларькам, пылают очаги иммигрантов, взмывают над толпами националистические лозунги — и заламывают руки моралисты и журналисты: «Боже, откуда у нас национализм!»

5. Везде, где есть «отцы и дети», есть и конфликты отцов и детей: поколений. Есть два пола — есть конфликты между мужчиной и женщиной. Богатые и бедные — конфликты имущих и неимущих.

Национальный вопрос есть везде, где есть больше одной национальности. Иначе и быть не может.

Он может быть скрытым или явным, мягким или жестким, но он не может вообще не быть.

Он может даже носить неконфликтный характер. Это означает, что конфликт терпим, переносим, не нарушает более или менее нормальное течение жизни, не проявляется в эксцессах, не требует конкретного и немедленного разрешения.

Все хорошо и поровну — вроде и нет конфликтов. Нехорошо и непоровну — конфликты вылезают.

6. Человек ощущает себя не только индивидуумом, но и частью — народа: с его территорией, языком, культурой, ментальностью, историей, этническим типом, наконец. Он гордится достижениями и достоинствами своего народа, он к ним причастен. Он имеет и осознает свои права как представителя своего народа. И он хочет, естественно, жить как можно лучше.

И вот в его стране появляются представители другого народа. Рефлекс — хоп: чужие! Хорошие, плохие — это потом. Первое: они отличаются от нас (чем бы то ни было), они не такие, как мы, — они не мы.

Первым делом срабатывает комплекс коммунальной квартиры: что они делают в моем доме? Они раздражают. Они обращают на себя внимание. Чуть что не так — подозрение на чужих: это они сперли половую тряпку или не выключили свет в уборной.

Такова человеческая психология, и хоть ты тресни. Человек всегда предпочитает искать (иметь, полагать) причину любого дискомфорта вне себя, а не внутри себя. Народ — аналогично.

7. И вот один чужак ассимилируется. Он говорит на местном языке, как на родном. Он женится на местной и называет детей местными именами. Он исповедует ту же религию и придерживается тех же обычаев. Взгляды, ментальность. И он в конце концов воспринимается как один из нас. Ну, просто другого происхождения, это бы-

вает, это не так уж важно, мало ли у кого какие были предки.

Если только — если только! — он не принадлежит к такому другому народу, который стал притчей во языцех и воспринимается уже как какая-то знаковая группа, символ каких-то качеств. Еврей, например. А если абыз или лаки? Э, наливай да пей.

8. А другой чужак остается при своей религии, обычаях, клане и имени. Цыган. Табор, одежда, украшения, гадание. И что он, когда-нибудь в таком антураже станет своим? С чего бы? Он сам хочет отличаться — ну и какает за чужого.

9. И вот бедный азербайджанец, наемный продавец арбузов, мокнет под холодным дождем у своей вольеры: вежлив, опаслив, милиции совать в лапу, бандюкам совать... Кто против? Никто не против. Человеку жить надо, семью кормить надо, арбузы продает, никого не обижает, и завидовать тут нечему.

И вот его хозяин вылезает из «мерса» и с выражением начальника жизни пьет чай за столиком перед кафе в компании таких же важных черноусых молодцов. На пальце гайка, на вые цепура, в бумажнике баксы, из салона музычка, менты прикормлены, жизнь удалась. И негодует прохожий люд: что за хренотень? я у тебя в Баку, или ты у меня в Москве? по какому это праву ты процветаешь в моем доме, где я еле концы свожу?!

То есть. Народ согласен прилично относиться к чужаку при условии: ты знаешь свое место и живешь хуже меня.

10. А если ты в моем доме живешь лучше меня — то вроде бы ты потихоньку сумел что-то у меня украсть и присвоить. Ты сумел занять пространство — экономическое, культурное, политическое, престижное — которое вообще-то хотел бы занять я. И занял бы, если бы оно было свободно.

Может, я на твоём месте был бы даже чуток хуже, чем ты. Ничего, все бы потерпели. Все равно бы все как-то было, и принадлежало своим, а не чужим.

Своим превосходством ты унижаешь меня дважды: как отдельный человек — ну, от этого никуда в жизни не денешься; и как представитель чужой группы — всю мою

местную, родную группу. Приперся откуда-то и на нашей же базе, на наших же деньгах, нас же используя — над нами же поднимаешься. И как это стерпеть?..

11. Осознаваемая национальность — это система. Надличностная общность со своими интересами и законами. Как любая система, она стремится быть мощнее, действовать активнее, преобладать над прочими.

Она согласна включать в себя новые элементы, если они служат ее интересам. И она не согласна уступать часть пространственной сферы своего существования другой системе — это ее умаляет, ограничивает, лишает полнообъемного существования в данном конкретном секторе.

Это может выглядеть аморально, но с системной точки зрения это естественно.

12. Если чеченец, гражданин России, стал чемпионом мира по борьбе — он симпатичен русским. Он выступал за нашу команду, за нашу страну, его успех пристегнулся к нашей славе. Лучше наш чеченец, чем чужой немецкий немец.

Что произошло? Перенос из системы национальности в систему государства. Это как бы разноуровневые системы. Одна проецируется на другую. Элементы одной в то же время являются элементами другой. Принадлежности к этим двум системам могут совпадать, а могут не совпадать. (Росси наш, русский, архитектор, хотя итальянской национальности; Сикорский наш, русский, авиаконструктор, хотя американского гражданства.) Полезный, служащий к нашему самоутверждению элемент мы считаем своим — делая для себя главной, решающей, ту систему, в которой он может быть сочтен своим, и отодвигая на второй, нерешающий план принадлежность его к той системе, по которой он не наш.

И Росси, и Сикорский усиливают нас как систему — хотя в первом случае это: система — государство, а во втором — национальность.

Товарища Сталина никто давно не воспринимает как грузина (да еще захватившего русский престол): государственное, русско-имперско-коммунистическое значение его личности несравненно главнее такой на его фоне мелочи, как грузинская национальность. Она даже вооб-

ще перестала восприниматься национальностью, а стала не более чем происхождением. Ну, индивидуальной особенностью.

Если еврей стал чемпионом мира по шахматам, скрипке или ядерной физике — он нам, в общем, симпатичен. Наш. Победил по каким-то объективным критериям, оказался лучшим, эта лучшесть в нашу пользу. Дать ему пряник, медаль и не обижать. Здесь у нас ничего не отнято (нет, ну раз он честно оказался лучше всех), а только прибавлено.

12-А. Смешанный брак. Они принадлежат к разным нациям, при этом любят друг друга и отлично живут. Хотя каждый продолжает недолюбливать народ другого.

Или — «у меня есть друг-еврей (армянин, чеченец, негр, араб), так он хороший, хотя вообще в основном они конечно того... ну, плоховаты».

То есть. Перевод человека (в твоём восприятии, твоих личных отношениях) из одной системы в другую. Из системы нации в более для тебя близкую, важную, конкретную системы твоей семьи или круга твоих друзей. Как бы он свой, просто другого происхождения, что маловажно.

Это ничего не меняет. Кошка может выкормить крысят и иметь их за членов своей семьи — что не помешает ей ловить прочих крыс и даже пытаться кормить ими свою семью.

13. Теперь представим себе, что весь Кремль занят грузинами. Крутыми и гениальными. Мы интернационалисты, но мысли зашевелиятся разные.

Они между собой говорят по-грузински. Если и нет, то их вполне логично в этом подозревать. Пьют грузинские вина. Может, больше водку трескают, но ведь и грузинские вина иногда. Женаты на грузинках — может, не все, но хоть кто-то. И внешность у них грузинская. Ребята, а чего это грузины нами правят, вообще-то? Умные? А мы что, идиоты?

Вот теперь, похоже, никуда не денешься от обращения к еврейскому вопросу, поскольку из всех национальных вопросов он какой-то самый навязчивый.

14. Плотно сидят! Пианисты, финансисты, доктора, профессора, театральные критики — и долго будешь искать трактористов и дворников.

Национализм — это когда одной национальности не всегда и не поголовно нравится, что на их исторической территории теплые места в изрядной степени заняты другой национальностью.

Вопрос: а может это нравиться? Или быть безразлично?

Ответ — см. выше: пп. 10—11. Не может.

Мы можем говорить о морали и справедливости. О пользе дела и о честных равных шансах для каждого. Но мы не можем переделать психологию человека.

15. Давным-давно, в одном далеком королевстве, приходит группа и говорит: можно мы у вас проживем? А на фига? А мы будем налоги платить, любую работу делать, вреда от нас никакого, а польза все же будет. Ну, живите. Только у нас своя религия. М-да? Ну ладно. И язык свой. Ну, ясно. И одежда традиционная. Ваше дело. И обычаи. Пожалуйста. Только вот что, ребята: земли вам не будет — на всех не напасешься, лишней нет. И равных прав не будет — чужие как-никак. И на профессии запрет: конкуренции нам не надо. И т. д. — дела известные.

В результате: чужие в доме.

Во-первых потому, что сами хотели. Талмуд цементировал еврейский народ, верность религии и обычаям позволяла ему не исчезнуть, не раствориться в окружающих.

Во-вторых потому, что любому народу потребен враг — не только внешний, но и внутренний. В образе которого персонифицируется причина разных неурядиц. Чтоб в случае беды не своей головой биться об стену, этот позыв человеку неприятен и от него пользы не предвидится — а по другой голове колышком наладить, глядишь что и поправится. Засуха, мор — ищи ведьму, ищи колдуна, жги их, проклятых; или жертву духам выбирай промеж своих. А если есть чужие — любому ведь ясно, что вредить чужие станут, своим-то и незачем: бей жидов, они казну обокрали, народ споили; кровь христианских младенцев выщедили и мор навели (читай Библию, это еще Моисей с египтянами сотворил).

В результате: если бить зайца — он выучится спички зажигать и на барабане играть.

Сунуть человека с младенчества на райский южный остров, где можно о пропитании не заботиться — и вырастет расслабленный полинезиец, получающий удовольствие от своей нехитрой приятной обеспеченности туземца.

А сунуть туда, где необходимо каждый день напрягаться, чтоб не сдохнуть в нищете, и защиты ждать неоткуда, и получишь ты все в последнюю очередь, и чтоб сравняться с другими — надо явственно показать все преимущества, и приходится быть умнее, и хитрее, и трудолюбивее, и выносливее... Короче, залог высоких спортивных результатов — постоянные тренировки с максимальными нагрузками, плюс сознание того, что деваться тебе больше некуда, а слабые и неспособные вольны подыхать, что и делают.

Века борьбы за выживание и генетического отбора — и вот вам чемпионы по выживанию.

И вот вам шутка эпохи демократии: «Нельзя предоставлять всем людям равные права, потому что первыми ими воспользуются евреи».

16. Замкнутый круг — а если хотите, диалектика: евреев не любят, потому что они активно проходят наверх в лучших местах — и под давлением этой нелюбви формируются характеры, способные проходить наверх в лучших местах.

17. И однако главная причина не в «национальной зависти», а в функционировании опознавательной системы «свой — чужой» и потребности в объединении через противопоставление себя другой группе. Если, скажем, в Забайкалье русские дети дразнят бурятских детей — то они им отнюдь не завидуют, а себя считают лучше во всем.

18. Состоящая из людей система переделывает внешнюю среду, противостоит внешней среде, структурирует себя и осознает себя в противопоставление внешней среде. Мы — и ландшафт, мы — и стихии, мы — и животные, мы — и Вселенная.

Нация — вид системы.

Национализм — вид противостояния системы тому, что вне ее.

19. Бывали времена жесточайшей расовой и национальной дискриминации. Поскольку человек всегда ме-

няет положение вещей, подвластное ему, с одного на другое (присущее стремление всегда изменять бытие), то сегодня мы имеем другую крайность: иногда даже простое упоминание о национальных различиях, даже упоминание самого факта национальных различий — в цивилизованном обществе может быть сочтено национализмом и осуждено.

Основной процент преступности в благополучнейшей Швеции дают выходцы из Африки и Азии, а также югославы и поляки. Упомянуть о каких бы то ни было национальных моментах в связи с преступностью там запрещено: это национализм.

Нельзя вот так прямо говорить, что традиционно бандитские кварталы американских мегаполисов — исключительно негритянские и пуэрториканские.

Нельзя говорить, что часто группы курдских и турецких подростков в немецких городах ведут себя просто провоцирующе.

Нельзя говорить, что суринамские кварталы Амстердама мгновенно превращаются в помойку.

Дошло до того, что практически нельзя уже говорить о грации чернокожих спортсменов: не то беда, что они обычно лучше сложены и красивее движутся, чем белые, а то беда, что упоминают о расовых различиях.

20. Мы живем в эпоху нового апартеида. Представитель национального или расового меньшинства должен обязательно присутствовать там или сям не в силу личных качеств, а лишь национальной принадлежности. Иначе взвоят о расизме или национализме.

По той же причине что-либо лучшее должно быть предоставлено, «при прочих равных условиях», в первую очередь представителю национально-расового меньшинства. И греметь о своих правах в этих случаях он научился.

Что в качестве реакции неизбежно дает рост национализма — в той скрытой форме, которая мостит дорожки маршам скинхедов.

21. Представитель нацменьшинства никуда не денется от того факта, что он воспринимается не сам по себе, но еще и как представитель своей нацгруппы. Что накладывает дополнительные обязательства.

Ты должен быть более порядочен и достоин, чем человек большинства. Любой твой грех и недостаток воспринимается как порок всей группы. Волей-неволей — ты отвечаешь за всех.

22. Необыкновенно глупа метафора «Преступник не имеет национальности» — как глупа в качестве рационального тезиса любая метафора.

Это означает: доблесть, подвиг, открытие — имеют национальность. А все плохое — нет.

Я русский, и горжусь. Пушкиным, Менделеевым, Гагариным, взятием Берлина и борьбой с татаро-монголами. Я причастен к этому — к делам моего народа. Но к русской мафии, пьянству и разгильдяйству, оккупации Прибалтики и войне в Афгане я отношения не имею — я решений не принимал, там не был и сам не пью.

«У победы много отцов, поражение всегда сирота». Избирательная причастность.

Ты можешь хоть треснуть — но другие воспринимают тебя причастным ко всем делам твоего народа. Если ты элементарно честен и не полный идиот — ты и сам себя таковым будешь воспринимать.

Нельзя быть беременным наполовину, нельзя выковыривать из булочки истории только изюм. Если ты — часть системы, каковой и являешься — так напрягись и осознай себя таковой.

23. Сегодня Россия воюет в Чечне за то, чтобы оставить Чечню в своем владении и подчинении. Чеченский народ может подтереться декларируемым в мире правом наций на самоопределение. Многие десятки мирных жителей Чечни погибли под огнем русских войск, деликатно именуемых «федералами».

Что отнюдь не противоречит тем фактам, что веками чечены были самым бойцовым народом в регионе и бандитизм по отношению к другим был доблестью. Что чеченцы не только храбры и мужественны — но и наглы, агрессивны и жестоки. Ну, вот такой в среднем национальный тип.

Сегодня нас призывают не быть националистами по отношению к чеченцам, но перебить всех чеченских боевиков. Как бы если ты за жизнь в составе России — ты чечен, а если против — ты резко теряешь национальность.

Этот фиговый листок из бредового сна никого не может обмануть и лишь способствует росту реального национализма.

24. Если упорно отрицать очевидное — тем тяжелее будет ситуация, когда очевидное отрицать не удастся. Вред загнанной внутрь болезни и так далее.

Гордость своим народом уже предполагает различие его от других. Причастность к одному народу — уже и хоть в какой-то степени непричастность к другому.

Невозможно любить всех одинаково и невозможно хоть кого-нибудь да не любить, ну хоть в каких-то ситуациях. А идеальных народов нет — зато у каждого есть свой народ.

Абсолютно лишен любого национализма может быть только стопроцентный и идеальный космополит. Если таковой и есть, то в жизни он практически не встречается.

Национализм — в той или иной степени или форме — естественная и нормальная черта любого нормального человека.

Вовсе не учитывать националистического начала в человеке означает делать элементарную ошибку и выдавать желаемое за действительное.

Декларировать, что национализм не должен быть, потому что он нехороший и поэтому не должен быть, а должен быть искореняем, уничтожаем и запрещаем — означает провоцировать рост национализма снизу и способствовать подъему разного рода фашистских движений.

Мы есть то, что мы есть. Терпимость, понимание и какая-то, черт возьми, дружба толком возможны только с учетом того, что и от национализма тоже никуда не денешься.

25. Национализм можно считать негативной формой национальной гордости. Или негативными проявлениями национальной гордости.

Все знают, что национальная гордость (это хорошо) отличается от национализма (это плохо), но провести между ними четкую грань невозможно. Одно потихонечку перетекает в другое.

Гордость включает в себя оценку каких-то своих качеств, а оценка возможна лишь при сравнении своих

качеств с качествами других: иначе откуда я знаю, что мои качества можно оценить высоко? высоко относительно чего? и есть ли мне вообще чем гордиться, если мне это не с чем сравнить? если любой другой то же самое сделает лучше?

И как только я чувствую (осознаю) себя лучше кого-то — я тут же полагаю тем самым кого-то хуже себя.

Прямая (позитивная) форма нацгордости — «я лучше», тут же косвенная (негативная) — «он хуже». Не говорю — так подразумеваю.

Запретить национальную гордость — означает заставить человека выключить себя из системы «моя национальность», «мой народ». Человеку это несвойственно.

26. И национализм может быть реакцией на собственный комплекс национальной неполноценности. Ну вот мой народ поотсталее других, меньший вклад в историю внес, бедноват и открытий не сделал. В таком случае превосходящий меня народ меня раздражает, доставляет дискомфортные ощущения, моя психология стремится от такого положения понятий избавиться, подсознание протестует, я начинаю тихо-скрыто ненавидеть другой народ за то, что само его наличие заставляет меня чувствовать (осознавать) себя хуже кого-то другого — и я ищу и придумываю другому народу недостатки, позволяющие мне чувствовать свой народ в чем-то выше и лучше.

Никакой демократией и снисходительностью это не исправишь.

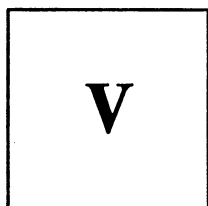
27. Национализм — это одна из форм неудовлетворенности человека существующим в реальности положением вещей. А такая неудовлетворенность свойственна человеку в сущности, по его устройству.

28. Человек как часть системы значительнее, чем человек как одиночка, индивидуум. Переводя недовольство с уровня индивидуального, личностного — на уровень национальный, системный, человек тем самым дополнительно поднимает собственную значительность в противовес дополнительному «опусканию» другого (чужого). «Украл вор» означает недовольство внутри национальной системы, недовольство индивидуальное. (Хотя в этот момент возникает противопоставление систем «честные» —

«воры», но опять же внутри системы национальной.) «Украл цыган (араб, еврей, негр, чеченец)» означает противопоставление не только на уровне индивидуальном, но и национальном — «он хуже не только потому, что падла, но и потому, что принадлежит к другому народу», а это уже гораздо значительнее, я лучше не только на личном, но и на системном уровне. А стремление к своей значительности, во всех формах и проявлениях, опять же свойственно человеку в сущности, по его устройству.

29. Человеку свойственны, среди многого прочего, определенные физиологические функции и их отправления, о которых не принято распространяться публично и нагружать ими окружающих. Хотя на медицинском уровне игнорировать их — безумие.

Все мы националисты. Сосуществование не должно игнорировать этого факта. Напротив — учитывать. Корректировать по возможности. Избегать оскорбительных форм. И т. д. «Направлять в мирное русло», но не пытаться вовсе зарыть это русло под предлогом нехорошести потока.

Грех

Человек грешен и человек несовершенен, и пусть много о себе не мнит и греховность свою изживает, осознает, кается, замаливает, в гордыню-то не впадает и к совершенству пусть посылно стремится. Аминь.

Из этого христианского тезиса следует масса интереснейших «нетрадиционных» следствий.

Первым делом из этого следует комплекс неполноценности и комплекс вины. А человеком с такими комплексами легче управлять, чем без них. Объясни ему, что есть Некто, перед кем он заведомо виноват — и он в конце концов спросит, что же ему делать, чтобы загладить свою вину. Внуши, что он не такой, как надо — и он захочет стать таким, как надо.

Комплекс как побуждение к действию: преодолеть его и избыть. Глубинная психологическая мотивация.

Можно избыть комплекс ритуалом: молитва, аскеза, воздержание, схима, обряд. Обряд — это «внутрирелигиозное действие»: я делаю это и это вот так и вот так исключительно для тебя, Высшее Нечто, чтобы с тобой договориться, обратить Твое внимание на себя, показать Твою власть над собой, понравиться Тебе — отнесись же ко мне хорошо и сделай так, чтоб я жил получше.

Комплекс вины порождает стремление к наказанию за эту вину: для уравнивания психики. Стремление к страданию. Самоограничения, воздержание, пост, молчание, вериги, власяница, нищета, бродяжничество, самобичевание. Я сам себя наказываю за то, что я плохой.

Страдаю — значит, искупаю вину. Какую? А если не просматривается? Подумай, подумай внимательно, всегда найдешь. Пастырь поможет.

Это все следствия интенсивные — кроме чувств, мыслей и тела самого «комплексанта» они никого не затрагивают. Но есть и экстенсивные.

Пожертвовать деньги на бедных. Строить по воскресеньям храм бесплатно. Сжечь еретиков. И все во славу Его и именем Его: Он тебя создал, ты Ему всем обязан — а перед Ним же виноват. Чем? Найдется. В конце концов, первородным грехом.

А можно захватить Иерусалим, перебить сарацин, снести мечети, построить церкви, изменить лицо части мира — и это будет хорошо. Изменяем мир в соответствии с нашими представлениями о Добре. Перережь их всех — и тебе спишутся грехи, ты будешь лучше и полноценнее.

Сделай человека виноватым и дай возможность искупить вину — и он перевернет горы. Христианство гениально. Грех как двигатель прогресса.

Но пока, казалось бы, ничего принципиально нового христианство не изобрело. В том смысле, что всегда были боги, и всегда одни поступки были им угодны, а другие — нет. Могли помогать и награждать, могли мешать и наказывать. Если христианский Бог автократичен — греческий Олимп как бы демократичен: товарищи там, наверху, посоветовались и решили, а вообще у них распределение функций и ответственности, мздоимство, интриги, подкомиссии и комитеты, лоббирование своих кандидатур. Какую религию ни возьми — с Верхним Миром надо ладить, подчиняться, угождать, угадывать Его желания и действовать в соответствии с ними: и тогда тебе будет хорошо, иначе — плохо. Покарает.

Любая религия объединяет народ единством представлений, суммирует его усилия и корректирует или просто направляет его действия. Одна из форм и аспектов системобразования общества.

Регулятивная функция греха. Ты должен поступать так-то и так-то, а иначе не должен, не то Сверху тебе вломят. Религиозная мораль.

Любая религия задействует понятие греха: Вина и Страх.

Многие религии рассматривают земную жизнь не только как низшую, что естественно, но и как горестную, грязную, суетную и в сущности не больно-то и нужную. И относятся к ней как к земному служению богам и прелюдии к жизни высшей.

Но только христианство утвердило изначальную, обязательную, исконно присущую человеку и неизбежную греховность — а жизнь расценивает как тем не менее пожизненное избавление этой неизбежной греховности. Был первородный грех? — молчи и тресни.

Н-ну — и что это значит? Что человек не идеален? Так это и так понятно. Понятно-то оно понятно, да не совсем.

Христианское утверждение имманентной греховности человека — это иными словами признание и утверждение того, что каков бы ни был человек — он все равно должен стремиться не к тому, что уже есть и он сам, и тем самым вообще все вокруг.

Имманентная греховность — это иными словами утверждение идеала всегда и в любых условиях.

Имманентное несовершенство человека — означает, что человеку всегда надо не то, что есть.

А еще иначе выражаясь: запас и избыток энергии в человеке долженствует ему всегда изменять себя и мир — изменять в принципе, таково его пожизненное занятие и предназначение.

Имманентный грех понуждает: переделывай! Себя и мир через себя.

Несовершенство как незавершенность, недоделанность — указатель на возможность и необходимость доделывания всегда.

И что будет конечным результатом вообще? Второе пришествие, Страшный Суд, воцарение Царства Его на земле. То есть: достижение идеала. Абсолюта, завершенность, совершенство, конец, смерть. Вот тогда будет искуплен изначальный грех, и все будет хорошо, делать больше ничего не надо будет, кроме как радоваться.

Это метафорическим языком религии. А прямым, как у пьяного римлянина, языком естествознания: тогда кончится Время, и человечество исполнит все, что могло, и совершит Максимальное Действие, и грохнет Вселенную, и в Большом Взрыве родится Новая Вселенная.

А монастыри, молитвы, обряды и храмы — это само-затратная часть религиозной составляющей всего человеческого механизма: с точки зрения энергоэволюции Вселенной она сбрасывается с КПД, не входит в КПД. Аналогично тому, как все энергетические затраты на производство автомобиля и перемещение его из точки А в точку Б — накладные расходы при перемещении собственно человека посредством сего мобиля на то же расстояние.

И не в том суть имманентной греховности, что ты прах и дерьмо перед Ним, что бы ни делал, — а в том, что *ты должен пахать и переделывать себя и мир, никогда не удовлетворяясь достигнутым.*

Утверждение имманентности греха означает имманентность идеала. Т. е. энергетическую неравновесность человека в мире, энергетическую избыточность, и этот избыток энергии являет себя в любых условиях и формах и всегда ищет приложения.

Недаром «условный святой» в христианстве близок к буддисту, входящему в нирвану: удален от мира, лишен желаний, как бы не имеет пола и возраста, ничего не делает и аж светится. Ушел.

Вот и мир когда-нибудь засветится небывалым светом. А до тех пор пахать придется.

Умопомрачение

Каждый человек совершает иногда идиотские поступки, но есть варианты.

Влюбленный глупеет, давно известно. Он волнуется, в мозгу его постоянно доминирует определенный очаг возбуждения, и эта доминанта гасит возбуждения других очагов — и влюбленный не может сосредоточиться, решить задачу, забывает одно и другое, и если прогнать его по тестам, у него может оказаться снижен коэффициент интеллекта.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Покой, безопасность, куча времени — человек может адекватно проанализировать ситуацию и принять оптимальное решение. А когда орут, стреляют, времени нет и гибель рядом — куча очагов возбуждения мешают друг другу, и дать доминанту на нужный участок мозгу трудно: вот тут нужно хладнокровие и быстрота соображения полководца. Кабинетный стратег в качестве строевого командира в бою может оказаться полным болваном. А позже может ясно видеть свои ошибки, и удивляться: как же так напортачил.

Короче, волнение может сильно снижать наши умственные способности. Нервный школьник у доски может быть дурачком, а в разговоре наедине — умницей. Сбивается очаг возбуждения.

Так что в жизни обычно преуспевает не тот, кто очень умен в спокойном неторопливом положении, но дергается в деле — а тот, кто в «экзаменационной ситуации»

может принять верное решение. Для сильно умного это решение — элементарно же, но в волнении он делает ерунду.

Но бывают гораздо, гораздо более интересные ситуации. Вот все спокойно. И человек не волнуется. И по большому счету в жизни чего-то хочет. И делает страшную глупость. И абсолютно не отдает себе в этом отчета. А время спустя вспоминает — и аж рот раскрывается: как он мог сделать такую глупость?! То есть:

Умный человек в спокойной ситуации часто совершает необъяснимую глупость вопреки собственным интересам.

Ощущение потом возникает такое, что какой-то участок мозга у него словно шторками задернули. Потемнение нашло.

Мы не имеем в виду цыганку, гипноз, уговоры, жульничество. Все чисто, все добровольно, без внешнего стимулирования.

Психолог и интеллектуал, большой интриган Березовский двинул в президенты Путина, хотя по психофизической фактуре Путина сразу должно было быть понятно, что первым делом он захочет убрать фигуры влияния и снять зависимость.

Грамотный партийный карьерист Горбачев начал либерализацию, хотя на примере даже современных лет Ирана и Польши было показано (еще два раза в истории), что структурно консервативная либерализация жестких режимов ведет к неконтролируемому развалу и перевороту.

Умные и образованные Гайдар и Чубайс скинули капиталы в частные руки, полагая, что с сохраненных командно-государственных высот будут управлять курсом реформ — хотя все всегда знали, что у кого бабки — тот и заказывает музыку (а иной вариант — это Гитлер, но никак не демократия, хотя и Гитлер был социалист).

А самый распространенный вариант — это когда *умный человек вдруг ляпает глупость*. И за язык его никто не тянул. То он с неуместной прямоотой огорчает хозяина отзывом об его обстановке. То бестактно шутит. То «режет правду-матку» о каких-то отвлеченных материях, которые его и волнуют мало, главное — что вразрез при-

митивных, на его взгляд, представлений собеседника: и видит, что огорчает его, и понимает, что зря огорчает, и не хочет этого делать, но вот само собой несет его.

Потом его могут не взять на работу. Или отказать в дальнейших услугах. Короче, вредит он себе. А когда ляпает — ничего не думает. А вообще умный. И даже, может, осторожный и хитрый. Но иногда ляпает. Мозги у него заедает.

И не болтун. Нормальный. И не злоязыкий. А ляпает.

И напоминает это вот что. Словно встроено в человека регулятор, который не дает ему подняться в жизни выше (т. е. сделать больше) некоего определенного уровня.

Такой регулятор может работать разными способами. Семейные неурядицы, мешающие работать. Несчастные случаи. Болезни не вовремя. Разнообразные совпадения. Короче, невезение. Удачи нет.

Удача — вещь серьезная. «Велика ли его удача?» — интересовались викинги о предводителе. «Удачлив ли?» — спрашивала анкета английских капитанов.

Способен, умен, храбр — но неудачлив: а вот, значит, по количеству и качеству общей энергии твоей — не делать тебе этого дела. Не карма. Не судьба. Понимаешь, умеешь — но объективно не можешь.

Акт временного умопомрачения — это самоограничение человеком уровня своего действия. Сбой в работе центральной нервной системы — мол, я уже близ своего потолка, надо попридержаться, спуститься немного, выше мне не надо. Это не глупость. Это особый род стресса — подсознательный, нефиксируемый раздрай и перенапряг психики. Это означает: сядь, расслабься, то, что ты по большому счету задумал — тебе не по плечу, ты этого побаиваешься, тебя тянет пониже и погарантированной. (Повторяю — речь не о глупости, не о хвастовстве, не о конфузах типа «с языка сорвалось» — мера своего идиотизма становится понятна человеку только днями, или даже годами, спустя: он спокоен, говорит обдуманно.)

Самая распространенная форма «ляпанья» — неуместная откровенность. Или интеллект-творец рассеян и забывает контролировать свою речь, неумышленно врезая собеседникам меж глаз и ног. Или туповатый не улавли-

вает реакции собеседников: он вообще умный, у него просто «чувство партнера» слабое. Или человек просто чувствует, как ему «вожжа под хвост попадает». Но факт один:

— он бессознательно производит на собеседника впечатление, обратное тому, которое хотел бы произвести сознательно.

Падла, он устал притворяться, устал унижаться, у него уже неврозик от этого! Подсознание шепчет сознанию: «Спи, моя радость, усни, все спокойно...» — а речевому центру велит: «Вломи-ка этим сукам, отведи мне душеньку!» А потом подсознание — юрк в норку! — а сознание ужасается: «Господи, что ж это я наговорило?»

В состоянии тихого умопомрачения человек абсолютно перестает соотносить свои поступки с их вероятнейшими следствиями. Он идет на автопилоте. Он видит только данный ход на доске, и сам по себе ход нормален. Причинно-следственному аппарату предвидения не хватает энергии для работы. Это — синдром скрытой усталости. Человек еще думает, что он идет к цели — а на самом деле его хитроумный мозг уже отказывается к ней идти, он хочет покоя, он чувствует себя перенапряженным. Не сейчас перенапряженным, а всей жизнью последних месяцев.

Акт умопомрачения — это подсознательное стремление к поражению (на энергетическом уровне).

И что характерно — подсознание норовит договориться с сознанием, чтобы акт умопомрачения не был замечен, зафиксирован. Сознание хочет быть спокойно: мол, я делаю то, что надо, что хочу и наметило, никакой раздвоенности. Поэтому всплывают в памяти такие акты и осознаются поздно и редко. Чтоб невроза не было по возможности.

ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ

«А чтоб вы все сдохли!..» Это, скорее, пессимизм. Хотя выражает не столько прогноз, сколько пожелание.

Оптимизм — это уверенность в лучшем, а пессимизм — в худшем. Обычно считают так. Кто чего ждет от завтра.

«У одного вид пропасти рождает мысль о мосте, у другого о бездне». Это оптимист и пессимист на прогулке. Активно-уверенное и пассивно-безнадежное отношение к жизни.

Но. Но. Строго говоря, оптимист и пессимист различаются только в одном — взгляде на сроки конца света. Миллиард лет — оптимист, завтра — пессимист. Разница получается непринципиальная, а результат один.

Логической аргументацией можно доказать что угодно. Что мы живем в лучшем из миров и в худшем из миров. Что жизнь прекрасна и жизнь ужасна. Что всегда есть для чего жить, и что жить вовсе не для чего. И что?

Единственно основательное, что осталось в философии от XX века — это экзистенциализм. Он чего? Он учил, что жизнь — это страх и трепет, одиночество и бессмысленность. Для этого надо быть философом? «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг — такая пустая и глупая шютка». Лермонтов, 1839 год, образование — юнкерское училище.

Найдите хорошего психоневропатолога. Предположим, вы счастливчик, сапер-кладоискатель, и вам это удалось. И пожалуйста ему, что вас мучит беспричинный страх, грызет одиночество, и жизнь кажется вам бессмыслен-

ной. Отсыпьте ему презренного золота, не то он вами толком не займется. И тогда он потрет руки, облучит вас доброй крепкой жизнеутверждающей уверенностью во всем хорошем и предложит рассказать о детстве. И сунет вам в руку электрод, а вторым начнет тыкать в разные точки вашего тела. И обведет контур на бумажке. И если он действительно чего-то стоит, то проверит еще все рефлексы и пошлет на все анализы. И уяснит, как вы спите и что едите, и с кем спите и занимаетесь ли физкультурой, и есть ли дети и сволочь ли начальник, и много ли вас дразнили и били в школе, или наоборот — вас все любили, зато отец пил, и мать пела, и дедушка был паралитик. Если вы найдете такого врача — вас можно смело посылать на поиски Святого Грааля.

И он вынет из вас комплекс вины и объяснит, что вы ни перед кем не виноваты и никому не должны. И сделает пассы и накачает энергией. И отсыплет таблеток и пилюлек, прописав по схеме. Антидепрессантов и транквилизаторов. И расскажет про режим дня, водные процедуры, здоровый секс, религию и экстремальные виды спорта.

Потому что он будет иметь вас за больного человека, которого надо лечить от депрессии. И если он — супер, то сумеет откорректировать биохимию снабжения мозга, и у вас исчезнет страх и безнадежность, а появятся наглость и веселая жадность. Правда, таких врачей почти совсем нет. Совсем почти совсем.

Что означает одиночество, на котором скорбно и стоически держится экзистенциализм? Что человек недоволен своим мироощущением, ему дискомфортно, он хотел бы иначе: чтобы его больше понимали, больше любили, больше разделяли все его нужды и чувства, чтобы другой человек, или несколько, или много, жили и все чувствовали с ним в такт, в резонанс, в унисон. Чтобы он явно ощущал и сознавал себя воедино с другим / другими. А поскольку, судя по опыту, это невозможно — жизнь печальна и гадка.

А что вы скажете о человеке, которому обрыдла казарма, общага, кубрик, фирма, город — и который жаждет одиночества и наслаждается им? Что скажете о хуторах-бирюках, схимниках, пустынных, путешествен-

никах-одиночках? Которые почитают одиночество за дар и благо?

Жизнь бессмысленна, горько констатирует экзистенциалист. И ему машет из окошек полная палата суицидников в дурдоме. А вы седуксен принимать не пробовали, интересуется дежурный врач?

То есть. Человеку плохо. Причем беспричинно плохо. Вроде все и ничего, а вроде ничто и не радует. Сплин. Если у него энергии и денег много — он может полезть на Эверест или на плоту пересечь океан. Но у депресантов энергии обычно мало. Шевельнуться ему трудно. Неохота. Лень. Западло. И тогда он начинает думать, почему ему плохо. А поскольку у него лично все неплохо, кроме настроения, он быстро приходит к выводу, что просто жизнь дерьмо в принципе. А те, кто этого не понимает — тупые, ограниченные люди.

Экзистенциализм как порождение депрессии и психастении. Экзистенциализм как философия пессимизма.

Если человека не устраивает мир — это нормально. Но следствий из этого основных выводится три.

Первое: прогибаю мир под себя. Изменяю в соответствии со своими представлениями о том, каким ему быть, чтоб мне было лучше.

Второе: прогибаю себя под мир. Что есть, то и есть, и все это совеем неплохо, иногда хорошо и даже здорово, ведь счастье — оно не снаружи, а внутри меня.

Третье: констатирую, что мир меня не устраивает, и анализирую, почему и не может устраивать: ведь если подумать — что ни делай, а все равно мне плоховато. Третий вариант самый легкий. Незатратный. Делать ничего не надо.

Пессимист — это сочетание пониженной энергетики с вялым же интеллектом, который базируется тоже ведь на энергетике. А экзистенциалист — это сочетание пониженной энергетики с развитым интеллектом: думать легче, чем действовать.

Экзистенциализм — это идеология интеллектуализированной низкой энергетики. Интеллектуализация невроза.

Шутка бывает точнее многонаучных выкладок. Оптимисту клопы пахнут коньяком, а пессимисту коньяк пах-

нет клопами. Логически безупречное построение, опровержению не подлежит.

Обычно когда женщина рождает, она клянется себе, что делает это в (первый и) последний раз. Боль, потрясение, кошмар, да не хотела я этого никогда и никогда не захочу, да какой смысл, такой ценой, сейчас умру, перенести невозможно, спасите, мама!!! (Ну, без наркоза и обезболивания вообще, по-природному, типично.) Проходит короткое время — и это состояние словно начисто улетучивается из памяти, и все кажется ничего, и дети — это чудо, и все снова. Биохимия снабжения мозга разная при родах и до-после.

Как два разных человека.

Экзистенциалист — это роженица со стойким остаточным родовым комплексом, только без ребенка. Ужас родов при отсутствии плода.

Поскольку наша жизнь есть то, что мы о ней думаем — не важно, что будет завтра, а важно, как мы будем себя чувствовать. Можно и хакакири сделать с радостью, явив себе, людям и богам мужество, твердость и верность долгу: высшая точка жизни, боли несколько секунд, а остальное навечно.

Оптимизм — это не прогноз, а мироотношение. А все равно жизнь неплоха!

Когда я слышу про страх и трепет, одиночество и бессмысленность, передо мной встает свирепый и жизнерадостный сержант, который вопит про наряды, сортиры, турник и километры гусиным шагом. И огромный, бесстрашный, немый викинг, первый боец Европы, победоносный предок бедного вырожденца Кьеркегора, бюст которого копенгагенские студенты почему-то регулярно закидывают яйцами. Чего боишься — то и после смерти получишь.

Одиночество и бессмысленность означают: мне дискомфортно, но я (... цепь рассуждений ...) не делаю ничего. Что тебе дискомфортно — это нормально, не в раю. А что ты ничего не делаешь, а только анализируешь причины и теоретизируешь — это не более чем один из вариантов реакции на дискомфорт; не основной вариант, не первостепенный, но также возможный; и даже полезный и объективно необходимый как один из аспектов

познания, осмысления мира по всей сфере мысленных ходов постижения.

Пессимист-страдалец, человек пониженной энергетики, удовлетворяет свою потребность в ощущениях в основном в отрицательной половине эмоциональной сферы. Оптимист — понятно, более в положительной.

Если страдание — это побуждение, стимул к действию (избавиться!), то пессимист — это вариант, когда стимул наличествует, но не срабатывает. Ну, пар в котле есть, а трансмиссия сломана, или колеса отвалились. С точки зрения суммарных действий человечества — неизбежный процент брака. А с точки зрения знания (которое — сила) — взгляд на предмет с изнанки, с другой стороны: а мало ли что там, вдруг пригодится.

А оптимист (иной тип психики, иные нюансы биохимии) иногда не прочь увильнуть от действия таким образом, что не страдает там, где большинству плохо. А ему и так хорошо! Жизнерадостный бомж — это другая крайность, можно сказать — иной тип брака.

Логически два подхода равноправны, но для счастья (.....).

Культура как знаковая система

1. Определений культуры имеется около четырехсот. Придется оговорить собственное.

В широком смысле слова: *культура — это совокупный продукт человеческой деятельности, отделенный как объект от создавшего его субъекта.*

Когда понятие «культура» отграничивается от «цивилизация» и даже противопоставляется ему — оно сужается специфически. В этом случае под цивилизацией понимается совокупность продукта, имеющего прикладное значение. Т. е. все, что умышленно нацелено на максимальное удовлетворение потребностей первого порядка. Жилища и рабочие строения, средства транспорта и связи, одежда, пища, уход за телом и т. п. Науку также правильно отнести к цивилизации, ибо прямо или косвенно она сказывается на материальной жизни.

Культуре остается: прежде всего искусство; такие гуманитарные науки на грани искусства и волонтаризма, как история и философия; религия; мораль. Что называется обычно — духовный мир, примерно так.

Материальные объекты культуры: храмы, иконы, картины, книги, музыкальные инструменты, украшения для тела и интерьера.

То есть. Материальные объекты культуры — это материальная объективизация духовных ценностей. *Материальный объект культуры — это объектный носитель ее духовной сущности.* Ценность вазы не в том, что цветок воткнуть можно — он и в бутылке стоит — а в ее

форме, росписи, качестве фарфора, клейме мастера и т. п. Молиться можно и в шалаше, но строим Кельнский собор. И т. д.

Характерным особняком стоит архитектура. Вообще — она прикладная и базируется на науке и ремесле. Бетонные коробки — не культура, хотя удобства в них — высокая цивилизация. Когда явную роль в конструкции начинает играть момент материально необязательный и для прямого использования здания излишний — эстетический — мы говорим об архитектуре как искусстве.

Итак. В противовес цивилизации *культура не имеет прямого прикладного назначения*. В основе ее не лежит необходимых для прямого выживания ценностей.

В узком смысле слова: *культура — это совокупность духовных ценностей* (человека, народа, этноса, человечества). Эта формулировка плоха тем, что ничего не объясняет. А что такое «духовные ценности» и что к ним относится? Перечисление уже было.

Культура — это часть совокупного продукта человечества, не имеющая первичного прикладного значения и являющаяся прежде всего и преимущественно эстетическим объектом и предназначенная для психического восприятия с целью расширения и обогащения ощущений и представлений о жизни и мире, то есть расширяющая субъективный мир потребителя. (Так и хочется добавить: «Без конкретной пользы для него». Хи.)

Вот такое определение будет довольно корректным. Хотя и по-академически тяжеловатым. И можно сказать иначе. Короткими внятыми фразами. Зато их будет несколько, одной не обойдешься.

Культура — это одна из форм коллективного сознания.

Она объективна в том смысле, что ценности ее — общие для многих или для всех.

Она субъективна в том смысле, что существует только в сознании воспринимающего субъекта, и исчезает в отсутствие воспринимаемых. Уничтожь человечество — исчезнет его музыка и т. д., некому будет воспринимать значки, обозначающие акустические волны определенной частоты.

Она доставляет эмоции, которые могут быть и близко никак не связаны с собственной жизнью субъекта. На-

ведение эмоций как культурный феномен. Эстетика называется. О! О!

Сидишь сиднем в четырех стенах: книги, картины, музыка — и, коли ты крутой эстет, эмоций у тебя больше, чем у путешественника, который пешком вокруг света обошел. Гм. Это получается типа рода наркотика. Только наркотик любой козел потребить может, а для утонченного кайфа эстета нужна глубокая подготовка. Ага. Подготовка. Без подготовки не потянешь, в культуре своя система, свои условности.

Культура как система условностей.

Однако зайдем с другой стороны.

2. Есть Бытие-вне-нас и есть Бытие-внутри-нас. (См. одноименную главу.)

Что бы ни делал человек — он переструктурирует бытие. Но поскольку сам он не может выйти за рамки самого же себя, т. е. своего сознания — он всегда и неизбежно имеет дело с бытием, которое его сознанием воспринято и отражено: с Бытием-внутри-нас.

Это Бытие-внутри-нас может совпадать с Бытием-вне-нас. И тогда человек переструктурирует объекты, существующие вне его, отдельно от него и независимо от него. А может Бытие-внутри-нас и не совпадать с Бытием-вне-нас. Вот для нашего сознания что-то есть — а вне нашего сознания этого «чего-то» нету; или скажем иначе — вне сознания нашего и прочих потребителей этого субъективного «чего-то».

И вот тогда мы говорим о культуре.

Шерлока Холмса никогда не было. Но в сознании каждого он есть, хотя все знают, что это выдуманная, реально не бывшая личность. Создавая Холмса, Конан Дойль делал новое в нашем внутреннем бытии, хотя абсолютно ничего не сделал в бытие внешнем, материально-объектном. А сегодня для многих читателей нереальный Холмс куда реальнее бывшего реальным Конан Дойля. Для некоторых читателей Конан Дойля вообще как бы не было: они видели кино и понятия не имеют об авторе. Да и плевать на автора.

Бытие-внутри-нас может иметь для нас большее значение, чем Бытие-вне-нас. На «Ромео и Джульетте» слезы удерживают — а про постоянных самоубийц из-за не-

счастливой любви знать не хотят, и не колышет их, раздражает, докучает. Для их внутреннего мира важнее то, что выдумал давно умерший Шекспир, чем происходящее в соседнем подъезде. То — культура, а это — уголовная хроника.

Культура — это часть структурированного Бытия-внутри-нас, не существующая как Бытие-вне-нас.

Субъективное. Имеющее значение только для нас. Созданное специально и только для того, чтоб мы это включали в свое сознание, восприятие, и получали от этого ощущения, и имели с этого какие-то мысли, и жили какой-то наведенной, внутренней, вне прямой связи с реальностью, жизнью.

3. Для чего существует культура? Вот в чем вопрос, да?

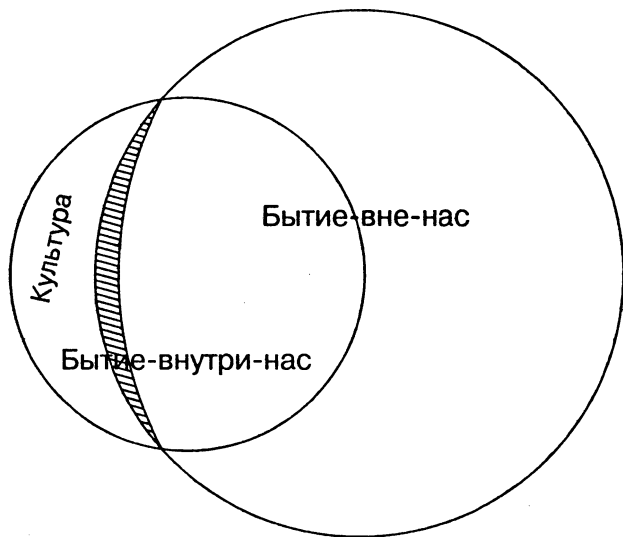
Нет, а не да. Вопрос неправомерен, поставлен неправильно, ошибочно, некорректно. Не «для чего», а «почему»?

Потому что сущность человека — переструктурировать Бытие. Это как шелкопряду нить выпускать. А переструктурирует он — Бытие-внутри-нас, потому что для него оно — первичное, главное, доминирующее, включающее в себя и Бытие-вне-нас. И переструктурирует он все, что имеет. Все, до чего может дотянуться. Ему по фигу, уголь рубить или стихи писать: и то и другое для него действие, расход энергии, изменение мира, приложение возможностей, самореализация, делание мира таким, каким он до него не был — изменение мира совершено, оно намечено сознанием и зафиксировано в нем.

И если писать стихи труднее, и способностей для этого требуется больше, и денег и славы от этого больше, и возникает в сознании автора, а желательно и читателей, желательно всех, что вот свершение в духовном мире явлено — ну так куда важнее писать стихи, совсем не нужные для жизни, чем рубить уголь, необходимый для жизни. Стихи не нужны природе, частью которой является человек. Но нужны человеку, для которого природа является лишь частью его внутреннего мира, Бытия-внутри-нас.

Для человека Бытие-внутри-нас больше Бытия-вне-нас. Бытие-вне-нас он включает во «внутри» путем познания и тогда переструктурирует. А еще он переструк-

турирует остающееся свободным пространство сознания, структурируя его «с нуля» и создавая во внутреннем мире то, чего не было вообще. Вот это и называется «культура» в узком смысле термина.

4. Создание материальных носителей культуры мы здесь не учитываем, ибо оно не первично и не принципиально. Хотя можно заштриховать узкий серпик на границе кругов.

5. А далее, ребята, вот такая интересная и принципиальная штука.

Объем Бытия-внутри-нас для конкретного человека — величина более или менее постоянная. (Информативная емкость мозга.)

Мозг устроен так, как он устроен. Объем и степень его возбуждений от культурной подготовки не зависят. Тип нервной системы не меняется. Меняется только система раздражителей, развитая у людей культурных в сторону условных сигнальных систем. Искусств, то есть, и прочее. Дикарь будет переживать по другим поводам и пускать энергию центральной нервной системы в других направлениях — след вынюхивать или дубину камушком полировать.

Русские и европейцы любят твердить о тупости американцев. Правда, большинство нобелевок у них. Они не тупые, не надо песен. Их внутренний мир просто больше занят профессией и бытом: они больше работают, большего достигают в деле, — и богаче живут, потребляя больше всего. Их внутреннее бытие в основном занято внешним, очень большое совпадение.

И вот культура съезживается на периферии, принимая форму примитива и начетничества. Человек может знать — из телевизора и газет — по паре фамилий композиторов, писателей, художников, и это позволяет ему считать себя культурным человеком. Какая культура у затурканного клерка, делающего бабки по маленькой? А тоже хочет уважать себя.

И появляются адаптированные проспект-издания классики. «Война и мир» на двадцати страницах. Музыка, спортсоревнования, исторические герои — все есть, просто очень кратко и примитивно.

Структура культуры сохраняется.

6. Вот мы и подошли к структуре социокультурного пространства,

Современный цивилизованный человек твердо знает в этом плане две вещи.

Первая. Его народ — не дерьмо, и в культуре в том числе. Может, не все главные мировые гении были у его народа. Но тоже были, и неслабые.

Вторая. В любом деле вообще, в любой сфере культуры в частности, есть самые талантливые и крутые, и есть просто мощные и знаменитые, а ниже уже те, кто помельче.

Мы можем назвать это структурным архетипом культуры, если кому нравится Юнг. А можем назвать мифологизированным сознанием. А можем еще много как. А можем обойтись без терминов.

И для простоты взять тех же американцев, охаянных интеллектуалами от культуры, и обратиться к американскому рынку русских художников, скажем.

Рынок — он обладает таким параметром, как емкость. Так вот, емкость американского рынка русских художников — десять человек. Может, восемь или двенадцать, не суть. Но. Но. Одиннадцатому уже нет места! И если

он хочет утвердиться — вольно или невольно ему придется вытеснить одного из тех десяти. Вытесненный — не хуже пришедшего и остальных! Ну — или надоел, или в моду не попадает, или с имиджем промахнулся, но — нету ему места, нету! Разве что на редкого любителя — и уже за куда меньшие деньги.

Другой пример. Званный обед. По люксу. Сто гостей. Все супер. И сто блюд. Но столько не сожрать. Каждый надкусит от силы по тридцать. И через пару обедов строится рейтинг блюд. Шкала спроса. Топ-десятка — на всех. Следующая — восемьдесят порций. Третья — шестьдесят. Восьмидесятое блюда едят двое, девяностое — один, сотое не жрет никто. Управляющий считает бабки. Двадцать последних отбрасывается. Еще полста — минимальные количества. Через десяток обедов количество блюд уменьшено до оптимума — пять коронных, десять второразрядных, еще десяток по мелочи. Прочее — ешь себе в другом месте, не за главным столом.

За этим вот столом вкушают национальную культуру.

7. Итак. Культурный рынок имеет определенную емкость. А где начинается этот рынок? В голове. Сфера культуры в сознании имеет определенную емкость. Скажем:

Любитель поэзии может потребить за раз сто строк хороших стихов. Дальше наступает насыщение и пресыщение, эмоциональный ресурс израсходован, восприятие притупляется: тысячу строк стихов за раз — это уже перебор, это уже не эстетическое наслаждение, а работа рецензента. (Аналогично тому — сеанс дегустации духов: три запаха — а потом «нюх заваривается».)

Или — любовь: если ты уже полюбил одного человека, «отдал ему сердце», что называется, — то второй, следом встретившийся, ничем не хуже первого, твоих чувств в равной мере затронуть уже не может: заняты чувства, с другим связаны. Такова психология: одна любовь необходима — а две равных сразу невозможны.

В любой сфере сознания человека есть иерархия доминирующих величин и ценностей.

Ну так это касается и культурных сфер. В любом искусстве, в истории любой отрасли человеческой деятельности, в любом обществе и группе — непременно своя иерархическая структура.

Иерархическая структура сознания.

Восходит это к инстинктам — и к общему устройству бытия.

Про инстинкты. Вот — семья. Отец — главный: повелитель — и одновременно защитник от всего, опора и гарант жизни. Вот — группа: и в ней выделяется лидер (со сходными функциями) и перворанговые особи — бойцы, кормильцы, подчиняются лишь лидеру, после него повелевают остальными, жрут лучшие куски — но и удары извне принимают на себя. Подобная структура у многих животных складывается сама собой — в инстинкт особи вложено стремление складывать с себе подобными систему. — — *Системообразующая структура психики.*

А теперь вспомним пифагорейцев, которые вслед за Учителем не без основания полагали лежащим в основе мироздания Число. Их сейчас как-то не стремятся понимать, лишь «перечисляют» в ряду истории философии. А ведь их подход последующими не отменим. И что они пришли однажды в панику, уткнувшись в необходимость иррациональных чисел, до которых еще не додумались — это ведь сути не меняет. Гениального Пифагора надо понимать так: в основе мироустройства лежат закономерности, которые на самом всеобщем уровне могут быть выражены численными соотношениями между материальными объектами и процессами. То есть материя изменчива и преходяща — а управляющие ее существованием законы вечны и неизменны: и познаются и выражаются те высшие законы, суть мира, через математический аппарат. Что мы и имеем по сей день. Когда Ньютон открывал и формулировал Всемирный закон гравитации через математические символы — это тоже была дальнейшая работа с Числом, лежащим в основе мироустройства.

Вот греки и определились с числом «семь», скажем. Семь великих мудрецов, семь чудес света и т. д. Почему не шесть или восемь, ведь нет четкой границы между последним вошедшим в семерку и первым из невошедших? А — хватит. Как раз. Исключительного не может быть много. А вот немного исключительного — нужно, лучшее нам нужно, нравится, хочется, для него место в сознании готово.

В обыденном сознании мы отходим от выглядящего наивно-дидактическим образом семьи или стаи, равно и как от

категорично-конкретной семерки (тройки, девятки, дюжины). Но ограничение по количеству сохраняется, и потребность в иерархии объектов и ценностей тоже сохраняется.

— И мы весьма строго и стройно организуем Пантеон своего культурного сознания — своего коллективного социокультурного пространства. В этой казарме — свое равенство коек и свое количество мест.

Вот — пьедестал для Номера Первого. Он — Основатель. Отец. Лидер. Главный Гений этой комнаты. Повыше всех других. В центре. С нимбом.

Вокруг — гении первого ранга. Столпы. Светила. Маршалы вокруг императора. Свершители. Талантища.

Уровнем ниже — крупные таланты. Настоящие творцы. Значительные личности. Полковники, генерал-майоры, каждый из которых вне такой конкуренции может составить славу отдельного Пантеона.

А дальше и ниже стоят скамейки для публики помельче. Ее не всегда заметно по темным углам. То луч на такой личности — а то ушел в сторону.

А там и дверцы в незаметных панелях. Кого-то вынесли, кого-то внесли.

Готово? Пьедесталы расставлены? Заноси!

И вот начинается ругань и давка.

8. В культуре плохо обстоит дело с объективными критериями, зато хорошо — с желанием каждого человека и народа быть покультурнее (позначительнее) в собственных глазах. Поэтому обычно строят два Пантеона — собственный, «национальный» — и мировой, общий. Свой к глазам поближе — мировой подальше: происходит перспективное искажение величин, двойной стандарт.

Вот литература — разумеется: один из главных аспектов культурности. Грузия — Руставели. Украина — Шевченко. Польша — Мицкевич. Узбекистан и Иран — Хайям. Швеция — Стриндберг. Россия — Пушкин. Греция — Гомер. Италия — Данте. Франция — Гюго отталкивает Вольтера и Рабле. Германия — Гёте. Англия — Шекспир. Это — домашние Пантеоны.

В общем, мировом, выходит так: в центре и выше прочих — Шекспир. Чуть ниже на пьедестале — Гёте и Данте, а почетным особняком, победитель забега ветеранов, — Гомер, Гомер. Поблизости, на перворанговых пье-

десталах — французы и Хайям. Стриндберга заметить можно, Руставели нужно долго искать. Славяне, первые номера своих Пантеонов, увы, не просматриваются. Хотя хорошо заметны перворанговые дома русские Толстой и Достоевский, и даже Чехов. Хотя уступают Диккенсу, Гюго и Бернарду Шоу. А где же великие Якуб Колас и Тамсааре? Про них швейцар не слышал.

Литературные оценки страдают субъективизмом? Возьмем более объективные величины из области, казалось бы, реальной, — истории. Для лучшего рассмотрения — из ближайшей, новейшей истории.

Вот II Мировая война. Вот знаменитое сражение при Эль-Аламейне. Для англичан оно вроде Сталинграда. Немецкие потери убитыми и ранеными — 8 000 человек. Их потери в Сталинграде — 350 000 человек. В масштабе — ничего общего. Но должны же англичане объяснить себе и миру, что это они выиграли войну — в воздухе, на море и на суше.

Лучшие асы-истребители русских, англичан и американцев по числу сбитых ими самолетов в Люфтваффе вообще не были бы заметны среди прочих: 30—50 побед против 200—300. Но герои выбираются из тех лучших, которые есть. Запомните эту простую формулу:

Герои выбираются из тех лучших, которые есть.

Она применима ко всему в культуре. **Ко всему.**

9. Что произойдет, если завтра из нашей культуры — из нашего сознания — исчезнет Шекспир? Вот не было! Но — *первое место есть всегда*. Так на нем окажется Гёте или Гюго, скажем. И получают дополнительную дозу лавров. В их сочинениях не изменится ни одной буквы. Изменится их позиционирование в нашем сознании, в нашем социокультурном пространстве.

10. Простой народ Пушкина не читает. И вообще почти ничего не читает. По статистике — даже дюдииков на душу населения мало читает. Но твердо знает, что Пушкин — это наше солнце и наше все. Откуда он это знает? И очень просто:

- а) должен же быть у нас супергений;
- б) это все знают;
- в) нам так сказали и продолжают говорить.

То есть:

а) есть место для Номера Первого в нашем социокультурном пространстве, уготованное структурой сознания;

б) компетентные специалисты, уважаемые знатоки истории и литературы, ставят его на это место: а кого еще-то? все верно.

Гения может оценить только гений. Остальные принимают оценку к сведению и вере. А еще есть те, кто эту оценку выносят и утверждают. Пиарщики и имиджмейкеры — «позиционеры». Профессиональные диспетчеры социокультурного пространства.

11. Возвращение в русскую поэзию Гумилева как-то вытеснило с места первого поэта эпохи Блока. Утверждение Бродского — решительно спихнуло с верха Евтушенко и Вознесенского. Боливару не вынести двоих.

12. Пикассо, много лет Первый Художник XX века, был гениальным саморекламщиком. Пардон: грамотно себя позиционировал. И все знали: коллаж-примитив «Герника» есть великое произведение искусства. Умер старенький Пикассо. И как-то все больше предпочитают ему Дали. Клоун знатнейший! — но картины выглядят искусством гораздо больше концептуальных композиций его земляка Пабло, мастерство и мысль более явны.

13. Все знают, что Первым Ученым XX века был Эйнштейн, хотя практически никто, кроме физиков, не испытывает желания, не говоря об отсутствии возможности, вникнуть в суть теории относительности. Это неважно, что он сделал — все знают, нам сказали, мы верим. Кто-то должен быть первым гением.

Знак! Есть знак в социокультурном пространстве! Фамилия, свершение, суть — переменны, не принципиальны. Номер Первый, и номера вторые, и прочие — предусмотрены структурой. Чем и кем именно наполняются клетки этой структуры — непринципально. Принципиально их наличие и расположение.

14. Бездарный и беспрецедентно жестокий маршал Жуков не оставил после себя ни одной сколько-то самостоятельной и ценной военной мысли, не спланировал и не провел ни одной операции, где хоть какую-то роль играло военное искусство, переигрывание врага полководческим умением. Только подавляющим преимущест-

вом в живой силе, технике, боеприпасах, топливе. Только гибелью своих солдат многократно большей, чем у врага. Бесспорно умел одно: беспощадно добиваться исполнения любых своих приказов, невзирая на любую бессмыслицу и кровь. Но России нужен великий полководец в выигранной войне! Сознанию народа нужна персонификация славы! И вот стоит конный памятник Жукову на Манежной. Ибо в структуре социокультурного пространства необходимо конкретизировать этот знак.

15. Социокультурное пространство мифологично. Его структура задана спецификой нашего сознания. Его пьедесталы-клеточки-знаки существуют независимо от конкретных личностей и событий, значащихся на них.

Есть **Знак Отца**. Он сильный, умный, значительный, охранительный, и — добрый и любящий, даже если суровый и способный на поступки неоднозначные. Его нельзя не любить и не уважать. Потребность любить и уважать заложена в человеке — так на кого же обратить эти чувства, если не на него. Говорить плохое об Отце — это плохо: это оскорбление, святотатство. Любя и уважая, мы хотим видеть в нем только хорошее. Все поступки трактуем к его достоинству. А скверного знать не хотим. Даже если оно есть — говорить о нем не надо, это плохо, неправильно.

Поэтому мы складываем миф. Вернее — он заранее существует в сознании. Мы просто подгоняем под него конкретику Номера Первого.

Есть **Знак наших**. Друзья. Родня. Помогут, поддержат, они лучше чужих. Не безупречны. Но тоже хорошие. Лучше чужих, хотя чужие могут этого не понимать и думать иначе.

И есть **Знак Злодея**. Сальери. Гитлер. Фашист. Нечестный. Жестокий. Несправедливый. Враг. С ним не договоришься, он изверг по сути. Может, в нем и есть что хорошее, но этого не очень видно, и искать не надо. Все его поступки трактуем ему в минус. В чем бы то ни было его защищать — это коллаборационизм, предательство, гнусность. И упаси тебя боже залететь под этот знак — никакая праведность не поможет.

А уже подробнее — можно конкретизировать. Есть разные трафареты и клише — мифологические образы. И под

эти знаки в готовые клеточки мы сажаем конкретных людей и помещаем конкретные явления.

Знак гения.

Знак таланта.

Мученика.

Пророка.

Романтика.

Циника.

Авантюриста.

Жизнелюба.

Великого труженика.

Надежного друга.

Настоящего мужчины.

Циника.

Предателя. И т. д.

Язык как феномен — уже мифотворец. А из всех клише мы выбираем доминирующее в соответствии с клеточкой и знаком — а дальше, если кому надо, обстраиваем знаковую фигуру соответствующим антуражем — кто на пьедестале, те получше, кто попал на роль злодеев — те похуже. И пр.

16. Аналогичны структуры Великих Свершений, Великих Произведений, Великих Открытий. Даже там, где, казалось бы, есть объективные критерии — работают ограничения знаковой системы.

Дарвин вытеснил Ламарка, хотя вообще-то ведь теорию эволюции разработал и обосновал Ламарк. Дарвин достроил — и Ламарк слез с пьедестала.

За Линдбергом забыли тех, кто летал в Ирландию через Атлантику раньше его.

Амундсен опередил Скотта — и умер Скотт.

17. По законам перспективы, действующим в социокультурном пространстве, Великое Дело, по мере его удаления в пространстве и времени от наблюдателя-воспринимателя, уменьшается в площади и объеме и сводится к точке, обозначающей это Великое Дело. Оно кодируется, превращается в специальный знак, и чтобы толком с ним ознакомиться, знак этот, хорошо приметный и известный, требует раскодировки, обратного развертывания. Но развертыванием обычно заниматься некогда и незачем, потому что объем субъективного

социокультурного пространства всегда ограничен. Знаков, этих концентратов реальности, может поместиться много. А в развернутом виде каждый знак — это ведь клубки и горы судеб человеческих и дел разнообразных.

Предельно свернуты знаки, например, в голливудских боевиках: Хорошие Парни против Плохих Парней. Хорошесть и плохость героев здесь неважна и никого не волнует, поэтому даже никак не обосновывается. Противоборствуют две стороны, Х и П, зритель болеет за Х против П.

А вот реальность. Россия уже два века помнит и почитает декабристов: пять повешенных, десятки сосланы в каторгу. Но Россия не желает помнить о сотнях солдат, которые поверили посулам заговорщиков-декабристов и были на Сенатской расстреляны на картечь. Эти обманутые декабристами солдаты, умершие вполне мучительной смертью — лишние в русском социокультурном пространстве. Их не надо. Они мешают чистоте знака: декабристы — благородные герои и мученики. Сочувственное, сопереживательное отношение к молодым восстанцам против царизма за республиканство — персонифицированы в нескольких образах аристократов-офицеров. Как бы им делегированы функции всей массы восставших — храниться памятью потомков и принимать чувства и юбилеи.

Сходным образом Анна Франк — знак всех еврейских детей, погибших в Холокосте. А менее известная Таня Савичева — знак советских детей, погибших в Ленинградскую Блокаду.

Идеал подобного знака — памятник Неизвестному Солдату. Один за всех и все за одного. Цветы и признание всем канувшим в войну.

Т-34 и «тигр» — знак танков II Мировой. А Ме-109 — знак истребителя. Хотя ФВ-190 был чуть лучше. И «спит-файр», «мустанг» или Ла-5ФН были всяко не хуже, и наштамповано их было больше.

18. Управляющий спускает повару меню обеда. Повар идет на рынок, где есть любые продукты. Закупает то, что ему надо, и приносит на кухню. Из принесенных продуктов тоже можно приготовить очень много чего разного. Но повар, в соответствии с данным ему меню, готовит записанное в нем. Меню реализовано.

Архетипичная структура социокультурного пространства — такое меню. Из всего множества имеющихся продуктов мы готовим заранее указанные в меню блюда.

19. Театральная труппа — это клубок змей. В идеале — клубок талантливых змей. У них разнообразные склонности и индивидуальные нюансы психики. Но играют они те роли, которые указаны в пьесах.

А кроме конкретных ролей — есть типичные амплуа: Герой-любовник, резонер, старуха и т. д. Антрепренер, набирая труппу, забывает все амплуа — и недобор плох, и перебор не нужен. Амплуа — знак роли.

А восходит европейский театр вообще к греческому театру масок. Маска — знак амплуа.

Вот и велит Шекспир писать над «Глобусом»: «Весь мир — театр, а люди — актеры».

Количество сюжетов мировой литературы, как давно подсчитано, ограничивается тридцатью. Коллизий, ситуаций, композиционных ходов, героев и типажей — также ограниченное количество.

Мы заранее получаем список ролей и текст пьесы — а потом забываем роли теми, кто в наличии, и они соответствуют тексту, как могут. А мы позиционируем актеров на эти роли и ситуации.

Поэтому, скажем, нас не интересуют положительные качества Гитлера и отрицательные качества Пушкина. Это не люди. Это знаки. Более того — знаки, поднятые до символов.

20. Конец XX века явил в признание этого условного подхода удивительный и наивный цинизм. Появились и обрели права гражданства обороты «знаковая фигура» и «знаковое произведение». Это означает: не будем вдаваться в реальные достоинства, но констатируем, что фигуру/произведение принято считать выдающимися, они нашумели, знамениты, на них ссылаются, они находятся в активном культуртрегерском обороте, их успех стараются повторить другие, они занимают заметное место в сегодняшней культурной жизни. Хороши они или нет — да черт с ним, не вдаемся, не суть важно, суть в другом — они п о з и ц и о н и р у ю т с я как значительные.

Быть знаковым — хорошо, не быть им — хуже, это — мерило успеха и признания, и более того: это становится

мерилом достоинства — за сомнительностью или отсутствием других мерил.

Мерилин Монро — фигура средних актерских дарований. Но сексапильность! женственность! шарм! магнетизм! Оп: самая знаменитая актриса XX века. Верно. Никто ведь не говорит, что самая лучшая. Но лучшая — это всегда под вопросом, а знаменитая — это как-то объективнее определить можно. Хрен ли тебе с твоей (под вопросом) лучшести — если она знаменитее? Так: надо быть самой знаменитой, а не самой лучшей! Это больше приветствуется. И сильнее вчеканивается в культуру — в социокультурное пространство.

А дальше происходит простая вещь: самая знаменитая затеняет самых лучших. И общая на них на всех доля значительности в сознании масс снимается с лучших и переносится на знаменитую. Ее достоинства уже преувеличиваются — а их забываются. Ибо объем общественного внимания, уделяемый какой-то области, достаточно ограничен. И требуется этому вниманию — внимать ясным знакам.

21. И вот уже профессионалы-специалисты-знатоки-исследователи сами подпадают под магнетизм знаков и теряют способность их декодировать. Они ведь тоже люди. Их сознание тоже мифологизировано понятийными схемами, выраженными через языковые категории. А попросту говоря: у них тоже мозги зашорены и замылены.

И вот уже профессора истории, искусствоведения и филологии работают в русле прописных истин. Не подвергая сомнению знак! То есть и мысли не имея сказать слово против авторитета святцев.

У профессуры, критиков, галерейщиков и т. д. сплетаются свои интернациональные «мафии», не позволяющие нарушать корпоративные установки. Ибо это нарушит интересы большинства, нарушит интересы этой маленькой системы.

И вот уже безголосые певицы утверждаются как великие, и шарлатаны от живописи и скульптуры как великие, и т. д.

Но нельзя называть голого короля голым — тогда тебе не место в этом королевстве!

Сегодняшнее искусство позиционирования прежде всего заключается в том, чтобы внушить толпе достойную «одетость» голых королей. А поскольку короли нужны всегда, и троны есть всегда, и сидеть на них кто-то же должен, и голость и одетость любых королей относительна — то — — — мы заменяем короля Знаком Короля.

Это на голом месте королем становится в борьбе с прочими самый крутой. А где есть уже структура королевства и трон — любой усидит, посадить, дело-то кругом само пойдет.

22. К XXI веку культура превратилась в индустрию. Массовую. Поток информации потому что. А массы глупы, зато многочисленны. Их кормят рассчитанными клише — пусть платят и хавают.

А еще есть клише для элиты. Там своя мода и свои законы. Чтоб не всем понятно, чтоб элемент нового, и т. д. Но суть одина.

Есть клишированная знаковая структура для масскульты.

И есть клишированная знаковая культура для элиты.

Ибо законы человеческого сознания, в рамках одной цивилизации, едины для всех и не зависят от уровня образования. Различие тут не носит принципиальный характер.

Мы всегда трансформируем в сознании образ любимого человека: одни качества преувеличиваем, другие преуменьшаем, и все трактуем в пользу своего чувства. Знак Любви, можно сказать.

Аналогичное, хотя и слабее степенью, человек проделывает с любой фигурой / событием своего социокультурного пространства.

А если кто такой мудрый, пророк, понимаешь, что пронизает сквозь миф реальное содержание конкретного знака — то ему привет от растерзанного Грибоедова с его «Горем от ума».

VI

Россия и рецепты

I

1. Начало Руси как государства крайне характерно и показательно. Норманские дружины осели на землях славянских племен, подчинили себе и объединили аборигенов — и были ими ассимилированы. Государство было сколочено оружием. Культура возникала при господах и на средства, присваиваемые господами с подчиненных. Принятие религии явилось государственным актом. Религия насаждалась властным порядком сверху вниз, сопротивление подавлялось.

2. Отметим: конкретный институт религии был создан государством в своих интересах; был подчинен государству и зависим от него; служил целям государства — объединению людей и их лучшей управляемости. Византийское христианство тут исполнило роль опознавательной системы «свой — чужой».

3. От Киевской Руси и до дома Романовых мы имеем: образование системы — укрепление и развитие системы — борьба системы за выживание под внешним давлением — экспансия системы. Это сопровождалось подъемом цивилизации: ремесел, искусств, письменности, градостроения, военного дела. И усложнением структур: властных, церковных, профессиональных.

4. От Петра I до Николая 2 экспансия носит в целом устойчивый характер: Швеция материковая (Прибалтика, Финляндия), Урал, Западная Сибирь, Украина, Польша, Крым, Восточная Сибирь, Кавказ, Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток, Камчатка, Чукотка, Аляска,

Манчжурия. Торговые проникновения, частные (казацки) экспедиции, колониальные войны. Подъем цивилизации, смягчение нравов, рост культуры. Набор богатства и мощи.

5. Первый серьезный кризис экспансии — эпоха Александра II. Турция (плюс Англия и Франция) воспрепятствовали продвижению России в Закавказье и на Балканы, что окончилось поражением России в Крымской войне в 1856 г. Последовало освобождение крестьян (1862), т. е. внутренняя либерализация, ослабление жесткости системы. Как следствие — польские восстания 1863—64 г. г. и либеральные реформы, которые пришлось провести в Польше. Как следствия — рост коррупции, финансовые трудности и — продажа Аляски в 1867 г.

На случае с Аляской остановимся. Управлять ею и получать прибыль было фактически невозможно — за оторванностью, далью и малоосвоенностью. Полученные средства дали демпферный капитал при проведении собственных внутренних реформ, оздоровивших и активизировавших экономику, а также позволили завершить войны на Кавказе, присоединить Казахстан и Среднюю Азию.

То есть: пожертвовали малополезным, которое все равно принадлежало скорее номинально, ради реальной выгоды и приобретения того, что можно было удержать.

6. К 1905 году разросшаяся и усложнившаяся система вошла в новый кризис. Рост бюрократии определил рост коррупции. А рост либерализации определил падение управляемости государством. Сочетание этих двух моментов всегда дает гремучую смесь.

Итог внешний: поражение в русско-японской войне, людские и материальные потери, деморализация, утрата баз и плацдармов в регионе, снижение политического веса государства. Напор экспансии выдохся.

Итог внутренний: революция, Дума, стрельба, смуты, рост оппозиционных партий, в их числе — открыто проповедующих насильственную смену строя.

7. К 1905 г. система в своем существующем виде исчерпала свои возможности, не могла выполнять свои задачи и тем самым была обречена. В таком состоянии государство через то или иное время разваливается от

попытки внутреннего переустройства при сохранении существующих институтов — или рушится от любого сколько-то заметного внешнего толчка. То есть: скелет истончается до хрупкости и неустойчивости карточного домика, и стоит дольше, если вообще не прикасаться, но любое касание, даже с благой целью, нарушает равновесие — и конец всему.

Чиновники брали взятки.

Кто мог — воровал.

Южные крестьяне, поляки и евреи эмигрировали миллионами: Аргентина, Бразилия, Австралия, Канада, США.

Армия обворовывалась и пила.

Авторитет царя и правительства был ближе к заднице.

Революционеры самосильно готовили революцию.

Национальная идея скорее отсутствовала, нежели присутствовала,

Завоевывать было некого, защищаться не от кого.

А либерально настроенное просвещенное общество проповедовало гуманизм, честь, достоинство и права личности.

Что может система в таких условиях? Накрыться медным тазом.

8. Первая Мировая война была явлением кровавым, но невнятным. Причины ее историки старательно затемняют. Повод — пожалуйста: ухлопали эрцгерцога нашего Фердинанда. Передел колоний — обязательно. Стремление народов Австро-Венгрии к свободе — это святое. Так чего ради Россия укладывала в грязь миллионы своих мужиков? Не то проклятый царизм был подл, не то Германия гнусна, не то богатая Англия подла и хитра, не то вошли в противоречия верхи с низами, запад с востоком, а желания с возможностями.

Между тем Первая Мировая была явлением чисто системным. Государственные системы уперлись в стенки своих возможностей: экспансия была в них запрограммирована и определялась самой сущностью систем — а все границы были крепко подперты с другой стороны. И перемалывали друг друга под Верденом, как два барана упрутся лбами на мостике.

Никто конкретно воевать не хотел, но всем приходилось решать вставшие перед ними вопросы. А допросы были поставлены логикой системы: надо развиваться, за-

хватывать, быть сильной и значительной, преобладать над другими.

Что сделала в этом непосильном напряге российская система? Рухнула.

Но это неправильный ответ. Это только на первый взгляд.

9. Вторая Мировая война — явление не самостоятельное. В том смысле, что это — «Мировая Война-2», вторая серия, продолжение, завершение. Двадцать лет между ними — исторический миг, генералы второй войны были офицерами первой, и сорокалетние солдаты тотальных мобилизаций хлебнули окопного лиха еще юнцами.

«Я вижу в этом договоре все причины и истоки скоро грядущей всеевропейской войны», — сказал Ллойд-Джордж сразу по подписании Версальского мира.

Отвлечемся от итогов каждого дня и даже года. Иначе ничего не понять. По итогам 41 года Гитлер — блестящий победитель, а с учетом 45 — он просто вырыл себе могилу. По итогам 1918 года Россия вдрызг просадила войну. А на момент 45 — захватила столько, о чем в 1914 и мечтать не смела.

Если мы возьмем линейку подлиннее, чтобы там было 50, скажем, годовых делений, и измерим от 1913 до 1963 — успехи России грандиозны.

Россия выиграла Первую Мировую войну. С блеском и грохотом!

10. Отвлечемся от деталей. Поднимемся выше. Чтоб окинуть взглядом историческое пространство и увидеть, понять, проследить тенденцию. А она такова:

В 1917 году, исчерпав возможности своих структур, система мгновенно развалилась на части — и почти столь же мгновенно сложилась обратно в несколько иных комбинациях, усовершенствовав себя и модернизировав. Произвела своего рода капитальный ремонт.

Можно, почти не останавливая машину, менять детали по одной и на ходу совершенствовать узлы. А можно остановить, разобрать, напороть в горячке и методом тыка массу ерунды, но зато закончить ремонт гораздо быстрее. Эволюционный путь и революционный.

В 1918 году от Российской Империи были независимые лоскутья и лохмотья. А уже в 1921, через каких-то

три года, государство было восстановлено почти в прежнем объеме. И если в 1917 году государство не могло вовсе ничего и бессильно испустило дух, то в 21 бравые чекисты, ЧОН, китайцы-пулеметчики и комиссары с расстрельными командами взяли народ под такие узды, что вздыбленной лошади Петра и не снились.

Видоизменившись в Советский Союз, Россия к 1940 году была готова продолжить исполнение основной функции системы — продолжить экспансию.

Оболваненный народ нищ? Лагеря зеками полны? Ну так что? А кто сказал, что для системы это всегда плохо? Когда парки ломаются от танков, самолеты не помещаются на аэродромах, а весь народ по команде марширует и выкрикивает лозунги, и глаза при этом горят, и особых отделов все боятся до дрожи, и слова вождя не обсуждаются, а исключительно все декларируют готовность умереть за них — о! вот это система! вот это способность к экспансии!

Если рассматривать государство как систему, и прослеживать изменения системы для решения своих собственных, системных, задач — Октябрьская Революция была актом реанимации. Пересадкой искусственного сердца. Подживлением клонированных органов.

Мы имеем милитаризованную, тоталитарную империю как высшую стадию государства. Как высшую стадию системы, стремящейся к экспансии.

А княжеская Русь, уничтожение Московией былых вольностей подбираемых под себя городов и княжеств, самодержавие дома Романовых, диктатура генсека, феодализм, капитализм, социализм — это все формы; стадии. Народ, страна, государство. Система.

11. Предположим: что необходимо было предпринять, чтобы не грянула революция и Россия не пошла по коммунистическому пути?

Да пара пустых. Вовремя устроить Распутину самоубийство методом законного полета — это деталь. Посадить пару сотен обер-воров и вытряхнуть их имущество в казну — это мелочь. По законам военного положения приостановить деятельность всех партий — более чем исполнимо. И категорически повесить несколько тысяч революционеров, призывавших к свержению существую-

щего строя. Элементарно. И не было бы морей крови и десятков миллионов невинных жертв.

Но. Воры хотели воровать, а демократы-интеллигенты хотели свободы и прав личности. А народ хотел, чтоб они все сошли, как надоели. А царь был добр и хотел всего хорошего.

Когда элементы системы в силу разнообразнейших личных причин раскачивают систему — она рушится и придавливает их.

Когда система — надличностная структура — позволяет своим элементам раскачивать свои узлы — это означает, что система ослабла и исчерпала себя. Готовь индивидуальные убежища, спасайся кто может.

Система спасла себя как могла: из куколки вылупилась бабочка. Типа стратегического бомбардировщика.

12. То, что не сделали царь, правительство и Дума — сделали Ленин, Троцкий и Сталин. Зажали. Экспроприровали. Расстреляли. Укрепили. И заставили всех пахать на систему так, что дым валит.

И просвещенные мы говорим: какой ужас. Да уж не марципаны.

Но. Но. Предположим, что — условно — Пуришкевич, Родзянко и Шульгин убедили всю верхушку прибегнуть к упомянутым чрезвычайным мерам, большевиков и левых эсеров перевешали, революции не произошло, и Россия двинулась по «цивилизованному» пути. Получили репарации с побежденной Германии, подняли благосостояние населения и так далее.

Что бы мы имели? Мирную сытую жизнь, переход культуры серебряного века в бронзовую стадию, свободу и демократию. Харшо.

Чего бы мы не имели? Танков от Т-34 до Т-92, атомной и водородной бомбы, автомата Калашникова и самолета МиГ-31. Потому что все это — следствия уничтожения крестьянства, что было базой для рывка индустриализации, что было базой для милитаризации и направления всех средств в военное обеспечение. А также мы не имели бы первого спутника, первого человека в космосе, атомных электростанций, и баз на Кубе, в Египте и в Индонезии. Все это — порождения сверхдержавы, т. е. предельно мощной государственной системы.

Люди жили бы лучше. Но максимальных действий государство совершило бы меньше. Вес его в мире был бы меньше. Изменений на лик планеты оно нанесло бы меньше. То есть: система свое системное назначение выполнила бы в меньшей степени. Такие дела.

Увы — да: мощь империи покоится на костях подданных. Снижается роль человека как индивидуума — но повышается как элемента мощной системы.

В форме СССР Россия совершала максимальные действия, на какие только была способна.

13. Наступление кончается, когда израсходованы горючее и боеприпасы, сожжена и выработала ресурс техника и выбиты люди. Надо реформировываться, изыскивать резервы, оптимизировать линию фронта.

Рассуждая с великогосударственной точки зрения, любят поругивать Хрущева. Ослабил своей либерализацией стальную сталинскую систему, что оказалось в перспективе гибельным для государства, организованного по милитаристским законам. Лысый кукурузник, не разбирался в искусстве, которому сам же дал вдохнуть кислорода, порезал крейсера и бомбардировщики, попустительствовал анекдотам о себе же, решил немного дать народу подкормиться при сохранении всех институтов советской системы, вот все и покатилося по наклонной, пока не рухнуло в 91-м. Это государство, мол, могло существовать только под жесткой рукой.

Разговоры подобные не от большого ума.

Никогда за тысячу лет своего существования Россия не была столь мощной и не играла в мире роль такую значительную, как в конце правления Хрущева. Хрущев привел государство к пику могущества.

К негодованию общества он подарил (!) президенту Сукарно 2-ю Тихоокеанскую эскадру, морячки возвращались из Джакарты домой на самолетах. И хрен с ней, не венцом науки и техники были те корабли. Но Индонезия — другой край глобуса — стала нашей сферой влияния, сырье и сбыт, база и разведка.

На смех обществу он дал президенту Египта Насеру Героя Советского Союза (хотя египетские, ну, немногочисленные, коммунисты были уже заморены в концлагерях пустыни) — так спесивый Насер свою Золотую

Звезду даже не надел перед фотошниками! Потом оказалось, что Звезды не было — на предварительном совещании Политбюро отказало Никите в этой акции: он дал Насеру Героя единолично и самовольно. Но — Союз вышел к Суэцу! Гнал танки и МиГи и реэкспортировал лучший в мире египетский хлопок. Черноморский флот вышел толком в Средиземку и базировался на Александрию. Запустили лапу в Сирию. Заняли уже было место, век принадлежавшее Великобритании!

А Куба, эта ария Хозе из оперы Бизе? Устроив переворот в банановой республике, родовитый сын богатого латифундиста сеньор Кастро и не подозревал своего коммунизма. Мы объяснили ему преимущества дружбы с нами и накачали нефтью и ракетами. Было от чего прийти раззявам-американцам в ужас. База слежения, заправки, ремонта, отдыха, пункт влияния, плацдарм.

Ракеты. Космос. Лунник. Гагарин. Атомными подводными ракетноносцами океан нашпигован — штатники трясутся, у них меньше вымпелов, меньше денег на это, меньше людей.

А что крейсера и бомберы порезали — так на все денег не хватит, концентрируемся на главном: подводные лодки и баллистические ракеты. А что народишко подкормили, хрущоб накидали и подышать разрешили — так сталинский зажим со временем перешел меру, глаза от удушья выпучиваться стали, все хорошо в свое время, за пустые трудодни и баланду в шарашках народ работать переставал, всех лучших уже переморили, КПД системы падал, поддержать надо было. (Не потому Плиний рабов на вольную отпускал, что слаб характером, а для пользы хозяйства.)

И что ведь характерно: люди старые, пережившие все перипетии XX века и чудом уцелевшие, свидетельствовали: никогда не было в народе такого массового и искреннего чувства исторического оптимизма, как в конце хрущевской эпохи. Мне это рассказывал среди прочих писатель Александр Борщаговский: а он, художественно, был в конце сороковых объявлен космополитом № 1, враг народа.

14. Брежневский застой объективно был политикой мудрой. «Не тронь — не сломается». Система сосредото-

чилась на том, что можно было удержать. Желудок был полон.

Сейчас редко упоминают событие, которым ознаменовалось ее начало. Попытка коммунистического переворота в Индонезии. Чтоб, значит, совсем наша была. Продолжение экспансии.

Путч подавили. Правительство сменили. Коммунистов ликвидировали. На СССР посмотрели с большим неудовольствием. И дружить перестали. Накрылась зона влияния.

Извлекли урок. Наказали кого надо. Не откусывай больше, чем можем переварить, пока и так хватает, вроде.

Система уравнилась. Сколько можем — столько и держим.

15. 1968 год. Восточная Европа, санитарный кордон, братская социалистическая Чехословакия — решила либерализовать свою систему: что означало меньшую зависимость от СССР и попытку ослабить его систему. Попытку пресекли, все сохранили в прежнем виде: логично, естественно.

Поняли и ощутили, что дальнейшее существование с отпущенными (расхлябанными) гайками чревато ослаблением и понижением системы. Меньше воли индивидуумам! Стали подкручивать гайки.

16. 1973 год. Накачали арабов оружием, имея в виду, что Египет и Сирия — наша зона, а Израиль — американская зона влияния: наших — усилить, чужих — сократить. Выступили на стороне арабов в очередной их агрессии против Израиля (а лозунг их был однозначен: уничтожить Израиль). Попытка усиления нашего влияния.

Наши ракетчики, радиолокаторщики, летчики, вертолетчики, инструкторы всех видов вооружений воевали там.

Затея провалилась. Арабы проиграли. В результате Египет переориентировался на США. Из Египта русских выперли, Египет мы потеряли. И Сирия, дотоле подбадриваемая нами, обескуражилась поражением, обиделась на «малую помощь», задумалась и сократилась в дружбе.

Решили, значит, нарушить статус-кво — и оно нарушилось не в нашу пользу. Весьма подготовленная попыт-

ка изменения — дала изменение во вред системе, в проигрыш.

Лучше бы ничего не трогали.

17. Однако коммунистический Северный Вьетнам против Южного, демократ-капиталистического, продолжали поддерживать деньгами, оружием и людьми — и выиграли. Северные выперли американцев-помощников с Юга: мы имели базы, влияние, еще одну зону внешнего распространения системы.

Получается так на так. Общее равновесие сохранялось:

18. Но. Но. Время стало работать против нас. Мы могли хоть треснуть — но система исподволь (для дураков — исподволь, умным ясно, но умных всегда очень мало) ослабевала.

А). Всем вдалбливали в мозги Маркса. Среди прочих цитат: «Новая общественно-экономическая формация является более прогрессивной по сравнению со старой, если дает более высокую производительность труда». Наша производительность была во столько-то раз ниже западной. Разрыв в производстве продолжал расти. Раньше или позже, в той или иной форме, невзирая на жертвы и закрутки, мы неизбежно должны были скатиться со статуса сверхдержавы вниз. Система исчерпала экономический потенциал.

В). Менялся национальный состав государства. Рождаемость славян падала. Прирост давали только Средняя Азия и Закавказье. В армию призывалось уже больше азиатов и кавказцев, чем славян. А поскольку в системе однозначно доминировали русские, то при сохранении госструктуры эта система неуклонно ослаблялась.

С). «Правящая сила» — КПСС — была организована по принципу военного ордена. Мы имели тоталитарное и милитаризованное государство. Это отлично и эффективно для подготовки и ведения войны — но без толку выжирает государство изнутри в случае долгого и прочного мира.

Д). Богатый и свободный Запад целенаправленно разлагал нашу идеологию и культуру. Сравнение в материальном уровне, правах личности, свободе любого творчества было неизменно не в нашу пользу: преданность

людей системе продолжала в таких условиях падать, КПД отдачи сил личностью системе продолжал уменьшаться.

Е). Придавленность угнетенной религии лишала людей естественного духовного стержня: если в истории государство всегда старалось использовать потребность человека в религии в своих интересах, то в СССР потребность человека в религии имела как бы обратный знак и противопоставлялась интересам государства, тем самым ослабляя его. Это имело смысл на этапе становления системы, когда православие пыталось противостоять коммунистам. Позднее, во время войны, умный Сталин подконтрольно и частично восстановил православие, дабы подключить к сопротивлению внешнему врагу. Но в брежневский период всеобщего безверия и пофигизма отрицание религии лишало систему дополнительной поддержки. Противопоставление ей «морального кодекса строителя коммунизма», который не мог терпеть «конкурентку», успеха иметь не могло в силу явной фальшивости.

Ф). Система постарела. Ее бюрократические узлы продолжали работать по логике собственных интересов и собственного развития, снижая и даже сводя на нет идущие сверху попытки общего укрепления системы. Спуск инициативы на несколько этажей инстанций — и благие намерения уходили водой в песок, расчлняясь на струйки и оседая в обкомах, райкомах, комиссиях и комитетах. А система не могла ликвидировать собственные узлы — она могла стараться решать задачи только методом наращивания и усложнения собственных структур. (В конце концов любая система превращается в неподъемного монстра, лишь сроки разные в зависимости от исходных задач и условий.)

Г). Естественное, здоровое, инстинктивно верное стремление системы законсервироваться, ничего не менять подольше наглядно сказалось в возрасте правящей верхушки: настала эпоха геронтократии, больные старцы решали судьбы страны, севший наверх человек сидел на высшей должности до смерти, оттягивая ее всеми средствами современной медицины. Они сохраняли себя — и систему, частью которой были. Но они дряхлели, вос-

принимали действительность все менее адекватно, теряли способность корректировать неизбежные частые сбои системы и сопутствовали снижению ее жизнеспособности. Это кончилось смертью от дряхлости и болезней трех старцев-генсеков в течение трех лет — под издевательские шутки страны.

19. С Афганистаном Союз допустил две ошибки. Первая — он туда вошел. Вторая — он оттуда вышел.

Вход нарушил зыбкое равновесие системы, подошедшей к уровню выработки своих возможностей.

Выход дал импульс антиэкспансивному процессу. Импульс был невелик, но его оказалось достаточно: обратный процесс, процесс развала, оказался неостановим. Система больше не смогла удерживать все то, что до этого удерживала.

20. Империя — это государство, состоящее из разных народов и их территорий, объединенное и держащееся преимущественно силой оружия.

Любая империя существует в динамическом равновесии центростремительного и центробежного начал. С одной стороны, она стремится подчинить, включить в себя и слить в себе все, до чего может дотянуться. Структурирующее, созидательное начало. С другой стороны, она стремится развалиться на все составные части. Энтропийное, деструктивное начало.

Структурируется приложением энергии. Разваливается само.

Выход из Афганистана обозначил надлом системы. Проявление центробежного начала.

21. Почему Советский Союз в принципе не мог пойти на разоружение? Именно потому, что это обозначало бы центробежную тенденцию. Пусть малый шаг — но вектор направлен в сторону развала. Нет оружия — нет империи, разбежалась. А все должно быть направлено в противоположную сторону: удерживать!

Любое проявление центробежной тенденции угрожает самому принципу существования империи. Вроде как незначительное повышение температуры тела — свидетельствует о наличии в теле болезнетворных вирусов и их разрушительной начавшейся деятельности. Хотя и чуть-чуть совсем соскользнул альпинист по ледяному скло-

ну — но держаться дальше на месте и лезть вверх уже не сможет.

Разоружение было противопоказано Союзу как принцип, как тенденция. А любой факт может быть правильно понимаем только в рамках всей тенденции. Любой акт разоружения — был фактом из враждебной тенденции.

А империя живет до тех пор, пока центристремительная тенденция преобладает над центробежной. Их равновесие в неизменном положении — частный случай, частная точка. Но не дай бог толкнуть в другую сторону! Отыграть обратно, переломить процесс в другую сторону — потребует дополнительных усилий. А если сил уже нет — хана империи.

22. Национальная политика СССР была политикой отсроченного самоубийства.

Большевики и далее мудрый император Сталин нивелировали национальные особенности, сливая народы воедино. «Я не еврей!» — раздражался Троцкий. «Я нэ грузин!» — возражал Сталин. Средняя Азия стала писать кириллицей, теряя корни собственной культуры. «У нас все говорят по-русски — как в Москве или Ленинграде!» — гордились в Баку.

Хрущевская либерализация пошла дальше, чем сама собиралась — как всегда бывает при мощной многоэтажной бюрократии системы, доводящей начинания до абсурда и противоположности. Решив дать подышать всем — не забыли и «национальные расцветы». Титульные нации республик, к которым высокомерно относилась русская метрополия, в свою очередь прищемляли русских в республиках: нациям объяснили, что они должны чувствовать себя прекрасными. Интернационализм и расцвет всех наций совмещались только в директивах Политбюро.

То есть. Хрущевско-брежневская советская власть дала нациям дышать, чтобы с облегченным дыханием они лучше работали в системе и на систему. Они обрели дух и стали дышать против системы. Национальная гордость невозможна без каких-то подразумеваемых национальной свободы — имела это в виду предварительно Москва или нет.

Языки, культуры, фестивали национальных искусств, обязательная квота нацкадров в вузах и на руководящих должностях — обозначили рост самосознания наций и стихийное противопоставление себя другим. Импульс к расколу страны по нацпризнакам усилился.

Это во-первых. А во-вторых, все внутрисоюзные национальные границы были нарезаны таким образом, чтобы все имели претензии к соседям. До поры до времени это дополнительно сцепляло империю: только Большой Брат в Москве принимал жалобы и имел власть повлиять на соседа и не дать разгореться конфликту. Большой Брат как гарант мира и безопасности — не то война на границах. Но это же «сцепление» усиливало общее недовольство наций в Союзе и заставляло мечтать о восстановлении территориальной справедливости. А раз она невозможна в Союзе — значит, возможна только без Союза, так примерно получается.

Разделяй и властвуй — хороший и верный принцип, но даже он не действует бесконечно. Настанет час — и эта пограничная сцепка загрохочет, как фугасы.

23. Вот он, вот он — лысый и обаятельный: к нам пришел Горбачев и заговорил без бумажки!

И он был прав, он был прав! Борьба с пьянством по итогам первого года дала прирост производительности труда почти на 13%! Безо всяких дополнительных вложений в экономику! Ведь нахрюкивались до остекленения прямо за станками!

Виноградники вырубил? Бюрократия, лес рубят — щепки летят. Казна бабок недополучила? И что? Этих бумажек всегда допечатаем. Стал расти денежный навес? Пусть растет, сквозь него не каплет. Работаем-то больше и лучше, производство-то растет, вот это главное и определяющее. А рубли наши — талоны в хозяйскую лавку, это условные деньги, они ничего не значат.

Кооперативы разрешили? И хорошо, и правильно. Все командные высоты мы сохранили за собой — а народ пусть работает больше, товары производит. Труд — он источник и база богатства государства.

Книги опубликовали запрещенные, фильмы с полки сняли? И правильно: пар выпустим, а довольный народ лучше работает и лояльнее к системе.

...Но прав оказался кремневый сталинец, покойный Михал Андреич Суслов: «Если мы это напечатаем, то прекратит существовать Советский Союз». Он далеко не был глуп. Он был истинный человек Системы.

24. Денежный навес выметал рынок и дезориентировал, разрушал работу Госплана: невозможно спланировать, чего сколько надо для потребления, все летит в бездонную дыру.

Пустые полки магазинов озлобляли население, снижали стимул к работе (а для чего пахать), восстанавливали против государства и вели к росту коррупции («блат»).

Гнали самогон из всего и травились сивухой пуще прежнего.

Богатеющие кооператоры стали экономически независимы от государства. А оно было построено на государственном рабстве: ты пашешь только на систему и кормишься только от ее милости. Роль государства во внутренней жизни пошла вниз.

Народишко поехал поглазеть за границу и ужаснулся своей нищеты — обзавидовался ихней роскоши. На хрен нам такое государство?

Книжки-киношки развращали умы: вот сколько зла у нас! Вот как на самом деле! Вот сколько запрещенных шедевров! Ребята, а правильно ли у нас все устроено? Риторический вопрос: все считали, что неправильно. Но одно дело считать, а другое — выходить на демонстрацию. И не сажали.

25. Что произошло? А вот что:

Любое возбуждение неустойчивой системы повышает ее энтропию.

Так звучит вариант одного из следствий Второго начала термодинамики.

В переводе на разговорный русский это означает:

Если ты еле держишься на песчаной осыпи — не пытайся вылезти: от любого движения ты будешь сползать вниз.

(Осенью 2001 года, соседствуя местами с Михал Сергеич Горбачевым за одним круглым столом по глобалистике, я не преминул сообщить ему это: он кивнул согласно, но из легкости согласия понимание не последовало.)

Нельзя прикасаться к еле стоящему карточному домику, даже с благой целью укрепить конструкцию: рассыплется.

Не грей дыханьем то, что дышит на ладан.

Если бы — о, если бы! где ты, где ты, сослагательное наклонение родной до боли истории! — в аппарате Горбачева оказался хоть один человек, прилично осведомленный в истории и политологии, а также философии и систематике, всего этого шумного и слоеного бреда могло бы не быть. Но политики не знают термодинамики, историки не знают философии, а президенты обычно лучше всего знают, как дойти до вершины власти, а потом им уже некогда...

26. А что можно было вообще сделать?

Сценарий первый. Осторожно, неторопливо, равномерно закручивать все гайки, ослабшие за время брежневского и постбрежневского разгильдяйства. Ничего более не меняя. Система протянула бы еще десять-двадцать лет, а может и побольше.

Сценарий второй. Затянув гайки (осторожно, см. выше), нейтрализовать оптимальными способами ключевые фигуры военно-промышленного комплекса и снизить военные расходы, перекинув кадры и ресурсы в мирные отрасли. Это путь к угасанию системы, но срок тут возможен длительный — лет тридцать существования, или сорок, скажем. Почему путь к угасанию? Потому что без военной сверхдержавности СССР все равно долго жить не мог, см. п. 21.

Сценарий третий. Опять же затянув гайки (да чтоб иметь резерв времени!) — в тайне, обстоятельно и всесторонне, проработать проект серьезного реформирования Союза, причем с учетом варианта его демонтажа: этапы, детали, условия. И приступить — по плану и крепко держа власть в руках.

Ну, как сказал один великий грузин, «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». А как сказали многие французы, «Господь Бог дает штаны тому, кому не дает зада». Преимущества работы аналитика заключаются в том, что задний ум, которым все крепки, для него является рабочим и основным, и он извлекает опыт из ошибок других, зато с другими им и делится.

27. Но кроме факторов субъективных, которые в истории и политике скидывать со счетов нельзя, есть ведь и объективные. И не только системные. Но и — природные: стихийные, космические.

Век прошел, как Чижевский строил свои графики солнечной активности и выводил соответствия ее пиков землетрясениям, морам, войнам и прочим катаклизмам. Тысячи лет — как мудрецы халдейские, полагая наш мир проекцией и отражением мира Высшего, Небесного, пытались читать в движениях звездных сфер грядущие на Земле события. В годы социальных потрясений годовые кольца на срезах деревьев шире обычного. Комету, великий мороз или сушь, небывалый урожай или неурожай всегда полагали к событиям крупным и чреватых катастрофами.

Взорвался Чернобыль. Сгорели два пассажирских поезда в низине, наполненной вытекшим из трубопровода газом. Затонул в ясную погоду прямо у порта лайнер «Нахимов». И едва ли не впервые в истории столкнулся теплоход с поездом: «Суворов» воткнулся в мост, и проходящие вагоны обрушились на палубу.

Каждому из случаев находят конкретные объяснения и причины. Однако все вместе они показывают — повышение уровня экстремальных событий. Дыма без огня не бывает. Повышение энергетики окружающей среды. Выбросы энергии в катаклизмы.

В чем тут дело — наука толком не в курсе. В чем первопричина энергетических всплесков — есть лишь гипотезы, и все неполные, недостаточные, хромые. Но соответствие социальной энергетики и природной имеет место и подмечено давным-давно. Жрецы, которые пытались по природным признакам определить успех или неуспех общественных затей — были не вовсе неправы в своих поисках и толкованиях предзнаменований. Направление мысли верное, а старались как могли.

Спитакское землетрясение. До общей кучи. Раз случайность, два случайность, три случайность. Граждане, дальше уже закономерность.

Есть профессия, включающая в себя мгновенную реакцию на экстремальные и непредсказуемые вводные: летчик-испытатель. Рефлекс на неожиданное, нежелательное,

непонятное событие, последовавшее за каким-то действием — тут же совершить обратное действие, постаравшись тем самым вернуть все в исходное положение.

Если говорить о спасении гос. системы — после Спитака следовало задуматься, ужаснуться, спохватиться, заморозить реформы и попытаться без резких движений вернуть все в исходное положение. Кто знает: был шанс.

28. Карабах. Карабах показал: гайки отвернуты до уровня социального развала. Это был даже не предупредительный сигнал — это было явственное начало конца.

Сценарий первый: спасение системы. Аресты самых беспокойных. Показательные и жестокие процессы. Репрессии на местах. Пропагандистская кампания: кровожадные националисты пытаются покуситься на священные устои нашего общего дома, СССР. Вкачать туда денег, построить квартиры, ввезти продукты, раздать ордена. Все довольны, и чтоб никто не смел пикнуть.

Сценарий второй: реструктуризация системы. Внимательное отношение, комиссия авторитетных историков и этнологов, рассмотрение взаимных армянско-азербайджанских претензий: успокоить, обещать, разобраться, планировать. Совать блага и льстить Азербайджану, найти формы компенсации ему — Карабах же перевести под Армению, поскольку он таки ейный. Да — создается прецедент пересмотра внутренних границ: и слава Богу, они все взрывоопасны (см. п. 22 «во-вторых»). Разрабатываем механизм пересмотра внутренних границ, строим десятилетние и двадцатилетние планы, выпускаем пар из горячих голов, затягиваем и тормозим этот процесс, и всем обещаем все хорошее, причем конкретно обещаем. А там — э, кто там на двадцать лет вперед все предскажет. Может, вообще военное положение за этот период случится.

Сценарий третий: развитие второго — готовим демонтаж системы. Комиссии, сроки, условия, учет всех интересов, прения, консультации, аргументы за и против, назначения отдаленных сроков, подсчет экономических эффектов, учет британского и французского опыта и т. д. Максимум разумности и цивилизованности в подготовке,

Был избран наихудший вариант — вариант страуса: спасение положения методом сования собственной голо-

вы в песок. А политик должен понимать: если он сунет голову в песок — быть ей в корзине с отрубями, подставленной к политической гильотине. Горбачев пытался объяснить враждующим сторонам и наблюдающим, что ничего не происходит и не должно происходить, все не плохо, а проблему они выдумали.

Пошла первая из внутрисоветских войн. А Центр отвернулся. Закуривай, ребята: финиш.

29. Разгон демонстрации в Тбилиси со знаменитыми малыми саперными лопатками показал: система уже не система, а дерьмо; вариант 1905 и 1917 года. Ни прислать льстивого и дипломатичного эмиссара и договориться миром — ни расстрелять демонстрацию, а миру явить через пропаганду правоту свою и провокационное негодяйство преступников-сепаратистов. Луи XVI вместо Наполеона.

30. Если система не может уничтожить несколько десятков или сотен явных, открытых, бескомпромиссных, упорных, храбрых врагов, позволяя им устраивать в тюрьмах голодовки и выходить после отсидок на свободу, продолжая свое дело, — система сгнила. Вариант начала XX века повторился в 70-е—80-е. То, что сами тюремщики уже не верили в лозунги системы и даже сочувствовали подчас заключенным — лишнее свидетельство сгнилости системы.

31. Знаменитый Съезд Советов был актом прямого самоубийства системы. Слишком велик был разрыв между декларативной и реальной политикой государства, между интересами системы и интересами ее монады, конкретного человека в окружении личного быта. В условиях неустойчивейшего равновесия; в условиях сползания к развалу; в условиях сохранности всей структуры тоталитарного государства — это означало сознательно пускать события вразнос и прокладывать кораблю путь на дно.

Намерение таким образом оздоровить систему, сделать ее эффективнее, задействовать ей в поддержку лучшие умы и неиспользованную энергию масс, изыскать таким образом «внутренние ресурсы» системы на уровне возможностей народа — было актом непонимания сути и законов государства как такового, актом политической безграмотности.

Расчет на то, что «командные высоты остаются за нами, и мы будем направлять энергию в нужное нам русло» не мог оправдаться. В условиях гнилости системы поощрять права человека — означает придавать их противоречию интересам системы неконтролируемый, разрушительный характер. *Все попытки тоталитарных государств «вдруг» и «не меняя системы» сделать жизнь своих граждан свободнее и лучше быстро кончались революционным свержением системы: приотпущенный из котла пар сносил крышку.*

Увеличить вольности всех рабов разом, без наличия надежной стражи, — означает провоцировать их на разграбление имущества и убийство хозяев. А вся структура тоталитарного государства основана на предельном подчинении всех людей интересам системы. И чуть дай им воли — они полагают и мечтают, что вообще без этой системы они будут жить куда лучше. Свои обиды, бедность и унижительные лишения они приписывают прежде всего государству: ты даешь нам милость? хорошо; а лучше бы тебя вообще придушить.

Потом приходят нищета и анархия, но этого масса предвидеть не в состоянии — в том числе и интеллигентская, творческая ее часть.

32. Мне всегда представлялось несомненным, что единственным приемлемым вариантом для перехода СССР в цивилизованную демократию был вариант Франко-Пиночета. Это означает:

А). Власть держит события под контролем. Для этого ей необходимо быть сильной. Это прежде всего. Иначе невозможно. Иначе — анархия, беззаконие, казнокрадство, коррупция, повальное мошенничество — каждый, кто силен, жаден, хитер, подл, нагл, умен, храбр — присваивает себе столько власти, сколько сможет, и использует ее в личных интересах, безнаказанно попирая права других — всех, кто слабее, глупее, порядочнее, беззащитнее, менее предприимчив, более придерживается морали, не так стремится к деньгам и власти любой ценой.

В). Демократические институты проектируются и создаются заранее. Без авралов и суеты, обстоятельно и компетентно, с учетом всего, что можно учесть, когда тебя еще не давят нужды сегодняшнего дня, которые

нельзя отложить на завтра, а то все рухнет. Автомобиль проектируют в лаборатории и создают на заводе — а не посередине дороги, когда раздолбаный вконец старый развалился под тобой при езде сколько можно вперед. И до поры до времени эти институты держат без действия. Пока не будет готово все. Потому что они созданы не для нынешней системы, а для будущей: в нынешней только деформируются, искажаются.

С). Разрабатывается план постепенного и предельно щадящего перевода государства на новые рельсы. Насколько представляется вообще возможным.

Д). Поскольку «дураку нельзя полработы показать», а критиковать легче, чем создавать, и все это любят, средства массовой информации весь этот период абсолютно подконтрольны государству и работают в поддержку его действий. Издержки этого единомыслия неизбежны — но вред меньший, чем от оппозиционного противодействия государству в переходный (сравнительно рискованный и неустойчивый) период.

Е). А вот когда новая система в основах готова, и законодательная база имеет исполнительные механизмы, и экономика в новом режиме набирает обороты, и законным образом избирается парламент, и включаются демократические свободы — диктатор уезжает на дачу и выращивает капусту: пенсия.

33. Эмиграция и утечка мозгов. Кризис системы.

34. Национальные столкновения и погромы в Закавказье и Средней Азии. Адекватной реакции Центра не следует. Развал.

35. Перевод партийных денег в коммерческие структуры и за рубеж. Вынос ценностей из горящего дома.

36. Партийные боссы становятся коммерсантами. КПСС по сути деидеологизирована и стала партией власти: антураж непринципиален. Париж стоит обедни. Госструктуры оставляют позиции, обеспечивая себе новые.

37. Небывалый в истории подъем тиражей печатной продукции. Все жадно читают и обсуждают горячо. Это означает: большой избыток имевшейся и возбуждавшейся энергии людей не востребован к конкретным делам имеющейся системой. Несоответствие суммы энергий отдельных людей — и способности системы эту энергию

воспринять и направить в своих интересах. Это зловещий, роковой признак кризиса системы и его аспект. Структура и без того ветхой системы тесна массе, как школьная форма — второгоднику.

38. Дипломатическое лавирование и уклонение от личной ответственности за крутые действия — в таких условиях дает только отрицательный результат. Президент Горбачев не имеет жесткой программы действий и жесткой ясной цели по укреплению и консервации системы. Компрометировать себя жесткими заявлениями и действиями не считает возможным.

Вильнюсская телебашня — пробная акция с возможностью уклониться от ответственности и сдать исполнителей. Провал. Распад усиливается.

Вывод не сделан. Аналогичным образом Горбачев надеется извлечь пользу из того, что стало «августовским путчем»: чем бы ни кончилось, я ни при чем, а укрепится либо система и с нею моя власть, либо моя власть за счет отмежевывания от жестких «горе-перестройщиков-реставраторов». Эдакая шахматная вилка. (Но совсем не о таких политических шахматах говорил Наполеон.)

39. Августовский путч. Система предъявила свой труп для опознания. Ни один силовой узел больше не является узлом ее структуры. Средства давления на узлы со стороны верхушки власти отсутствуют.

В очередной раз попытка повернуть вспять уже необратимый процесс лишь ускорила его: возбуждение неустойчивой системы повысило ее энтропию. Тронули, подтолкнули, чтоб не валилась, — и развалилась вообще.

40. Почему не удался августовский путч? Потому что была нарушена или не учтена большая часть законов переворота. Что говорит о некомпетентности в первую очередь Председателя КГБ тов. Крючкова. Уж ему эти вещи знать полагалось. Тем самым уже отмечаем первый фактор: заговорщики — идиоты: система уже не могла выдвигать во власть способных и компетентных людей: заурядности, ходом вещей выдвигаемые для консервации существующего положения вещей, которому они способствуют своей безынициативностью и боязнью резких движений — не годятся именно для резких движений. Революция выдвигает — учителей, маргиналов, адвока-

тов, торговцев, лейтенантов, но министров, сделавших основную карьеру в застой — никогда. Только Мюнхгаузен вытащил сам себя за волосы.

А). Не был обезглавлен вероятный противник. Ни Ельцин, ни Руцкой, ни Хасбулатов не были никак нейтрализованы. Члены парламента и правительства Российской Федерации не были арестованы, взяты под домашний арест, интернированы и т. п. Легитимная и популярная российская власть осталась на свободе.

В). Не были заняты имеющиеся и вероятные помещения этой власти — в первую очередь тот же Белый дом, доступ к ним не был блокирован.

С). Не было реального управления силовыми структурами — армией, КГБ, МВД. Безоговорочная дисциплина уже отсутствовала. Личная популярность министров в подчиненных ведомствах отсутствовала. Идейная преданность родной советской власти отсутствовала. Страх отсутствовал.

Д). Не было продекларировано внятной, убедительной, популистской, выглядящей безусловно хорошей и правильной программы «нового курса» — жалкие потуги о дачных сотках.

Е). Отсутствовала эффективная пропаганда. Никакой пи-ар кампании. Телевидение вызывало недоверие и слезы. Популярные деятели искусства, культуры, науки в сторонниках не выступали. Лозунги, слоганы, тезисы, призывы — отсутствовали. Приличные материалы в газетах «за» — отсутствовали.

Ф). Отсутствие инициативы с самого начала — и отдача всей инициативы противнику. Пассивная и пораженческая тактика выжидания неизвестно чего и запоздалые безуспешные попытки договориться с армейскими и спецчастями.

Г). Допущение безнаказанной контрпропаганды.

Н). Отсутствие с самого начала убедительной демонстрации силы.

И). Отсутствие переворотчика с личной харизмой. Мерзкие совковые рожи, всем давно обрыдшие и не вызывающие симпатий и доверия.

Ж). И никаких конкретных популистских заявлений по конкретному и мгновенному улучшению жизни как сотрудников силовых ведомств, так и населения вообще.

Шайка идиотов. Ни страху нагнать, ни прельстить, ни дело сделать. Это был заговор пожилых чиновников сдохшей системы, которые были способны служить системе, пока она дышит. Но уже не дышала.

41. И однако предположим, что переворот удался бы. Сумели, арестовали, усидели. Что дальше?

СССР просуществовал бы еще сколько-то лет. Немного. Запад стал бы додавливать экономически и доламывать идеологически.

Сценарий первый: Северная Корея. Изоляционизм и тоталитаризм. Рост научно-технического разрыва от Запада. Продолжение «звездных войн» и торговые санкции. Коллапс, ослабление, невозможность удержать национальные окраины, где растет недовольство. Развал.

Сценарий второй: Китай. Сохраняя командные высоты, переводим страну на новые рельсы, поднимаем экономику, постепенно и осторожно демократизируем некоторые стороны жизни. Как бы коллективно-пиночетовский вариант. Черт. Еще на десятилетия это мог бы быть совсем не плохой вариант. Но Пиночета среди несимпатичной шестерки недоумков не было. Совсем не так выглядел генерал Аугусто, и совсем не так он действовал...

Но. Но. У гекачепистов было достаточно времени, чтобы заблаговременно разработать — в общих чертах, стратегически, на десяток страниц — хорошую программу. И двое суток, чтобы ее обнародовать и убедить кого можно в ее правильности, благотворности, перспективности. Так этого они тоже сделать не сумели.

А чего они хотели? А они хотели оставить все, что еще можно, так, как было раньше. А вот это уже задание для дефективных детишек.

Они были плотью системы, частью системы, олицетворением системы. И у них было время на обдумывание решений. И они показали, что на лучшее не способны.

«Если бы» — это формальный, абстрактный, теоретический подход: он вычленяет основную видимую часть конструкции события и манипулирует с элементами этой части, складывая их в иные комбинации и показывая, какую еще конструкцию можно построить из этих самых

элементов. Но. Но. Он отрывает рассматриваемую часть события от множества других частей, на которых эта рассматриваемая часть базируется, с которыми кровно и неразрывно связана, продолжением которых является. Теория айсберга примерно. Мы гипотетически варьируем поступок и его следствие — рассматривая их вне всего процесса, частью которого они являются и в рамках которого только и возможны. Вот что означает «история не бывает в сослагательном наклонении». (Не надо путать это с детерминизмом как предопределенностью ценных связей, — это объемный анализ в противопоставление формальному.)

Итого: это все, на что еще была способна система.
Аут.

42. А строго говоря, *никакого «августовского путча», никакой «попытки переворота» вообще не было.*

Переворот продекларировали, номинально обозначили — но не стали производить. О каком «путче» речь?

Шесть высших лиц правительства решили «временно отстранить» президента, поскольку его действия стали идти во вред государству. Все.

Почему-то снятие Хрущева и замена его на Брежнева, что сделали в свое время опять-таки высшие лица государства, никто никогда «переворотом» не называл. Хотя причины, механизм действия и планы были аналогичны. Разборки в дворцовом аппарате. Расхождения во взглядах на курс страны.

Танки на улицах? Так было принято при всех сменах генсеков, начиная со смерти Сталина. На всякий случай. Для пущей безопасности. Да после смерти Брежнева все части КГБ, вплоть до курсантов региональных школ, летели самолетами в Москву и в штатском заполняли все улицы и перекрестки — и только после этого следовало официальное оповещение о смерти. Передача власти — момент бережный, вроде транспортировки взведенной мины, меры предосторожности необходимы.

Но эти танки, вкупе с торопливой критикой горбачевских действий и неловкими попытками «кинуть кость народу» в виде дачных участков, подействовали на демократизированные массы, как красная тряпка. А-а-а! — путч, хунта, переворот, реакционеры, опять в совок нас

совать! Идиотская затея с объявлением «ГКЧП», с введением чрезвычайного положения — вызвала революционный протест.

Гекачеписты спровоцировали августовскую революцию, которой без них еще долго могло не быть. Ельцину следовало наградить «великолепную шестерку» орденами «За заслуги перед Отечеством» I степени.

Попытавшись защитить себя и просто тормознуть процесс — без крови, насилия, репрессий, изменений чего бы то ни было в государстве — система сделала резкое движение и ускорила свой развал.

Уж тогда следовало просто устроить инфаркт экс-президенту и ничего не менять на первых порах — постепенно подсыпая песок в подшипники демократам и все-сторонне готовя ужесточение курса. Ума не хватило.

43. Почему так легко развалился в Беловежской Пуще СССР?

Потому что были многочисленные и влиятельные люди, которые хотели его ликвидации и расчленения в своих интересах. Практически все республиканские руководства становились государственными, самостоятельными, повышали свой статус, возможности, роли. Руководители республиканских силовых ведомств автоматически становились министрами.

И не было практически никого, кто отождествлял бы свои интересы с сохранением СССР настолько, чтобы предпринять хоть какие-то противодействия; чтобы приложить к этому хоть малейшие личные усилия и пойти хоть на малейший личный риск.

Председатель КГБ Белоруссии взвесил мысль об аресте Ельцина, Кравчука и Шушкевича за проведение антигосударственного заговора. И кто ему скажет за это спасибо? И поддержит ли его Горбачев, избегающий любой твердости в позиции? И не выставят ли его же крайним, не отдадут ли на съедение? Если у него не выйдет — конец ему, тюрьма как минимум. А если и выйдет? — боссы потом опять договорятся, а ему так и так хана. Да пошли они все к черту.

Да: еще за полгода до этого большинство граждан проголосовало за сохранение СССР. Но во-первых, это было «да» из положения личной безопасности, непри-

частности, невмешательства: «вообще и при прочих равных мы за, но упираться, бороться, рисковать чем бы то ни было не обещаем и не думаем». Во-вторых, с тех пор ГКЧП в августе сильно подпортило реноме СССР, но резко подняло авторитет Ельцина и верхушки Российской Федерации.

А кому было оказывать противодействие? Некому! И «тройственный союз» проехал на голубом глазу.

Наместники, губернаторы, диадохи, полководцы, местные вожди и князьки — всегда растаскивали империю на куски, как только достаточно ослабевала центральная власть.

Но в декабре 1991 это прошло легко на удивление: и ампутация не понадобилась, подпрыгни — и само отвалится. Достаточно оказалось легкого, невооруженного, даже озвученного невнятно толчка.

Классический пример распада изжившей себя, сдохшей системы.

Центростремительные силы иссякли. Центробежным и напрягаться не пришлось — разъехалось по швам.

44. И опять «А если бы?» — заговорщиков арестовали? Каков сценарий?

Наивероятный: Хасбулатов и Руцкой имели возможность воззвать к народу и армии, классифицировать действие Горбачева антиконституционным и нелегитимным, отдать противоположные приказы — и вероятнее были бы выполнены их приказы, нежели Горбачева, не имевшего на тот момент авторитета и реальной власти. О, за Ельцина против Горби народ мог еще раз побузить и слиться с армией в экстазе.

Арестовать весь российский парламент? Кто — Горбачев в декабре 91-го? Не смешите. Поезд ушел. Умерла так умерла.

Не забудьте: три прибалтийские государства уже отделились: и ничего страшного, и тихо, мирно, без всяких эксцессов и покуда без каких-то перемен в жизни людей. (Перемены пошли чуть позже.) Пошел процесс, пошел, бродяга.

Для ликвидации развального заговора нужна была другая центральная власть — сильная, решительная, убежденная. А система уже потеряла способность выдвигать во

власть таких людей. А выдвигала эгоистов-карьеристов-конформистов, которые умели, хотели, могли лишь пользоваться теми преимуществами, которые получали в рамках системы на ее верху и ради этого были готовы и способны на любые компромиссы. Что и естественно для старых и ослабших систем.

Декабрь 91-го был логическим продолжением августа.

Ну, а если бы, все-таки, все равно, — арестовали троицу вместе с верхушками парламентов, подбросили благ сотрудникам-силовикам, закурили масс-медиа? Возникла бы вероятность подъема национально-освободительных движений республик в форме гражданских войн. Уже была резня в Сумгаите, резня в Оше. Тот же развал, но с кровью. Или — с меньшей кровью, но позднее — но тот же черт.

Плюс опять же — санкции и давление Запада, подскок эмиграции и утечки мозгов, подъем оппозиционных настроений в массах, активизация разномастных партий, и кто-то обязательно призовет к курсу на вооруженное восстание, его вешать надо, а мировое общественное мнение не велит и грозит экономической блокадой.

Можно было потянуть срок и изменить условия развала, но уже нельзя было сохранить систему. Разъяслась.

45. А что же «человеческий фактор»? Настроения и чаяния масс?

Через них системные законы и проявляются.

Чем жестче система — тем в большее противоречие с интересами отдельных людей она приходит.

Зажимает гайки — окаменевают: хуже работает, крошится.

Отпускает гайки — разбалтывается: идет к развалу.

Держаться оптимальной линии трудно.

Время собирать камни и время разбрасывать камни.

Страдая от анархии в слабой системе, люди хотят твердой руки. Страдая от зажима в жесткой системе, люди мечтают об освобождении из-под руки, ненавидя со временем все, что связано с этой системой.

Любая система раньше или позже «вырабатывает ресурс доверия» своих монад. Исчезает иллюзия, что система существует для их блага. Наступает и усиливается

разочарование: мы строили, боролись, терпели лишения, а правят нами не те и не так, и устройство не отвечает нашим чаяниям.

Разочарование порождает новую иллюзию: если разломать эту систему, все будет гораздо лучше и даже вообще все будет хорошо.

Пока старая система толком еще не разломана — новая, воображаемая, существует еще только в замысле и идеале. То есть в чистом и не замаранном виде. Причем каждый представляет себе новую систему чуть-чуть по-своему, в соответствии со своими личными нуждами и представлением об атрибутике счастья. Для выхода из жесткой системы — это: свобода передвижения, свобода предпринимательства, свобода слова и мысли, свобода зарабатывать сколько сможешь, свобода способному стать миллионером, звездой, благополучным бургером.

Новая, воображаемая система мыслится как противопоставленная старой во всем: отрицающая старую, зеркально противоположная — где в старой был минус, там в противоположной автоматический плюс.

Враг моего врага — мой друг. Капитализм — враг социализма, социализм — мой враг, следовательно, капитализм — мой друг. А раз так — в социализме было все плохо, а в капитализме все хорошо. Такова логика индивидуальной психологии.

Старая система рушится под улюлюканье и аплодисменты оплевывающих свой дом масс: дом стал тюрьмой и ненавидим, в нем тесно и много страданий.

Происходит смена знаков: все, что почиталось доблестью, норовят объявить пороком и заклеить, осмеять, отрицать.

В этот период массы не поддержат консерваторов, но сочувствуют разрушителям, видя в них «расчищателей площадки» для строительства нового, хорошего, правильного дома. Массы отрекаются от собственных вчерашних взглядов и представлений. Господствует отрицание всего вчерашнего.

«Уста народа» — журналисты — облакают это в газетные слова и телевизионные картинки.

46. «Огонек» перестроечной эпохи был не журналом — был знаковым явлением.

Этот знак наглядно проявился на одной из обложек 88-го года — фотография стала знаменитой:

Старик в полковничьей форме, морщинистая шея, нечисто выбритая седая щетина на кадыке и низу подбородка — лицо срезано верхним обрезаем. Руки — крупные, в пигментных возрастных пятнах, с ревматически припухшими костяшками — держат перед грудью на показ книгу. Заголовок книги подан в фокусе снимка: «Краткий курс истории ВКП(б)». И — ниже и крупнее — заголовок самого снимка: «Наследники Сталина». То есть: вот она, старая сталинистская коммунистическая гвардия, которая защищает все издержки проклятого сталинизма, противится новому и хорошему, реакционеры, опасность, сторонники концлагерей, враги демократии и прогресса.

Не учтено было другое — сама фактура. А фактура с лихвой перебивала подаваемый смысл сюжета:

Воротничок зеленой офицерской рубашки — мятый. В уголки не вставлены пластмассовые жесткие палочки — «косточки». Вид от этого немного неопрятный. Человек уже не может как следует следить за собой. Или некому следить за ним. Вдовец? Одинокий? Неужоженный.

На петлицах тужурки — танки. На погонах читаются два просвета и три звездочки: полковник. Слева на груди — в столбик шесть нашивок: четыре желтых и две красных. Такие в войну давали за ранения: золотая — тяжелое, красная — легкое. А в наградных колодках, кто может читать: медаль «За отвагу», медаль «За оборону Сталинграда», орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, орден Боевого Красного Знамени. Танкист, прошедший войну и раненный шесть раз. А долго они на войне не жили. Такой уцелел случайно. Это он вас прикрыл. Это благодаря ему вы живы.

Многие не простят переувеличенному партфункционеру Коротичу того снимка. И я не прошу.

«Огонек» же напечатал, что Зоя Космодемьянская была не партизанкой, а членом диверсионной группы НКВД, и пыталась сжечь то, что не надо и смысла не имело, так что подвиг ее — плод газетной военной пропаганды. И все верно — кроме одного: вот ты сам сна-

чала постой на табуреточке с петлей на шее — а потом рассуждай, что надо и чего не надо.

В большой мере СССР был слит в унитаз демократической прессой. С водой выплеснули и ребенка — только пискнул.

Слова «патриотизм», «подвиг», «доблесть», «равенство», «самопожертвование», «честь родины» приобрели в демократической прессе сугубо отрицательный, стыдный, антидемократический, реакционный смысл.

«Патриотизм» был объявлен исключительно «последним прибежищем негодяя», и эта, вырванная с кровью цитата кочевала из газеты в газету. «Патриот» стало почти синонимом слова «фашист».

«Подвиг» и «самопожертвование» объявлялись уделом зомбированных рабов, которым в жизни тяжкой нечего терять, так им легко ею жертвовать, а свободному человеку есть что терять, поэтому он подвига старается избежать. Вы много слышали случаев в истории насчет подвигов рабов и шкурничества свободных людей? Словно все народы во все эпохи не славили подвиги и самопожертвование лучших из своих рядов — от античных эллинов до современных французов.

«Известные прогрессивные писатели» делились с телеэкранов, что и нечего гордиться тем, что ты русский, и нечем здесь гордиться, все хорошие, мы никого не лучше, что за глупость — национальная гордость: шовинизм и оболванивание тоталитаризма.

Одна известная журналистка договорилась до того, что жлобство гарлемских негров подала за преимущества демократии: стоит в вагоне метро негритянка на сносках, и никто ей место не уступает сесть — и правильно, и не хрен, Америке есть что дать своим беременным кроме места для сидения, это только мы, сиволапые голодранцы, места беременным уступаем, и думаем, что это культура.

А капиталисты — это отцы народа, они создают рабочие места, заботятся о своих сотрудниках, иначе ведь те работать будут плохо и покупать мало, а это невыгодно, а сами капиталисты — они умнее, энергичнее и предприимчивее прочих, и богаты своим трудом и по заслугам.

Таковы были взгляды творческой и мыслящей интеллигенции, и полагала она себя, как всегда, совестью и мозгом нации, хотя возникает опасение, что ближе она была к физиологически противоположному продукту, и трудно тут не вспомнить Ленина...

Короче: монады уже покинули свои клеточки в системе, и искренне поливали теперь все, с этой системой клеточек связанное.

Понятие «социализм» стало знаком скверны, и этим знаком оказались клеймены все его атрибуты, все понятия, вся фразеология, все идеологические узлы — всё.

Маятник, покидая крайнюю точку, неизбежно стремится миновать точку равновесия и достичь противоположной крайности.

Люди в таких ситуациях резко теряют способность к здравому суждению. Словно блокируются участки центральной нервной системы. Преобладают эмоции — и интеллектуальный аппарат работает на рациональное обоснование и аргументирование этих эмоций. Что для человека как психологического типа и характерно.

Потому и сформулировали умные греки, и все мы тысячи лет повторяем: «Кого боги хотят покарать, того они лишают разума». Что на разговорном русском означает в данном случае: если людям что-то сильно обрыдло, они без меры и трезвости всегда нагребут аргументов, чтобы доказать себе и остальным полное и всемерное негодяйство и неправильность того, что им обрыдло.

Братцы, ведь достаточно было сказать интеллигентам-демократам, что человек без патриотизма — это шкурная сволочь, как они на этом основании объявляли сволочью тебя самого.

Что ж. Нигилизм стада в эпоху социальных катаклизмов — это закон.

Наказание за демократическую безмозглость всегда неотвратимо и стремительно.

47. Журналисты, политики, социологи старательно избегают ответа на вопрос: почему Россия предпочла «приватизацию по Чубайсу», а не «по Явлинскому», который предлагал продавать скопившему «пустые» деньги народу грузовики, закусовые, мастерские и тем «снять денежный навес», уменьшить или вовсе ликвидировать разру-

шительный для экономики «отсроченный спрос», который мог поглотить все, как бездонная бочка; создать многочисленный класс мелких собственников, стимулировать на этом уровне производство; а промышленные гиганты, ископаемые, энергоносители пока не трогать и оставить в ведении государства. Ведь не могли же в самом деле Гайдар с Чубайсом явиться к Ельцину с предложением: «Дедушка, мы решили выполнить наказ врагов-американцев и ограбить весь народ».

Враги Чубайса называют его приватизацию не только вредоносной, но и с общей, народной, государственной, экономической точки зрения бессмысленной. Чубайс дурак? Нет, вот в глупости его не обвиняют даже враги. Вся его карьера свидетельствует об уме крепком, прагматичном, организаторском. Так в чем дело?

Почему народ так и не разобрался в смысле пресловутых ваучеров, породивших тьму черных анекдотов?

Мы никогда не узнаем всех интимных подробностей, закулисных сделок и механизмов разворовывания. Но закономерность и объективность процессов уловить и определить можем.

Происходил демонтаж системы. Когда одряхлевший дом рушится — по нему бьют чугунной бабой, чтоб развалился сейчас и сколько-то управляемо, а не стихийно и не завалил обломками кого не надо.

Закрепляя необратимость развала системы, страхуясь от реставрации коммунизма, сеть-паутина которого на уровне обкомов, райкомов и т. п. выглядела вполне плотной и живучей — надо было выбить из-под многочисленных и взаимоповязанных рудиментов системы экономическую опору и бесповоротно отлучить от главных рычагов власти: бескровно ликвидировать господствовавший вчера класс. Для этого требовалось развалить систему как можно быстрее и создать новый сильный класс, отождествляющий себя с новым порядком, смертельно заинтересованный в недопущении реставрации и способный не допустить ее, — и создать его по возможности мгновенно.

На переломном этапе смены систем воры и бандиты всегда становятся союзниками революционного правительства. (Позднее те из них, кто не сможет респектабельно и лояльно вписаться в новую и уже упорядочи-

вающуюся систему, будут в той или иной форме отодвинуты, изолированы, ликвидированы.) Деструкторы и демонтажники, они наилучше прочих приспособлены разламывать, растаскивать, присваивать.

При развале системы добро разбирают самые сильные. Каждый создает посильную мини-систему, забирая максимум власти в условиях ослабления единой власти — и ослабляет общую вчерашнюю систему еще больше.

Приватизация «по Явлинскому» была плоха тем, что из тысячи голов лягушек не выйдет одна голова семги. Двадцать олигархов смогут сговориться и вложить безмерные средства и силы в удержание власти. Миллион сводящих концы с концами владельцев грузовиков и закусовых не смогут сговориться и сложить равные средства. В циничном и точном расчете Чубайса проявился объективный ход вещей.

Неискушенные мелкие собственники в условиях анархии, неизбежно сопутствующей демонтажу системы, все равно были бы облапошены, обворованы, обанкрочены, разорены, экспропрированы крупными и умелыми мошенниками с саблезубыми челюстями. (Что прекрасно подтверждают финансовые пирамиды девяностых, облапошившие миллионы именно «мелких собственников».)

Для иного, щадящего, справедливого, оптимального варианта приватизации — нужна была сильная власть, предварительный детализированный план и крепкая узда. Франко-Пиночет. Поздно было, поздно!..

47-А. Могут возразить: а как же Китай с его постепенным путем?

Во-первых, Китай как территория системы сплавился давно и центробежных стремлений не испытывал: страна не стремилась развалиться и быть разорванной на части разными народами, населяющими ее. Система не находилась под разрушающим напряжением.

Во-вторых, Китай без колебаний расстрелял площадь Тяньаньмынь. Малой кровью откупился от большой. Чтобы пойти по китайскому пути, еще Горбачеву следовало не просто расстрелять тбилисскую демонстрацию, но расстрелять и все активные элементы карабахских событий, и провести показательные процессы с каз-

ню антигосударственных преступников, и завернуть все гайки. При Ельцине далеко и бесповоротно миновал этап, на котором это было возможно и явилось бы эффективным.

48. Октябрь 93-го был классической реакцией с благими намерениями. Попыткой тормознуть процесс демонтажа на его неприятном, тяжелом этапе. Попытка частичной реставрации.

Вот люди переходят цепочкой болото. На том краю — домик на сухом пригорке, березки, травка, благодать. Через два часа придем. Час бредут, второй, третий — а все болото: грязь, вонь, усталость. И одни говорят: куда прем? так жить нельзя! вертай назад, там лучше, чем здесь, а туда вообще не добредем. А дерновая пленка на болоте уже истоптана прошедшей цепочкой, и идти назад — и потопшие будут, и вообще исход не гарантирован. А пока митингуют, топь под ногами просаживается.

Депутаты в Белом Доме не были ведь ни шкурниками, ни фашистами, ни чрезмерно властолюбцами. По своему разумению и убеждениям они решили выбрать меньшее, на их взгляд, из зол. Бо происходящее сильно не нравилось — и таки было чему не нравиться.

Легитимность и нелегитимность власти и ее действий — это дело второе. А первое — работает это на объективный ход событий либо нет.

Для девяноста процентов народа реформы были ужасны и проводились издевательски. Такова специфика демонтажа систем, если власть отпускает вожжи: стихия сметает все, и бал правят сильные и наглые. Но: умерла так умерла. Еще нам только гражданской войны не хватало. А война была не исключена, потому что демократы и скоробогаемые имели интересы и убеждения, и активность их была куда выше, чем активность недовольного пассивного большинства.

И еще одно: на определенном этапе смены систем принято (объективным устройством вещей принято) избавляться от вчерашних соратников, переходящих естественным порядком (у всяк свое мнение) в явную или латентную оппозицию. В медицине есть понятие провокации: неявную болезнь намеренно обостряют, чтобы диагностировать и подавить. Э?

Расстрел Белого Дома был абсолютно грамотен с политической точки зрения и правомерен с точки зрения объективности процесса.

Но это была не последняя точка в ликвидации системы.

49. Чеченская война имела очевидные причины, но говорить о них не принято: документы недоступны, а пристрелить могут.

Первое. Вывод Западной Группы Войск сопровождался миллиардными хищениями военного имущества. Крали столько и так, что шум не мог не возникнуть. Понятно, что крали по чину: возможности определяются должностью и званием. Где умный спрячет лист? В лесу. Нужна была небольшая война. Война все спишет. На войне технику пожгли, горючее и боеприпасы израсходовали, обмундирование и палатки истрепались, оружие покалечено в боях и списано, продукты съели. Получите акты о списании.

Второе. Генерал Дудаев до поры до времени поддерживался ельцинским режимом и, в свою очередь, поддерживал ельцинский режим. А чечены — не последний народ на Кавказе: фактор влияния в регионе и исламском мире. Через Дудаева возможно было торговать оружием на Ближний и Средний Восток, избегая неудовольствия и санкций Запада. И вот деньги за оружие стали застревать в Чечне: а где откат? Недовольство в центре.

Третье. Нефть. Грозненский нефтеперегонный завод перерабатывал не только чеченскую нефть. И отнюдь не все, что шло по трубе, оплачивалось России.

Четвертое. Чеченские авизовки — это были настоящие деньги. И без договоренностей с центром такие деньги со счетов утекать не могли. Пора справедливо делить деньги и прятать концы, черные обнаглели.

Пятое. Под войну все, причастные к снабжению, всегда могут много украсть.

Шестое. Маленькая победоносная война благотворно сказывается на единстве народа с властью и отвлекает от внутренних проблем.

Остальное — детали, и стремление к независимости.

Национальная война на окраине при распаде системы — как нельзя более естественна и обычна. Когда тянут — рвется, где тонко. Но партизанская война истощает

регулярную армию и разоряет государство. А отпустить — как бы не начался эффект домино: стимуляция распада.

Патовая ситуация.

50. Почему начинаются войны, подобные абхазской? Почему вообще падение империи сопровождается вспышкой междусобиц?

Излишний вопрос. Один из позитивных аспектов централизации — именно прекращение междусобиц. Центр придавливает всех — а остальные друг друга не моги, это карается жестоко. Поэтому маленьким народам спокойнее живется под единым для всех царем, нежели под удельным князем в войне с соседними. Да, придавливает — но жить дает.

С распадом империи и снятием централизованного гнета все начинают выяснять отношения между собой. Так атаман держит в узде шайку, а гибнет — и все сцепляются меж собой.

Не предвидеть этого еще до роспуска СССР было невозможно. Это азы политологии. Это элементарный здравый смысл.

Демократы этого не предвидели или по неграмотности, или по глупости, или потому, что эмоции и жажда свободы блокировали умственные способности, или предвидели — но предостерегать считали неправильным, «реакционным», могущим помешать процессу уничтожения системы.

Вместо того, чтобы заранее спланировать регулировку конфликтов, которые неизбежно проявятся — пустили на самотек и стали принимать меры уже по необходимости актуальной.

Глупость и непредусмотрительность — тягчайшие пороки политика. Творческая интеллигенция, демократическая журналистика — явили в этом вопросе свою политическую несостоятельность.

Политику нужны холодная голова, трезвое сердце и сильные руки. Потом руки моют, а сердце греют.

51. В момент смены систем демократия, если ее отпустили, выходит из-под контроля и превращается в анархию. Анархия переходит меру и готовит почву для диктатуры. Циклический закон. Кого не убеждают примеры русских коммунистов и немецких национал-социалистов — читайте историю Древней Греции.

52. Тоталитарный строй отчуждает человека от государства более, чем любой другой. Одряхление и падение тоталитарной системы выявляет враждебность человека к государству и активизирует ее. Активные граждане превращаются в разрушителей и расхитителей. Павшая тоталитарная система при отсутствии сильной власти — обуславливает и гарантирует расхищение государства хищниками, в которых превращаются самые сильные, наглые и властные.

53. Что мы имели в СССР и чего лишились? Кроме очевидного: имели несвободу, гарантированный прожиточный минимум и уверенность в нем же назавтра?

Включенность в сильную, жесткую систему, причастность к ней и ее давление — давали нам *сильные положительные и отрицательные ощущения*. Высокую напряженность внутренней, психической жизни.

Невозможность высказаться, протестовать, делать карьеру по способностям, а не по анкете, невозможность свободно видеть мир — угнетали, давили, вызывали бешенство и вели к депрессиям. Причастность к победе в великой войне, к великой культуре, первым полетам в космос, к мощи державы — давали отрадную гордость. А радость получения премии или новой квартиры — э, были не меньше, чем ныне радость от миллиона или евроремонта в апартаментах.

Тоталитаризм дает очень сильные «государственные ощущения» и в плюсе, и в минусе. Некоторая тоска по СССР — это не просто ностальгия; и не просто память голодных о временах более сытных. Это тоска по системе, которая может и растереть — и вознести, замучить — и сделать счастливым. *Больше всех любят не добрых — а сильных, способных дать сильное горе и сильное счастье*. Такова человеческая психология.

Кто был причастен к Великой Системе — не забудет.

II

1. Президентские выборы 1996-го года, сохраняя видимость демократической формы, включали весь набор грязных технологий. Использование огромных частных

средств. Тотальный информационный прессинг. Использование всего государственного ресурса в пользу одной стороны. Нарушение административных и уголовных законов. Срочное создание «отвлекающих» партий и денежная их накачка для отсасывания голосов у коммунистов. О честной борьбе и равных условиях речи не было. И только так, с огромным трудом и минимальным перевесом, сумели отстоять власть от коммунистов, которые «по-честному» выигрывали безоговорочно.

О чем это говорит?

Первое: приватизация «по Чубайсу» явила свою правильность. Класс крупных хищных собственников, борясь за себя, мобилизовал средства и силы, которых не было у государства.

Второе: демократы радостно поддерживали недемократичность — инстинкт самосохранения возобладал. Коммунисты шли к власти демократическим путем — и прикончили бы демократию в представлении демократов. То есть: ради сохранения демократии демократы готовы временно побыть недемократами. Демократы согласны на недемократию, но только для своей пользы — как они ее понимают.

Третье: у тех, кто хоть что-то понимал, рассеялись демократические иллюзии. Демократия — это не власть народа. Глупости, граждане, не принимайте этикетку за химический анализ. Демократия — это политическое устройство, при котором каждый имеет равное право голоса. И только на этапе выборов руководящих органов. Всё? Все. А уже дело политиков — выманить у граждан их голоса, навешать им лапши на уши, напеть песни сирен, оболыстить и запугать. И отработаны технологии, и высококвалифицированные психологи, рекламщики, пиарщики и имиджмейкеры — создавшие фирмы и гребущие за услуги неслабые деньги — зомбируют массы и превращают их мозги в пюре.

Четвертое: в опасениях реставрации коммунизма правительство Ельцина—Гайдара—Чубайса было абсолютно право. Смена систем всегда сопровождается спадом производств и, по прошествии эйфории низвержения системы, недовольством масс и желанием сиюминутных социалистических преобразований: дать всем всё!

Пятое: заботиться о недопущении реставрации придется еще долго. Пока новая система не сформируется толком и не войдет в силу.

2. Демократия — не самоцель, не фетиш, не догма и не символ веры. Демократия — всего лишь устройство, механизм. Ее назначение — устройство хорошей жизни гражданам: жизнь, безопасность, здоровье, благосостояние, свободы, образование, труд. В чрезвычайных условиях — война, революция, пандемия, стихийное бедствие — демократические нормы должны предусматривать делегирование самых широких полномочий конкретным органам и лицам. Если в чрезвычайных условиях демократия не ограничит сама себя — она сама себя погубит.

В условиях войны ограничивается доступ вражеской пропаганды (нарушение свободы слова). Эпидемия и стихийное бедствие — нарушение свободы передвижения. Запрет фашиствующих партий — нарушение свободы политических организаций. Вор в тюрьме — нарушение его свобод. И т. д.

3. Развал страны, повальная коррупция и воровство, обнищание большей части населения, снижение продолжительности жизни, сокращение населения, массовость преступности при бессилии закона — это не чрезвычайно положение?

Когда частные энергетики отключают электричество ракетчикам и радиолокаторщикам — положение становится чрезвычайным. Это ЧП. Это тревога.

Как известно, умного судьба ведет, глупого тащит. Или демократия обдуманно и рассчитанно ограничит сама себя — или она ограничивается силовым образом. Циклический закон, товарищи. Правда, есть еще третий вариант: развал страны на части — но только не ждите, что на этих частях вот так сразу будет демократия. Будут воры и бандиты, ставшие губернаторами и президентами.

4. Некоторые даже «серьезные» политики полагают (не оглашая официально), что разлом России на «цивилизованного европейского размера» части будет только к благу населения. Черт с ней, с имперской державностью, лишь бы люди получше и свободнее жили.

Представление это идет от глупости и неграмотности.

Во-первых, в меньших независимых государствах мгновенно возникнет вся аппаратная структура государства со всеми прелестями переходных периодов: кумовством и коррупцией, поднятыми с регионального на государственный уровень. Прессовка народа только усилится. Разросшийся аппарат съест налоги, наука и культура только опустятся еще ниже. А демократия наступит нескоро, если вообще возникнет она, а не восточные са-трапии.

Во-вторых, государство — это система, и возникает система не для того, чтобы сделать хорошо людям, а для того, чтобы быть сильной и решать собственные задачи: жесткая структуризация, мощь, экспансия. Новые маленькие государства ну бросятся ублажать граждан? Если бы. Новые государства станут укреплять себя первым делом, влезать в займы, попадать в кабалу, скачивать через верхушку деньги за границу (на всякий случай).

Можно подумать, что люди в Германии или России периодов раздробленности жили лучше, чем в централизованном государстве. Своя власть грабила и воевать с соседями посылала. А потом приходил Иван Грозный.

А как же живут сегодняшние маленькие европейские государства? Во-первых, за каждым из них — история многовековых кровавых войн. Во-вторых, сегодня они дышат и жуют только за счет европейского и мирового равновесия. Большие дяди договорились между собой и поделили карту — дали им дышать. А равновесие это утрясалось долго и крови стоило много. Разделите сегодня Россию — и не дай вам Боже увидеть, какой ценой и в какие сроки устанавливается равновесие отдельных частей там, где эти части отдельными не были со времен Чингиза и Ермака.

5. Россия в 2002 году — слабое государство. Бюджет нищ. Жизненный уровень низок. Уровень производства низок. Армия нища. Закон аморфен и механизм его исполнения слаб и неэффективен. Практически все, чем Россия располагает — еще осталось от империи СССР.

При этом территория велика, запасы полезных ископаемых велики, ресурсы водные, почвенные, лесные — велики, народонаселение — велико.

То есть: слаба система. Качественного материала достаточно. Более чем. Недостаточно умение им распорядиться. Что для России традиционно.

Между объемом владений, возможностью ими распорядиться и силой системы существует пропорция, мера. Если система пытается держать больше, чем может переварить — ей грозит дальнейшее ослабление за счет перенапряжения центростремительных связей. Василь Иванович, брось чемодан: гадом буду — утонешь.

Если сил не хватает на все — их следует концентрировать на главном. Пожертвовать тем, что все равно нельзя долго удержать, и извлечь из этого максимальную выгоду — и сосредоточиться на том, что можно и необходимо удержать.

(В начале сов. власти умные, образованные, циничные и жесткие большевики знали, что делали, отдавая территории налево и направо — но сохраняя и укрепляя систему. Да поначалу почти никто не верил, что их власть долго удержится. Удержали.)

6. Курильские острова. Вопрос не в том, отдавать их Японии или нет. Вопрос в том, насколько долго их еще удастся удержать.

Китайская экспансия на Дальнем Востоке и в Приморье — объективная реальность. Китайцы инфильтруются сквозь границу миллионами. Поселки, районы, леспромысловые, торговые сети, импорт ширпотреба и экспорт леса, пушнины, морепродуктов, рестораны и организованные преступные группировки.

Численность Китая — миллиард. Численность населения противостоящего Китаю восточного региона — десять миллионов. Разница в сто раз.

Экономическое и демографическое давление раньше или позже переходит в политическое. Прорисовывается косовский вариант: с продолжением тенденции количество китайцев и русских в регионе сравнивается, и они поставят вопрос о культурной автономии. И т. д.

Мы получим в соседи Великий Китай если не до Урала, то до Чукотки и Енисея. А пятьдесят—сто лет — миг для истории.

Япония — наш исторический союзник в регионе. Япония всегда противостояла Китаю. Япония малочисленнее и не выходит в сверхдержавы.

Сегодня Россия не имеет с Курил ничего, кроме проблем и расходов. Нет денег и людей освоить их, поднять, получать пользу.

Сегодня то японское правительство, которое сумеет вернуть стране Курилы, получит на этом колоссальный политический капитал. Сегодня Япония готова на большие расходы и шаги навстречу России ради получения (своих, в сущности) островов.

Концессии, займы, кредиты, вложения капитала, получение технологий, выгодные условия для экспорта леса и энергоносителей — это Россия может получить сегодня в обмен на Курилы. И на эти деньги поднять регион. (Только сначала почистить в своем доме, не то разворуют все.)

Когда через полста лет, при сохранении существующих тенденций, регион «окитаится» явочным порядком — острова отпадут сами собой. Безо всякой для России выгоды. При сегодняшнем сохранении Курил — убытки будут и впредь.

Отдать за деньги сегодня, чтобы не отдать задаром завтра.

А извечный враг Японии — Корея. Параллельно с курильской сделкой — корейские концессии, предприятия, контракты. Япония с Кореей будут препираться всегда — что ослабит позиции в регионе каждой из них и облегчит возможности России продавливать политику в своих интересах.

Дружить с Японией и Кореей против Китая, блюдя свою выгоду. Перекрываясь ими против китайского давления.

Сегодня удержание Курил ослабляет Россию, а умная отдача — укрепляет.

7. Калининградская область. Она же Восточная Пруссия во главе с городом Кенигсберг. Очищена от коренного германского населения и заселена советскими колонистами, заставлена советскими военными базами после Второй Мировой Войны.

Была житницей Германии. Кормила хлебом, рыбой, яблоками всю страну. Развитая инфраструктура, добротные постройки, дороги, порты. Хороший климат, плодородные почвы, песчаные пляжи.

Где тот хлеб? Где та рыба? Что идет через те порты? Кто отдыхает на тех пляжах?

Прибалтика отсекает область от России. Область бедна, как и прочие. Хозяйство в упадке, и подъема не предвидится. Счастливы служить рынком дешевой рабсилы для Германии: сборочные цеха, привет из третьего мира. Население малочисленно и продолжает сокращаться: отрицательная рождаемость и положительная уезжаемость. Законтрактоваться на западное судно — завидная доля моряка. Ввозить все товары куда выгоднее из Польши. Спекуляция старыми автомобилями.

А немцы — прицеливаются, наезжают, дедовские дома высматривают.

Что имеет Россия сегодня с Калининграда? Самой бы прокормиться. Базы флота? На флоте жрать нечего, топлива нет на учения ходить, денег нет за электричество платить — а корабли стареют каждый день, и еще через десять лет будут рухлядью, для войны непригодной, да и никто уже на ту войну всерьез не рассчитывает. Сменилось соотношение сил, сменилась доктрина. Чего на нас нападать, мы и сами себя неплохо уничтожаем.

Может, народ скандирует на демонстрациях: Россия навеки, не смейте нас отдавать? Народ только и судачит, что в германской аренде цивилизованно бы жили и благополучно: у немцев иммигранты турки и курды живут лучше, чем в Калининграде натуральные граждане.

А что, собственно, так уж мешает сдать Калининградскую область Германии в аренду на 99 лет? Оговорив протокольно все права проживающих там русских?

Для Германии это будет великий праздник, а немецкое правительство, опять же, дивиденды снимет огромные. И денег в разнообразных формах отсыпать Германия готова за это немало. И убытки превратятся в прибыль. И Германия поднимет же край, с которого Россия будет иметь оговоренную долю.

Иначе — область все равно тихо отплывает в западную зону влияния. Безо всякого для страны толка.

8. Вот есть две маленькие мусульманские кавказские республики. Одна просит: большой русский брат, прими нас в свой общий дом, мы хотим жить с тобой, мы ваши друзья. Вторая говорит: русские собаки, идите прочь,

всех перережем, умрем, но не сдадимся. Первой отвечают: нам вас не надо, живите как раньше. Вторую под автоматом за волосы тащат к себе, утирая кровь с рук. Это — Абхазия и Чечня.

Такая политика добром кончиться не может.

Абхазия — это курорты высшего мирового класса и черноморские базы флота. И никогда Абхазия в составе Грузии не была, за исключением условного советского административного деления. И исконно абхазы враждовали с грузинами.

Чечня — это, конечно, нефть. Но сидят на той нефтеносной земле природные бойцы, отпетые головорезы, которые режутся с русскими двести лет и ненависть эта перешла на генный уровень.

Узлы, ясно дело, там запутанные. За Абхазию Грузия крик поднимет страшный, и мировое сообщество ее поддержит. Так давайте внятно посчитаем последствия: что нам с той Грузии и что реально может сделать, при всенародном волеизъявлении Абхазии, пресловутое мировое сообщество? И сколько грузинов, если строго соблюдать закон, подлежит высылке из Москвы и всей России на родину, где им сегодня кормиться нечем? И что теряет Грузия при разрыве отношений с Россией, и как ей будет жить на том беспокойном Кавказе, меж Турцией и Чечней?

И не дешевле ли обойдется вколотить границу по Терреку и отделить затеречную Чечню: пусть живет, как может, и грабит других соседей, не русских? Хотели свободы — пусть имеют и те, и другие. Их проблемы, в конце концов.

Война в Чечне может длиться десятилетиями и истощать бюджет, и поставлять бандитов из дембелей, которые оказываются никому не нужны на гражданке. Не можете уничтожить, выселить, покорить? Отпускайте.

Нам говорят: пойдет эффект домино, продолжится развал страны. Он скорее продолжится, если страна будет истощаться в этой войне. Другого такого народа, как чеченцы, в России нет: кто вам еще такую освободительную партизанскую войну затеет, якуты?

Отдели то, что само отчаянно отделяется. Включи то, что само просится.

Фига. Безволие — и категорическое нежелание обнародовать или хоть вообще иметь какой-то долгосрочный план развития страны: что будет с Россией через 20 лет? через 50? через 100? Это что: жизнь сегодняшним годом?

9. Есть политика декларативная и есть реальная. Так следует — для себя — признать: никакого права наций на самоопределение не существует.

А существуют большие дяди, которые в 45-м году поделили карту мира. И позднее подтвердили: чур-чур, кому что досталось — не менять, пусть так всегда и остается. Навечно. А кто недоволен — по тыкве ему! по чану! по дурной головушке!

Когда мы боролись за независимость — мы были патриоты. А когда они сейчас — они сепаратисты. Бяки.

10. Ничего вечного в мире, как известно, нет. В том числе и вечных границ.

Граница может изменяться двумя путями: мирным — и военным.

Мирный предполагает: всестороннее исследование предмета двусторонними комиссиями; привлечение историков, этнографов, политологов; социологов; обращение к третейскому судье, в роли которого могут выступать международные организации; проработку нескольких основных самых возможных сценариев развития событий; предварительное составление планов изменения границ с максимальным учетом интересов и прав обеих сторон; выработка механизма изменения границ с учетом деталей и определением этапов.

При отсутствии таких предварительных действий граница изменяется военным путем — со всеми вытекающими из военных действий последствиями.

На деле граница всегда изменяется под давлением силы, и степень изменения определяется балансом сил.

Намерение сдерживать все существующие границы до последней возможности ведет к «перегреванию пара в котле» и стихийным выступлениям. Карабах, Абхазия, Чечня отнюдь не исчерпывают список навсегда.

Или Россия и ее соседи выработают механизм мирного передела спорных границ — или в будущем это чревато неизбежными вооруженными конфликтами. Третье-

го не дано. Живые страны — не мамонты в вечной мерзлоте, раз и навсегда территориально не консервируются.

11. Бездарная потеря Крыма и Харькова не будет забыта Россией никогда. Утрата ценнейших территорий, освоенных и заселенных русскими, реально ослабила страну и была воспринята как несправедливая. Со временем, по мере изменения балансов сил и союзов в Европе и мире, политически не оформленные претензии России на эти территории могут перейти в открытую форму.

Эта возможность отдаляет Украину от России и заставляет ее искать союзов с Западом для возможного противостояния России. Запад, заинтересованный в ослабленной, упорядоченной на более низком, чем ранее, уровне, зависимой России — в этом «загнанном внутрь» конфликте безусловно на стороне Украины.

Но. Продукция сельского хозяйства и промышленности Украины Западу не нужна. Всемирная же экономическая интеграция с Россией и восстановление всех связей, при обоюдной выгоде, увеличивает зависимость Украины от России. Что в интересах России сегодняшних и завтрашних.

12. Белорусский народ никогда не противопоставлял себя русскому. Отделение и выделение его на политическом уровне определялось не более чем политической конъюнктурой. Очень ограниченный национализм носил сектантский характер и был скорее формой антигосударственного протеста.

Сиюминутная экономическая невыгодность для России объединения с Белоруссией, которая беднее — момент преходящий. А стратегическая, политическая и психологическая выгодность этого союза и его перспективность — это моменты очень долгосрочные.

Воссоединение с Белоруссией отвечает потребности системы в усилении, укрупнении, экспансии — не требуя при этом дополнительных затрат сил на удержание части при себе. Естественные отношения России и Белоруссии скорее центростремительные, нежели центробежные. Этот союз усиливает систему.

Железо куют, пока горячо. Продолжать искусственное разъединение — ошибочно и вредно. Выгоды эконо-

номической интеграции нарастут быстро. Внутривнутриполитические дивиденды объединения могут быть очень велики. Противники объединения непреодолимой силой отнюдь не выступают. Чего ради продолжать дробить себя?

13. *Колонизуемые в конечном итоге всегда съедают колонизатора.* Давление метрополии способствует формированию в колониях характеров выносливых, цепких, живучих и предприимчивых. А богатства метрополии, сосредотачиваемые прежде всего в столице, привлекают самые активные характеры размахом возможностей и перспектив. Закаленные лишениями, в поисках лучшей жизни и готовые на черную работу, самые активные элементы вчерашних колоний переселяются в метрополию и ищут кратчайших путей к преуспеянию.

Национальные землячества и этнические мафии растут, богатеют и усиливают свое влияние.

Процесс этот объективен и неостановим.

Россия, как и весь евро-американский мир, столкнулась с новым Великим Переселением Народов и замещением этносов. Перемещение идет с юга и востока на север и запад. Как минимум это должно быть констатировано.

Замещение происходит в условиях более чем честной конкуренции. Иммигранту для выживания, укоренения и подъема приходится обладать большим запасом живучести, чем аборигену.

Не то беда, что пущенные на поселение в Ставрополье турки-месхетинцы стали брать землю в аренду и нанимать местных русских в работники. А то, что русские не стали брать землю в аренду и нанимать пришлых ту-рок для ее обработки. И кто виноват?

Если тенденция продолжится на нынешнем уровне (а предпосылок к изменению пока не видно) — через сто лет русские будут меньшинством в Москве и в России в целом. Нет-нет, мы не ксенофобы, но перспектива исчезновения своего народа радовать ведь тоже никого не может.

Возможные попытки контроля над этим процессом имеют три аспекта: рождаемость, конкурентность и преступность.

14. Спад рождаемости ниже уровня воспроизводства отнюдь не следствие обнищания России. Как раз в самых нищих странах усиленно размножаются. А депопуляция — беда всех «белых» стран сегодня, при всем их процветании. (Об этом — в другом месте книги.) Это аспект старения этноса и замена биологической формы экспансии в окружающую среду на форму научно-техническую, вещественно-материальную.

Закаты всех цивилизаций сопровождалось снижением рождаемости.

А заметное, иногда в несколько раз, уменьшение населения циклически происходило в самых разных странах на разных этапах их развития — будь то эпидемии или войны.

Стимуляция рождаемости, о важности чего говорят так часто, невозможна без:

первое: снятие доминанты с материально-властного преуспеяния, статус главной престижной ценности в обществе не должен бы закрепляться за деньгами, дети ну главнее же денег;

второе — ясен день, создание системы материального поощрения и налоговых льгот: иметь детей должно быть экономически выгоднее, чем не иметь, экономить на детях — лишать страну завтрашнего дня;

третье: категорическое ограничение «прав сексуальных меньшинств», как ни «антидемократично» это сегодня звучит — нельзя приравнивать ошибку природы и извращение к норме, когда речь уже идет о вырождении популяции;

четвертое: жесточайшая борьба с наркотиками, выбивающими из жизни уже серьезный процент молодежи;

пятое: создание, пропагандирование, насаждение культура здоровой многодетной семьи;

шестое: снимайте деньги с чего угодно и вбивайте в медицину, поднимайте уровень и престиж профессии врача.

Не нравится — вымрете.

15. О конкурентности. Если кто не умеет, не может, не хочет работать лучше и больше соседа — ему ничто не поможет. Раньше или позже сосед его затенит, подомнет, придавит, поглотит, заставит работать на себя.

Иммигрант поднимается за счет того, что согласен на любую работу любой продолжительности.

Труд — любой — должен иметь этическую ценность, вплоть до культовой.

Глумление над трудом, невыплаты и без того нищенских зарплат, в то время как деньги прокручиваются банками или уводятся через цепочки посредников — по сути, это уничтожение нации.

Чиновничьи сети на путях прежде всего мелкого, честного, наивного предпринимательства — это уничтожение нации.

Обиранье монополиями низовых производителей — лишает труд смысла.

Конечно, за годы советской власти желающих и умеющих работать людей изрядно выморили, воспитав покорных рабов. Но и многократные обворовывания всего народа в «новые времена» способны отбить охоту работать честно и много.

Откровенно говоря, обитатель метрополии не вытянет честной конкуренции с закаленным, прошедшим дома «естественный отбор», жадным до новой лучшей жизни иммигрантом. Но если закон и весь порядок дел в государстве всемерно не стимулирует усердный труд аборигена — процесс замещения этноса заметно ускоряется.

16. Сегодня Россией правит криминал. Ну, скажем так: в немалой степени правит; в очень немалой; в очень большой. В этих условиях иммигрант-«национал» имеет преимущество в виде национальной спайки. По сравнению с аборигеном он обладает дополнительной структурой: землячество какая ни на есть — а все поддержка; иногда очень серьезная поддержка. В конкурентной борьбе «национал» сравнительно спаян — русский сравнительно разобщен.

«Национал» имеет то психологическое преимущество, что добра и справедливости от государства заведомо не ждет: он знает, что реально рассматривается как человек второго сорта — и рассчитывать может только на деньги, связи, силу и собственную изворотливость. Это помогает устоять и выжить. И за решением вопросов он обращается не в милицию, а к «крестному отцу».

А чиновнику безразлична национальность взяточника: давал бы больше и держал слово надежнее.

Пресловутая криминализация общества и набившая всем оскомину коррупция имеют и то следствие, что ускоряют и облегчают замену этноса.

Уничтожение коррупции имеет среди прочих и аспект физического, этнического сохранения народа.

17. О физическом и этническом сохранении народа пытаются своими средствами заботиться национал-социалисты, они же неофашисты, они же «Славянский Союз» («СС») и братские ему организации.

Лозунги известные: здоровье и процветание нации, а для того — долой еврейско-олигархический капитал, в здоровом теле здоровый дух, бей жидов и черножопых и т. п.

О психологических корнях фашизма — см. отдельную главу.

А чисто социальные куда как понятны: повальная бедность при роскоши воров, унижение народа и страны, беззаконие, вседозволенность как издержки демократии, подъем иммигрантов.

Возникновение в таких условиях неофашизма логично, ожидаемо, прогнозируемо.

Естественно предположить, что серьезные спецслужбы — а они России в наследство от СССР достались, и развал не вовсе их уничтожил — предпочтут сами спровоцировать создание таких организаций, «намотав» их на своих провокаторов. И уж как минимум имеют в них достаточно своих агентов. Следует знать, и следует контролировать. Не надо пускать на самотек то, что все равно возникнет.

В феврале 2002-го года печать заговорила о встрече главы президентской администрации с лидером СС и даже строили гипотезы о финансовой помощи неофашистам.

К чему стремятся эти штурмовики? Жесткая система, сильная рука, ликвидация демократии, силовые методы.

Могут ли они в обозримом будущем взять власть? Пока это представляется невозможным.

А что они могут? Навести шороху, пугнуть обывателя, привлечь симпатии люмпенизированных масс (а массы

делами последнего десятилетия люмпенизируются стремительно) — и вызвать крики демократов о необходимости укоротить фашистов.

Есть ли у государства возможности в одночасье ликвидировать этот — уже даже не эмбриональный, а вполне проклюнувшийся неофашизм, который не скрывается, но публично декларирует свои лозунги, шьет формы, собирается на съезды и вскидывает руки под красно-бело-черными знаменами? Есть, есть. Фашисты малочисленны, маловлиятельны и существуют «как бы вроде даже» не совсем и официально. Если неофашисты не запрещаются жестко, не разгоняются, не ликвидируются — значит, это кому-то надо. Это просто.

Штурмовики очень полезны для погромов и демонстраций — дабы все увидели губительность демократии и необходимость твердой руки. Самое полезное, что могут сделать неофашисты для сегодняшнего российского правительства — это устроить попытку эдакого как бы путча. Декларативную такую — больше треска и крика. Не столько явить угрозу, сколько изобразить.

Во всех исторических обличьях штурмовики отличались повышенной горячностью и пониженной сообразительностью. Лично честные и откровенно агрессивные недоумки. Пушечное мясо переворотов. За то их в свой черед и ликвидировали жесткие правители, когда нужда в грязной работе чужими руками отпадала.

Ликвидация фашистской угрозы — лучшее из оснований для ужесточения политического курса. Ну, чтоб необходимость ужесточения пуше приветствовалась.

18. Фашизм можно рассматривать как реакцию на ослабление системы — как одно из проявлений центростремительных сил к воссозданию системы в обновленном, ужесточенном виде.

Территория уменьшилась. Большая часть колоний отпала. Население сократилось. «Ужесточительные институты» ослабли или вовсе ликвидированы. Противоречие между интересами системы и индивидуума уменьшилось. Совпадение интересов системы и индивидуума увеличилось: для защиты жизни и благополучия индивидуума усиление государства видится полезным и во многом необходимым.

С уменьшением «массы и объема материала» центробежные силы ослабли, а центростремительные усилились — по сравнению с начальным этапом развала системы СССР.

Происходит естественное усиление централизованной власти, противостоящей дальнейшему развалу.

В 2002 году происходит «аппаратное усиление» государства, повсеместный прессинг центра — пока без каких-либо кардинальных изменений в политике и экономике. Грядущие через два года очередные президентские выборы диктуют власти осторожность, взвешенность, легитимность действий — чтобы, через два года продлив полномочия законным путем еще на четыре года и повысив эффективность аппарата, перейти к более серьезным действиям по усилению системы.

19. Сегодня национализация (вернее, «рениационализация», возврат государству) естественных монополий не представляется возможной: они сильны, государство слабо, коммунисты живы, общественное мнение (в основном масс-медиа) пока еще имеет какое-то свое мнение — оно скорее против, и Запад против со своими инвестициями и блоками.

Но если нельзя национализировать предприятие — то можно «национализировать» его директора. Подыскать для узкого круга руководства кнут и пряник. Компромат и личную выгоду.

Видится логичным национализировать директоров сегодня, а монополии — завтра.

Поддержка большей части населения обеспечена.

20. Правда, эту бóльшую часть населения никто ни о чем не спрашивает. Демократическая пресса является демократической лишь отчасти.

Свободная пресса по сути своей тяготеет к оппозиционности. Интеллигенция всегда оппозиционна. Зорко следит за злоупотреблениями власти, стремясь ограничить ее произвол. Эдакий противовес-компенсатор. Кусащий пескарь — чтоб шука не наглела.

Взятая сама по себе — свободная пресса скорее деструктивна. Нелицеприятная критика. Критикой единой жив не будешь. Конструктивна она лишь совокупно с властью — корректируя, проясняя, советуя, комменти-

руя, протестуя (куда реже — поддерживая). Кроме того, свободная пресса коммерциализирована и нацелена на тираж: а читатель предпочитает катастрофы, разоблачения, низвержения, сенсации — негатив. Плюется, обжевшись — но предпочитает.

Пресса сыграла свою немалую роль в демонтаже старой системы. Поддержала демонстрационщиков-реформаторов. Пожила недолго прекрасными иллюзиями. В рыночных условиях стала нуждаться в деньгах и обрела владельцев. Снизил профессионализм и обзавелась новыми табу.

Нельзя глубоко вдаваться в налоговые проблемы, потому что любой приличный журналист получает большую часть зарплаты не по ведомости, а черным налом. Рыльце в пушку у всех.

Нельзя глубоко вдаваться в проблемы коррупции, потому что нити ведут наверх, а никакой хозяин не хочет наживать врагов в Думе или Кремле — везде блоки интересов, врагов и так хватает, могут вообще перекрыть кислород. А могут вообще пришибить журналиста в подъезде или взорвать.

Нельзя вообще сомневаться в устоях демократии. Интеллигенция не поймет. Да и будешь без демократии писать лозунги правящей партии, вообще не пикнешь.

Нельзя, понятно, критиковать хозяина. Он подбирает людей, подходящих ему по взглядам, и может им не указывать ничего — пусть творят свободно, но сами понимать должны. Кормилец есть кормилец. Если он нечист — а кто чист? Жизнь такая.

А что требуется власти, стремящейся усилить систему и переломить тенденцию к развалу? Власть, которая сегодня слабовата и имеет серьезных неофициальных конкурентов, с которыми делит реальное влияние на все происходящее в стране? Ей требуется поддержка прессы, в том числе и в непопулярных шагах, без которых не обойтись. И покусывать ее за ноги не надо — ножки и так подгибаются.

Нормальный конфликт власти и свободы слова. Вот только положение в стране ненормальное — еле дышит.

Власть хочет консолидации. А пресса не хочет диктатуры.

И обе правы.

Со скорбью констатируем, что на этапе необходимого усиления слабой системы власть может быть только жестко централизованной, а свободы прессы — неизбежно ограниченными.

Чисто теоретически: власть может подавить преступность и развал без прессы — по сводкам ГРУ и ФСБ. Но пресса не может справиться без власти с этими задачами никаким каким. Есть ситуации, когда опасность диктатуры предпочтительнее опасности развала.

Впрочем, история не спрашивает, что предпочтительнее. Мы имеем то, что имеем.

Власть будет продолжать ставить прессу под государство. И правота объективного хода вещей на ее стороне.

(Заметим в заключение, что даже в такой уже навязшей проблеме, как отключение энергии оборонным объектам, пресса ни разу не попыталась докопаться до корней: как именно кроится бюджет Минобороны, какие суммы планируются на энергоплатежи, сколько процентов от запланированных сумм реально поступает армии — и на сколько процентов планируемые и реальные платежи покрывают реальные счета энергетиков, и о чем думает Минобороны, если не на сто — и каков механизм ценообразования энергетиков, каковы их прибыли и убытки, и как гоняются их деньги, как прячутся их прибыли и из каких денег складываются миллиарды долларов на счетах владельцев компаний. В офицерских квартирах нет отопления, зато у нефтебаронов есть дворцы на лазурных берегах.)

21. И прессе, и власти трудно без национальной идеи. Дайте нам идею! Не дают.

Долго отрывивали советскую идеологию — и осознали, что вовсе без идеологии тоже плохо. Хочешь? А — нету. И ведь тужатся.

Что такое идеология? *Это наличие идеала, взывающего в действие и достижению общей цели.* Единство надличностного идеала, предполагающего скоординируемые действия в практической сфере. Сумма убеждений как ориентир в действиях. Можно сказать и иначе:

Идеология — это установка на задачу.

Но задача должна иметь надличностный характер. Не только чтоб было чего ради трудиться, терпеть лишения

или даже жизнью пожертвовать. А чтоб это было нужно не только тебе одному — а многим. Украсть или даже заработать миллион и на него хорошо жить еще не может быть идеологией. Бандит, пристреленный в разборке конкурентом из-за неподделанного миллиона, жизнь за свою цель отдал, но идеологии не имел. Жизненные воззрения бандита нас не устраивают. (Хотя прижились.)

Идеология — это ценность системная. Жила бы страна родная. Нет бога кроме Аллаха. Несите бремя белых. Смерть или победа.

Идеологический кризис — отражение системного кризиса. Что делать? Куда идти? За что бороться и что строить? В чем цель моей жизни — в банковском счете? К чему прикладывать силы душевные — к грызне за личное место под солнцем?

Идеология потребительства, консьюмеризма, работает в укрепившейся и стабилизировавшейся на высоком уровне системе: все хорошо, права сытой личности, подерживай статус-кво, не то будешь бедным и больным. Это предвестник спада и угасания системы — велик и богат Рим, могучи легионы, но пороки уже подточили нравы, нечего больше захватывать, поднимать и создавать, и тайно зреет в пещерах христианство, и пасут в дальних степях коней варвары.

А если ты уже бедный и больной — что тебе консьюмеризм? Хапануть лимон или свалить в богатую Америку, пока хозяин до голодной смерти не довел, чиновники соки не высосали, бандюк не ограбил и государство не кинуло — вот и весь консьюмеризм. Только злокачественный идиот может купиться в сегодняшней России на сказочку типа «американской мечты» — всего достигнуть собственным честным трудом, тогда и повезет. Циничный смех будет ответом лектору.

Каких целей мы сегодня заведомо лишены? Экспансии. Войны за независимость. Построения единственного в мире справедливого общества. Классовой борьбы, слава те господи. Непримируемой борьбы с прочими внутренними врагами, восходящей до статуса общенародного движения (евреи, мусульмане, коммунисты, фашисты, атеисты, христиане).

Клинический прогноз: неблагоприятный.

То есть: мы не имеем задачи, к которой можем «прицепить» идеологию. И не имеем условий, к сохранению которых можно, за неимением лучшего, «прицепить» ее же.

У нас нет базы для идеологии. Вот в чем беда.

На уровне идеологии как отражения предметной действительности на уровне вседозволенности, аморфности, релятивизма — развал системы продолжается: сумма ингредиентов есть, но в систему они не собраны.

Сегодня Россия является единым целым на уровне предметного, материального единства (включая лингвистическое и национальное) — но на уровне духовной и идеологической системы она почти не существует. «Почти» означает на грани распада, в зыбком равновесии медленно сползая к развалу.

А у кого сегодня идеология явно есть? У фашистов. У исламских радикалистов. Ненавись — но пойми. Уничтожь — но пойми. Это люди идеи. Люди крупной задачи и крупной цели, люди борьбы.

Более того. Когда российские солдаты проводят зачистку в чеченском селе — они обладают идеологией. Милитаристской, шовинистической — но идеологией. Есть враг, есть смерть, есть война, есть категорическое стремление выжить и победить в конкретных боях. А потом они демобилизуются и остаются без идеологии.

22. Хочешь идеологию? Поставь задачу.

Характерно, что за десять последних лет никто в России так и не смог сформулировать: куда идем? Какой видится страна через десять, двадцать, пятьдесят, сто лет? Размеры, строй, национальный состав, жизненный уровень, приоритетные отрасли экономики, стратегические союзы?

Пока не будет внятной политической и экономической концепции, внятной перспективы — никакая идеология невозможна. Пытаться создать идеологию сегодня — ставить телегу впереди лошади, которая еще не родилась.

23. Польза реставрации православия понятна и несомненна. Но как только мужику предлагают Богу молиться — в травматологию очередь с расшибленными лбами.

Как только на телеэкране очередной матерый партсекретарь в рыночном костюме елейно извещает о своей «истинной вере» — порядочному человеку хочется объявить себя атеистом. Репортажи со служб в храмах ведутся с дикторскими интонациями советских военных парадов.

Когда все дружно, по команде, строим, прекращают петь «Интернационал» и идут к святому причастию — это унижительно. Это компрометирует идею. Вера существует для души, а не для демонстрации. Не то получается стриптиз вместо интима. А стриптиз — не убеждает, это такая работа.

Как бы тактичнее объяснить вчерашним коммунистам, запрещавшим и чернившим христианство, что ну не гоже им сегодня демонстрировать свою рьяную религиозность? Что Бог живет в душе, а не в телевизоре? Что это производит впечатление, обратное желаемому — фальшивое и отгалкивающее?

Что нехудо бы Церкви отмежеваться как-то от оптовой торговли алкоголем и табаком в лихие девяностые?

Ну всем же ясно, что пережест ведет к противоположным результатам. Ну так?

24. Пережест в пропаганде личности президента Путина как минимум преждевременен. Эти портреты, календари, майки, буквари и экскурсии. Слишком недавно он был подполковником, и заместителем мэра, и никому за пределами рабочего круга не известным человеком, и слишком недавно стал президентом, и ничего судьбоносного для страны не успел еще на сегодня сделать. И слишком известен подлый сервизм российских чиновников. И слишком свежа память о культуре генсеков.

Массе, конечно, нужен вождь, но не так же бестактно и поспешно. С таким количеством услужливых дураков и враги ведь скоро не понадобятся.

Для имиджа президента сегодня невинно было бы как-то ненавязчиво, но все-таки публично отмежеваться от идиотских кампаний и даже изобразить порицание рьяным сверх меры такта доброхотам. Явить скромность и пресечение наивных попыток — ну не культура, неуместной лести, что ли. Это нравится. Это повышает рейтинг.

25. Народ — он, конечно, хочет батюшку. Чтоб крут — но справедлив. Без крутизны с нами нельзя, мы такие, это мы одобряем. А без справедливости вовсе уж захирели и обезнадежили.

А справедливость — это прежде всего: виновных, батюшка, найди и примерно накажи, публично, всем в пример. А хороших людей награди, тоже примерно. А самые ну непереносимые же несправедливости — обещай исправить сегодня же, и хоть что-то да исправь прямо завтра. Вот и весь вечный популизм.

Когда товарищ Сталин сажал вредителей, он понимал в психологии масс. А равно когда с героями труда фотографировался.

Очередное «награждение группы работников» в Георгиевском зале впечатления не производит. Стране нужны герои — хоть ты тресни. Тотальная дегероизация девяностых дала гниловатые плоды. Найти фермера, сделать Стахановым, пустить по всем газетам. Найти раненого оперативника и сделать ему головокружительную публичную карьеру. Утопить «Челюскин», но челюскинцев спасти под всенародный гром! Где Министерство пропаганды?!

Нерадивого и наглого гаишника судить публично и наказать беспримерно — сколько радости людям! Таможенника не просто посадить — а под овации масс вокруг тюрьмы! Дзержинского на вас на всех нет.

И серийному убийце, маньяку и садисту, жизнь сохранять — это очень вредно для веры народа в справедливость. Народ такое государство не любит. (См. отдельную главу «40 тезисов...».)

Кто разворовал деньги на строительство и построил негодный дом? Виновного найти и посадить с конфискацией. В телевизоре его сажать. Кто сорок лет учил детей за нищенскую зарплату, даже ее по полгода не получая? Найти, наградить, озолотить, прославить. Что за страна — с элементарными вещами справиться не может.

26. Государство стоит на трех китах: армия, полиция, дворцовый аппарат. Конкретнее: армия, милиция, спецслужбы. Треножник, опора, скелет, несущая конструкция. Не ново. Каков скелет — так на нем все и держится.

27. О спецслужбах. Из дискуссий, публикаций и телепередач возникает впечатление, что в стране было два КГБ. Один расстреливал невинных по подвалам, уничтожал миллионы граждан, пытал патриотов, держал в ужасе страну и не отмыл рук от крови. Другой ловил шпионов, раскрывал заговоры, выведывал вражеские военные секреты, жертвовал жизнями своих безвестных героев и спасал страну от гибели. Почему-то оба были на Лубянке.

И никак не поворачивается у ответственных лиц язык, чтобы публично заявить: да, и палачи были, и герои были, и совмещался нередко рыцарь и мясник в одном лице самым трагическим образом. Никак не получается отделать покаяния от очернения. Очищения от низвержения.

Рыцари разведки в белых перчатках от ПГУ, душители свобод из «пятерки» и топтуны из «девятки» валяются в одну кучу, и стоят над той кучей благородный Феликс и мерзкий Лаврентий.

Увы: между спецслужбой и народом всегда должна быть дистанция, и заполняется та дистанция недоверием, неприязнью и отчуждением. Чтоб не снюхались и мышей лучше ловили. Таковы законы системы. И все приличные руководители это всегда знали.

Самокритика лучше критики. Для оформления положительного имиджа спецслужбиста очень неврдно для ФСБ, скажем, кое в чем покаяться, отмежеваться, назвать имена и факты и без того известные и даже побиться несильно головой об стенку. Но чекист так заботится о чести мундира, что иногда не замечает отсутствия под ним штанов. А без штанов плохо насчет авторитета.

Спецслужба должна иметь самоуважение, прокорм и смысл работы.

Усиление системы невозможно без усиления спецслужб. Они-то в этом и так убеждены, но нехудо и некоторым другим осознать.

28. Преступники милицию не боятся, но на мирных граждан она страх наводит.

Нищенскую зарплату приходится как-то пополнять из карманов налогоплательщиков напрямую, без посредничества бюджета. Ну, и бандюки с торговцами отстегивают. А как жить?

Почему в цивилизованных странах так мало дорожных полицейских, а у нас не продохнешь от гаишников? При этом машин на душу населения у нас все-таки меньше, а аварий — больше. Потому что их дорожно-патрульная служба содержится на выделенные муниципальным или федеральным бюджетом средства, а бюджет не резиновый. А наши гаишники не только сами кормятся на асфальте, но и наверх бабки отстегивают, кормя всю пирамиду своего руководства. Поэтому западному руководству выгоднее иметь минимум полицейских, а нашему — максимум. Вот и весь ребус.

Только опираясь на спецслужбы, можно навести порядок в милиции. Сократить и уволить массу дармоедов с асфальта. Передать эти деньги задыхающимся операм и следователям. Правда, это копейки.

Вот милиционер ловит вора и везет в тюрьму. Вот через месяц откупившийся вор выходит. Что имеет мент? Ненависть к власти, обесмысливающей его труд. И пустой карман.

Вот тот же мент ловит вора, берет взятку и отпускает. Следователь свободнее, в камере не так тесно, баланда сэкономлена, вор на своем месте без промежуточных хлопот, а мент с деньгами и без ненависти к власти.

Все ли понятно?

А если ловить жестче и не отпускать? А если давать милиции процент от выловленных и возвращенных государству средств? И немалый процент? И меньшую его часть — в бюджет МВД, а большую — непосредственно тем, кто ловил и сажал? А не лучше ли будет? А не появится ли стимул? А не кончится ли «крышевание» ментами тех, кого они должны сажать? Но охранять — за деньги, а сажать — бесплатно и «на минуточку».

Ну должно же быть честным хотя бы не менее выгодно, чем нечестным? За равные деньги любой же предпочтет быть достойным, уважаемым и влиятельным. Если милиция берет деньги, а преступники продолжают свою деятельность — то пусть милиция берет те же или бóльшие деньги, но при этом преступник садится, а остальные деньги идут в казну.

Злоупотребления будут? Всяко меньше, чем сейчас. А других денег для милиции нам сегодня взять негде.

29. Кто не в силах прокормить льва — должен держать собаку. Ибо живая собака, как сказано, лучше дохлого льва и даже полудохлого.

«Журналисты травят армию», — устало повторяют генералы. Это означает: «Публично говорят о гадостях, которые мы предпочитаем скрывать».

Разговоры об армейской реформе идут десять лет. За десять лет армии создаются, выигрывают войну и распускаются. Мы буксуем в той же яме.

Пугают огромными суммами, необходимыми на реформу. Это наглая ложь, рассчитанная на простачков. Норовят плюсовать зарплаты контрактников и стоимость обновленных вооружений — и это вся калькуляция. «Денег нет!..» — стонет генералитет. Правильно стонет. Знает кошка, кто ее салом кормит.

Даже сегодня, даже без перехода на контрактную систему, даже без вложений одной дополнительной копейки, в армии можно и давно необходимо улучшить чрезвычайно многое.

Но сначала — о мотивации. Почему призывник идет в армию? Потому что иначе сядет в тюрьму. Выбирает меньшее из двух зол. То есть мотивация отрицательная. Служит под угрозой.

Студент не хочет служить, чтобы времени жизни не терять. Допустим. А еще почему? А другим что не нравится?

Дедовщина. Бесправие. Бессмысленность. Муштра. Дрянная кормежка впроголодь. Внутриармейская жестокость и хамство. Пещерные бытовые условия. Нищета. Беззащитность. Произвол начальства и «стариков».

Здесь дело более в идиотизме и косности, чем в деньгах. На кресло в казарме и бифштекс на обед деньги нужны. На остальное нет.

Можно плохо питаться и бедно жить, но все-таки чувствовать себя человеком. Когда солдат вешается, или забивается табуретом, или кладет из автомата караул — он делает это не от голода и не от щелей в стене казармы, и даже не от того, что офицеров мало.

Но наша армия в отношении к солдату оправданно и мудро исходит именно из отрицательной мотивации: заставим! чтоб служба медом не казалась! Сделать так,

чтобы солдат хотел служить, никому и в голову не приходит: какой идиот будет служить, если не заставлять.

а). В чью светлую голову пришла мысль готовить сержантов из солдат срочной службы сразу после призыва? Салага с лычками приходит в часть из учебки, и его лупят «старики» — формально его подчиненные.

Сержантские лычки — не значок специалиста. Сержант — это командир: он должен знать службу, иметь авторитет и склонности лидера и пресекать любые попытки противодействия. Здоров, крут, беспрекословен. Любой солдат, но только обладающий этими качествами, через год службы может быть сержантом. А на «командирскую подготовку» достаточно пары недель — премудростей тут нет, а служба — она сама учит.

И совмещаются сержант и «авторитетный дедушка» в одном лице. Неформальное лидерство делается формальным. Сколько можно плевать против ветра и зачем?

В приличных армиях известие о том, что у нас сержантами делают салаг-призывников, да без учета характера и физической внушительности, вызывает изумление.

б). Дайте людям возможность нормально ходить в увольнения и носить там «гражданку». И чаще, чем раз в неделю. Гоните виновных в нарушениях хоть сразу в дисбат, чтоб тряслись заранее от страха быть наказанными. Но давайте дышать. Безвылазное пребывание в замкнутом коллективе с жестокими нравами ведет к агрессии и депрессии. Людишки звереют, нервы изматываются. Чем заняты так называемые «военные психологи» — тайна. И не аргументируйте «круглосуточную занятость» солдата требованиями расписаний, инструкций, дежурств и нехватки людей. Головоотяпство все это. Войны, слава богу, нет, а занят солдат всякой чушью в основном.

в). Товарищи командиры и генералы вплоть до министра. Солдат — это такой же боевой механизм, как любой другой: танк или ракета. Только главнее. И ему тоже нужны профилактика, текущий ремонт, обеспечение штатной смазкой и горючим. Задрюченный солдат — это видимость солдата, это вроде неисправного танка. Его тело должно тренироваться и отдыхать, нормально есть и пить, а душа должна быть на месте. Он может долго терпеть и

функционировать, а потом забьет салагу, или дезертирует, или пристрелит вас. И виноват на самом деле не будет. Вы же не вините неисправный танк?

Создание солдату человеческой жизни — это не гуманизм, не роскошь, не слюнтяйство и даже не забота о людях. Плюнем на людей! Это — необходимое условие боеспособности армии. Усталый, голодный, злой и замученный солдат сведет на нет всю вашу технику. Не дрючьте его все время.

г). Сегодня во главе угла стоят муштра и показуха. Давно забыто, что строевая подготовка когда-то, изначально, была важнейшей частью боевой: строй в бою держать надо было.

Когда одеяла в казарме красиво натянуты на тюфяки, пол вымыт до блеска, взводные коробочки чеканят парадный шаг, а стрелять никто не умеет, окапываться не умеет, технику водить не умеет, бегают с пыхтением и подтягиваются два раза — командную вертикаль гнать из армии с треском.

Учить надо воевать. Остальное — не столь обязательно. На что идут время и силы солдата? Вот на всякую ерунду. Ну, и при чем тут деньги?

д). От бессмысленности своих ежедневных занятий солдат тупеет, звереет и считает дни до дембеля. Изгнание бессмысленности — это бесплатно.

е). Вот есть атомный подводный ракетный крейсер. Он стоит сотни миллионов долларов. Много сотен.

А вот есть бетонный пятиэтажный дом стандартной планировки на семьдесят квартир. Он стоит полмиллиона долларов.

Дальше всем ясно. Бомбовозы строим, дома для офицеров — нет. Экономим. А как же! Планы ввода! Графики боевых дежурств!

Категорически не хотят береговое жилье включать комплектующей в стоимость техники. Одна лодка равна стоимости жилья всего плавсостава флота? Отлично: строим лодку. Состав поспит в сопках.

А что — уже война? Без лишней лодки потерпим поражение, сдохнем?

В этой частности — все отношение к армии. Оттого и еле дышит.

ж). На БТРах ездят сверху. Сидеть на броне неудобно, весь открыт — так зачем броня тем, кто весь открыт? Но сидеть внутри — и при попадании из гранатомета или наезде на мину внутри все покойники. И выскакивать из него мешкотно и неудобно.

Срезать крышу и надставить двойное днище — это так дорого? Наварить противоккумулятивные экраны — это так дорого? Во время Великой Отечественной аналогичные вещи делались прямо в полковых и дивизионных реммастерских.

Да ни за что. Продолжаем штамповать свои коробки с сиденьями под крышкой. Доктрина полувековой давности.

з). Зато генералов у нас больше, чем в любой другой армии. А для генерала нужно штатное расписание. А под штатное расписание нужны части, единицы техники, солдаты.

Дать лишней половине генералов пожизненные зарплаты, казенные дачи и личные машины. А подчиненных из-под них убрать. Намного дешевле обойдется.

Ибо не один нормальный генерал не захочет сокращать армию вместе со своим местом.

и). И офицеров у нас больше, чем в любой другой армии. Зато получают они меньше, чем в любой другой армии. Разве что, может, в Зимбабве меньше, не сверялся. И то вряд ли.

Кстати, униженное хамской нищетой офицерство — прекрасный материал для переворотов. Не знаешь, чего в нынешних российских офицерах больше — терпения, патриотизма или забитости.

Найдись сегодня в армии новый Георгий Жуков — не спать Кремлю спокойно.

Лейтенанты увольняются из армии толпами — а чего ради так служить? А училища готовят новых. Нет денег на офицеров — так хоть не плоды! Деньги на ветер, жизни наискосяк.

Все, что реально можно сделать сегодня для офицеров — это, во-первых, резко сократить прием в военные училища и их число, и, во-вторых, срезать деньги на технику и перекинуть на обеспечение уже имеющегося состава.

к). И наконец, единственный разумный вариант — принципиально изменить концепцию размеров вооруженных сил. Не те деньги, что есть, растягивать на то, что имеем — а на те деньги, что имеем, содержать армию такого размера, который по карману.

С мечтами о сверхдержаве и паритете военной мощи со США и НАТО приходится распротиться. Сие от нас не зависит. Таков объективных ход событий.

Для сохранения целостности сегодняшней России и ее обороны от возможного агрессора армия в ее сегодняшнем виде и размере не нужна.

Каждый день ее содержания продолжает истощать страну и озлоблять народ.

(В качестве последнего примера боеготовности и духа. Невозможно отыскать в мировой истории случаи, когда офицеры продавали противнику оружие, а унтер-офицеры — своих солдат в рабы. Такие вещи имели место исключительно в российской армии в чеченскую войну. Это уже грань трагедии и анекдота. Выводы — будут?)

И самое последнее, мелкое, неважное, невинное, отравляющее жизнь. Армейская служба начинается с мата, ора и рыка в военкоматском дворе. Хамство — норма жизни. Лейтенант обкладывает х... солдата, майор — лейтенанта, полковник — майора. Архаичное сочетание «офицерская честь» способно вызвать только гогот. Идет это от верха — с маршалов и генералов вниз. И представляется всем естественным и чуть ли не единственно возможным. Может ли быть нормальным офицером тот, кто унижаем и материм любим, имеющим на звездочку больше? Жуков, конечно, и в морду генералам давал — ну так плоды созрели и теперь падают.

Помогут здесь деньги? Надбавки за нормативную лексику, что ли? Это офицерский корпус — или переодетые парни из бомжатника?

Когда-то — стрелялись, на дуэли вызывали, из армии гнали. Ныне — утрется, козырнет, хлопнет водчонки, выматерится в сторону и рукой махнет.

Делать что? А репрессировать неукоснительно, последовательно и беспощадно. А военным судам приказать (!) принимать иски о защите чести и достоинства — и карать. Не сразу поможет? Ох не сразу. Но воин, живу-

ший в постоянном унижении начальством и даже переставший воспринимать его за унижение — это уже не воин. Это вооруженный раб в приказной системе.

Все это не так невинно и наивно, как может показаться. В нездоровом теле — нездоровый дух.)

30. Государственная система сложна, и в переплетениях ее механизмов уловить тенденцию порой очень трудно. Составляющие государство подсистемы проще, функции их ограниченнее и определеннее, и в них тенденции проявляются очевиднее. По-простому: посмотри, что происходит в армии — и станет ясно многое из того, что происходит в государстве.

Например. К концу семидесятых большинство призывников было из Средней Азии и с Кавказа. Это что? Это ослабление славянского этноса в гос. системе. Это демографическое давление ислама. Это нарастание национального кризиса в империи. Это размеры и состав империи входят в противоречие с ее монолитностью: проявление кризиса системы. Это запрограммирование системы на экспансию истощает ее и тем готовит разрыв ее изнутри: для армии было бы полезнее быть меньше и единее — но тенденция к наращиванию суммарной мощи заставляет ее быть большой. Это уже сигнал: ребята, меняй геополитическую доктрину и модернизируй систему, пока не поздно, пока она еще держится.

Сегодняшний развал армии, после десяти лет болтологии и общегосударственных реформ, означает: ребята, не льстите себе надеждами, что развал страны приостановлен. Внутренний процесс продолжается. Мы пытаемся сохранить больше того, на что хватает сил и средств. О пользе государства мы мыслим устаревшими категориями. У нас слишком много высоких постов для воров. Раздрызганная полудохлая система не делает для людей, без которых существовать не может, даже того малого, что в ее силах сегодня. Сливки свежих сил утекают на сторону. Не до жиру, быть бы живу.

31. Экстраполяция тенденции девяностых — это дальнейший развал.

Последовательное и неограниченное развитие демократии — это право населения любого региона на свободное волеизъявление: хотим выйти из Федерации и

быть самостоятельными. Да-да: «Берите столько суверенитета, сколько сможете».

Сценарий несложен. Приморье и Дальний Восток ориентируются на Токио, Пекин, Юго-Восточную Азию. Морепродукты и лес: экспорт. Дешевая сборка японской электроники. Размещение производств вредных циклов. Льготные налоговые зоны и кабальные займы. Китайские гастарбайтеры на низкие зарплаты — с последующим укоренением.

Малочисленная Якутия хорошо выживает на золоте и алмазах.

Красноярский край: алюминий, никель, медь, лес, гидроресурсы, вузы — да лучше Канады.

Татария и Башкирия с их нефтью ориентируются на светский ислам, заключают союз с Турцией и Азербайджаном.

Помашите платочком Северному Кавказу, пока его видно.

И тогда Карелия, а за ней Кольский подумают, что ведь неплохо было бы организовать федерацию с Финляндией.

Если кто-то думает, что во всем этом есть хоть что-то нереальное — пусть припомнит, какой дикой антиутопией выглядит из стабильного восьмидесятого года веселый (все веселые?) ну, пусть девяносто пятый. Пятнадцать лет — и сколько наворочено и разворочено! Пусть гордый бритт образца девятьсот тринадцатого года, владелец пятой части всей земной суши, посмотрит в семьдесят третий: величие? колонии? империя? сверхдержава? а откуда это тысячи мечетей в Англии? а Гайд-парк почему одними мусульманами занят?

Человек склонен к иллюзии, что все скверное случится не с ним и не с его страной. Михаил Горбачев в девяносто втором году тоже, надо думать, сильно удивлялся.

32. Поскольку армейские вооружения стареют каждый день, а на новые нет средств; поскольку на штатную профилактику техники и боевые учения нет средств; поскольку на стимулирование к службе личного состава нет средств; — постольку ослабление российских вооруженных сил продолжается каждый день.

Учитывая развитие Китая, рост военного бюджета США и работу в разных странах над созданием ядерного оружия и средств его доставки — относительное ослабление российской армии также продолжается.

С учетом этого, а также всего, чему мы были свидетелями в последние десять лет, никак не приходится рассчитывать, что армия сможет предотвратить дальнейший развал, если уж он пойдет.

Напротив: командующие округами и их штабы, командиры крупных соединений — повысятся в должностях и чинах, резко повысят свой материальный уровень. То, что атомоходы, радиолокаторы и стратегические ракеты скоро станут не нужны — это горе среднего офицерского состава, а начальство купят; дело нехитрое. Кто из военных протестовал в 91-м декабре? Партсекретарям подчинялись. И теперь кто надо с ними договорится.

33. Демократический сценарий развития — становление цивилизованного государства при соблюдении всех законов и сохранении всех свобод — прекрасен всем, кроме своей *невозможности*.

Его сторонники допускают один маленький политологический недосмотр. Недоучет ступеней на лестнице смены форм политического устройства.

Демократия не сменяет более жесткую и авторитарную форму правления сразу и непосредственно.

Взять европейские демократии. Англия, Франция, Германия, Италия. Жесткая власть — развал системы — анархия с обнищанием и кровью — диктатура — реставрация прежней жесткой власти в ослабленной, гуманизированной, ограниченной форме — смена ее демократией.

Карл I — смута — Кромвель — Карл II — постепенный переход реальной власти к парламенту.

Луи XVI — «народовластие» — кровь — коррупция — Наполеон — реставрация — буржуазная республика.

Бисмарк — кайзер — Веймарская республика с ее анархией Гитлер — демократия.

Как там было у древних греков с их методичностью? Аристократия — охлократия — тирания — демократия. И никогда не навечно.

США? Это опыт постройки с чистого листа. Перенос колонистов на дальнюю изолированную площадку в эпоху рождения демократий. Параллельно — побочная эволюция устоявшейся Британской монархии.

Им не надо было ломать и перестраивать прежнее устройство — его не было. Не было инерции, не было сопротивления, не было обломков и рудиментов — было только освобождение от внешней зависимости от метрополии.

Последовательность форм — это не догма. Это психология, политология и систематика.

Ломать и строить — не одно и то же. Э? Мастерком и раствором стену не снесешь, а тараном не построишь.

Демократия этапа сноса старой системы складывается как деструктивная. Она мечтает о светлом завтра и рисует его, но главное сегодня — сломать старую систему. Оппозиционность — душа этой демократии, критика — призвание, свобода — идеал. Ей по пути сейчас со всеми недовольными, а недовольных — море.

Система рушится — и демократия оказывается охлократией естественным образом. Горячие говоруны говорят, хищники грабят и рвут, идеалисты руководствуются идеалами, а закон рассыпается и перестает действовать.

Те, кто вчера плечо к плечу рушил ненавистную крепость, оказываются врагами. Потому что один хотел грабить, второй — умыкнуть баронскую дочь, третий — зарезать барона, четвертый — раздать баронское добро всем поровну, пятый — идти всем крушить следующую крепость, шестой — построить из крепостного камня прекрасный дворец для всех, седьмой — сжечь все и разойтись по домам, чтоб не знать больше баронов, седьмой — подбить баронскую дружину свергнуть короля или уйти в разбойнички. Спорят, режутся, заключают союзы и изобретают гильотину.

Вот и весь 1917-й год.

Почему эта деструктивная в своем изначальном мотиве демократия не может пока ничего построить? Ну, очень просто: потому что она выпустила на волю силы, с которыми никак демократическими своими (слабыми сегодня) силёнками не может справиться. Потому что на

разрушение крепости сбежали все люмпены и бандиты, а в подвалах крепости сидели не только борцы за свободу, но и лихие душегубы.

Храбрых и убежденных демократов убивают, а менее храбрых и убежденных покупают или запугивают.

Деструктивное начало берет верх в этом обществе, и честные вчера люди вливаются в ряды воров, бандитов, мошенников и проституток. А сажать их нельзя, потому что закон не умеет: он еще хил и несовершенно, его берут на взятку и испуг.

И пользуясь демократией, крыса выжирает сыр изнутри. И хрен ты с ней демократически сладишь.

Демократия, сложившаяся в период слома отжившей недемократической системы — это ее гибель, ее могильщик, похоронная процессия, команда киллеров. Жук-древоточец. Гибрид сокола и стервятника. Оперсонифицированная реакция на все зверства и зажимы старой системы. Деструктивная структура...

По своей сути она стремится отрицать любые зажимы любых свобод. А «плохой человек» в таких условиях всегда преуспеет больше и добьется большего, чем «хороший». Для него сдерживающих факторов не остается, а имеющиеся легко обойти.

Слом системы — это возобладание деструктивного начала. Но после слома это персонифицированное деструктивное начало оказывается несостоятельным. Нечего делать снайперу после войны! Только в киллеры...

На сломе системы в ряды демократии встали все жулики, мошенники, жаждущие быстрого и обильного обогащения дельцы, неразборчивые в средствах властолюбцы. Интересы совпали.

Демократия не может справиться с охлократией, потому что сама ее породила и в нее превратилась. И оказалась клептократией. Воруем! А что делать, жизнь.

Не ругайте могильщика — он сделал свое дело; но не надейтесь, что он столь же успешно примет роды.

А охлократия готовит место для тирании. Ее можно называть диктатурой, или тоталитаризмом, или авторитарным режимом, или как-нибудь еще.

Что это значит? Что наступает такой этап развала системы, когда развалилось уже «больше, чем надо». С раз-

гона. По инерции. И центростремительные силы проявляют уже свое преобладание над центробежными. Начинается новое структурирование системы. Стягивание пут. Натягивание вожжей.

34. В основе авторитарного сценария развития событий лежит принцип жесткой централизации власти.

Схема конструкции проста и известна. Усиление силовых ведомств. Контроль над капиталом. Национализация самых прибыльных и мощных отраслей экономики — в явной или скрытой форме. Подчинение и использование в своих целях средств массовой информации. Попытка создания единой идеологии. Переход к фактически однопартийной системе, посильное ограничение, ослабление, поглощение прочих партий, часть которых может быть оставлена «для вывески» и фактически под контролем. Культивирование патриотизма и великодержавных настроений. Стремление к созданию культа вождя. Популистские акты. Распространена попытка «маленькой победоносной войны»: это отвлекает от прочих проблем, объединяет, увеличивает патриотизм, дает основание для ограничения вольностей.

Сегодня, в 2002-м году, мы наблюдаем наступление этого этапа.

35. По логике вещей, через 7—15—25 лет начнется этап «мягкого перехода» к демократии.

При готовых демократических институтах. При упорядоченной и поднявшейся экономике. При сильном и действующем законе. И без передачи власти, даже на время, деструктивному течению.

Отпускание гаек сверху.

Чтобы сложившаяся система демократии изначально не была вызвана к жизни необходимостью демонтажа старого и не имела в основе деструктивного импульса, но исключительно конструктивный. Прицел на создание, а не на ломку. На сохранение всего полезного, что уже есть, а не на разгребание площадки бульдозером и водометом.

36. Почему представляется ошибочной попытка копировать европейскую модель? Потому что не надо копить и занимать деньги на билет на «Титаник», если айсберг уже плывет навстречу.

Во-первых, все равно, не получится. Тысячу лет не походила Россия на Европу — какие основания полагать, что в ближайшие десять вдруг станет походить?

Во-вторых, весь уклад жизни в стране определяется совокупностью факторов: территория, ландшафт, климат, плотность населения, традиции, религия, ментальность, этнический состав, сырьевые ресурсы. На уровне неизменных данных Россия отличается от Европы: огромная, географически разнообразная, сравнительно холодная, неравномерно и в основном редко заселенная, православная (традиция Византии, а не германизированного Рима), разнородная с наличием весомого процента мусульман-азиатов, привычная к векам тирании и уклонению от исполнения законов своего правительства, богатая любым сырьем, возможность торговли которым спасает от категорической необходимости поднять научно-промышленную базу или сложннуть. Ну отличаемся мы от Европы!

В-третьих, этап созидательной, конструктивной демократии — в России просто еще исторически не наступил, базы для него еще нет, исходных данных нет. Действенных демократических институтов не создано. Воровать выгоднее, чем работать. Трудолюбие как массовая мораль отсутствует. Народ с одобрением ждет палкой по горбу — а для порядку. Периода селекции — когда в течение пары поколений выживают самые работающие и умелые, а прочие идут по миру и вымирают — Россия не проходила уже давно, напротив — мы имеем обратную селекцию, когда вымаривали работников, а плодили бездельников или воров. Развал в демократию не превращается, в демократию жесткий порядок, разумный и требовательный, превращается. Вот сейчас — его этап.

В-четвертых. Сегодня мы воочию наблюдаем пресловутый закат Европы. Депопуляция, физическая деградация, растущее иждивенчество, замена этноса переселением народов с Юга и Востока, отсутствие созидательных задач, духовный кризис, деидеологизация, разрушение морали, вседозволенность. (Подробнее о гибели евро-атлантической цивилизации — см. отдельную главу.) Сегодняшнее процветание Европы — это отсроченное самоубийство, пир обреченных: через пятьдесят лет грянет ка-

тастрофа. Вплотную приблизившись к катастрофе, Европа засуетится и начнет искать спасения отчаянно, как эпилептик на карнизе. Так для чего России сейчас добровольно совать себя в европейскую колею, близясь к аналогичной катастрофе? А может, выход, свой вариант, надо искать сейчас, заблаговременно?

Европейская модель сегодня — это как морально устаревший корабль: сегодня он, может, лучший в мире — но пока ты кончишь проектировать себе такой же, заложишь его на стапеле, построишь, спустишь на воду, достроишь и вооружишь — тот уже проржавеет, устареет и явит свою негодность для работы в новых наступивших условиях. И тот его владелец или разорится и пустит пулю в лоб, или начнет к тому времени строить уже другой корабль, более подходящий, новый, современный для наступающего дня.

Ставя задачу на копирование — ты заранее ставишь себя в отстающие навсегда. Прицеливаться надо на завтра, а не на вчера.

37. О союзниках и партнерах. Давно известно: союз с партнером сильнее тебя чреват тем, что партнер тебя подчинит. Разве что ты заранее рассчитал, когда кинуть партнера и по выполнении общей необходимой задачи разбежаться. (Так мыслил и товарищ Сталин в сорок первой.)

А лучше всего: когда партнер слабее тебя, но вы вместе сильнее общего противника. Он в партнерстве заинтересован кровно, а ты гнешь свою линию.

Союз с Западом неизбежно подчиняет Россию Западу. Он сильнее, богаче, привлекательнее. Он заинтересован в России как в партнере неконкурентоспособном, рынке сырья, дешевой рабсилы и сбыта своих излишков и второсортностей. А также — как в буфере против восточных государств ислама: перекладка, санитарный кордон, сдерживающая сила.

Но. Блокироваться сегодня с Ираном—Ираком—Сирией—Ливией — это кормить своего завтрашнего могильщика. Исламизация мира, которая им сладко снится и зло чешется, прежде всего ударит по нам же: мы ближе, мы соседи, у нас есть свои мусульмане, неплохо бы для начала прибрать под себя вчерашние наши средне-

азиатские республики и, обзаведясь бомбой, подиктовать волю с границ. Мусульман в Европе все больше, через сто лет они могут грозить России не только с юга, но и с запада, вот тогда попляшешь, да не оказалось бы то пляской в петле.

Блокироваться с Китаем — через тридцать лет он нас подомнет и постепенно оттягает пол-страны.

Северная Корея и Куба — реликтовые режимы, значимы только в качестве военных баз и плацдармов влияния. Нет экспансии — низачем они не нужны. Курочка, конечно, клюет по зернышку, но теми зернышками сыт не будешь.

Индия и Вьетнам в Азии и бывшая Югославия в Европе — вот, похоже, что осталось России на сегодняшнем глобусе. Это людские ресурсы, это рынки, это плацдармы и возможные базы. Проблем больше, чем ответов, но с упомянутыми в блоке весит и может Россия больше.

38. Давно определилось: противостояние христианства и ислама проходит через Чечню, Израиль и Балканы. Поддержание в любой форме исламских радикалистов в этих регионах — акт тупого самоубийства. Выиграешь сегодня — заём, или сумму за оружие, или западный кредит — и проиграешь завтра, когда под угрозой бомбы в рюкзаке террориста тебе будут диктовать условия. Против этих ребят приходится быть заодно с Западом, иное себе дороже встанет.

По этой же причине еще долго придется вести убыточную для себя политику со вчерашними среднеазиатскими республиками — остающимися сегодня нашим санитарным кордоном перед радикализмом Среднего Востока. А что делать. Разве что стараться прельстить и повязать долгами.

39. К столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина ходил среди множества и такой анекдот: часы с кукушкой, каждый час распахивается дверца, выскакивает маленький Ленин и, взмахивая руками, вскрикивает: «Что делать! Что делать! Что делать!»

«Страдать!» — как авторитетно заявил влюбленному сыну лорд Честерфилд.

Можно, конечно, заменить государственный флаг, потому что его трудно отличить от словенского, голландско-

го, египетского и еще нескольких близнецовых бело-синне-красных триколоров. Не вдохновляет. Слабо индивидуализирован, так сказать. Можно придать более величественные и гордые очертания пузато-кургузому византийскому двуглавному орлу, растопыренному по кругу и похожему на бройлера-мутанта. Правда, и американский флаг похож на полосатый матрас, но его хоть не перепутаешь.

Можно осознать, что счастливых периодов в истории не бывает, и всяк народ озабочен по-своему, и там хорошо, где нас нет.

Можно почитать Блока: «Работай, работай, работай — ты будешь с уродским горбом за долгой и честной работой, за долгим и честным трудом».

Можно процитировать Кестнера: «Оптимизм — наш долг, сказал государственный канцлер».

Можно, наконец, сказать себе, что все то, что мы сейчас переживаем, и есть нормальная жизнь. Вот так она устроена. Не арестовывают невинных по ночам? не сажают на Колыму? не наказывают кнутом? уже хорошо.

А кто вам сказал, что вы рождены для счастья? как птица для полета? Чехов? Вот к нему и претензии. Трезвость — норма жизни.

Можно заниматься спортом, петь гимн и платить налоги.

Можно вспомнить, что «жизнь есть борьба».

40. То, что переживает Россия сегодня, далеко не самое худшее и трудное из всего, что бывало с людьми. Это утешает и даже вдохновляет.

Нормальный переход от развала старой системы к становлению новой. С нормальными издержками.

Последнее. Что хорошо для улья — хорошо для пчелы. Платон.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Энерговитализм как философия

Любая серьезная философия — это цельная система представлений о мире. Она включает в себя две крайние составляющие — космологическую и психологическую. Что есть объективное Всё (Космос, Вселенная, Бытие) — и что есть субъективно Человек, осознающий себя в Мире и Мир через себя. Все прочие процессы и объекты познания лежат между этими двумя «крайними отметками всеобщей шкалы».

Энерговитализм рассматривает психическую и физическую сущность Человека как единое целое с Космосом, существующее по одним законам и согласованно действующее в одном направлении. Сущность и смысл любого объекта и явления могут быть поняты только в соотношении и связи с его местом и ролью в Космосе. То есть все должно мериться единой «всеобщей шкалой» Бытия.

Жизнь и ее высшая форма — психическая деятельность центральной нервной системы человека — рассматривается как высшая форма единой Энергии Космоса. Общие законы Энергии определяют сущность и функцию жизни, эволюции и психики.

Энерговитализм определяет психофизическую сущность человека как дуалистическую. Как субъект он действует в требованиях психики, которые могут не совпадать с требованиями реальной среды, в том числе собственной физической субстанции. Как объект он действует в требованиях материально-энергетической реальности, которые могут не совпадать с требованиями его психики.

Разум, высшая форма жизни, есть психическое оформление энергетической «избыточности» человека и, субъективно обслуживая психические потребности человека, объективно подчинен и служит увеличению преобразования Энергии Космоса.

1. Космологическая составляющая

1. Сингулярная теория происхождения Вселенной — Точка и Большой Взрыв.

2. Теория пульсирующей Вселенной (на уровне сегодняшней науки оформлена модель Фридмана).

3. Теория образования и усложнения материальных структур в процессе существования Вселенной (на уровне сегодняшней науки обосновывается теорией диссипативных систем Пригожина).

4. Все сущее есть «нечто» и «может что-то», т. е. обладает энергией. Имеет энергетический эквивалент. Можно сказать, что базовый агрегатный уровень Вселенной — это Энергия. Бытие — это Энергия. Энергия понимается как способность к каким бы то ни было действиям, то есть вообще к существованию.

5. История Вселенной — это история эволюции Энергии. Из «чистого» состояния она преобразуется во все более сложные материальные структуры. От частиц до Галактик.

6. Одновременно во Вселенной нарастает энтропия.

7. Убывающая энергия частично «консервируется» в материю. Этот процесс носит обратимый характер: материя может выделить энергию «обратно». Звезды излучают и т. д.

8. В результате энергоэволюции от звезд остается «косный остаток» сверхплотного вещества, энергию из которого уже «не вышибешь». Косная масса Вселенной нарастает — что придает всему процессу энергоэволюции необратимый характер и работает скорее в пользу теории «тепловой смерти».

9. Жизнь — это качественно более высокий уровень энергоэволюции. Энергия Солнца и вещества Земли в кратчайшие сроки преобразуется в недолговечные и са-

моразмножающиеся материальные структуры небывалой сложности, постоянно совершающие работу по своему перемещению и изменению. (На уровне сегодняшней науки оформлено в теорию Вернадского.)

10. Человек — часть Космоса — это высшая (известная на сегодня) ступень энергоэволюции. Как материальная структура (биосистема) содержит в себе на много порядков меньше энергии, заключенной в собственном веществе — нежели способен потребить и выделить, преобразовать, синтезировать и запустив своими действиями процесс во внешней среде. Своего рода запал-синтезатор энергопреобразования Космоса в доступной ему части.

11. История жизни на Земле — это эволюция энергопреобразования, происходящая во все возрастающей прогрессии. Биологическая форма — от растений к приматам круговорот энергии в биосфере все повышался — сменилась формой технической, рационалистической, цивилизационной. Растения, животные, человек — цивилизация огня, рост всех производств, действия геологического масштаба, ядерная энергия. Человек как фактор энергоэволюции.

2. Психологическая составляющая

1. **Человек — это двухуровневая система, существующая субъективно на уровне ощущений — и объективно на уровне действий.** Субъективно для человека жизнь сводится к сумме ощущений. Вне ощущений (в их полное отсутствие) он для себя не существует. Все сущее — он воспринимает прямо или косвенно через ощущения. Объективно же, глядя со стороны «глазами космического наблюдателя», жизнь человека — это сумма всех действий, совершенных в течение жизни. Т. е. суммарная энергия, преобразованная им за жизнь.

2. **Субъективно человек стремится к максимальным ощущениям.** Базовый инстинкт — инстинкт жизни (т. е. заряд самой энергии существования субъекта) — определяет ему жить в мощность его энергетического уровня, т. е. возбуждений и усилий центральной нервной системы, т. е. чувствовать максимум всего, на что он способен.

Ибо по силе и объему ощущений сознание человека ориентируется, насколько активно, в полную для него силу, он живет.

3. **Объективно человек стремится к максимальным действиям.** Что и вытекает из сущности его как энергетической структуры. Объективно: жить — это действовать. Инстинкт жизни диктует человеку действовать в полную силу своих возможностей, реализовать их.

4. Запертый внутри собственного субъективного сознания, человек соотносится с внешним миром и своими действиями в нем через ощущения и представления. Так летчик в зашторенной кабине ведет самолет по показаниям приборов. Субъективно человек побуждаем ко всему только ощущениями — но они есть реакция на внешнюю среду и действия в ней.

5. **От природы человек наделен не разумом, но лишь способностью к разуму.** Разум — это структурное оформление избыточной энергии центральной нервной системы. Разум — это способность с минимальными затратами собственной физической энергии максимально преобразовывать субъективное и объективное Бытие, т. е. добиваться максимальных действий в Бытии.

6. В двухуровневой системе «ощущения — действия» разум играет роль трансмиссии, двустороннего проводника, мультипликатора и декодера. Он дает возможность преобразовывать ощущения в максимальные действия, невообразимые и недостижимые без его участия. А сторонние действия, нейтральные для человека или даже без посредничества разума неизвестные, может преобразовывать в разные и сильные ощущения.

7. **Разум занимает подчиненное положение по отношению к чувствам и действиям.** Доминируют они. Разум обслуживает базовые потребности человека: субъективную — в максимальных ощущениях, и объективную, связанную с ней — в максимальных действиях.

3. Логика существования

1. Извечный парадокс заключался в том, что сплошь и рядом человек, в ясном уме и твердой памяти, доб-

ровольно и осознанно совершает поступки, ведущие его к нежелаемому ему несчастью. Зная, как надо поступить себе во благо — понимает, что поступает себе во вред.

2. Человек в общем сознательно стремится к счастью и в общем подсознательно стремится к страданию. Это — стремление к максимальным ощущениям, как положительным, так и отрицательным, что в сумме и есть субъективно полнота жизни и реализация инстинкта жизни в максимуме всех проявлений.

3. Стремление к счастью — это стимул к действию.

4. Стремление к страданию — это стремление к положению, где будет стимул к действию (стремление избавиться от страдания).

5. Стремясь к максимальным ощущениям (счастью и страданию), человек объективно стремится к максимальным действиям. Потребность психической сущности человека в счастье и страдании — это «приборное отражение» материально-энергетической сущности человека, реализующейся в максимальных действиях.

6. Если совершаемое действие вредно человеку (для здоровья, карьеры, в рамках общего дела) — значит, вызвавшее его и связанное с ним ощущение потребно его психике по логике максимальных ощущений, максимальной субъективной самореализации. Если ощущение как результат действия вредно человеку (нежеланно, дискомфортно, разрушающе) — значит, это действие вызвано физическими потребностями его энергетики в максимальных действиях. Совпадение двух плюсов может называться гармонией. Совпадение двух минусов возможно только как психическое заболевание, расстройство системы — ибо невозможно никакое действие без мотива субъективного либо объективного.

7. Стремление к риску и экстремальным действиям — крайнее выражение стремления к максимальным ощущениям и действиям.

8. Стремление большинства избегать риска и экстремальных ситуаций — это стремление в сумме в течение жизни получить максимум ощущений и совершить максимум действий, что и обеспечивает большинству продолжение рода и развитие цивилизации.

4. Системный уровень

1. Социальная система ограничивает экстремальные действия индивида, стимулируя к производству большей суммы действий в течение жизни.

2. Социальная система позволяет в общем и среднем получить индивиду в течение жизни *больше ощущений* и совершить больше действия, чем в одиночку. То есть повышает энергопреобразовательный уровень человека. Система энергетически эффективнее простой суммы своих индивидов.

5. История и цивилизация

1. Человек как биосистема энергетически неравновесен с окружающей средой, имея особенность преобразовывать больше энергии, чем необходимо для простого физического выживания популяции (в отличие от прочих живых существ).

2. История цивилизации — это история совершения человеком действий и создания объектов, избыточных и излишних для простого выживания.

3. Человек не созидатель и не разрушитель. Человек — переделыватель, изменитель, пере-структуризатор. Все действия человека носят неопределенный, избыточный, максимальный характер — он делает все, на что вообще способен, во всей сфере возможного. *Принцип производимых в сумме человеком действий един с принципом биологической эволюции с ее неопределенными изменениями, мутациями: есть вредные, нейтральные и полезные с точки зрения выживания и дальнейшего развития.* Время производит отбор через катаклизмы, перипетии, борьбу за существование. Результирующий вектор социальной и научно-технической эволюции также направлен к усложнению систем — и, добавляем мы, к повышению их уровня энергопреобразования.

4. Совершение действий и создание объектов — иначе говорят, структуризация окружающей среды, или энергопреобразование, — происходит в истории со все нараста-

ющим положительным балансом и в увеличивающейся прогрессии.

5. Этот процесс принципиально не имеет ограничения, как не имеет его сущность Развития и Становления. (Бытие есть Энергия, Энергия есть способность к действиям, действия есть изменения, изменения неразрывно связаны с самим наличием времени, материи и пространства.)

6. Стремление к максимальным ощущениям диктует и отражает неизменное стремление человека к максимальным действиям, т. е. к максимальному изменению мира, т. е. к максимальной переструктуризации Бытия. В идеальной перспективе и ее конечно удаленной идеальной точке — это есть стремление к Максимальному Действию (самому максимальному из всех вообще возможных). А таковым является Большой Взрыв — уничтожение Вселенной и одновременно и тем самым создание Новой Вселенной.

6. Заключение

1. Место человека в Космосе — это звено в цепи эволюции энергопреобразования Вселенной.

2. Функция человека в Космосе — это преобразовать, выделить и «запустить в оборот» часть энергии Вселенной, которая иначе останется косной, что ведет к смерти Вселенной.

3. Невозможность предсказать конкретные будущие формы эволюции Вселенной и Жизни не может отменить уже известных законов, по которым мы движемся к Максимальному Действию.

4. Психика человека — это встроенная система самоуправления, заставляющая человека ради собственных целей и интересов действовать в целях и интересах энергоэволюции Вселенной.

5. Феномен человека следует понимать на едином для Вселенной энергетическом уровне. Наделенный рефлексивным сознанием, человек субъективно структурирует Бытие-внутри-нас — объективно тем самым структурируя Бытие-вне-нас. Разницу, степень совпадения и несовпадения его действий на этих двух уровнях можно считать КПД человека как части Космоса.

Все о жизни

*Отдельные извлечения из одноименной книги
с формулировками характерных положений
философии энерговитализма*

1. Смысл жизни

Смыслом жизни принято называть надличностную ценность идеального характера, которая заключается в желаемой человеком, ощущаемой и осознаваемой причастности, нужной и неразрывной, к цели, выходящей за его личные интересы и воспринимаемой как необходимая, общая, благая, в идеале стремящаяся к абсолютной.

Сама постановка вопроса о смысле жизни свидетельствует о психологической потребности человека в действиях, выходящих за пределы жизненно необходимых для особи.

Постановка вопроса о смысле жизни свидетельствует о потребности человека в системе, частью которой он хочет быть и задачи которой значительнее, чем его собственные.

Смысл жизни индивида — в выполнении Высшей системной задачи.

Смысл жизни — это Максимальное Значение, Максимальная Ценность чего-то, к чему ты осознаешь свою причастность. Через эту причастность твои собственные действия также приобретают Максимальное Значение, как часть великого общего. Через осознание своей причастности к великому делу ты осознаешь собственную значительность, ощущаешь удовлетворение своей самореализацией, своим самоутверждением.

Стремление к смыслу жизни — это стремление к своей значительности. К максимальным действиям.

Высший смысл жизни — чтобы вся эта Вселенская механика не прекратилась.

2. Свобода

Свобода — это положение, в котором человек имеет максимум возможностей. Причем реализация их не обязательна и зависит только от него.

Свобода — это состояние, при котором человек обладает максимумом свободной энергии и может максимально ее преобразовать.

Стремление к свободе — это стремление к состоянию, при котором можно преобразовать максимум энергии, — что есть проявление Второго закона термодинамики применительно к психике человека. (И не только человека, кстати, но и любого животного.)

Стремление к свободе — это стремление к возможности совершать максимальные действия.

Коли человек всегда свободен предпочесть смерть — о какой такой «необходимости» можно говорить?! «Необходимость» означает: обязательно надо поступить так-то и так-то. Для чего?! А для того, чтобы получилось то-то и то-то. — Это не «необходимость». Это целесообразность с точки зрения получения желательного результата.

Абсолютная свобода есть абсолютное всемогущество. Неограниченность исполнения своих желаний ничем вообще.

Абсолютно свободным мог бы быть лишь Бог.

3. Любовь

Любовь — это та степень полового чувства, когда оно достигает нерациональной силы и способно переходить в свою противоположность, превращаясь из счастья в страдание и делая доминирующим мотивом действий избавление от этого страдания любыми способами, вплоть до уничтожения объекта любви или самоуничтожения.

Объективный смысл страданий любви — это мощнейший стимул к преодолению любых препятствий, мешающих обладать любимым.

Субъективный смысл страданий любви — это удовлетворение потребности в максимальных ощущениях, причем сильнейшие отрицательные ощущения создают возможность равно сильнейших положительных в случае достижения цели, избавляющей от страданий.

Сила положительных ощущений от обладания партнером в любви определяется через силу отрицательных ощущений от его отсутствия.

Без страдания человек не мог бы определить, насколько он любит, и любит ли вообще — или так, просто неплохо, нравится.

Стремясь к любви — человек стремится к такому типу счастья, которое всегда способно обернуться страданием.

Сила любви определяется через силу страдания. Способность к страданию — это ресурс прочности любовного союза.

4. Сопrotивляемость среды

Регулятивные факторы биосферы и ноосферы изучены мало. Откуда и почему вдруг взялся СПИД и как его лечить — никто покуда не знает. Поражает он прежде всего и в основном наркоманов и гомосексуалистов. Следует ли рассматривать историю Содома и Гоморры как преступление Создателя против человечества и прав личности?..

5. Цивилизация и рождаемость

Простые организмы преобразуют энергию простейшим биологическим способом: извлекают извне, строят из нее себя, растут и размножаются, заполняя своим видом все, что могут; продукты жизнедеятельности выделяют наружу.

Сложные животные на верху экологической лестницы еще и стремительно перемещаются, роют норы, вытаптывают луга, строят запруды из сваленных деревьев.

Энергопреобразующая деятельность человека до поры до времени зависела, как у всех животных, от численности. Больше людей — больше пашни, хлеба, городов,

ремесленников, воинов, завоеваний, избытков продукта, наук.

И вот уже научно-техническая цивилизация делает массы людей ненужными для растущих производств. Машинерия, поточные линии и т. д. — коэффициент полезного действия человека-производителя увеличился на много порядков. Что мы имеем с точки зрения энергоэволюции?

Мы имеем замену биологической формы энергопреобразования на, можно сказать, разумную, а можно сказать — научно-техническую. Биологическая форма перестала быть самой эффективной. А космическая эволюция продолжается.

Часть собственной энергии человечества из биологической формы перешла в рационально-техническую.

Вселенной больше не требуется, чтобы нас было много. Ей этого никогда не требовалось. Ей всегда требовалось, чтобы энергия преобразовывалась активнее и эффективнее — каковому требованию деятельность человека удовлетворяет совершеннее, чем рост или поддержание уровня его биомассы.

Перенаселенности Земли не будет. Дух Мальтуса может отдыхать в эмпиреях спокойно. По достижении определенного уровня цивилизации рождаемость в этом месте падает автоматически. За объективной ненужностью. За выполнением своей роли на определенном этапе.

Мы не создаем для счастья человечества, то есть своего собственного. Мы энергопреобразуем Вселенную. Наша биологическая энергия, вне нашей воли, частично перетекает из сферы энергопреобразования методом размножения себя — в сферу энергопреобразования методом организации внешних процессов.

6. Исторический прогресс

За обозримые внятно две с половиной тысячи лет человечество не стало ни высокоморальнее, ни умнее, ни эстетически тоньше, ни физически крепче. А что стало?

Больше знать, больше уметь, больше иметь, больше делать и мочь. То есть: рост информации, рост материального производства, рост энергопреобразования.

Счастливей не стали: ознакомьтесь со статистикой самоубийств и потребления антидепрессантов.

Генеральная линия прогресса — это рост энергопреобразования, движение глобального эволюционизма, создание все более сложных энергоматериальных структур.

7. Власть

Объективная сущность власти — координация для совокупного совершения максимальных действий.

Субъективная сущность власти — в предельной самореализации и самоутверждении индивида, когда максимальные действия совершаются подчиненным коллективом, признающим значительность властвующего значительнее собственной.

Стремление к власти — частный случай стремления к максимальным ощущениям и максимальным действиям.

Разнообразие природы и жизненная энергия

«И млея от страсти, она иногда томно спрашивала: „Ах Вася, вы не знаете, отчего это соловей поет?“ — На что грубый Вася отвечал: „Жрать хочет, оттого и поет“». Михаил Зощенко о разнообразии в природе.

Академик Раушенбах Борис Викторович был, однако, не грубый Вася, а одна из светлейших голов XX века. И, замечая в одной из книг о сверхцелесообразном, роскошном разнообразии и буйстве тропической природы, ограничился скорее констатацией впечатления в том духе, что природа здесь без необходимости как бы старается явить все, на что она способна.

Способна-то она способна, но зачем, почему и чего ради?..

Вот сотни видов пестрых и причудливых тропических рыбок. Их вуали и узоры им, строго говоря, не нужны. Выживать они не помогают. Путем естественного отбора выводиться им было незачем. С этими вуалями одни хлопоты. Зубы, защитные колючки, предупреждающие о ядовитости яркие пятна, способствующая скорости обтекаемая форма — это понятно, это целесообразно. А многочисленные прибабасы зачем?

Сторонники разных теорий красоты, которая есть суть природы и должна спасти мир, говорят, что красота самоценна и природа только и имела целью ее создавать. Что такое красота — сформулировать они затрудняются, и говорят, что постигается она интуитивно, надрационально, ну, вот такая штука. А человек для того и явил-

ся, чтобы эту красоту созерцать и ею наслаждаться. Посредством человека Универсум созерцает и познает себя, и это кайф. Лев Толстой как зеркало Универсума: глаз плюс мозг плюс душа. А если человечество накроется, кто будет красотой наслаждаться? Закручинится Универсум без глаза-то. Будет Бог сам своему саду радоваться.

В таких выкладках Бог — это своего рода «божественная постоянная», введенная Планком и позднее названная постоянной Планка. То есть что это такое никто не знает, но без нее теории не получается, а с ее предположением и введением все встает на свои места и поддается осмысленная цельная картина.

Тогда остается сказать, что тропических рыбок слепил и раскрасил Бог для услаждения наших глаз, и бросить задаваться этим вопросом. А если разбираться — то, как и обычно во всем, Бога следует как минимум вынести за скобки. Не Божеское это занятие — рыбок раскрашивать.

Вот павлин распускает умопомрачительный хвост, прельщая самку. А скромнее нельзя — ну, показать одно крутое перо и тем склонить к сожительству? Хвостище мешает летать и бегать, путается сзади и цепляется за кусты, таскать его трудно — и при чем здесь борьба за выживание и естественный отбор как двигатель эволюции? Серая летающая курица — вот идеальная птица, все в ней было бы целесообразно и приспособлено для выживания.

Для чего в одном и том же лиственном лесу, на одной и той же почве, нужны разные породы лиственных деревьев? Их суть, устройство, механизм, жизненный цикл — совершенно аналогичны. Почему не обойтись природе одним видом? Бук, тис, вяз, граб — для чего? Рос бы один вязобук — какая разница?

Вот воробиха предпочитает воробья по ширине и черноте нагрудного галстучка, по сочной контрастности рябых крыльевых перышек. Что ей с его костюма — на тусовку летать?

И для чего, в самом деле, соловей поет? А также кенарь, щегол и прочие дрозды? Что это за меломания у их подруг? От пения что, корм в гнездо скачет или дети здоровее рождаются? А главное — для чего они нуж-

ны? Ловил бы медленных мошек воробей, а быстрых — стриж, оно бы и достаточно.

А вот теперь возьмем большую-большую лупу и на общей карте Вселенной наведем лупу сию на крохотулечную Землю с ее малоразличимой живой природой и практически незаметными певчими птицами.

И мы в бесчисленный раз отметим, что эволюция Вселенной — это движение от состояния «чистой энергии», однородного хаоса — к разделению хаоса на разные агрегатные и материальные состояния энергии, к структурированию все более сложных систем, в которые эта энергия «консервируется». Чем сложнее система — тем дальше отстоит она от хаоса, тем выше уровень энергонаполненности этой системы. И тем ниже уровень энтропии в общей и базовой системе «конкретная система — остальная Вселенская пространство-материя». Жизнь — самая энергонаполненная из систем Вселенной, известных на сегодня.

Энергоэволюция Вселенной имеет антиэнтропийный характер. От простого и однородного к сложному и разнородному. От хаоса к его противоположности и противопоставлению.

Вернемся к нашим рыбкам. Соберем их всех до кучи, тщательно перемешаем и разделим на начальное число особей. Получим среднестатистическую рыбу. Размером с карася. Формой в плотву. С плавниками, хвостом, два глаза на штуку. Жрет все. Цвет — серый, все прочие цвета в него смешались. Что мы имеем? Однородность. Сдвиг к хаосу, неразделенности «первозлементов». Снижение энергии системы до предельно устойчивого состояния: Нет различий — нет системной энергии, полюса плюс и минус уравнились.

Среднестатистическая птица окажется чем-то в роде серого голубя, всеядного и всепогодного. Среднестатистическое млекопитающее — эдакий собакосуслик, опять же бурый, всеядный и всепогодный. Земноводное — слабоядовитый жабокрокодилчик. Насекомое — сосущий все и хрупающий все жучок.

Прибавим среднее растение — папоротник, и средний микроорганизм — питается всем.

И остается вывести среднестатистический земной организм, и получится что-нибудь похожее на амёбу.

Мы спустились вниз по дереву эволюции.

Эта амеба в любых условиях не выживет. Слишком сухо станет — сдохнет, слишком солнечно — сдохнет, на каменистую почву ее сдует — сдохнет, замерзнет все кругом — тоже сдохнет. Она начинает приспосабливаться, изменяться, усложняться, разнообразиться; появляются разные виды и лезут жить в разные экологические ниши. Эволюция.

Но не в том базовая суть эволюции, что все живое хочет жить и старается выжить. Это — биологический уровень, а он во Вселенной не базовый. Базовый — это уровень энергетический, он же вообще Бытийный. И суть его в том, что *энергия структурируется во все более сложные системы.*

Биологическая эволюция — лишь одна из форм, путей, способов, механизмов вселенской энергоэволюции. То есть:

Усложнение форм жизни определено и задано генеральной тенденцией энергии-материи к усложнению систем. Естественный отбор, генные мутации — это детали, частности, способы усложнения. А изначален и определяющ — посыл: усложняться! И тем повышать энергетичность систем.

Шикарное разнообразие тропических рыбок выходит за рамки чисто биологических законов приспособления, выживания, естественного отбора и занятия экологических ниш. В этом аспекте многие из них абсолютно адекватны. Разнообразие форм внутри системы «тропические рыбы» — суть повышение энергии и понижение энтропии этой системы. Усложнение структуры, удаление от хаоса. Увеличение энергосодержимости.

Этот процесс отнюдь не обязательно, не всегда обусловлен биологическими причинами. А общими энергетическими — всегда, они базовые.

Вот почему и для чего рыбки разные. А также птички и прочие звери и деревья.

А уже индивидуальная энергетика однотипных особей внутри своего вида — проявляется и в яркости типовых формальных отличий у особи.

Волк может быть сильным и крупным, яростным, через то являет свою значительность и право на лидерство

и оставление потомства. Антилопа — крупной и быстрой. Здесь энергетика особи предьявляет себя напрямую — в чертах, явно важных для выживания.

А как отличить себя воробью перед воробьиной? Сложит перед ней кучку корма больше, чем у соперников? Расклюют, не выйдет. И он показывает ей свой черный галстучек и распускает крылышки в сочной ряби: я раскрашен контрастнее — во мне больше энергии, я витальнее, мои дети будут живучее, я найду больше корма.

Яркая контрастная расцветка — ярче, чем у соперников — это, опять же, повышенная энергетика цвета, она дальше отстоит от однородного серенького хаоса, чем у соперников.

Индивидуальная энергетика особи являет себя не только через силу и размер, но и через интенсивность цвета, звука, запаха.

Здоровенный радужный хвост павлина означает только одно: я сильный, здоровый, потентный, со мной не пропадешь, и дети будут что надо. Это для него вроде мерседеса и костюма от Ферре. Не в красоте хвоста дело, а в том, какие качества этим хвостом предьявляются.

Потому собачки обнюхиваются и насекомые по струе запаха выбирают одного партнера из мириад.

Потому утка оценивает селезня по яркости и ширине воротничка.

И потому поет соловей, с которого мы начали.

Заметьте, размер у него для пичуги своего класса самый что ни на есть средний. И цвет — сплошная энтропия и хаос: серенький и незаметный. Зато с издаваемыми звуками все в порядке.

Что музыка, упорядоченный сложно структурированный звук, противостоит звуковому хаосу, объяснять никому не надо. Вот и соловей — в звуковом аспекте, в акустической форме, чемпион энергетики среди птиц. Гармоническая сложность его рулад означает то же самое, что рев льва — ну, с ограничением по виду: я здесь самый крутой, правда, только среди других соловьев. Поэтому: соловьяха — люби меня! не подведу. А почему у гнезда, где она уже на яйцекладке сидит, поет? Потому что брачный период «с запасом», инстинкт еще велит: кошка тоже может быть уже оплодотворена, а еще неде-

лю орет призывным мявом и любовью исходит. Любовь по продолжительности отведенного инстинктом периода, а не по факту свершения.

Высота, сила и сложность брачных звуков у многих птиц и животных — то же предьявление уровня энергетики особи.

Та же энергетика предьявляется ветвистыми рогами оленя. И т. д.

Вот посему в благословенных уголках земли, где некоторым организмам не надо ни от кого защищаться и никого привлекать, где эти организмы прекрасно приспособлены и вписаны в среду — они формально изошрены. Формальная изошренность — показатель и способ повышения энергетики особи и системы. Что и есть, повторяем, базовая суть эволюции.

Вернемся к нашим рыбкам. Берем стеклянный ящик, кубический километр, воды с водорослями и кораллами, полный всевозможных тропических рыбок. И уравниваем всю эту разнородную смесь, полуфабрикат царской ухи, до состояния элементарных частиц. Протоны, нейтроны, электроны, предположим. Что может эта смесь сама по себе? Почти ничего. Ну, положим для простоты, получили атомы простейших элементов. Все. Уровень энергии низкий. Близко к хаосу.

Структурировали все обратно до единообразных камушков, одного вида водоросли и единого вида рыб. Система усложнилась необыкновенно. Вода мокрая плещет, рыбы плавают и водоросли едят, на камни икру мечут. Чего еще? Все в порядке, все целесообразно с точки зрения биологии, жизнь наличествует и кипит.

А если еще энергию системы повысить — структуру усложнить? Хищные — нехищные, донные — поверхностные, крупные — мелкие, быстрые — медленные, одни едят рачков, другие крабов, третьи выскакивают за мошками. Все. Придумывать больше нечего: создали кучу экологических ниш и все плотно заполнили.

А если еще энергию повысить? Рыбы начнут принимать причудливые и разнообразные формы, обрастать вычурными плавниками и блистать всевозможными красками. Круглые, квадратные, треугольные, с рогами и с усами, пятнистые и полосатые. В глазах рябит. И Дарвин

бессильно рвет бороду: теория естественного отбора не работает.

Теория естественного набора — вот как в шутку можно это назвать. Повышение энергии системы за счет усложнения структуры и разнообразия внутрисистемных элементов.

Дополнение на полях:

Подчеркнутое различие и развитость половых признаков у мужчин и женщин, необъяснимые с точки зрения прямой природной целесообразности, объясняются тем же: различие, разность — как повышение энергетики вида и особи внутри вида; большой разнос «общего среднего» на два полюса, повышение биполярности как уровня и источника энергетики.

Большая высокая грудь женщины ни за чем не нужна природе. У самки шимпанзе она меньше и плоская, и торчат бюсту вперед незачем. Но это — отличие, и оно являет: во мне много энергии, я сильно отличаюсь от «усредненного серого» в женскую сторону.

Аналогично большой половой член функционально излишен, хватит и маленького. Большой являет: особь сильно сдвинута от «среднего» в мужской тип, энергия данного представителя «мужского полюса» высока.

Суть половых различий у самца и самки людей — та же, что у многих видов: усиление биполярности, т. е. энергетики двуполусной, двуполой системы «самцы — самки». Разнос материальной субстанции на два разных половых поля, — подальше от усредненного общего, в сторону понижения энтропии и повышения энергосодержания.

«Унисекс» — это энтропия. Мощный огромный мужчина с большим членом и небольшая женщина с выраженными талией-бедрами-грудью — это выражение и содержание высокой энергетики двуполой биосистемы.

Разнос одинаковости на две разности — это антиэнтропийный акт. И уровень энергии системы «он — она» тем выше, чем дальше от усредненного их типы в стороны полового различия, чем больше отличаются они друг от друга.

Вот потому и особенности фигуры, которые «чисто функционально» могли бы иметь меньшую разность между полами и менее выраженное оформление.

НЕ ВСЕ ПОДЧИНЕНО ЖИЗНЕННОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ — НО САМА ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПОДЧИНЕНА СТРУКТУРНОМУ ПОВЫШЕНИЮ ЭНЕРГЕТИКИ И ЗАКОНУ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОПРЕОБРАЗОВАНИЯ.

То есть. Не органы подчинены своим функциям и есть материальное оформление этих функций. Но и функции, и служащие им органы подчинены повышению энергосодержательности и энергопреобразования. Кроме последовательного подчинения органов функциям, что ясно и понятно — есть и «параллельное» подчинение органов и функций одному и тому же общему закону: больше энергии и энергопреобразования. Этот антиэнтропийный закон, то есть, являет себя не только в функции, но и в какой-то степени независимо от нее и параллельно с ней в самом наличии и развитии оформлении органа.

Или, что то же самое: сильно различающиеся половыми особенностями «он и она» — это система с более высоким уровнем энергии, чем «он и она» со сглаженными различиями, даже если производить детей и работать они могут не хуже первой пары. Но. Но. Не хуже-то не хуже, но если включить закон больших чисел и рассмотреть действия на протяжении ряда поколений — окажется, что в конце концов «различные» рожают и действуют больше, чем «сходные». Хотя «сходные» были приспособлены к тем же действиям ничуть не хуже: и мышц, и мозгов, и членов с грудями вполне хватало для жизни. Э? А это энергетика была выше, которая и являла себя через «необязательную», «вне прямо целесообразного» атрибутику.

Итого. Не для того переразвита атрибутика, чтобы лучше функционировать, чего и не может она. А потому переразвита, что повышенный уровень энергетики предъявляет себя в этом и воплощается также и в этом.

В связи с энерговитализмом

НИЦШЕ. ВОЛЯ К ВЛАСТИ

Мне странно, что Ницше до сих пор не истолковывался как экзистенциалист. Во-первых, основной вопрос его философии решительно совпадает с главной постановкой экзистенциализма: как человеку-то, страдальцу, жить в этом мире? Во-вторых, устройство Космоса в целом не слишком занимало его философию, ограничивая ее в основном именно экзистенцией. В-третьих, это скорее метафоризированная идеология, нежели философия в традиционном смысле.

Поэтому он абсолютизирует Волю к Власти. Правильно сформулировать так: Ницше рассматривает отношения между людьми, между человеком и природой, охватывая шире — между живыми существами, охватывая еще шире — вообще между материальными объектами — Ницше рассматривает отношения между ними в парадигме власти. Вот кто главнее, значительнее, кто хочет и может подчинить другого своим интересам, заставить служить своим целям.

Над кем же властвует монах, схимник? Или — Бог добился полной власти над ним? Так Бог над всем властен. Где воля к власти? Или, воля власти, свалили Бога? И стали главными? Всю историю сами Его над собой ставили, а при Фридрихе решили временно свалить? Или — схимник властвует над собой: своими страстями? Это выходит казуистика и демагогия: любой невроз тогда можно объяснить волей к власти над собой.

Король властвует над народом, гончар — над глиной, охотник — над оленем, поэт — над языком. Но — над

кем властвует схимник, спрашиваю я?! Над кем властвует ученый (вне их иерархии, увлеченный мудрец-познаватель)?! Над кем властвует благородный и добрый человек, уступающий свое благо другому и уходящий?! Над кем властвует идущий на костер — над умами толпы, улюлюкающей и бросающей грязью?.. Такая постановка вопроса раздражала Ницше, он называл такую братию отребьем, гнилую мораль призывал отбросить и стремиться быть Сверхчеловеками: тогда все будет правильно и хорошо. Вот в природе — все ведь стремится к власти, и природа — она чистая, естественная и здоровая. Принцип «воли к власти» заложен в устройстве Космоса, в нем персонифицируется сверхчувственное. В мире он разлит. Закон природы.

Для больного Ницше страдания жизни происходили из ее дерьмовости. Изворотливые рабские умы слабых засранцев придумали христианскую мораль, сначала чтоб себя утешить, а потом-то вышло — чтобы сильных поработить ею. Так вот: умер ваш Бог! На хрен вашу мораль! Здоровым быть надо, сильным, чистым, честным, жестоким — такова истина природы. Сверхчеловек — лучезарный повелитель всего до чего дотянется, Воля к Власти — правит всем.

Господа. Не путайте поэзию с анализом и метафору с корректной формулировкой. Жили люди до христианства, вне христианства живут благополучно, будут жить и после христианства, вечных религий тоже не бывает.

То, что Ницше именует «Волей к Власти», на человеческом уровне есть стремление к максимальной значительности. Оно же — к максимальным действиям. Оно же — к самореализации. Оно же — на субъективном уровне — к максимальным ощущениям. Человеку потребно ощутить и осознать себя делающим максимум того, на что он способен. Будь то в своем идеальном мире или в реальном: в Бытии-внутри-нас или в Бытии-вне-нас.

На общем уровне вот как. Любой объект в Космосе есть открытая система, вступающая в контакт с другими системами. Этот контакт в силу эволюции энергии имеет стремление создать новую, более сложную систему, включающую прежние и способную содержать и преобразовать больше энергии. А по Ницше это следует бы назвать

«одна система проявляет волю к власти над другой». Такая «властная парадигма» представляется весьма ограниченной и неглубокой.

А на человеческом уровне вот как. **Человек в основном преобразует энергию не собственным организмом, а синтезируя процесс энергопреобразования методом создания комбинаций внешних объектов и новых отношений между ними.** Это может быть комбинация из сухой травы, дерева, двух кремней и удара их друг о друга — неодушевленная природа. А может быть лошадь, веревка, кнут, сено — и лошади приходится бегать и преобразовывать энергии, таская на себе человека, больше, чем она сама собиралась. Комбинация с одушевленным объектом. А может быть щит, меч и десять других людей — которые пашут с утра до ночи, чего на свободе делать бы не стали, но тут рабство. То есть:

Человек образует системы с другими людьми, и в этой системе стремится занять возможно высокое место — таким образом преобразуя энергию посредством подчинения людей своим целям, вовлекая их энергию в круг своих действий: действуя посредством других людей. В этом — один из аспектов сути отношений. Но только один!

Ибо есть не только воля к власти, но и воля к подчинению. И воля к свободе. И к убийству, и к смерти, и к разрушению, и к созиданию, и к повелеванию в любви, и к рабству в любви. И всему свое время, место и шесток. Но воля к самореализации и самоутверждению, стремление к максимальным ощущениям и максимальным действиям — неизменно, постоянно, универсально.

Власть — лишь частный случай самореализации и стремления к максимальным действиям. У алкоголика и наркомана стремление к ощущениям преобладает — действия необязательны. А блестящий солдат может быть счастлив награде, но не хочет быть сержантом — груз власти тяжек, способностей не чувствует, он и так себя уважает в составе грозного строя. Убраться к черту из мира на необитаемый тропический остров — какая ж в том власть?

Сплошь и рядом человек добровольно и сознательно поступает категорически вопреки «воле к власти». Предпочитая одиночество — владычеству и подчинение — ко-

мандованию. Неделание — деланию. Козырянье в какой-то ерунде — внешне большим делам. Но никогда человек не поступает вразрез своему стремлению к самореализации через максимальные ощущения — разумеется, конкретным для каждого конкретного случая образом.

ЛОРЕНЦ И «АГРЕССИЯ»

В своей дивной и знаменитой книге Лоренц обычно полагает агрессию своего рода субстанцией — ну, чем-то вроде оружия, имеющегося в реальности постоянно и при случае извлекаемого со складов, либо бронепоезда на запасном пути.

Вот два друга-гусака приветствуют друг друга «триумфальным криком». И так однажды завелись в восторге, что вдруг стали проявлять взаимную агрессию, активную вражду — а после неожиданной этой схватки разошлись и избегали встреч в явном смущении. Сильной симпатии соответствуют возможные проявления сильной агрессии, неоднократно замечает Лоренц, а по поводу данного случая делает вывод, что вот как глубоко даже под сильной симпатией может крыться в глубине и сильная агрессия. Как бы одно и другое сосуществуют в психике одновременно, вот только проявляться могут по очереди. Ну, типа «кого люблю — того и бью»: оба сильных чувства наличествуют.

Это представление выглядит по меньшей мере некорректным. Физиологическая база эмоций — возбуждение соответствующего очага центральной нервной системы. Превышая меру, возбуждение распространяется на соседние участки и принимает форму противоположной по знаку эмоции: переходит границу. Классический пример — истерический смех как невротическая реакция на сильное горе; счастье, переходящее в рыдание; жажда еще более сильного наслаждения, переходящая в мазохизм; и т. д.

Пропорциональная сила агрессии и симпатии обусловлена способностью конкретной нервной системы к

уровню максимальных ощущений — а вот по знаку плюс или минус одно ощущение «автоматически» переходит в противоположное, превысив пороговую черту возбуждения (см. «цилиндр ощущений» в книге «Все о жизни»).

Способность к симпатии и агрессии — это две стороны одной медали, диалектическая пара, два аспекта одной и той же способности — способности к сильным возбуждениям, к максимальным ощущениям.

Ну — «то сердце не научится любить, которое устало ненавидеть» и прочее в этом духе.

Так что попробовать лишить человека агрессивности — это все равно что попробовать вообще лишить его способности эмоционально сильно реагировать на раздражители, хоть лоботомии подвергнуть. (Подробнее об агрессивности см. в главе «Война».)

Энергетическая сущность сильной эмоции — выделение энергии в организме повышается и рефлекторно (бессознательно) ищет точку приложения для реализации на чисто физическом, реальном, объектном уровне. В счастье человек может прыгать и орать — в агрессии он может крушить стены и драться на пределе всех сил. Агрессия в состоянии потребить и сжечь больше энергии, чем симпатия. А через максимальные действия и познается, определяется, являет себя уровень эмоционального возбуждения индивида. Диапазон агрессивных проявлений возбуждения — больше, чем «симпатичных» проявлений. Вот от полноты чувств нежные друзья-гусачки и подрались.

Агрессия отнюдь не таится в латентном состоянии под симпатией. Это симпатия в перехлесте меры может быстро видоизмениться в агрессию. А мера эмоционального возбуждения и психической энергии — одна на оба эти проявления.

2. Оборот «Способность к симпатии, дружбе, личному распознаванию повышается только у тех животных, у которых выше и агрессивность» — некорректен, методологически неточно ориентирован. Суть заключается в следующем: повышение психоэнергетического уровня животного обуславливает и проявляется в повышении максимальных ощущений и максимальных действий — то есть влечение и агрессия суть противоположные формы проявления *одного*

и того же повышенного возбуждения нервной системы и стремления к максимальным действиям. Одно без другого не существует в принципе.

3. При опасности стайные рыбешки плотнее сжимают стаю, облегчая охоту хищнику. Лоренц ищет прямую целесообразность: хищнику труднее поймать конкретную. Я бы назвал этот распространенный подход вульгарно-целесообразным одноступенчатым. Цель на самом деле здесь такова: *раздражитель—ощущение—действие*. Стайная рыбешка жить одна не может, для выживания популяции и продолжения вида держаться стайкой необходимо (гарантия пары, выживания одной из помета икры, отбор мутаций). Инстинкт сбивания в стаю здесь — доминирующий для выживания. И при раздражителе «опасность!», получая сильное ощущение, бедная глупая рыбка может совершить только одно самое сильное, максимальное для нее действие: сбиться плотнее. В этом действии проявляется повышение ее инстинкта самосохранения — не особи, но популяции и вида. А что сожрут лично ее — этого она, бедная, не понимает, ее механизм запрограммированности на выживание примитивен: опасно? — держись вместе!

4. Точно таков же механизм мотива летящей на огонь мошкары: хочешь выживать? — лети прямо от темноты к свету, все встречаются там.

5. То есть. *При опасности надличностная структура (стая) прежде всего стремится сохранить себя, пренебрегая жизнью отдельных членов и обостряя главный видосохраняющий принцип.*

ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН

Итак, на конечной стадии космогенеза, «сверхжизни», души всех людей объединятся и достигнут конечной цели эволюции «точки Омега» — и сольются с Христом и во Христе, и вот движением жизни к этой финальной цели все и регулируется. И предназначение будет выполнено, и Истина будет достигнута, и будет все хорошо, и воссияет вечный свет.

Комментирование теории Шардена никак не входит в задачу этой книги. Но поскольку он «эволюционист-финалист» (на свой оригинальный лад) — то финал эволюции по Шардену, слияние всего в «точке Омега», представляется примечательным:

А). Жизнь человечества конечна и подчинена задаче общекосмического характера.

Б). Человек — самое энергетичное и совершенное (что соответствует одно другому) творение.

В). В конце концов через человечество, т. е. так или иначе посредством человечества, вся (в основном вся?) энергия Космоса соберется в одной точке.

Г). Собрание в одной точке всей основной энергии Космоса, воплощенной в человечестве, и будет главным событием в эволюции Космоса. Начнется Новая Высшая Сверхжизнь.

В эклектичной христианско-механистической парадигме Шарден пытается приблизиться к той же картине мира, которую дает энерговитализм: стремление человечества к Максимальному Действию как цели и финалу-началу энергоэволюции Вселенной.

«Точка Омега» и есть на самом деле точка «слияния—гибели—и-рождения» нынешней Вселенной и Новой. Поистине, таланту свойственна великая интуиция.

ДАРВИНИЗМ

Итак, теория эволюции по Дарвину продолжает немножко проваливаться.

В-третьих, Дарвин был, по сегодняшним меркам, откровенным расистом. Открыто утверждал, в согласии со своей теорией, что расы более приспособленные и совершенные должны со временем вытеснить и заменить собою расы менее развитые и приспособленные. Под самой совершенной расой, разумеется, подразумевая свою, европейскую. Сегодня это не принято часто вспоминать. Напротив: сегодня все расы равны, представлены в ООН, получают гуманитарные помощи и

эмигрируют в развитые страны, где развитая раса как-то сокращается.

Во-вторых, Дарвин утверждал, что палеонтология должна подтвердить *постепенное* накопление изменений в организмах, *постепенный* переход одного вида в другой, обусловленный наследованием признаков, полезных для выживания. А иначе, говорил он, его теория окажется неверна. Ну так этой постепенности не обнаружено до сих пор. Как-то все скачкообразно происходило в истории. Раз — и вид исчез. Раз — и появилось что-то весьма новое, со здоровенным отрывом от ближайшего сходного.

А во-первых, Дарвин построил свою теорию эволюции на естественном отборе. Кто лучше приспособлен — естественным образом скорее выживает в потомстве, а кто хуже — естественным образом сходит со сцены. Но чем плохо был приспособлен саблезубый тигр? Почему вымер — ученым неясно. И чем хорошо приспособлен павлин с его огромным хвостом, почему давно хищники не съели и в ветвях не запутался? Не знают ученые. Кое-что ну вопиюще противоречит естественному отбору в борьбе за выживание.

А еще есть такой фактор, как природные катаклизмы. Изменение условий окружающей среды, причем резкое. Кто в новых условиях жить не мог — сдох. Прочие развиваются дальше. Холоднокровные гигантские динозавры сдохли. А маленькие забитые млекопитающие выжили и пошли в рост кустом и деревом видов.

По Ламарку, жизнь развивается от простых форм ко все более сложным, и концептуально его теория эволюции давно ни у кого возражений не вызывает.

А вот Кювье с его теорией катастроф долго был в загоне. Он полагал, что в катаклизмах одни виды тут же гибнут, а другие быстро возникают — и существуют до следующей катастрофы. И — что важно заметить! — в каждой катастрофе добавляется «творящей силы» в жизни, поэтому развитие идет по восходящей. Дарвинисты были не согласны.

И ведь все правы. Хотя каждый — не на сто процентов. Да, Ламарк не учитывал естественный отбор, но насчет изменения форм от простых к сложным (развивая

Бюффона и Линнея, не говоря о многих других) все понял. Да, катастрофизм Кювье не учитывать невозможно. Да, Дарвин гений. Но:

Чем же вымерший саблезубый был хуже невымершего обычнозубого?

Зачем павлину осложняющий его жизнь хвост, в чем здесь приспособляемость и отбор?

И вообще: с чего это появляются *неопределенная изменчивость*, мутации, с которыми можно потом удачно выжить, но можно еще раньше вымереть?

И совсем вообще — вопрос надо ставить глобально и нагло: в чем причина и суть этой все усложняющейся жизни? Вот.

Жизнь — это продолжение энергоэволюции на пути превращения энергии во все более сложные материальные структуры. Продолжение действия единого космического импульса.

Беспорядочное и внецелесообразное разнообразие форм организмов — это усложнение общей структуры биосферы, повышение сложности биосферы как системы, то есть повышение ее энергосодержимости, повышение уровня энергии биосферы.

Катастрофа — хлоп! — куски биосферы опустошились, возникли лакуны, создалось своего рода отрицательное давление в них определяющее избыточное давление оставшихся частей биосферы. Энергия Солнца и вещества Земли осталась в общем прежняя — и энергия биосферы стремится в минимальные сроки восстановить массу материальных структур до прежней. Органическое вещество погибших организмов быстро переходит в выжившие организмы другого вида: стремительная перегруппировка форм! Выжившие получают резкий энергетический толчок, невозможный в нормальных условиях.

Устойчивость к изменениям определила выживание тараканов.

Но на вершине биологического древа всегда были те, кто обладал наибольшим ресурсом изменчивости. То есть: не сильно-то приспособленное к своим нынешним условиям, слабоватое, кое-как выживающее среди более приспособленных и совершенных, выживающее только за счет того, что может «изворачиваться». Наиболее энергич-

ное — в каком смысле? — в таком, что менее равновесно вписано в окружающую среду. Дальше отстоит от природы косной — неподвижной — «несамостоятельной» неорганики. Или бегают быстрее, или кровь теплее, или норки роет. Или зорче. Или соображает. Или жрет все подряд. Или улететь может.

Усложнение органических структур, повышение энергопреобразования — суть и самоцель эволюции. Мутации, борьба, отбор лишь механизмы, обслуживающие ее, подчиненные этой сути, — конкретности, через которые проявляется Закон.

.....

Примечание на полях

Палеонтология имеет дело лишь с внешними признаками приспособляемости на уровне макромира. Но, как обычно, есть варианты.

Сейчас — климат теплеет. И вот начало резко сокращаться поголовье белых медведей в Арктике. Не бескормица — тюленей, моржей и рыбы им пока хватает. Не перегрев — пока там вполне холодно. Не конкуренция — у них конкурентов нет. Не уменьшение территорий — площадь льдов и тундры вполне достаточна. Что случилось?! — — Снижение иммунитета. Дохнут от давно известных инфекций. Почему?!

Не то, чтобы адаптационного ресурса не хватало на приспособление к изменяющимся условиям. А — одновременно с изменением условий — сужается и ослабляется адаптационный ресурс.

Словно одна неизменная его доля расходуется на приспособление ко всему — и повышение расхода в одной области уменьшает запас в другой. То есть: потепление медведь переживает спокойно — а вот на подавление давно знакомых микроорганизмов энергии уже не хватает, они выходят из баланса и идут в рост.

Это вариант стресса, снижающего иммунитет, т. е. снижающего витальную силу организма.

Катаклизмы могли оставлять условия, вполне пригодные для обитания прежнего вида. Но адаптация к ним отбирала часть энергии и энергетика особи опускалась

ниже уровня гомеостаза — в деталях, которые палеонтология уже не может восстановить. То есть:

Не потому виды вымерли, что холодно и бескормица. В новых условиях приспособляющийся организм расходует больше энергии, и уменьшается ее запас на случай непредвиденных обстоятельств, уменьшается возможность к сопротивлению внешней среде.

А некоторым отдельным изменения в кайф, им теперь можно расходовать на повседневную жизнь меньше энергии, и увеличивается ее запас на случай непредвиденных обстоятельств, повышается возможность к сопротивлению внешней среде. А если пока все нормально — этот образовавшийся в новых условиях избыток энергии идет на размножение больше прежнего, на вытеснение относительно ослабших конкурентов.

И получается что? Очень просто:

На каждой новой ступени геоистории выжившие виды энергетически выше вымерших. Вот такая скачкообразная эволюция.

Исторически англичане и французы друг друга недолюбливают, но в VIP-салоне Верхнего Мира Дарвин и Кьюве могли бы друг другу руки и пожать.

В эволюционной гонке лидирует не тот, кто лучше приспособлен, а тот, кто лучше может приспособиться к любым грядущим изменениям. До поры до времени он вполне затенен другими, хорошо приспособленными, а потом — катаклизм! — они вымирают в тоске и депрессии от общего недостатка жизненной энергии (микробы заели, ходить устают, сон нарушается, размножаются хуже...) — а он рвет вперед из-за их спин, как тактик-стайер на финише. И начинает в бешеном темпе занимать их место в биосфере.

И — и! — вот это повышение энергетики, повышение адаптационного ресурса анатомически воплощается в увеличении и усложнении центральной нервной системы. Мозг растет. Однонаправленная тенденция. Только увеличивается — никогда не уменьшается.

И возвращаемся к одному из основных тезисов энерговитализма:

Деятельность центральной нервной системы есть оформление избыточной энергии организма.

ВЕРНАДСКИЙ И НООСФЕРА

Поскольку ноосфера создается трудом и мыслью «человека разумного» — сегодня принято полагать так: сегодня разум стал по могуществу геологическим и космическим фактором — и значит во власти и воле человека организовать мир хорошо, справедливо, гуманно, комфортно, безопасно, чтоб человеку и человечеству было как можно лучше. Это надо понять — и так поступать. А то иначе можно нанести себе и планете непоправимый вред. Короче: сегодня жизнь человечества и планеты во власти человека и его разума — а будет еще полнее в его власти.

Наивная и печальная ошибочность такого упрощенного подхода к понятию «ноосфера» повторяет «механистический рационализм» античной этики. Если знаешь, как вести себя хорошо — то и надо вести себя хорошо, ибо добродетель есть благо, а к благу человек и должен стремиться. А человек продолжал ломиться мимо добродетели, хотя знал, в чем она, и мудрецы приходили в отчаянье.

Ошибочность «ноосферного подхода» в том, что: а) разум должен сам себя направлять и контролировать; б) цель эволюции — благо человечества в понимании самого человечества. То есть — антропоцентризм и рационализм.

Но «благо человека» — это жизнь, здоровье и счастье: комплекс сильных положительных ощущений. Груды баракла тут излишни. Цивилизация не делает людей счастливее — она делает их лишь энергетически активнее и материально изощреннее. *Цивилизация — это комплекс искусственных объектов, излишних для выживания человека как индивида.* Вернемся к лошадям, каминам, письмам! — вот только лекарства оставим... нет, одно без другого не выходит...

Разум не есть направляющая сила. Разум подчинен чувствам — превращать стремление к ощущениям в действия — и давать больший диапазон ощущений от действий.

Поставим же наконец вопрос: что означает «растущие потребности человека»? Жрать, пить и совокупляться больше определенного порога он не может, больше

одного одеяния за раз не наденешь, больше одной комнаты не займешь. Зачем ему ехать быстрее, лететь дальше, узнавать больше и иметь еще? *Потребности человека давным-давно удовлетворены.*

Разум должен сказать: стоп! Два и три десятых ребенка в среднем на семейную пару для воспроизводства — больше излишне, меньше жалко. Еда, жилье, одежда, работа — организовать по уму, чтоб справедливо, честно, в достатке для всех. Не отлынивать, и пуп не рвать — умеренно, гармонично, после работы поем хором и спортом занимаемся. Идиллия! И? И возникают: коммунизм, ЧК и концлагеря — ну не получается!!! Ну люди суки, мстят личным врагам, берут взятки, делают карьеры и имеют секретарш под давлением служебного положения.

Человек энергоизбыточен, человеку всегда мало, человек всегда имеет идеал, превышающий действительность на величину желания: а вот желание это неизменно. Человеку нужно не «вот столько», а «ЕЩЕ вот столько».

«Ноосфера» означает всего лишь, что деятельность человека приобрела геологический масштаб с элементами уже космического. Всё. И как следствие: ну, так надо отдавать себе отчет в своих возможностях, думать, что делаешь, и быть поосмотрительнее и поосторожнее. И, может, иногда лучше отказаться от действия, открытия, изобретения, а то потом горя не оберешься.

Сегодняшнее развитие и поощрение пороков, отказ от воспроизводящей рождаемости и добровольная замена европейской расой себя другими расами — может излечить от излишней веры во всемогущество разума любого нормального человека.

Жизнь никогда не направлялась разумом и не могла направляться. *Разум сам по себе вообще не существует.* Все ошибочные построения, включающие в себя разум, проистекали из ошибочного истолкования сущности разума. Если «разум» — это «понимать», то понимание не может быть движущей силой, не может быть главной, определяющей силой. Должны быть субъект и объект понимания и разум как связь между ними.

Разум не сводим к познанию. Аналитическая функция — лишь одна из функций разума.

Разум не сводим и к управлению. Координирующая функция разума — одна из его функций.

Разум — это способность организовать и запустить максимально эффективный процесс превращения желания в удовлетворяющее его действие. Под эффективностью понимается минимальная затрата собственной биоэнергии человека, имеющая результатом максимальное энергопреобразование внешних объектов, вовлеченных в процесс.

Желание — это стремление к ощущению, психологически отождествляемому человеком с действием (обладанием, достижением).

Желание ставит разуму задачу на действие. Вне этой задачи разума не существует. Ощущение и действие есть условия существования разума: это его предпосылка и его цель. Если ничего не хочется и ничего не надо — так и думать не о чем и незачем.

Так вот. Ощущения, желания и стремления к действиям остаются для человечества неизменны. И неизменна суть обслуживающего их разума. И в царство разума мы вступили в том смысле, что теперь он может больше, чем вулкан — а не в том, что теперь разумные доводы будут повелевать нами.

Не человек будет управлять миром по законам разума. А разум будет продолжать переделывать мир по законам мира. И не для «блага человека» — а в продолжение функции человека энергопреобразовывать Вселенную.

ПРИГОЖИН И СИНЕРГЕТИКА

Иногда трудно определить границу между изумлением и ехидством,

Итак, теория самоорганизации имеет дело с открытыми, нелинейными диссипативными системами, далекими от равновесия. Флуктуационная гипотеза Больцмана, развитая школой Пригожина. Создана безупречная и математически красивейшая модель. Вдали от равновесия система достигает некоторой критической точки, назы-

ваемой «точкой бифуркации». И вот тут на эволюцию системы способны влиять даже ничтожные флуктуации, которые в «прочном», равновесном состоянии системы не могут влиять на нее никак. Так что заранее категорически непредсказуемо, как будет развиваться система, достигнув и проходя точку бифуркации.

Если математический аппарат модели перевести для «особо одаренных» на разговорный язык, то получится примерно следующее:

Когда какая-то система, организация, процесс находится в шатком, неустойчивом, ослабленном состоянии и для дальнейшего существования требуется реорганизация, переделка, кардинальные изменения — то малейшая случайность может необратимо повлиять на весь дальнейший ход событий. И как все сложится — предсказать невозможно. То есть:

«Полцарства за коня!» «Пусть Груши скорее идет к Ватерлоо!» «А если бы Наполеона убили на Аркольском мосту?» И:

Сделаем все, что от нас зависит. Спросим жрецов. Принесем жертвы. И положимся на волю Господа, ибо на все — случай и воля Его. Не было в кузнице гвоздя — и пропало королевство. Раздавили бабочку — и реакционный президент установил реакционный режим.

Время от времени наука, наряду с черт знает какими открытиями, подтверждает на уровне последних достижений то, что люди и так всегда знали. Что вполне к чести людей.

СОДЕРЖАНИЕ

I ●●

Концепция человека	7
Космологическая составляющая	25
Бытие-внутри-нас и Бытие-вне-нас	31
Надличностные ценности	36

II

■ Государство как система	45
Иллюзия экономической доминанты	91
Война	100
Закон	113

III

■ Гибель Запада	121
Мы и они	166
Ум обреченных	172
Отношение к смерти	179
40 тезисов в осуждение убийцы	184
Общественное мнение	191

IV

Фашизм: психологические и социальные корни	205
Национализм	237

V

Грех	253
Умопомрачение	257
Оптимизм и пессимизм	261
Культура как знаковая система	266

VI

■ Россия и рецепты	285
------------------------------	-----

Приложения

▲ 1. Энерговитализм как философия	363
2. Все о жизни	370
3. Разнообразие природы и жизненная энергия	375
4. В связи с энерговитализмом	
Ницше. Воля к власти	383
Лоренц и «Агрессия»	386
Тейяр де Шарден	388
Дарвинизм	389
Вернадский и ноосфера	394
Пригожин и синергетика	396

▲ — для любителей краткой сути.

■ — для любителей вытащить большой кусок и назвать главным.

●● — для любителей основ.

Литературно-художественное издание

Веллер Михаил

Кассандра

Верстка

А.Р. Вальского

Корректоры:

И.В. Фатеева, Е.В. Амелогова

Издательство «Фолио»

141300, Московская обл.,

г. Сергиев Посад

При участии ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.2001.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,

д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

"Поднимите мне веки".

Гоголь

ISBN 5-94966-001-3

9 785949 660010